

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 1 / 2017

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2017

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – ректор СКФУ (председатель); **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **Авидзба В. Ш.** – к-т филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ерохин А. М.** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Старилов Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Федотов О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Крючков И. В. – д-р ист. наук, профессор (председатель); **Апрыщенко В. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Амбарцумян К. Р.** – к-т ист. наук (отв. секретарь); **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Василенко В. В.** – д-р ист. наук, доцент; **Величко Л. Н.** – к-т ист. наук (отв. секретарь); **Галкина Е. В.** – д-р полит. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ежова Е. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Лепилкина О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Ломтева Т. Н.** – д-р пед. наук, профессор; **Московская Н. Л.** – д-р пед. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебряков А. А.** – д-р филол. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г. Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2017

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Sumskey D. A.** – Doctor of Law, Professor, First Pro-Rector of NCFU (vice-chairman); **Avidzba V. Sh.** – PhD in Philology, the Head of the D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities of the Abkhazian Academy of Sciences; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Erokhin A. M.** – Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Professor; **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Fedotov O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor (chairman); **Apryshchenko V. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Ambartsumyan K. R.** – PhD in History (executive editor); **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Vasilenko V. V.** – Doctor of History, Assistant Professor; **Velichko L. N.** – PhD in History (executive editor); **Galkina E. V.** – Doctor of Political Sciences, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Ezhova E. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Lepilkina O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Lomteva T. N.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Moskovskaya N. L.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakov A. A.** – Doctor of Philology, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus
Federal University”, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Булыгина Т. А. Модели исторической памяти и изучение локуса в исторической науке	8
Вагабова Э. Р. Из истории взаимоотношений Северного Азербайджана и России в области культуры. XIX – начало XX вв.	13
Великая Н. Н. О путях проникновения ислама на Северный Кавказ (VII–XVIII вв.) ...	20
Галкина Е. В. Отличительные особенности американского протестантизма в конце XVII–XVIII вв.	24
Гойбасханов А. А. Модернизационные процессы в развитии сельского хозяйства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.	29
Гущян Л. С. Ванская экспедиция петербургских востоковедов в 1916 г.	35
Дмитриев В. А. Палеоэтнология и хранитель Этнографического отдела Русского музея А. А. Миллер	43
Елдинов О. А. Группа «Защита»: штрихи к портрету городской неформальной организации 1988–1990 гг. (на примере г. Ростова-на-Дону)	51
Ермоленко Л. П. Развитие региональной археологической науки во второй половине XIX – первой четверти XX столетия (по материалам Северного Кавказа) ..	58
Задорожнюк Э. Г. Евразийский концепт «месторазвитие»: северокавказская составляющая	65
Кудрявцев А. А. Христианство в истории Дербента Сасанидского периода и этапы его становления	74
Колесникова М. Е., Маловичко С. И. Историческое знание в межкультурном пространстве Северного Кавказа XIX – начала XX в.: устные и письменные практики конструирования прошлого. Часть 1	80
Оборский Е. Ю. Отечественная историография революции 1917 г. на Ставрополье: основные вехи советского периода	91
Птицын А. Н. Русская филологическая семинария в Лейпциге и эмиграция Австро-Венгерских славян в Россию	97
Свивальнев Р. А. Система отношений кондотты с городами и коммунами в Италии XIV–XV вв.	102
Скиррипа П. Церкви Африки и процесс распространения пятидесятничества. Часть 2	109
Суряев В. Н. Комплектование корпуса офицеров русской армии: образовательный ценз (1900–1914 гг.)	114
Тельменко Е. П. Джироламо Савонарола и начало политической реформы во Флоренции 1494 г.	122
Тер-Гевондян В. А. Третий крестовый поход и Киликийская Армения	129
Шандулин Е. В. Университетская трансформация в 1920-е гг. в СССР как отражение государственной политики реформирования системы высшего образования (по материалам Донского университета)	135

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Атарщикова Е. Н., Пономарев Е. Г. История зарождения и становления юридической антропологии	141
Атмачёв С. И. О правовых ценностях современного российского государства	146
Бычко М.А., Мельникова М.П. Машино-место как новый объект недвижимого имущества: проблемы теории и практики	150
Дзуцева Д. М., Кабалоева А. Т. Особенности корпоративной ответственности	156

Заборовский В. В. Развитие института украинской адвокатуры в советский период в аспекте эволюции понимания терминов «адвокат» и «адвокатура»	162
Мухачев И. В., Демьянов Е. В. Понятие и составные элементы конституционно-правового статуса избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации	168

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аликова С. В., Шибкова О. С. Фразеологизмы в немецкой публицистике как объект междисциплинарного исследования	175
Бабаянц В. А., Бабаянц В. В. Лингвопереводческие особенности современных газетных статей спортивной тематики	179
Бредихин С. Н. Критерии объема оперативной памяти и сложности структуры высказывания в процессе рецепции текста: к истории вопроса	183
Головко В. М. Рассказ А. П. Чехова «Дом с мезонином» в литературно-критической интерпретации Я. В. Абрамова: репрезентация идей социального эволюционизма ...	187
Грязнова В. М., Мустапаева А. Д. Лингвокультурологический аспект графической интерференции в русской речи чеченцев-билингвов	194
Зверева Е. А. Автодескриптивный текст И. Г. Эренбурга как объект семиотического анализа	199
Маркосян Г. Э., Савелло Е. В. Взаимодействие когнитивных и эмотивных обертонов смысла в релятивных конструкциях	205
Останкович А. В., Бублик Е. В. Диалектика тождества и различий в истории русского триолета	209
Серебрякова С. В. Научное осмысление понятия «европейская идентичность» в современном общеевропейском контексте	213
Яковлева Е. В. Номинативные возможности междометий и релятивов в экспликации эмотивной ситуации	218

РЕЦЕНЗИИ

Башиева С. К. Милостивая А. И. Прагмасинергетика газетного нарратива / под ред. Р. С. Аликаева. Ставрополь: Параграф, 2016. 172 с.	223
Дударев С. Л. Клычников Ю. Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (историко-политологические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.	226
Информация об авторах	229

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Bulygina T. A. Historical memory and research of locus in historical science	8
Vagabova E. R. Historical overview of relations of Northern Azerbaijan and Russia in the field of culture. XIX – beginning of XX centuries	13
Velikaya N. N. On the ways of Islam penetration into the North Caucasus (VII–XVIII centuries)	20
Galkina E. V. Distinctive features of American Protestantism (30s of the XVII–XVIII centuries)	24
Goybaskhanov A. A. Modernization processes in the development of agriculture in the North Caucasus in the second half of the XIX century	29
Gushchian L. S. Van expedition of St. Petersburg orientalist in 1916	35
Dmitriev V. A. Paleoethnology and the curator of the ethnographic department of the Russian museum A. Miller	43
Eldinov O. A. “Zashchita”: political portrait of urban informal organization in Rostov-on-Don (1988–1990)	51
Ermolenko L. P. Development of regional archeology in the second half of XIX – the first quarter of XX century (on materials of the North Caucasus)	58
Zadorozhnyuk E. G. Eurasian «topogenesis» concept: North Caucasian component	65
Kudryavtsev A. A. Christianity in the history of Derbent in Sassanid period and the stages of its development	74
Kolesnikova M. E., Malovichko S. I. Historical knowledge in cross-cultural space of the North Caucasus XX – early XX century: oral and written practices of constructing the past. Part 1	80
Oborskii E. Yu. Russian historiography of revolution 1917 in Stavropol territory: the main landmarks of the Soviet period	91
Ptitsyn A. N. Russian philological seminary in Leipzig and emigration of Austro-Hungarian Slavs in Russia	97
Svival'nev R. A. The system of relations between condotti and cities and municipalities in Italy in XIV–XV centuries	102
Skirripa P. Churches in Africa and the process of spreading Pentecostalism. Part 2	109
Suryaev V. N. Staffing of Russian army officers: education qualification (1900–1914)	114
Telmenko E. P. Girolamo Savonarola and the beginning of the political reform in Florence in 1494	122
Ter-Ghevondian V. A. The third crusade and Cilician Armenia	129
Shandulin E. V. University transformation in the Soviet Union in 1920s as a reflection of state policy of reforming the system of higher education (on the materials of the Don university)	135

LEGAL SCIENCES

Atarschikova A. I., Ponomarev E. G. History of origin and establishment of legal anthropology	141
Atmachiov S. I. On legal values in modern Russian state	146
Bychko M. A., Melnikova M. P. Parking space as a new object of real estate: problems of theory and practice	150
Dzutseva D. M., Kabaloeva A. T. Features of corporate responsibility	156
Zaborovsky V. V. Development of Ukrainian institute of advocacy in the Soviet period in the aspect of understanding the evolution of the terms «lawyer» and «advocacy»	162
Mukhachov I. V., Demyanov E. V. Concept and components of constitutional and legal status of election commissions in Russian federation subjects	168

PHILOLOGICAL SCIENCES

Alikova S. V., Shibkora O. S. Phraseological units in German journalism as object of interdisciplinary approach	175
Babayants V. A., Babayants V. V. Linguistic and translation issues in interpreting newspaper items covering sports events	179
Bredikhin S. N. Criteria of operative memory volume and the complexity of utterance structure in the light of text comprehension: historical overview	183
Golovko V. M. Anton Chekhov's story «house with a mezzanine» in the literary-critical interpretation of Ya. V. Abramov: representation of ideas of social evolutionism	187
Gryaznova V. M., Mustapaeva A. D. Linguocultural aspect of graphic interference in Russian speech of Chechens-bilinguals	194
Zvereva E. A. Autodescriptive text by I.G. Ehrenburg as an object of semiotic analysis	199
Markosyan G. E., Savello E. V. Interrelations of cognitive and emotive sense components in relative constructions	205
Ostankovich A. V., Bublik E. V. Dialectic of identity and differences in the history of Russian triolet	209
Serebriakova S. V. Scientific reflection of "European identity" phenomenon in present-day general European context	213
Yakovleva E. V. Nominative potential of interjections and relative constructions in making explicit an emotive situation	218

REVIEW

Bashieva S. K. Milostivaya A. I. The Pragmasynergetics of Newspaper Narrative / edited by R. S. Alikev. Stavropol: Paragraph-print, 2016. 172 p.	223
Dudarev S. L. Klychnikov Yu. Yu. North Caucasus: old problems in a new dimension (historical and political science essays). Pyatigorsk: Publishing House of the Pyatigorsk State Linguistic University, 2016. 99 p.	226
Information about the authors	232

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.1(470.6)

Т. А. Булыгина

МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ИЗУЧЕНИЕ ЛОКУСА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В данной статье рассматриваются различные представления о термине «историческая память», его параметрах и позиционировании в различных контекстах. Автор связывает интерес к моделям исторической памяти с поисками новых методологических оснований современной исторической науки в ее глобальном, национально-государственном и локальном аспектах. Автор рассматривает конструирование модели исторической памяти в обществе как инструмент

создания социальной идентичности в контексте властных мотиваций. Опираясь на новую гипотезу о классических и неклассических методах историографии, в статье дается пример изучения исторической памяти в условиях локуса.

Ключевые слова: историческая память, модель памяти, локус, классическая историческая наука, неклассическая историческая наука, социум, власть.

T. A. Bulygina

HISTORICAL MEMORY AND RESEARCH OF LOCUS IN HISTORICAL SCIENCE

The author considers different points of view on the term «historical memory», its parameters and positioning in different contexts. The interest in models of historical memory is associated with the search for new methodological foundations of modern historical science in its global, national, state and local aspects. The author studies the construction of historical memory model in the community from the perspective of creating social

identity in the context of the power motivation. The phenomenon is the instrument of this process. With the reference to a new hypothesis of classical and nonclassical methods of historiography, the article shows an example of the study of historical memory in a locus.

Key words: historical memory, model of memory, locus, classical historical science, nonclassical historical science, authority.

Даже отрицание правомочности употребления термина «историческая память» является доказательством от противного актуальности дискуссий по этой проблематике. Так, в частности, авторы учебного пособия по социологии И. М. Савельева и А. В. Полетаев считали, понятие «историческая память» избыточным, как продукт идеологизации общества [8, с. 259]. По нашему мнению, частое обращение к исследованию феномена исторической памяти в современной историографии объясняется необходимостью переосмыслить методологические основания исторической науки. Традиционные подходы оказались бессильными в объяснении перемен в мировом порядке. При этом имеется ввиду и глобальное, и национальное, и локальное измерения. Не объясняет происходящих на наших глазах перемен в состоянии челове-

ческого сообщества и традиционная историческая наука. Постмодернизм с его игровыми стратегиями не смог соответствовать ожиданиям в объяснении рациональности существования мирового сообщества.

Поиски сегодня ведутся в пределах постмодернизма, в частности, в направлении формирования новых смысловых конструктов и, не в последнюю очередь, такого понятия как память о прошлом. Поиски наиболее точного определения исторической памяти, как всегда бывает в переломные моменты научного познания, ведут к многообразию и противоречивости. Это зависит и от методики выявления данного феномена, и от места его в междисциплинарном пространстве, и от разнообразия контекстов. Так, помещенный в контекст политической истории, этот термин представляет

собой объемную конструкцию, необходимую власти для реализации политических потребностей и собственных интересов [1, с. 7–10]. По этому поводу Дж. Тош замечал, что если «социальная память» в представлении власти и социума отражает в основном конъюнктурные задачи, то историк «стремится поддерживать максимально широкое определение памяти и придать ему максимальную точность, чтобы наши знания о прошлом не ограничивались тем, что является актуальным в данный момент» [9, с. 12].

Тем не менее, зависимость исторической памяти от социальных потребностей современности и ее инструментальный характер в процессе интерпретации исторической судьбы и перспектив того или иного социума, на наш взгляд, очевидны. Профессиональная историография в самом высоком смысле слова, безусловно, стремится к строгому научному знанию, но и она творит не в замке из слоновой кости, а потому не свободна от общества. Создатели исторического нарратива – такие же дети своего времени, как и остальные члены общества. Следуя за А. С. Пушкиным, любой творец, пока «молчит его святая лира», «в заботах суетного света» он «малодушно погружен» и «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». В полной мере это относится и к творцу-историку. Для историка важна не столько научная стерильность, сколько понимание своей субъективности и зависимости от современности и от особенностей личности исследователя. Только тогда возможен путь стремления к строгой научной истине и тогда возможно состояние творчества.

Проблема исторической памяти встает и при изучении местной истории. С местной историей связано понятие локуса. Исследование «места» в значительной степени и определяет термин «местная», который, по нашему мнению, неоднозначно. В одном случае, как рассматривают его С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева, локальность носит историографический угол зрения, подразумевая местное историописание и местный субъект – локус [5]. Однако локус, место может быть и объектом профессионального изучения, например, история пограничных областей, сельская история, история города, история того или иного локального микросообщества в целом.

С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева разводят понятия «региональная» и «местная» история, чтобы четче выявить корни возникновения любительского и профессионального исторического знания в рамках классической, неклассиче-

ской и постнеклассической моделей науки. Под местной историей они понимают обращение жителя определенного места к прошлому своего локуса для конструирования местной исторической памяти и локальной идентичности, что и составляет существо классической модели истории, которую данные авторы определяют как социально ориентированное знание.

Здесь мы как раз сталкиваемся с понятием исторической памяти, которая ориентируется на конструирование местной или национальной идентичности. По мнению авторов, «Местная история (историческое краеведение) относится к социально ориентированному типу исторического знания и сегодня помогает проводить искусственную коммеморацию, столь необходимую как для больших, так и для малых общностей». Региональная же история в их интерпретации выросла из неклассической историографии, поэтому ее научная модель мало соприкасается «с непосредственными потребностями социума и особенно его первичной социальной потребностью в формировании своей идентичности на основе общей социальной (исторической) памяти». Региональная история «в большей степени отвечает на актуальные вопросы трансформирующейся науки, а не ставит целью поиск локальной или региональной идентичности» [5, с. 194].

Надо заметить, что в последнее время в целом в мире и в частности в России проявляется повышенный интерес к историческому краеведению. Тот же Дж. Тош, как профессионал осторожно говорит о социальной памяти и одновременно признает, что любое общество обладает коллективной памятью, которая сосредотачивает в себе социальный опыт поколений и служит опорой идентичности этого социума [9, с. 11]. Видимо, в современных условиях у людей имеется острая потребность в уточнении национальных и других групповых идентичностей перед лицом нарастающей глобализации.

Это приводит к параллельному существованию в области истории локусов краеведения как социально ориентированного на конструирование локальной социальной памяти и локальной идентичности историописания, и собственно локальной истории (новой локальной истории) как предметного поля актуального научного исторического знания. В постнеклассической модели исследователи используют подходы и методы современной историографии для анализа любого локуса не как родного места, но как элемента всеобщего социокультурного пространства для реконструкции прошлого в категориях строгого научного знания.

Ключевым является утверждение Л. П. Репиной о том, что местная и региональная истории сегодня рассматриваются в двух несоизмеримых культурных контекстах, имеющих разную идейную ориентацию. С одной стороны, это способ мобилизации исторической памяти, а с другой – это эффективный инструмент исторического познания, в котором находят применение теории, методы и концепции смежных дисциплин. К первой исследовательской практике Л. П. Репина отнесла историко-культурное краеведение, ко второй – региональную и новую локальную историю. Эта идейная ориентация как раз и определяется разными исследовательскими целями в изучении локусов и регионов [6, с. 183–192]. Целеполагание познающего субъекта и определяет эти два типа знания.

Это в значительной степени определяет подходы к изучению исторической памяти. Известно, что в таком востребованном направлении в историографии какой является интеллектуальная история, в объект изучения включен и процесс оценки и осмысления тех или иных исторических событий индивидуумом, группой или социумом, а также механизмы конструирования образов прошлого в общественном или/и массовом сознании. Историческая память как образ, созданный в человеческом сознании, кардинально отличается от самого прошлого, т.к. ретроспективное видение исторического прошлого придает историческим событиям новые смыслы. Именно это имел в виду А. Ф. Лосев, когда писал, что «история есть становление фактов *понимаемых*, фактов *понимания*, она всегда есть еще тот или иной модус *сознания*». События, получая новый смысл в вербальном исполнении, уже являются продуктом сознания и самопознания [4, с. 192].

Исследовательские практики местных историописателей преследуют цели социальной ориентации. Их интересует конкретный предмет изучения и конкретная территория, к которым автор всегда испытывает родственное чувство. Гордость за свое родное место, в котором историк занимает свое социальное место, определяет заказ локального сообщества и местной власти формировании определенной идентичности. Таким образом, целеполагание определяет характер письма местного историка.

Профессиональный историк, в отличие от краеведа, видит цель в достижении строгой научной истины, а потому – для него главным является научный метод, с помощью которого исследователь в равной степени подходит к изучению прошлого любого локуса. Правда, не стоит смешивать социально ориентированное

знание с социальной составляющей любого даже строгого научного знания. Это определяется социальной природой человека, который как носитель социального и творец своей судьбы вольно или невольно вкладывает это социальное и личное в свои научные занятия, придавая им неповторимую окраску. Социально ориентированное знание определяется не человеческой природой, а осознанной целью конструирования исторической памяти, сознательным подчинением научного знания этой цели.

Гипотеза московских ученых должна рассматриваться не только в теоретическом, но и временном контексте. В этом отношении советская историография – поучительная страница не только для иллюстрации, но и для уточнения некоторых сторон выдвигаемых ими положений. Во-первых, в контексте типов исторического знания факторы расцвета исторического краеведения в 1920-е гг. и причины фактического его запрета в 1930-е гг. Во-вторых, уточнить параметры социально ориентированного знания, которое проявилось в советском краеведении. Здесь невозможно ограничиться только констатацией чувств любви и гордости к своему месту и желанием утвердиться в групповых представлениях о местной идентичности. Речь в данном случае идет о возвращении краеведения к национально-государственным образцам местного историописания. При этом местная история превратилась исключительно в цепь иллюстраций к утвержденной властью идеологической модели национально-государственной истории.

Не случайно важной точкой конструирования коллективной памяти являются юбилейные даты, и наиболее активно эти смысловые точки используются в краеведении [2, с. 3]. В частности юбилеи могут «забываться» или не акцентироваться, а могут педалировать в интересах власти или социума для укрепления или восстановления коллективной идентичности. В этом случае мы сталкиваемся не только с активизацией научной деятельности по юбилейной проблеме, но и с манипуляцией массовым сознанием.

В то же время процесс формирования исторической памяти и механизм ее функционирования, как справедливо заметили авторы учебного пособия по методологии истории [7, с. 11], свидетельствует о неоднородности исторической памяти, которая не может сводиться к простой сумме личных опытов. Историческая память рождается из опыта, пережитого коллективно членами общества. В истории каждого народа есть такое событие, которое

воспринимается всем обществом как пик солидарности нации и активизирует исследовательский интерес, а с другой, используется властью для манипуляции сознанием народа и создает условия для научной конъюнктуры. Таким событием для России является история Великой Отечественной войны.

Изучая источники исторической памяти о войне, приходишь к выводу, что образы коллективной памяти представляют сложное взаимодействие официальных штампов с представлениями индивидуальной памяти. Характер воспоминаний о войне свидетельствует о том, что не только эти маркеры, но и социальный статус, судьба, психологический склад наложили четкий отпечаток на сознание авторов воспоминаний. Социальная ангажированность и стереотипы коллективной памяти не могут искоренить признаки локальной памяти. Примером может служить образ врага, который может существенно отличаться в официальной и локальной памяти. В данном случае это зависело от лично пережитого опыта и от локуса. Об этом говорит анализ воспоминаний жителей Ставрополя об оккупации. Образ оккупантов раздваивается на стереотипы официальной пропаганды и на персональные переживания опыта оккупации. Рассказы о «разных немцах» прослеживаются в устных источниках. Обращает на себя внимание и частое противопоставление «немцев» «предателям».

Историческая память, как коллективная конструкция, вбирает в себя из множества личных восприятий прошлого в основном то, что больше соответствует современной государственной модели истории. Вместе с тем, мы наблюдаем большую раскованность современных жителей России при интерпретации событий прошлого, их большую свободу от идеологических клише. Представляется, что это связано, во-первых, с формированием в последнюю четверть века конца 1990-х – начала 2000-х гг. идеологически индифферентного поколения и, во-вторых, с несформированностью и неукорененностью новой исторической модели.

Естественная потребность людей в цельности восприятия мира и его единой картине ведет к тому, что личные образы прошлого воспринимаются многими как общее прошлое на основе ментальных установок о «наших» и «чужих», о присущих народу общих чертах характера.

Продолжая разговор о соотношении способов познания истории места и исторической памяти, мы сталкиваемся с одной из сторон этого многообразия исторической памяти. Картина прошлого при реконструкции и интерпретации событий по-разному формируется у профессионального историка, основывающегося на теории истории и методе и у любителя-краеведа, для которого главной базой является «любовь к родному пепелищу». Разнятся образы прошедших событий и у их очевидца, и у того, кто получил впечатления из «вторых рук» – воспоминаний и свидетельств.

Плодотворным направлением изучения исторической памяти в контексте перспектив развития новой локальной истории как строго научного знания может быть компаративное источниковедение. Изучение истории формирования источниковых комплексов различных регионов (Сибирь – Северный Кавказ, Юг – Север) в сравнительной ретроспективе поможет выявить не только специфику истории локусов, но и общие тенденции как при создании исторических источников, так и общее, и особенное при структурировании исторической памяти. При этом важно сравнивать локусы по многим сопоставимым параметрам, будь то регион или город, село или община, приход или семья. Благодаря такому исследованию может выявиться большое число факторов, влиявших на формирование той или иной конфигурации исторической памяти. Среди них – природно-климатические и геополитические условия, историческая судьба локуса, например, время и пути формирования его российской идентичности, способы освоения локуса и формы социализации его жителей, особенности действия социальных лифтов в разные эпохи и т.п.

Источники и литература

1. Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство памяти: Великая Победа и власть. Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19. М.: АИРО, 2005. 56 с.
2. Булыгина Т. А. Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне / История и историческая память. Вып. 1. Саратов: СГУ, 2010. 280 с.
3. Булыгина Т. А. Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI вв. // История и историческая память: межвузовский сборник научных трудов / под ред А. В. Гладышева, Т. А. Булыгиной. Вып. 6. Саратов; Ставрополь: СГУ, СКФУ, 2012. 292 с.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
5. Маловичко С. И., Румянцев М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 252 с.
6. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.

7. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
8. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социология знания о прошлом: учебное пособие для вузов. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. 344 с.
9. Тош Джон. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. 296 с.

References

1. Andreev D., Bordyugov G. Prostranstvo pamyati: Velikaya Pobeda i vlast' (*Memory space: the Great Victory and power*). Issue 19. Moscow: AIRO, 2005. 56 p. (In Russian).
2. Bulygina T. A. Modeli istoricheskoi pamyati v vospominaniyakh o voine (*Historical memory models in war memoirs*) // Istoriya i istoricheskaya pamyat' (History and historical memory). Issue 1. Saratov: SSU publ., 2010. 280 p. (In Russian).
3. Bulygina T. A. Istoricheskaya pamyat' i yubilei v Rossii v XX–XXI vv. (*Historical memory and anniversaries in Russia in XX–XXI centuries*) // Istoriya i istoricheskaya pamyat' (History and historical memory): inter-university collection of articles / ed by A. V. Gladyshev, T. A. Bulygina. Issue 6. Saratov; Stavropol': SSU, NCFU publ., 2012. 292 p. (In Russian).
4. Losev A. F. Dialektika mifa (*Dialectics of myth*). Moscow: Mysl', 2001. 558 p.
5. Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. Istoriya kak strogaya nauka vs sotsial'no orientirovannoe istoriopisanie (*History as exact science vs socially oriented writing of history*): monography. Orekhovo-Zuyevo: Moscow: MSOHI publ., 2013. 252 p. (In Russian).
6. Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika (*Historiographical science at the turn of XX–XXI centuries: social theories and historiographical practices*). Moscow: Krug, 2011. 560 s. (In Russian).
7. Repina L. P., Zvereva V. V., Paramonova M. Yu. Istoriya istoricheskogo znaniya (*History of historical knowledge*). Moscow: Drofa, 2004. 288 p. (In Russian).
8. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Sotsiologiya znaniya o proshlom (*Sociology of knowledge of the past*): manual. Moscow: High School of Economics publ., 2005. 344 p. (In Russian).
9. Tosh Dzhon. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika (*Pursuance of truth. How to get historian's skill*). Moscow: Ves' mir, 2000. 296 p. (In Russian).

УДК 94 (479.24)

Э. Р. Вагабова

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СЕВЕРНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА И РОССИИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ. XIX – НАЧАЛО XX ВВ.

Статья представляет собой краткую историю взаимоотношений между Азербайджаном и Россией в области культуры с XIX – начале XX вв. Автор на многочисленных примерах раскрывает роль и значение азербайджанского тюркского языка, оценку его русскими писателями, поэтами, востоковедами. Демонстрируется взаимодействие между двумя различными культурами

в области литературы, музыки, театра, изобразительного искусства. Культурная политика Российской империи представлена как часть общего курса государства по закреплению позиций на Кавказе.

Ключевые слова: Азербайджан, Россия, азербайджанский тюркский язык, сотрудничество, культурные связи.

E. R. Vagabova

HISTORICAL OVERVIEW OF RELATIONS OF NORTHERN AZERBAIJAN AND RUSSIA IN THE FIELD OF CULTURE. XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

The article features a brief outline of relations between Azerbaijan and Russia in the field of culture XIX – early XX centuries. Numerous examples are referred to in order to disclose the role and importance of the Azerbaijani Turkic language, assessment of its Russian writers, poets and orientalists. It demonstrates the interaction between

different cultures in the field of literature, music, theatre and visual arts. The cultural policy of the Russian Empire is represented as a part of the state policy to consolidate the position in the Caucasus.

Key words: Azerbaijan, Russia, Azerbaijani Turkic language, cooperation, cultural ties, Russian Community.

После заключения Гюлистанского (1813 г.) и Туркманчайского (1828 г.) договоров Северный Азербайджан оказался в составе Российской империи. Чтобы закрепить свои позиции в этом регионе, царское правительство предприняло ряд мер, направленных на тщательное изучение нравов и обычаев азербайджанского народа. Побывавшие на Кавказе А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер, А. А. Бестужев-Марлинский и многие другие оставили художественные, публицистические, эпистолярные свидетельства о материальной и духовной культуре азербайджанского народа. Русские этнографы-востоковеды – П. Егоров, П. Сияльский, А. Корещенко публиковали записанные ими мелодии азербайджанских тюркских песен, а русские художники В. В. Верещагин, Г. Г. Гагарин, объездив азербайджанские города, и фотографы Д. Ермаков и Ю. Зелинский оставили после себя ценные зарисовки традиционных национальных костюмов.

Богатый своим содержанием и колоритом азербайджанский фольклор привлек внима-

ние известных в то время таких востоковедов и литераторов, как И. Березин, А. Берже, Г. Вамбери, Л. Лопатинский, О.И. Акимов, А. Верденский, чьи первые публикации об азербайджанском фольклоре появились в периодической печати, в частности в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК).

Царизм проводил в Северном Азербайджане жесткую колониальную политику, подавляя национально-освободительное движение, стесняя развитие азербайджанского тюркского языка [11, с. 613–622], который долгое время был необязательным, в отличие от русского, французского, немецкого, греческого и даже церковно-славянского языка, считавшихся обязательными в учебных заведениях. Азербайджанские просветители, видные деятели культуры Азербайджана выступали за введение преподавания своего национального языка в учебных заведениях в качестве обязательного предмета. Кроме того, его широкую распространенность отмечали не только видные представители русской интеллигенции, но

и государственные деятели. Поэтому царское правительство вынуждено было разрешить изучение азербайджанского тюркского языка в государственных школах. Музыкальность и поэтичность азербайджанского тюркского языка, его доступность, в сравнении с другими языками Кавказа, отмечали многие русские поэты и писатели, побывавшие в Северном Азербайджане. И не случайно советский литературовед Б. Бурсов отмечал, что русская литература «вне общения с Востоком, не могла бы обрести необыкновенное очарование, в последствие покорившее мир» [10, с. 46].

Также не случаен тот факт, что многие из них оставили свои высказывания об азербайджанском тюркском языке, подчеркивая его большое значение в деле сближения народов и сравнивая его по распространенности в употреблении с французским языком. Это русский прозаик, критик, поэт и публицист А. А. Бестужев-Марлинский [8 с. 41–48], русский историк и литератор С. Д. Нечаев [35 с. 40], и М. Ю. Лермонтов [12, с. 44; 32, с. 741–742], и ученый-экономист А. Ф. Гакстгаузен, писавший: «Это есть язык сообщения, торговли и взаимного разумеия между народами на Юге Кавказа, в этом отношении его можно сравнить с французским языком в Европе. В особенности же он язык поэзии» [40, с. 29; 41, с. 52].

Об этом писал и видный ученый, просветитель, педагог-ориенталист Мухаммед Али Гаджи Касим оглы (Мирза Казем Бек, 1802–1870), издавший в Казани на русском языке в 1839 и 1846 гг. «Общую грамматику турецко-татарского языка», отмечая, что «азербайджанский язык составляет единственный общий народный язык Закавказья» [29, с. 36].

Нельзя отрицать того факта, что в рассматриваемый период, в силу возникших взаимосвязей с русской и европейской культурой, происходил качественно новый этап в развитии и обогащении азербайджанской тюркской литературы. Активное проникновение в XIX в. Российской империи в мусульманские регионы – Кавказ и Среднюю Азию дало толчок военному востоковедению, представители которого выполняли и дипломатические функции, обогатив российскую науку о Востоке [37]. Представители азербайджанской литературы и просвещения своими произведениями способствовали привлечению российской и зарубежной аудитории к изучению мусульманского Востока, положив тем самым начало востоковедческой науке. Азербайджанские ученые – Мирза-Казем-бек, Мирза Джафар Топчибашев, Абдул-Саттар Казем-бек, Мирза

Казем-бек Абединов, Мирза Абдулла Гаффаров, Магомед Садых Агабекзаде – много сделали не только для подготовки целой плеяды крупных русских востоковедов, но, по словам выдающегося ученого-востоковеда, академика В. В. Бартольда, своими лекциями создали русское востоковедение [36].

По словам азербайджанского историка Г. Гусейнова, М. Казем-Бек, как просветитель и ученый, своими исследованиями по вопросам филологии, философии, истории занимает видное место в истории развития общественной мысли не только в Азербайджане, но и России вообще [13, с. 161; 20]. Живя в Петербурге, М. Казем-Бек публикуется в российских журналах Министерства народного просвещения, «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Императорского географического общества», «Северное обозрение», «Северная пчела», «Русское слово».

Со своей стороны, представители азербайджанской интеллигенции пропагандировали прогрессивную русскую классическую литературу, способствовали ее широкому распространению. На страницах периодической печати рассматриваемого времени, выходивших как на русском, так и на азербайджанском языках – «Кешкюль», «Каспий», «Баку» «Дебистан», «Закавказье», «Занбур», «Иттифаг», «Шарги Рус», «Фиюзат», «Молла Насреддин» и др. публиковались статьи и заметки о русских классиках, переводы их произведений.

Знаменательным событием была публикация в русской печати XIX – начале XX вв. материалов об азербайджанской песне, музыке и музыкальных инструментах [30, с. 25; 38]. Азербайджанская песня «Qaladan qalaya tən qördüm onu», которую в народе еще чаще называют «Qalanın dibində» («У подножия крепости») была использована в творчестве выдающихся русских композиторов – М. И. Глинкой в опере «Руслан и Людмила» (1837–1842 гг.) [19, с. 5], М. А. Балакиревым (побывавшем на Кавказе в 1868 г. и сделавшим фольклорные записи, представлявшие особую ценность) в симфонической поэме «Тамара» (1882 г.) [7, с. 225], Н. А. Римским-Корсаковым в опере «Сказка о золотом петушке» (1908 г.) [1, с. 81–82], а также в творчестве А. Г. Рубинштейна, М. П. Мусоргского, А. П. Бородина, П. И. Чайковского и др. Об этой песне упоминается и в «Путешествии по Дагестану и Закавказью» (1849) русского востоковеда И. Н. Березина, отмечавшего, что эта песня «поется очень часто в Закавказье и на севере Персии» и «составлена на тюркском азербайджанском

диалекте» [22, с. 64–65; 23, с. 65]. В 1861 г. в Санкт-Петербурге эта песня была опубликована А. Данилевским в журнале «Иллюстрация. Всемирное обозрение» принадлежавшим к заметным изданиям того времени среди других мелодий под заголовком «Восемь песен азиатских и одна лезгинка» (в приложении) [18, № 193, 194, 196, 197]. Азербайджанские тюркские народные мелодии, почерпнутые и использованные русскими композиторами в их творчестве, на протяжении многих лет и столетий продолжали оставаться самыми популярными. И одним из таких примеров все азербайджанские музыковеды называют народную песню «Qaladan qalaya mən qördüm onu».

Российский историк, этнограф и государственный деятель французского происхождения И. Шопен, со слов тюркоязычного ашыга Омара, опубликовал в журнале «Маяк современного просвещения и образованности» эпос «Кёроглу – татарская легенда» (читай – азербайджанская Э. В.) [17, с. 12–15]. Культура Азербайджана – это составная часть общетюркской культуры. И когда И. Шопен называл эпос «Кёроглу – татарская легенда», он имел в виду не казанских татар, а именно азербайджанских тюрков, которых в царское время во всех имперских инстанциях и переписках называли либо «татарами», либо просто «мусульманскими татарами».

Газета «Бакинские известия» призывала европейских музыкантов и теоретиков «обратить серьезное внимание на музыку кавказских народов, заняться всесторонним ее изучением в интересах самой же европейской жизни» [6].

На возникших во второй половине XIX – начале XX вв. в городах Северного Азербайджана (Шуша, Шеки, Шемаха, Баку, Ордубад, Нахчыван) литературно-музыкальных меджлисах принимали участие представители и других национальностей, хорошо знавших азербайджанский язык, например: *главноначальствующий на Кавказе* барон Гр. Розен, писатели И. И. Григорьев, И. А. Сливичий [39, с. 97–98]. Являясь очагом культуры и литературы, например, меджлис выдающегося азербайджанского поэта-лирика XIX в. Мирзы-Шафи Вазеха (того самого, тетрадь стихов которого была опубликована в 1851 г. немецким ученым-востоковедом, писателем, переводчиком, поэтом Фридрихом Боденштедтом) как бы способствовал этой консолидации, где звучала западноевропейская, русская и азербайджанская поэзия, где устанавливались личные контакты между поэтами. Поэты читали свои стихи, комментировали отдельные места, спорили на различ-

ные темы, объясняли специфику и достоинства отдельных произведений, созданных на разных языках.

Развитие и укрепление литературных связей между Азербайджаном и Россией можно проследить на примере творчества азербайджанского писателя-просветителя, поэта, философа-материалиста М. Ф. Ахундова, которого называют «энциклопедией азербайджанской общественной жизни середины XIX века» [21], «звездой восточной литературы» [14, с. 103]. «Самым кавказским из писателей, которым приходилось описывать нравы и обычаи кавказских племен» назвал М. Ф. Ахундова русский критик А. В. Дружинин, разбирая его комедии [9, с. 214–239]. В своей «Восточной поэме на смерть Пушкина» [33, с. 146–147]. Ахундов называл Пушкина «главой собора поэтов»; говорил о Ломоносове, который «красою гения украшал обитель поэзии...». А о русском поэте эпохи Просвещения Г. Р. Державине (1743–1816) М. Ф. Ахундов писал: «Хотя Державин завоевал Державу литературы, но для укрепления и устройства её избран он»... Упоминает М. Ф. Ахундов и Карамзина, «чья слава гения распространилась по Европе, как могущество и величие Николая от Китая до Татари» [31, с. 103–108, 123–129].

Написанные М. Ф. Ахундовым шесть оригинальных комедий («Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш Масталишах, знаменитый колдун», «Молла Ибрагим-Халил, алхимик, обладатель философского камня», «Везирь Лянкяранского ханства», «Медведь, победитель разбойника», «Приключения скряги» («Хаджи Кара»), «Правозаступники в городе Тебризе» («Восточные адвокаты») были переведены самим автором на русский язык и опубликованы в газете «Кавказ», заложив основы драматургии на всем Ближнем Востоке. Затем сборник его пьес был издан на русском языке в Тифлисе в типографии наместника Кавказа под названием «Комедии Мирза Фет-Али Ахундова».

Выдающийся педагог и просветитель, один из известнейших и знаменитых поэтов Северного Азербайджана Сеид Азим Ширвани (1835–1888) всегда призывал народ к образованию, независимо от национальной принадлежности [43, с. 338], к изучению русского языка.

Имя педагога-просветителя Алексея Осиповича Черняевского (1840–1894) особо чтут в Азербайджане. В 1883 г. для азербайджанских начальных училищ им был составлен учебник «Вэтэн дили» («Родная речь»), отличающийся простотой языка и доступностью, сыгравший большую роль в преподавании азербайджан-

ского тюркского языка. В этом же году, переписанный Р.-б. Эфендиевым каллиграфическим почерком учебник А. О. Черняевского «Вэтэн дили» издается в Тифлисе литографическим способом. Также им был составлен учебник «Русская речь» для нерусских школ и методическое руководство для учителей по преподаванию русского языка учащимся-азербайджанцам [2; 4, с. 84–88]. А. О. Черняевский использовал для включения в учебник короткие рассказы азербайджанских авторов, пословицы, скороговорки. Сегодня его именем названа улица в Наримановском районе г. Баку.

Многие известные писатели, журналисты, педагоги-просветители публиковались на страницах российских газет: «Московские ведомости», «Новое время», «Обзор», «Новое обозрение», «Кавказ», «Баку», «Бакинский день», «Тифлисский листок» и др. В своих статьях они выступали за распространение знаний, против экономической, политической, культурной отсталости страны [20, с. 81–82].

Многие из них, понимая важность изучения русского языка, составляли учебники. Например, азербайджанский педагог-просветитель, поэт, философ Мухаммедтаги Кербалаи Сафар оглу Сафаров (22.3.1854–9.12.1903, Сидги) составил «Азербайджанско-русско-фарсидский словарь», а в свои рукописные учебники включил стихи и рассказы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого [2, с. 315].

Известный азербайджанский писатель, общественный и политический деятель Н. Нариманов (1870–1925) выпустил в Баку в 1900 г. «Самоучитель русского языка для мусульман», «Самоучитель татарского языка для русских» [3, л. 15–16].

Лучшим переводчиком басен русского баснописца И. А. Крылова, поэмы «Мцыри» М. Ю. Лермонтова считается азербайджанский поэт драматург, переводчик, представитель романтизма в азербайджанской литературе Аббас Саххат (1874–1918 гг.), оказавший своим творчеством большое влияние на мастерство переводов других азербайджанских авторов. По словам азербайджанского поэта, писателя, педагога, представителя романтического и реалистического направлений в азербайджанской литературе Абдуллы Мустафа оглы Талыбзаде (Шаиг – псевдоним, 1881–1959), «русская литературы сыграла огромную роль в его становлении» [42]. Все его произведения проникнуты любовью к человеку, любовью к природе, к детям.

Искусством выдающегося певца, талантливого композитора, поэта-лирика Джаббара

Гарьягды оглу (1861–1944 гг.), восхищались не только Узеир Гаджибеков, Бюль-Бюль, но и Федор Шаляпин, Сергей Есенин, Р. Глиэр. Многие сравнивали его с великими певцами мира – Э. Карузо, Ф. Шаляпиным, Б. Джильи, называли «живой энциклопедией азербайджанского музыкального фольклора» [44, с. 72–78].

В начале XX в. он был широко известен на Кавказе, в Стамбуле, в Иране, Средней Азии. Тысячи людей стремились попасть на его концерты. По приглашению фирм «Граммофон», «Спорт-Рекорд», «Экстрафон» в начале XX в. он едет в Варшаву, Ригу, Киев, для записи своего голоса на пластинки [15]. В 1912 г., возвращаясь из г. Варшавы домой, Дж. Гарьягды оглы дал концерт в Москве, успех которого был так огромен, что пришлось его повторить. В течение месяца руководимый им ансамбль сазандаров выступал на концертах и торжествах в Москве [15].

После Москвы и Петербурга Баку считался тем культурным центром, куда часто приезжали музыканты. В XIX – начале XX вв. оживляется концертная жизнь Баку приездом русских и зарубежных музыкантов-исполнителей, театральных и оперных трупп, инструментальных ансамблей и хоровых коллективов, симфонические оркестры [16, с. 53]. Каждое выступление, представление освещалось в печати, отмечались костюмы, декорации, музыка, вокальное и сценическое мастерство. В Баку в начале XX в. выступали с концертами Ф. И. Шаляпин, А. Нежданова, Л. Собинов, Я. Зальская, С. В. Рахманинов, Л. В. Ростропович [25; 26; 27; 28]. Газета «Каспий» писала: «Шаляпин – действительно одна из звезд первой величины на нашем артистическом горизонте, ... в нем счастливым образом сочетаются и внешность, и редкий по красоте голос, и большая техника, и выдающийся сценический талант» [24].

Во второй половине XIX–XX вв. очень частыми были гастроли русских театральных трупп. Так, длительное время в Баку работала труппа антрепренера В. И. Васильева-Вятского, Никитинская труппа, имевшая Баку свое здание театра-цирка, труппа Саратовской оперы и др. И сегодня не прекращаются театральные связи между Азербайджаном и ведущими театрами России (Москва, Санкт-Петербург и др. городов), спектакли которых с большим успехом проходят на сцене Азербайджанского Государственного Русского Драматического театра им. С. Вургана.

Значительный вклад в развитие архитектуры внесли русские архитекторы: М. Д. Ботов, Д. Д. Буйнов, П. И. Твердохлебов, А. М. Шуше-

ров, Н. Е. Марченко, А. А. Никитин, Ф. А. Никулин. Многие из построенных ими зданий вошли в Список культурного наследия памятников старины и являются украшением Баку.

Таким образом, культурное сотрудничество остается важным фактором взаимопонимания и доверия укрепления межгосударственных и

межнациональных связей. А традиции развития культурных связей, заложенные в XIX – начале XX вв. поэтами, писателями, этнографами, учеными-востоковедами, музыкальными и театральными деятелями обеих стран, продолжают уже в новых исторических условиях, как бы незримо передавая эстафету XXI в.

Источники и литература

1. Абдуллабекова Г. Азербайджанско-польские литературные связи XIX–XX вв. Баку: Мутарджим, 2012. 416 с.
2. Антология педагогической мысли Азербайджанской ССР / сост. Агаев А. А., Гашимов А. Ш. М.: Педагогика, 1989. 592 с.
3. Архив политических документов управления делами Аппарата Президента Азербайджанской Республики. Ф. 609. Оп. 1. Д. 8.
4. Ахмедов Г. М. Русский просветитель в Азербайджане // Педагогика. 2007. №5. С. 84–88.
5. Ахундова Н. Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора М. Р. Магомедовича. Сборник статей. Ч.1. Махачкала: ДГУ, 2016. 255 с.
6. Бакинские известия. 1904. 16 мая. №111.
7. Балакирев М.А. Воспоминания и письма. Л.: Государственное музыкальное издательство, 1962. 479 с.
8. Бестужев-Марлинский А. А. Красное покрывало (сцены из походной жизни) // Тифлисские ведомости. 1831. №6–7. 24 января. С. 41–48.
9. Библиотека для чтения. Т.112. СПб.: Типография Карла Крайя, 1852.
10. Бурсов Б. Национальное своеобразие русской литературы. Л.: Советский писатель, 1967. 396 с.
11. Вагабова Э. Р. К вопросу об исторических аспектах развития азербайджанского тюркского языка (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Актуальные проблемы азербайджановедения. Материалы Второй Международной научной конференции, посвященной 88-й годовщине со дня рождения общенационального лидера Гейдара Алиева. II часть. Баку-Гянджа: Мутарджим, 2011.
12. Гаджиев А. Этапы литературного братства. Баку: Язычы. 1986. 235 с.
13. Гусейнов Г. Н. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX в. Баку: Азернешр, 1958. С. 161–430.
14. Дадашзаде М. А. История азербайджанской литературы (с древнейших времен до середины 70-х гг. XX в.). Баку: Маариф, 1987. 178 с.
15. Джаббар Карьягды оглу // Агаева С.Х. Энциклопедия азербайджанского мугама. Баку: Фонд Гейдара Алиева, Союз композиторов Азербайджана, Научный центр «Азербайджанская национальная энциклопедия», 2012. 264 с.
16. Дильбазова М. Х. Из прошлого музыкальной жизни Баку (вторая половина XIX – начало XX вв.). Баку: Ишыг, 1985. 136 с.
17. Журнал «Маяк современного просвещения и образованности» // Труды ученых и литературоведов русских и иностранных. Т.1–2. СПб.: [б.и.], 1840. С. 12–15.
18. Иллюстрация. Еженедельное обозрение. Т.7. СПб: [б.и.].1861.
19. Иса-заде А. И. Азербайджанская народная музыка: автореф. ... дисс. док. искусств. наук. Киев, 1988. 46 с.
20. История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века). Самарканд: МИЦАИ, 2012. 335 с.
21. Кавказская копейка. 1911. 8 июля. №171.
22. Карагичева Л. В. К истории темы «Персидского хора» М. И. Глинка // Ученые записки Азгосконсерватории. 1974. №2.
23. Карагичева Л. В. Любопытный документ «русского ориентализма» // Советская музыка. 1974. №2.
24. Каспий. 1900. 27 марта. + №70.
25. Каспий. 1915. 11 октября. №226.
26. Каспий. 1915. 1 ноября. №244.
27. Каспий. 1916. 8 марта. №54.
28. Каспий. 1916. 14 апреля. №82.
29. Керимова Т. А. Из истории Национальной Академии Наук Азербайджана. Баку: Тахсил, 2005. 568 с.
30. Корганов В. Д. Кавказская музыка: сборник статей. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца, 1908. 84 с.
31. Курбанов Ш. А. А. С. Пушкин и Азербайджан. Баку: Азербайджанское издательство детской литературы, 1959. 249 с.
32. Лермонтов М. Ю. Раевскому С. А. (вторая половина ноября — начало декабря 1837 г. Из Тифлиса в Петрозаводск) // Русское обозрение. 1890. Т.4. Кн. 8. С.741–742.
33. Литературно-художественные истоки азербайджанского мультикультурализма. Бакинский международный центр мультикультурализма / науч. ред. Камал Абдулла. Баку: Мутарджим, 2016. 271 с.
34. Михайлов М. С. К вопросу о занятиях М. Ю. Лермонтовым «татарским» языком // Тюркологический сборник, 1. М.– Л.: АН СССР, 1951. С.127–135.
35. Нечаев С. Д. Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Московский телеграф. 1826. Ч.7. №1. С. 26–41.
36. Раджабли А. Международные связи Российской Федерации. Учебное пособие. Баку: Бакинский Славянский университет, Китаб-алеми. 2005 384 с.
37. Рзаев А. К. Азербайджанские востоковеды XIX века. Баку: Элм, 1986. 139 с.
38. Рзаев А. К. Очерки об ученых и мыслителях Азербайджана. Баку: Маариф, 1969. 141 с.

39. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис. Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1881–1915.
40. Сеид-заде А. А. Мирза Шафи Вазех. Баку: Азернешр. 1969. 325 с.
41. Турабов С. Азербайджан в русской поэзии. Баку: Азернешр, 1964. 130 с.
42. Фон Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Т.2. СПб: Типография Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-Учебным заведениям, 1857. 504 с.
43. Шаиг А. Воспоминания. Баку: Гянджлик, 1973. 362 с.
44. Ширвани С. А. Избранные стихотворения. Баку: Азернешр, 1937.

References

1. Abdullabekova G. Azerbaidzhansko-pol'skie literaturnye svyazi XIX–XX vv. (*Azerbaijani-Polish literary connections XIX–XX centuries*). Baku: Mutardzhim. 2012. 416 p. (In Russian).
2. Antologiya pedagogicheskoi mysli Azerbaidzhanskoi SSR (*Anthology of pedagogical thought of the Azerbaijan SSR*) / ed. by Agaev A. A., Gashimov A. Sh. Moscow: Pedagogika, 1989. 592 p. (In Russian).
3. Archive of the Staff of the President of the Republic of Azerbaijan Political Affairs Department documents. F.609. Inv.1. D. 8. (In Russian).
4. Akhmedov G. M. Russkii prosvetitel' v Azerbaidzhane (*Russian enlighteners in Azerbaijan*) // Pedagogika. 2007. No.5. P.84–88. (In Russian).
5. Akhundova N. Tret'i Vserossiiskie (s mezhdunarodnym uchastiem) istoriko-etnograficheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora M. R. Magomedovicha. Sbornik statei (*Third All-Russian (with international participation) historical and ethnographic readings dedicated to the memory of professor M. R. Magomedovich. Collection of articles*). Part.1. Makhachkala: DSU publ., 2016. 255 p. (In Russian).
6. Bakinskii izvestiya. 1904. 16 May. No.111. (In Russian).
7. Balakirev M. A. Vospominaniya i pis'ma (*Memoirs and letters*). Leningrad: State musical printing house, 1962. 479 p. (In Russian).
8. Bestuzhev-Marlinskii A. A. Krasnoe pokryvalo (stseny iz pokhodnoi zhizni) (*Red blanket (scenes from camp life)*) // Tiflisskie vedomosti. 1831. No. 6–7. 24 January. P.41–48. (In Russian).
9. Biblioteka dlya chteniya (*Library for reading*). Vol.112. St. Petersburg: Karla Krai's printing office, 1852. (In Russian).
10. Bursov B. Natsional'noe svoeobrazie russkoi literatury (*National originality of Russian literature*). Leningrad: Sovetskii pisatel', 1967. 396 p. (In Russian).
11. Vagabova E. R. K voprosu ob istoricheskikh aspektakh razvitiya azerbaidzhanskogo tyurkskogo yazyka (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) (*On historical aspects of the development of the Azerbaijani Turkic language (the second half of XX – the beginning of the twentieth century)*) // Aktual'nye problemy azerbaidzhanovedeniya. Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 88-i godovshchine so dnya rozhdeniya obshchenatsional'nogo lidera Geidara Alieva (*Actual problems of Azerbaijan studies. Proceedings of the Second International Scientific Conference dedicated to the 88th anniversary of national leader Heydar Aliyev*). Part II. Baku- Gyanja: Mutardzhim, 2011. (In Russian).
12. Gadzhiev A. Etapy literaturnogo bratstva (*Stages of the literary fraternity*). Baku: Yazychy. 1986. 235 p. (In Russian).
13. Guseinov G. N. Iz istorii obshchestvennoi i filosofskoi mysli v Azerbaidzhane XIX v. (*From the history of social and philosophical thought in Azerbaijan of XIX century*). Baku: Azerneshr, 1958. P.161–430. (In Russian).
14. Dadashzade M. A. Istoriya azerbaidzhanskoi literatury (s drevneishikh vremen do serediny 70-kh godov XX v.) (*History of Azerbaijan literature (from ancient times to the mid 70s of XX century)*). Baku: Maarif, 1987. 178 p. (In Russian).
15. Dzhabbar Kar'yagdy oglu // Agaeva S. Kh. Entsiklopediya azerbaidzhanskogo mugama (*Encyclopedia of Azerbaijani Mugham*). Baku: Fund of Geidar Aliev, Union of Composers of Azerbaijan, Scientific center «Azerbaijan national encyclopedia». 2012. 264 p. (In Russian).
16. Dil'bazova M. Kh. Iz proshlogo muzykal'noi zhizni Baku (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) (*From the past musical life of Baku (second half of XIX – early XX centuries)*). Baku: Ishyg, 1985. 136 p. (In Russian).
17. Journal "Beacon of modern enlightenment and education" // Trudy uchenykh i literaturovedov russkikh i inostrannykh (*Tractates of Russian and foreign scientists and theorist of literature*). Vol.1–2. St. Petersburg, 1840. P.12–15. (In Russian).
18. Illyustratsiya. Ezhenedel'noe obozrenie (*Illustration. Weekly*). Vol.7. St. Petersburg, 1861. (In Russian).
19. Isa-zade A. I. Azerbaidzhanskaya narodnaya muzyka (*Azerbaijan ethnic music*): abstract of thesis. Kiev, 1988. 46 p. (In Russian).
20. Istoriya obshchestvenno-kul'turnogo reformatorstva na Kavkaze i v Tsentral'noi Azii (XIX – nachalo XX veka) (*History of social and cultural reformation in Caucasus and Central Asia*). Samarkand: International Institute Central Asia Studies publ., 2012. 335 p. (In Russian).
21. Kavkazskaya kopeika. 1911. 8 July. No. 171. (In Russian).
22. Karagicheva L. V. K istorii temy «Persidskogo khora» M. I. Glinki (*On the history of M.I. Glinka's "Persian chorus"*) // Uchenye zapiski Azgoskonservatorii. 1974. No. 2. (In Russian).
23. Karagicheva L. V. Lyubopytnyi dokument «russkogo orientalizma» (*Intresting document of Russian oriental studies*) // Sovetskaya muzyka. 1974. No.2. (In Russian).
24. Kaspil. 1900. 27 March. No. 70. (In Russian).
25. Kaspil. 1915. 11 October. No. 226. (In Russian).
26. Kaspil. 1915. 1 November. No. 244. (In Russian).
27. Kaspil. 1916. 8 March. No. 54. (In Russian).
28. Kaspil. 1916. 14 April. No. 82. (In Russian).
29. Kerimova T. A. Iz istorii Natsional'noi Akademii Nauk Azerbaidzhana (*Excerpts on the history of Azerbaijan National Science Academy*). Baku: Takhsil, 2005. 568 p. (In Russian).

30. Korganov V. D. Kavkazskaya muzyka: sbornik statei (*Caucasus music: collection of article*). Tiflis: Moscow: Martirosyants's printing house, 1908. 84 p.
31. Kurbanov Sh. A. A. S. Pushkin i Azerbaidzhan (A. S. *Pushkin and Azerbaijan*). Baku: Azerbaidzhanskoe izdatel'stvo detskoi literatury, 1959. 249 p. (In Russian).
32. Lermontov M. Yu. Raevskomu S. A. (vtoraya polovina noyabrya – nachalo dekabrya 1837 g. Iz Tiflisa v Petrozavodsk) (*To Raevskii S.A. (the second half – the beginning of December 1837. From Tiflis to Petrozavodsk)* // Russkoe obozrenie. 1890. Vol.4. Book 8. P.741–742. (In Russian).
33. Literaturno-khudozhestvennye istoki azerbaidzhanskogo mul'tikul'turalizma. Bakinskii mezhdunarodnyi tsentr mul'tikul'turalizma (*Literary and artistic origins of Azerbaijan multiculturalism. Baku International Multiculturalism Center*) / ed. by Kamal Abdulla. Baku: Mutardzhim, 2016. 271 p. (In Russian).
34. Mikhailov M. S. K voprosu o zanyatiyakh M.Yu. Lermontovym «tatarskim» yazykom (*On the question of M.Yu. Lermontov studies of "Tatarian" language*) // Tyurkologicheskii sbornik, 1. Moscow – Leningrad: SA USSR, 1951. P.127–135.
35. Nechaev S. D. Otryvki iz putevykh zapisok o Yugo-Vostochnoi Rossii (*Fragments from travel diary about South-East Asia*) // Moskovskii telegraf. 1826. Part 7. No. 1. P.26–41. (In Russian).
36. Radzhabli A. Mezhdunarodnye svyazi Rossiiskoi Federatsii (*International relations of Russian Federation*): manual. Baku: Baku Slavic University publ., Kitab-alemi. 2005 384 p. (In Russian).
37. Rzaev A. K. Azerbaidzhanskies vostokovedy XIX veka (*Azerbaijan oriental studies in XIX century*). Baku: Elm, 1986. 139 p. (In Russian).
38. Rzaev A. K. Ocherki ob uchenykh i myslitelyakh Azerbaidzhana (*Scetch-book on Azerbaijan manuals and thinkers*). Baku: Maarif, 1969. 141 p. (In Russian).
39. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza (SMOMPK) (*Collections of documents for description of Caucasus localities and tribes*). Tiflis: Printing the Vicar General of the Office of the Caucasus, 1881–1915. (In Russian).
40. Seid-zade A. A. Mirza Shafi Vazekh. Baku: Azerneshr. 1969. 325 p. (In Russian).
41. Turabov S. Azerbaidzhan v russkoi poezii (*Azerbaijan in Russian poetry*). Baku: Azerneshr, 1964. 130 p. (In Russian).
42. Fon Gakstgauzen A. Zakavkazskii krai. Zametki o semeinoi i obshchestvennoi zhizni i otnosheniyakh narodov, obitayushchikh mezhdru Chernym i Kaspiiskim moryami (*Transcaucasian region. Notes on the family and social life and relations of the peoples living between the Black and Caspian Seas*). Vol.2. St.Petersburg: Printing of the General Staff of His Imperial Majesty's military schools, 1857. 504 p. (In Russian).
43. Shaig A. Vospominaniya (*Memoirs*). Baku: Gyandzhlik, 1973. 362 p. (In Russian).
44. Shirvani S. A. Izbrannye stikhotvoreniya (*Selected poems*). Baku: Azerneshr, 1937. (In Russian).

УДК 28:94(470.6)»600/12»

Н. Н. Великая

О ПУТЯХ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИСЛАМА НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ (VII–XVIII вв.)

Исламизация народов Северного Кавказа начинается с арабских походов в регион VII–VIII вв. В дальнейшем восточное направление стимулировалось как внешними (Иран, Османская империя и др.), так и внутренними (дагестанские правящие верхи и мусульманское духовенство) акторами. Из Дагестана шла исламизация Чечни и в меньшей степени Ингушетии. С побережья Черного моря (западное направление) ис-

лам распространялся среди адыгских народов в результате деятельности турецких и крымских миссионеров и газиев. Еще одним направлением являлось северное: новое вероучение быстрее утверждалось на плоскости и отсюда шло в горы. Ряд территорий испытали перекрестное влияние нескольких направлений.

Ключевые слова: исламизация, Северный Кавказ, Османская империя, Крым, Иран.

N. N. Velikaya

ON THE WAYS OF ISLAM PENETRATION INTO THE NORTH CAUCASUS (VII–XVIII CENTURIES)

The Islamization of the peoples in the North Caucasus starts with the Arab campaigns in the region in VII–VIII centuries. Further, the Eastern direction was stimulated by both external (Iran, the Ottoman Empire, etc.) and internal (the ruling upper classes of Dagestan and the Muslim clergy) actors. The Islamization of Chechnya came from Dagestan and to a lesser extent it came to Ingushetia. From the coast of the Black sea (the West direction), Islam

spread among the Adyghe peoples as a result of the activities of the Turkish and Crimean missionaries and gazis. Another direction was the North: the new religion was quickly established on the plain and then moved to the mountains. A number of areas experienced a cross impact of several directions.

Key words: Islamization, the North Caucasus, the Ottoman Empire, the Crimea, Iran.

История распространения ислама среди народов Северного Кавказа насчитывает не одно столетие. Исследователи обратились к ее изучению еще в XVIII в. (Вахушти, Паллас и др.). Ими были зафиксированы сложные синкретические верования у народов региона, среди которых видное место занимали традиционные доисламские воззрения. В советский период практические потребности атеистической пропаганды вызвали к жизни ряд работ, в которых подчёркивалась насильственная составляющая в принятии ислама северокавказцами. На современном этапе в связи с изменением методологических подходов, отношение к религиозным воззрениям местных народов изменилось, появились монографические исследования и специальные статьи, в которых затронут широкий спектр проблем, связанных с исламизацией региона (этнизация ислама, его роль в политических событиях в регионе и др.) [подробнее см.: 9, с. 5–11]. Однако далеко не все проблемы в должной степени изучены.

Цель данной работы – определить основные пути проникновения ислама в регион в VII–XVIII вв. (до начала его окончательного утверждения и попыток «очищения» идеологами шариатского движения конца XVIII – первой половины XIX в.).

Зародившись в Аравии, новая монотеистическая религия со своеобразной системой мифологических, этико-правовых и иных представлений и обрядовой практики, распространилась у многих народов в ходе арабских завоеваний. Северный Кавказ не стал исключением. Утверждение ислама в регионе началось с Дагестана, который подвергся неоднократным походам арабов в VII–VIII вв. Успехам нового религиозного учения способствовали не только военное и политическое давление, но и экономические факторы, в частности, практика освобождения от джизьи (подушной подати) тех, кто принимал ислам. К началу IX в. ислам утвердился на территории, занимающей примерно пятую часть края [5, с. 185–186].

Условно назовём это самое раннее по времени возникновения направление исламизации восточным. В дальнейшем его поддерживали сменявшие друг друга внешние факторы (завоевания и политика сельджуков, монголов, Тимура, Сефевидов и др.). С XVI в. мусульманских миссионеров стали поддерживать державы, боровшиеся за обладание Кавказом. При этом Османская империя пыталась насаждать суннитский ислам, Иран - шиизм. Тем самым они приобретали новых подданных и укрепляли границы государств. Во время походов в Дагестан Сефевиды (особенно в правление Надир-шаха в 30–40-е гг. XVIII в.) не только насильственно обращали местное население в шиизм, но и переселяли сюда шиитов из иранского Азербайджана. Таким образом, в южных областях Северо-Восточного Кавказа появились небольшие шиитские общины, крупнейшая из которых была в Дербенте [12, с. 93]. Это не случайно, поскольку военные походы в эту часть Северного Кавказа осуществлялись главным образом через Дербентский проход.

В целом, проникновение ислама в Дагестан растянулось на тысячелетие. Укрепившись в Южном и Юго-Восточном Приморском Дагестане и получив сторонников в лице местных правителей и духовенства (пришлые муллы постепенно заменялись выходцами из северокавказских народов), далее ислам стал распространяться с востока на запад региона. Селения-столицы феодальных владений Дагестана (Ахты, Кумух, Хунзах, Уркарах и др.) становились не только административно-экономическими, но и культурно-религиозными центрами. Их правящая верхушка стала активным проводником новой религии в своих и соседних владениях. В Западном Дагестане ислам утвердился в XV–XVII вв. [10, с. 66].

Проникновение ислама в соседнюю с Дагестаном Чечню растянулось на несколько столетий и пало в основном на XVI–XVIII в. В целом, исламизация Чечни шла с востока, из районов, ближе расположенных к Дагестану, на запад. Во многих преданиях рассказывается, как аварские и кумыкские муллы, нанимаясь пастухами в чеченские селения, распространяли ислам. Позже у чеченцев появились свои муллы, получившие образование в дагестанских селениях Кумух, Акуши, Эндери и др. Принятие ислама в этот период не мешало местным народам налаживать отношения с Россией. В XVI–XVII вв. как вайнахи-мусульмане, так и правящие круги раннегосударственных образований Дагестана приносили присяги («шерть») на Коране, как Рюриковичам, так и Романовым [13, с. 89–105].

Ингуши были исламизированы значительно позднее жителей Дагестана и Чечни. По словам У. Лаудаева, жители Назрановского общества в конце XVIII в. оставались в язычестве [8, с. 19]. Ислам суннитского толка проникал в Ингушетию в основном из Чечни и утвердился здесь уже в XIX в. По мнению Н. Ф. Грабовского, важную роль в исламизации ингушей сыграли «муллы-чеченцы, сами ученики Дагестана» [4, с. 17].

На Северо-Западном Кавказе процесс исламизации, наоборот, шёл с запада на восток со стороны Крымского ханства и Османской империи. Исламскими центрами на Черноморском побережье стали османские крепости – Сухум, Гагры, Анапа и др. Замыкавшаяся на них сеть торговых путей вместе с тем становилась сетью миссионерской. Отсюда к предкам современных адыгских народов направлялись муллы-проповедники. Они путешествовали вместе с торговцами или под видом торговцев, обращая в ислам окрестное население. Кроме того, проводниками ислама служили военные отряды гази, в основном из Крыма, которые нередко высаживались на кавказском побережье. Первыми ислам приняли кабардинцы. В первую очередь это были князья и дворяне, ориентированные на Турцию. Впоследствии при их поддержке ислам распространился на весь народ [13, с. 290].

На рубеже XVIII–XIX столетий центром исламизации оставалась Анапа. Ее последние турецкие коменданты всемерно поддерживали распространение ислама среди местных жителей. В прибрежных районах вокруг Анапы группировалась и значительная часть мектебов. Источником их существования были частные пожертвования и субсидии со стороны турок. И среди мулл на Северо-Западном Кавказе сначала было много турок и крымских татар, встречались также кумыки, аварцы и кабардинцы. Постепенно складывалась и местная мусульманская духовная элита. Во главе ее стояли адыги, получившие исламское образование в Стамбуле, Бахчисарае или религиозных центрах Дагестана. Одним из первых известных северокавказских хаджи был бжедугский князь Айтеч, совершивший паломничество в Мекку еще в 1630 г. [12, с. 89–91]. Но, по словам П. Карлгофа, и в первой трети XIX в. «черкесы и убыхи считаются мусульманами, но настоящие мусульмане составляют незначительную часть народонаселения; это преимущественно люди, находящиеся в сношениях с турками по торговым делам и семейным связям; в большей же части народа, особенно в низших сословиях, религиозные верования состо-

ят из смеси остатков христианства и язычества» [см.: 11, с. 56].

Нельзя не отметить еще одно направление исламизации региона – *северное*. Археологические материалы показывают, что на северных, плоскостных территориях ислам утвердился значительно раньше, чем в горах, где долгое время сохранялись традиционные языческо-христианские верования. Появление этого направления и утверждение ислама в Предкавказье мы связываем с Золотой Ордой, где в XIV в. ислам стал государственной религией. Мечети строятся во всех крупных золотоордынских городах: Маджарах, Верхнем Джулате, Нижнем Джулате, Азаке и др. [13, с. 289]. При некоторых из них начинают действовать учебные заведения – медресе. Близ указанных городищ появляются мусульманские кладбища. После ослабления и распада Золотой орды, ее преемниками в деле исламизации выступают проживавшие на плоскости крымцы, ногайцы, а также кабардинцы, у которых ислам утвердился в XVI в. [7, с. 235].

Из Кабарды ислам проникает в горные районы Закубанья и Центрального Кавказа. В Осетии он распространяется в XVII–XVIII в. [7, с. 235]. Дигория первой испытала наиболее сильное его влияние. Ислам принимали, прежде всего, местные верхи, находившиеся в зависимости от кабардинских князей. По словам Вахушти, «главари и знатные – суть магометане, а простые крестьяне – христиане» [1, с. 141], хотя и те, и другие характеризовались им как не сведущие в своей религии. Постепенно исламизация охватила более широкие слои населения, проживающего по соседству с кабардинцами.

К балкарцам и карачаевцам ислам проник в XVIII в. По преданиям, проводником ислама в Карачае был кабардинский мулла Исхак-эфенди [13, с. 289]. Ислам из Кабарды проник и в Ингушетию, которая, как и ряд других территорий, испытала перекрестное влияние ислама («движение» его из Чечни мы уже отмечали). Большое распространение ислам получил среди тех ингушей, которые стремились к переселению на плоскость, контролируемую кабардинскими феодалами. По Вахушти, в начале XVIII в. жители селения Онгушт были «похожи на черкесов, по вере магометане-сунниты» [1, с. 151]. В то же время большая часть горных ингушей и в начале XIX в. продолжала сохранять традиционные верования и христианское самосознание. По данным 1816 г., здесь на 1195 христиан приходилось 74 мусульманина [3, с. 146].

Чеченцы, выходящие на плоскость, также вступали в тесное взаимодействие с народами, исповедовавшими ислам (кабардинцами,

кумыками и др.). В его принятии сыграли свою роль не только зависимость и миссионерство соседних народов, но и оторванность от горной христианско-языческой основы, «разноплеменной» состав переселенцев.

Распространение ислама расширило связи региона со многими государствами (Арабским халифатом, Крымским ханством, Османской империей, Ираном и др.). Мусульманство во многом определяло не только взаимоотношения народов Северного Кавказа между собой, но и с соседними державами.

Усиление позиций России на Северном Кавказе в XVIII в. (особенно в Притеречье и Прикубанье, где были основаны города, крепости, станицы и села) не привело к существенным изменениям в конфессиональной ситуации у местных народов. Примечательно, что присяги на верность России от северокавказцев и в этот период принимались на Коране и считались вполне законными. В Своде законов Российской империи пояснялось, что присяги подданства могут даваться как на кресте и Евангелии, так и «по своей вере и закону» [9, с. 12].

При Петре I веротерпимость в России становится одним из главных принципов конфессиональной политики. Заведование различными конфессиями переходит к светской власти, и в этом смысле положение православной церкви мало чем отличалось от остальных. В правление Петра I (в 1716 г.) появился, получивший широкую известность, Коран, переведенный на русский язык и многократно переиздававшийся. Это относится и к его арабским изданиям, печатавшимся также в России. Для этого была открыта мусульманская типография. Действовали высшие мусульманские учебные заведения. Екатерина II после присоединения Крыма в 1783 г. своим манифестом гарантировала всем мусульманским подданным России свободное вероисповедание. Было разрешено строить мечети и примечательные школы. В конце 80-х гг. XVIII в. под контролем российских властей была создана организация для управления мусульманами Поволжья и Сибири во главе с муфтием (Оренбургское магометанское духовное собрание). Ему стали подчиняться и мусульмане Северного Кавказа. Отметим, что российское правительство пыталось противопоставить радикальным проповедникам лояльных России представителей мусульманской духовной элиты из других регионов империи. В конце XVIII – первой половине XIX в. на Северном Кавказе вели проповедническую деятельность духовные лица из Поволжья, Средней Азии и др., которые находили своих приверженцев [12, с. 104–105; 14, с. 173–175].

То есть с утверждением России в Предкавказье северное направление видоизменяется, но не перестает существовать. С течением времени ослабевает религиозное тяготение региона к Ближнему Востоку и происходит встраивание его в российское конфессиональное пространство [9, с. 50–67].

Распространение ислама на Северном Кавказе растянулось на многие столетия. В рассматриваемый период шел медленный процесс переработки и включения прежних обычаев и традиций в новую конфессиональную систему [2, с. 39–48; 6, с. 291; 10, с. 68–74]. Постепенно ислам проникал во все сферы духовной жизни горцев, содействовал общему культурному подъему. Северокавказцы приобщались к арабской грамоте и системе образования, теологии и мусульманской мифологии, создавали собственные оригинальные исторические, литературные и религиозные

сочинения. Утверждавшаяся религиозная система примиряла общество со сложившимися социальными отношениями, с существующими государственными порядками. Ислам сыграл свою роль в формировании новых нравственных критериев у народов региона, в преодолении «ущельно-общинной» раздробленности, в формировании более крупных народностей на Северном Кавказе. Однако в целом в регионе интегративные функции ислама как мировой религии так и не были полностью реализованы. Более того, с течением времени заявила о себе тенденция противопоставления мусульман (затем «истинных мусульман») остальным жителям региона.

Исламизация народов региона была длительным процессом, который в разное время охватил восточные и западные части региона, плоскостные и высокогорные районы.

Источники и литература

1. Вахушти. География Грузии // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1904. С. 1–155.
2. Великая Н. Н., Виноградов В. Б. Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов // Советская этнография. 1989. №3. С. 39–48.
3. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М.: Наука, 1974. 276 с.
4. Грабовский Н. Ф. Ингуши // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1876. С. 1–25.
5. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М.: Наука, 2004. 627 с.
6. Кавказ: история, народы, культура, религии. М.: Восточная литература, 2007. 391 с.
7. Лавров Л. И. Домусульманские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: Наука, 1959. С. 231–240.
8. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1872. С. 1–67.
9. Матвеев В. А. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX – начала XX вв. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2015. 158 с.
10. Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. 588 с.
11. Панеш А. Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2008. 128 с.
12. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
13. Северный Кавказ с древних времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 318 с.
14. Скорик А. П., отец Андрей (Немыкин). Православие и ислам: диалог культур и эстафета ценностей // Православие в исторических судьбах Юга России. – Южнороссийское обозрение. № 16. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2003. С. 157–179.

References

1. Vahushti. Geografija Gruzii (*Geography of Georgia*) // Zapiski Kavkazskogo otdelenija Russkogo geograficheskogo obshhestva (*Notes of the Caucasian division of the Russian geographical society*). Issue XXIV. Vol. 5. Tiflis, 1904. P. 1–155. (In Russian).
2. Velikaja N. N., Vinogradov V. B. Doislamskij religioznyj sinkretizm u vajnahov (*The pre-Islamic religious syncretism of the Vainakh*) // Sovetskaja jetnografija. 1989. No. 3. P. 39–48. (In Russian).
3. Volkova N. G. Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX v. (*The ethnic composition of the population of the North Caucasus in the XVIII – beginning of XX century*). Moscow: Nauka, 1974. 276 p. (In Russian).
4. Grabovskij N. F. Ingushi // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah (*the Ingush*) // A Collection of information about the Caucasian highlanders). Vol. 9. Tiflis, 1876. P. 1–25. (In Russian).
5. Istorija Dagestana s drevnejshih времен do nashih dnei (*History of Dagestan from ancient times to the present day*). Vol. 1. Moscow: Nauka, 2004. 627 p. (In Russian).
6. Kavkaz: istorija, narody, kul'tura, religii (*The Caucasus: history, peoples, culture, religion*). Moscow: Vostochnaja literatura 2007. 391 p. (In Russian).
7. Lavrov L. I. Domusul'manske verovanija adygcejev i kabardincev (*Pre-Islamic beliefs of Adyghe and Kabardians*) // Issledovanija i materialy po voprosam pervobytnyh religioznyh verovanij. Moscow: Nauka, 1959. P. 231–240. (In Russian).
8. Laudaev U. Chechenskoe plemja (*Chechen tribe*) // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vol. 6. Tiflis, 1872. P. 1–67. (In Russian).

9. Matveev V. A. Rossijskaja identichnost' musul'man Severnogo Kavkaza: istoricheskie osobennosti formirovaniya i projavleniya v krizisnyh uslovijah na rubezhe XIX – nachala XX vv. (*Russian identity of the Muslims of the Northern Caucasus: historical features of formation and manifestation in the crisis conditions at the turn of XIX – beginning of XX century*). Rostov-on-Don: SFU publ., 2015. 158 p. (In Russian).

10. Narody Dagestana (*The Peoples Of Dagestan*). Moscow: Nauka, 2002. 588 p. (In Russian).

11. Panesh A. D. Mjuidizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.) (*Muridism and the fight of the Adyghe people in the Northwest Caucasus for independence (1829–1864)*). Majkop: OAO «Poligrafizdat «Adygheja», 2008. 128 p. (In Russian).

12. Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii (*The North Caucasus in the Russian Empire*). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. (In Russian).

13. Severnyj Kavkaz s drevnih vremjon do nachala XX stoletija (istoriko-jetnograficheskie ocherki). (*The North Caucasus from ancient times till the beginning of the twentieth century (historical-ethnographic essays)*). Pjatigorsk: PSLU publ., 2010. 318 p. (In Russian).

14. Skorik A. P., otec Andrej (Nemykin). Pravoslavie i islam: dialog kul'tur i jestafeta cennostej (*Orthodoxy and Islam: a dialogue of cultures and a relay of values*) // Pravoslavie v istoricheskikh sud'bah Juga Rossii (*Orthodoxy in the historical destinies of the South of Russia*). Juzhnorossijskoe obozrenie. No 16. Rostov-on-Don: North-Caucasus Scientific Center of Higher School publ., 2003. P. 157–179. (In Russian).

УДК 94(73):284

Е. В. Галкина

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА (30-е гг. XVII–XVIII вв.)

Статья посвящена особенностям протестантизма в Америке, начиная с заселения северо-восточных колоний переселенцами из Англии. Проведен анализ особенностей религиозной доктрины американского протестантизма и его различных деноминаций. В ней определены, как исключительно новые характеристики, приобретенные из опыта жизни колонистов в Новом Свете, так и привезенные из метрополии. Значи-

тельное место в статье занимает вопрос о первом евангелическом движении в Северной Америке «Великом Пробуждении» 1720–1760-х гг., связанном с религиозным обновлением в обществе и церкви.

Ключевые слова: протестантизм, доктрина, Северная Америка, Новый Свет, «Великое Пробуждение», церковь, государственная власть.

E. V. Galkina

DISTINCTIVE FEATURES OF AMERICAN PROTESTANTISM (30s OF THE XVII–XVIII CENTURIES)

The article is devoted to the peculiarities of Protestantism in America since settlement of north-eastern colonies settlers from England. The analysis of characteristics typical of religious doctrine of American Protestantism and its various denominations is represented. It specifies both new features acquired from the experience of the life of the colonists in the New World and the ones brought

from the mother country. The study focuses on the «Great Awakening», the first evangelical movement in North America in 1720–1760 related to religious renewal in society and the church.

Key words: Protestantism, the doctrine, North America, the New World, «The Great Awakening», church, state power.

Актуальная и в прошлом, и в настоящее время концепция «американской исключительности» возникла из особенностей американской прозы XVII в. Поэтому, современными историками не случайно уделяется определенное внимание истокам этой «американской исклю-

чительности» (American uniqueness), которые лежат в основе американского протестантизма, отличавшегося от традиционного пуританизма.

Среди источников американских протестантов в отдельную группу мы относим сочинения пуритан, включающие в себя их речи, литера-

турные сочинения, трактаты, поэзию, а также их журналы и памфлеты [10].

Еще одну значительную группу источников составляют проповеди. Особенность этих источников заключается в целенаправленности усилий их авторов собрать всю совокупность возможной информации о церковной службе новоанглийских конгрегаций. Проповеди помогали решать верующим насущные жизненные проблемы в сфере духа. Это подтверждает анализ проповедей знаменитых (в протестантском движении) квакеров Дж. Фокса (родоначальника квакерского движения), Дж. Вулмана, М. Фелл и др. [1; 6; 11].

Огромный сервер крупнейшей библиотеки Америки – Библиотеки Конгресса США постоянно пополняет коллекцию исторических текстов. В коллекции редких книг Библиотеки Конгресса широко представлены тексты редких рукописей, памфлетов, книг от 1774–1790 гг. до 1930-х гг. На этом же сервере можно познакомиться с различными выставками. Так, материалы о религии и основании американской государственности содержатся на сайте Библиотеки Конгресса США. В собрании «Американская память» имеются источниковые коллекции о Томасе Джефферсоне (собрания его писем, полная его биография), Бенджамине Франклине и многих других деятелях революционной эпохи.

Исключительно полезными для историков-американистов являются сайты крупнейших университетов Америки, которые ведут фундаментальные исследования в новых отраслях знаний. Это домашние страницы Гарвардского, Браунского Университетов, Канзасского университета и др.

Обратимся к истокам американского протестантизма. В сентябре 1620 г. группа пуритан-сепаратистов, одержимая религиозными гонениями на родине, отбыла в Америку на корабле «Мэйфлауэр» по договору с Плимутской компанией и в конце года высадилась на побережье нынешнего штата Массачусетс, где основала поселение Новый Плимут, который положил начало Новой Англии.

Протестантизм был религиозной основой переселенцев в Новый Свет в северо-восточные американские колонии, начиная с 1630-х гг. [5, с. 29–37].

При анализе религиозной жизни в новоанглийских колониях в XVII – начале XVIII вв. необходимо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, в подавляющем большинстве протестантское население колоний. В начале XVIII в. среди 2,5 миллионов человек только 25 тысяч были католиками и 2 тысячи – иудея-

ми. Во-вторых, в середине XVIII в. в Северной Америке был определенный процент приезжих (формально верующих), не посещающих ни одну церковь. И таких колонистов было гораздо больше, чем в какой-либо европейской стране [12, р. 79].

Неудовлетворенность англиканской церковью, гонения со стороны британских властей объединяло всех пуритан, которые стремились к моральному совершенствованию в повседневной жизни, а также к стремлению упростить религиозные обряды и культы. На практике это выражалось в желании улучшить «качество» самих священников, ограничить авторитет и богатство епископата, применять самые строгие принципы своей морали к церкви, обществу, государству.

Важнейшим элементом мировоззренческой и жизненно-практической ориентации эмигранта в Америку стал принцип свободы выбора. Гонения, или, по крайней мере, притеснения, радикальных пуритан в Европе не заставили их долго колебаться в вопросе о переселении. Разочарованные в погрязшей в грехе Европе, они двинулись за океан строить свой чистый, истинно христианский, по их представлениям мир.

Американский протестантизм имел множество деноминаций: американские англикане, пресвитерианцы, конгрегационалисты, квакеры, баптисты, методисты и др.

Обратимся к квакерам, которые известны своими пацифистскими настроениями. Их проповедь была направлена на мирное сосуществование народов, неучастие в военных действиях, жизнь без насилия и пролития крови, без принуждения участвовать в войнах и вооруженной борьбе. Они категорически отказывались брать в руки оружие. Их пацифистская доктрина легла в основу миротворчества в эпоху нового и новейшего времени [3, с. 52–54].

Религиозные догмы квакеров отличались от других протестантских деноминаций особой насыщенностью образов из Библии, самим построением проповеди [1; 6; 11; 14].

Квакерство отвергало всякое внешнее выражение религиозности, церковные обряды, таинства (даже крещение) и институт священников. В молитвенных домах квакеров отсутствовали какие-либо религиозные символы, не допускались пение и музыка. Сущность религии квакеры видели в озарении Св. Духом, который нисходил на каждого верующего человека и направлял его к нравственному совершенству.

Появление первых квакеров на американской земле совпало с периодом Английской революции XVII в. Квакеры отделились от англиканства в 1689 г., и возникло их самоназва-

ние «Общество друзей», по библейскому выражению: «Вы мне друзья, если соблюдаете заповеди мои» [10, с. 303].

Джон Вулман – один из идейных лидеров квакеров писал: «Члены квакерского Общества называли друг друга Друзьями и писали это слово с большой буквы» [1, с. 316].

Кальвинистскую доктрину о предопределении и божественном спасении избранных квакеры всячески не принимали, утверждая, что И. Христос пожертвовал своей жизнью во имя спасения всех людей, и божественное озарение есть в каждом человеке.

За радикальные взгляды «Друзей» преследовали в метрополии, применяя достаточно жестокие наказания (например, отрезание пальцев, ушей, бичевание, заключение в тюрьмы) за их религиозную приверженность собственным толкованиям протестантских доктрин [4, с. 99–102].

Маргарет Фелл, верная последовательница идей Дж. Фокса, впоследствии ставшая его женой, составила в 1660 г. «Декларацию Божьих людей, именуемых квакерами», которую подписали, кроме нее, еще 13 «Друзей» (сам Дж. Фокс, Р. Хаберторн, С. Фишер, Дж. Стеббс и др.). В ней в частности говорилось: «Мы – люди, которые следуют принципам, ведущим к миру, любви и единству; мы желаем, чтобы и другие шли таким же путем, и мы отвергаем и свидетельствуем против всякой борьбы, войн и раздоров... Наше оружие не плотское, но духовное» [6, с. 45–46].

Оппозиционность квакеров в Англии заставила их отправиться искать лучшую долю в Новый Свет. Они были категорически против как государственной власти, так и англиканских порядков. Вследствие этого, на родине их жестоко преследовали как государственные власти, так и церковные [13, р. 51–53]. Позиции властей в американских новоанглийских колониях не так сильно опирались на церковь, как в метрополии, и квакерам в Новом Свете были предоставлены большие религиозные и политические свободы. Так ими заселялись Пенсильвания (названная в честь квакера У. Пенна), Нью-Джерси, Массачусетс, Род-Айленд, Виргиния, Нью-Йорк и др., где они образовали значительные общины [3, с. 55–56].

Множественные протестантские течения в Новом Свете (англиканство, квакерство, пресвитерианство, баптизм, методизм, конгрегационализм и т.д.), имея свой взгляд на религиозные догмы, все-таки пришли осознанно «к признанию человека как части мироздания, свободного от вмешательства каких бы то ни

было сверхъестественных сил, а также принципов рационализма с его идеей свободы человеческой воли. Поэтому не удивительно, что по своим религиозным убеждениям значительная часть американцев к середине XVIII в. была привержена так называемой «естественной религии» и «сверхъестественному рационализму», согласно которым, человеческий разум в состоянии определить основы «естественной религии», существование Бога, моральный долг и божественную систему поощрений и наказаний» [5, с. 103].

Постепенное усиление влияния протестантского рационализма к середине XVIII в. способствовало утверждению идей, в которых значительно смягчалась зависимость человека от воли абсолютного суверенного Бога, который, избирая людей для спасения исключительно по своему усмотрению, не принимал во внимание их устремления и заслуги.

История ранней Америки – это, прежде всего, адаптация традиционного социокультурного опыта поселенцев к условиям Нового Света. Религиозные представления, нормы и ценности иммигрантов способствовали их выживанию в новой среде. Различные протестантские течения действовали в обществе, в определенных условиях американской реальности XVII–XVIII вв. Сама атмосфера в колониях вынуждала религию становиться более приемлемой для американцев, отвечать новым общественно-политическим и духовным запросам населения, формировать американское национальное сознание.

Представляется, что конфессиональная мозаичность в Америке способствовала смягчению религиозных конфликтов в обществе. Разные ветви протестантизма быстрее находили точки соприкосновения, так как у них были единые противники – мощная католическая церковь, а также государственная церковь Англии, против которых успешно можно было бороться только общими усилиями. Поскольку среди иммигрантов были представители из разных стран, то они не принимали все английское, в том числе и религию.

Еще одной отличительной особенностью американского протестантизма в Америке 1720–1760-х гг. является Первое «Великое Пробуждение». Это евангелическое движение, которое не имеет аналогов в других ветвях христианства [9, с. 51].

«Великое Пробуждение» развернулось в 20–40-е гг. XVIII столетия сначала в Новой Англии, а во второй половине XVIII в. распространилось на запад и юг Америки. Оно, по мнению

отечественного историка А. А. Кисловой, было «реакцией на авторитарный режим пуританской олигархии Массачусетса и представляло собой массовое народное движение против английских порядков в колониях и борьбу за демократизацию социально-политических институтов» [7, с. 47–48]. Это придавало известную силу и религиозному «оживленческому» движению, которое развивалось в форме волны ривайвелов (религиозных «обновлений») [8, с. 18].

Представляется, что «постепенно ривайвелы начали принимать массовый характер, а проповедники, «специализировавшиеся» на их проведении, позже стали называть себя евангелистами. Центр идейной борьбы был перенесен из церквей на улицы, под открытое небо, на массовые собрания верующих. Внешне ривайвелы представляли собой собрание (позже своего рода митинги), где местный, а чаще приезжий проповедник произносил эмоциональную проповедь, призывая слушателей покаяться в совершенных грехах, очиститься от них и, переродившись, изменить свою жизнь, стать настоящими христианами» [2, с. 288–289].

Отметим, что ривайвелы в раннеамериканском протестантизме отличались в желании проповедников активизировать религиозную жизнь у верующих, а не сводить её к формальным отправлениям культа, как это было зачастую на северо-востоке США в новоанглийских колониях.

«Великое Пробуждение» вовлекало в себя религиозных лидеров различных вероисповеданий (конечно, преимущественно протестантских, например, деятельность голландского проповедника Т. Фрелингюйзена в «срединных» колониях Америки – Нью-Джерси, Нью-Йорке, Пенсильвании, проповеди Дж. Эдвардса в Массачусетсе, огромное значение необходимо отдать основателям методизма братьям Уэсли в рамках ривайвелистского движения) и стремились к ортодоксальности (фундаментализму).

Анализ показывает, что «религиозный фундаментализм включает эсхатологический подход к миру, вытекающий из буквалистского толкования Библии и базирующийся на принципе бескомпромиссного дуалистического разделения участников «драмы истории» на божественные силы добра, ассоциируемые с Америкой, и дья-

вольские силы зла, ассоциируемые со всеми теми, кто безоговорочно и на все 100 процентов не принимает Америку. Это был один из способов сказать «нет» секуляризации мира. Ривайвелизм вновь обострил проблему понимания библейских «чудес», доказывая, что их необходимо толковать не символически, а однозначно текстуально» [5, с. 135].

Таким образом, в Новом Свете сформировался свой особый тип протестантизма – американский, со многими специфическими особенностями. Американское общество характеризовалось одной из главных черт – религиозным плюрализмом. Американский протестантизм представляет комплекс множества церковных деноминаций с собственными догмами и организационными принципами. На новой земле протестантизм усвоил все уроки системы гибких компромиссов. Общие трудности спланивали переселенцев и отодвигали на второй план религиозные и национальные противоречия. Англиканская церковь в колониях являлась достаточно слабой структурой. Хотя она и поддерживалась колониальными властями, тем не менее, даже к середине XVIII столетия у нее не было четкой системы управления, и соответственно, того влияния на население, как в метрополии. При сложившихся благоприятных обстоятельствах в Новом Свете были все условия для развития множественных протестантских течений: пресвитерианства, конгрегационализма, квакерства, методизма, баптизма и др.

В американских условиях протестантские деноминации модифицировались, исходя из более благоприятных религиозных, социально-экономических и политических условий жизни верующих. Стремление привлечь в свои ряды новых верующих не покидала протестантов и в Новом Свете, во многом в силу этого протестантизм стал доминирующей религией в США в рассматриваемый период времени. Добавим, что многочисленное разделение по конфессиям не ослабило протестантизм в целом, а лишь адаптировало его к культурно-этническому разнообразию на новой земле. Политический плюрализм в США дополнялся религиозным, что обогащало жизнь простых верующих, способствовало развитию демократических традиций в Новом Свете.

Источники и литература

1. Вулман Дж. Дневник: Ходатайство о бедных. / пер., вступ. ст. и коммент. Павловой Т. А. / под ред. Спасенко Н. М. М.: Наука, 1995. 335 с.
2. Галкина Е. В. «Великое Пробуждение» как первое евангелическое движение в Северной Америке // Европейский журнал социальных наук (European Social Science Journal). М.: Международный исследовательский институт, 2014. № 8. Т. 3. С. 285–291.

3. Галкина Е. В. Место и роль квакерства в формировании американского общества // Американский ежегодник, 2003. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005. С. 52–74.
4. Галкина Е. В. Основные тенденции развития протестантских течений в колониальной Америке // Американский ежегодник, 2000. М.: Наука, 2002. С. 98–117.
5. Галкина Е. В. Становление протестантизма в английских колониях Северной Америки (1630-е – 1760-е гг.): дисс... канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2002. 278 с.
6. Говорит сам Джордж Фокс / ред. Хью Мак-Грегор Росс, пер. и вступ. статья Т. А. Павловой. М.: ИВИ РАН, 2000. 192 с.
7. Кислова А. А. Идеология и политика американской баптистской церкви (1900–1917 гг.). М.: Наука, 1969. 199 с.
8. Нитобург Э. Л. Церковь афроамериканцев в США. М.: Наука, 1995. 268 с.
9. Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981. 256 с.
10. Хроника христианства. / пер. с нем. В. Годфрида. М.: ТЕРРА, 1999. 464 с.
11. Friend's Library / ed. by W. and Th. Evans. Philadelphia: Joseph Rakestraw, 1837. Vol. I. 223 p.
12. Gruver R. B. An American History. 4th ed. N.Y.: Knoph, 1985. 933 p.
13. Reay B. The Quakers and the English Revolution. N.Y.: St. Martin's Press, 1985. 184 p.

References

1. Vulman Dzh. Dnevnik: Hodatajstvo o bednyh (*Diary: Application for the poor*) / translated by Pavlova T. A. / ed. by Spasenko N. M. Moscow: Nauka, 1995. 335 p. (In Russian).
2. Galkina E. V. «Velikoe Probuzhdenie» kak pervoe evangelicheskoe dvizhenie v Severnoi Amerike («*The Great Awakening*» as the first evangelical movement in North America) // Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk (*European Social Science Journal*). Moscow: International Research Institute publ., 2014. No. 8. Vol. 3. P. 285–291. (In Russian).
3. Galkina E. V. Mesto i rol' kvakerstva v formirovanii amerikanskogo obshchestva (*The place and role of Quakerism in the formation of American society is natural*) // Amerikanskij ezhegodnik, 2003. (American Yearbook, 2003 / Institute of World History, RAS) / ed. By Bolkhovitinov N.N. Moscow: Nauka, 2005. P. 52–74. (In Russian).
4. Galkina E. V. Osnovnye tendencii razvitiya protestantskikh techenij v kolonial'noj Amerike (*The main trends in the development of Protestant movements in colonial America*) // Amerikanskij ezhegodnik, 2000. (American Yearbook, 2000). Moscow: Nauka, 2002. P. 98–117. (In Russian).
5. Galkina E. V. Stanovlenie protestantizma v anglijskikh kolonijah Severnoj Ameriki (1630-e – 1760-e gg.) (*Formation of Protestantism in the English colonies of North America (1630's – 1760-s.)*): thesis: Stavropol: SSU publ., 2002. 29 p. (In Russian).
6. Govorit sam Dzhordzh Foks (*He says himself, George Fox*) / ed. by Hugh McGregor Ross / translated by T. A. Pavlova. Moscow: IWH RAS publ., 2000. 192 p. (In Russian).
7. Kislova A. A. Ideologiya i politika amerikanskoi baptistskoi tserkvi (1900–1917 gg.). (*Ideology and politics of the American Baptist Church (1900–1917)*). Moscow: Nauka, 1969. 199 p. (In Russian).
8. Nitoburg E. L. Tserkov' afroamerikantsev v SShA. (*Church of blacks in the United States*). Moscow: Nauka, 1995. 268 p. (In Russian).
9. Furman D. E. Religiya i sotsial'nye konflikty v SShA. (*Religion and social conflict in the United States*). Moscow: Nauka, 1981. 256 p. (In Russian).
10. Hronika hristianstva (*Chronicle Christianity*) / translated by V. Godfrid. Moscow: TERRA, 1999. 464 p. (In Russian).
11. Friend's Library. Ed. by W. and Th. Evans. Philadelphia: Joseph Rakestraw, 1837. Vol. I. 223 p.
12. Gruver R. B. An American History. 4th / ed. by N.Y.: Knoph, 1985. 933 p.
13. Reay B. The Quakers and the English Revolution. N.Y.: St. Martin's Press, 1985. 184 p.

УДК 94 (470.6)"18"

А. А. Гойбасханов

**МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Статья освещает новые процессы развития основных отраслей сельского хозяйства, имевших место в северокавказском регионе после реформ Александра II. Процессы развивались неоднородно в различных социальных группах населения, но постепенная политическая стабилизация и реформы способствовали тому, что на Северном Кавказе стало всё больше прослеживаться влияние капиталистического начала в хозяй-

ственных отношениях. Натуральное хозяйство размывалось под напором рынка, и такая тенденция была самым надёжным залогом преодоления последствий тех катаклизмов, которые сотрясали край в предшествующие десятилетия.

Ключевые слова: Северный Кавказ, хозяйственный уклад, экономическое преобразование, развитие, товарное производство, земледелие, скотоводство, передовые образцы.

A. A. Goybaskhanov

**DISTINCTIVE FEATURES OF AMERICAN PROTESTANTISM
(30s OF THE XVII–XVIII CENTURIES)**

The article highlights the new processes in the agriculture, which took place in the North-Caucasian region with reforms of Alexander II. The processes developed differently in social groups of the population, but gradually political stabilization and reforms promoted the influence of the capitalist principle in economic relations. Natural economy was exposed to the market pressure and the tendency

was an essential condition of success in overcoming the consequences of cataclysms, which had taken place in previous decades.

Key words: the North Caucasus, economic structure, economic transformation, development, commodity production, crop-growing, stock-breeding, advanced models.

К началу 60-х гг. XIX в. на Северном Кавказе сложились условия для изменения хозяйственного уклада народов региона. Постепенная политическая стабилизация и начавшиеся реформы способствовали тому, что здесь стало всё больше прослеживаться влияние капиталистического начала в производственных отношениях. Натуральное хозяйство размывалось под напором рынка, и такая тенденция была самым надёжным залогом преодоления последствий тех катаклизмов, которые сотрясали край в предшествующие десятилетия.

Анализ имевших место процессов позволяет говорить о том, что эти изменения охватили все основные виды деятельности, характерные для народов Северного Кавказа. При этом говорить об органичности и бесконфликтности происходящего не приходилось. Процесс экономического преобразования региона происходил весьма сложно и неоднозначно. В одних отраслях успехи были больше, в других сохранялись консервативные черты, типичные для уходящей эпохи, основанной на традиционализме и сопротивлявшейся новациям.

Вместе с тем наблюдался бурный рост товарного земледелия, обусловленный в немалой степени реформами Александра II. Это способствовало тому, что регион стал одним из главных поставщиков зерна не только на отечественный, но и на зарубежный рынки. Достаточно сказать, что к началу нового столетия Северный Кавказ давал до трети всей выращиваемой в стране озимой пшеницы. Важным представляется то, что если раньше зерно доходило до потребителя только через несколько лет после сбора урожая, то с развитием путей сообщения этот процесс существенно ускорился.

Примечательно, что после введения в строй Владикавказской железной дороги, через шестнадцать лет, хлебная запашка только в Кубанской области достигла 1,5 млн десятин, тогда как раньше она не превышала полумиллиона десятин. Аналогичные процессы мы наблюдались и в соседнем Ставрополье. Здесь средняя посевная площадь к 1884 г. оценивалась в 748 тыс. десятин. Спустя пять лет она уже была 1038 тыс. десятин, продемонстрировав рост на 89 % [3, с. 302].

Став лидерами в производстве зерна, Кубань и Ставрополье к 70-м гг. XIX в. производили хлеба столько, что его хватало не только на покрытие всех местных потребностей, но и оставалось количество зерна, необходимое для нужд армейских частей, расположенных на Кавказе.

Для вывоза зерна за рубеж использовался порт Новороссийска. Здесь имели представительство многие иностранные и отечественные фирмы, которые осуществляли закупку хлеба у местных производителей. На Северо-Восточном Кавказе вывоз зерна осуществлялся через каспийские порты. Здесь объем уступал черноморским масштабам, но тоже был достаточно внушительным. Так, в 1898 г. только со станций Гудермес, Самашки и Грозный было отгружено около 2 млн пудов хлеба, который последовал далее за пределы края [4, с. 589].

Помимо улучшившейся доставки, немалую роль играло и то, что на крупных железнодорожных станциях начали возводить элеваторы и зернохранилища. Они позволяли обеспечить надёжную сохранность зерна в больших объёмах, что давало возможность не спешить с его реализацией, а дожидаться выгодной конъюнктуры рынка. В продаже хлеба активно участвовало Коммерческое агентство Владикавказской железной дороги, имевшее для этого необходимые как технические, так и финансовые возможности. О рыночной зрелости этого сектора экономики говорит тот факт, что в начале XX в. на Северо-Западном Кавказе появились биржевые торги, где оформлялись крупные операции по продаже местного зерна.

Исследователи обращают внимание на то, что во второй половине XIX в. у местных сельскохозяйственных производителей появилось много новейших образцов инвентаря, обеспечивавшего высокую производительность труда. Фабричные косы, топоры, серпы и т.п. изделия были доступны для большинства населения. Крупные производители могли позволить приобрести более дорогие сельскохозяйственные орудия, например молотилки с паровым двигателем, косилки. В степной части Предкавказья повсеместно распространился сабан, т.е. тяжёлый украинский плуг. Торговали современными образцами сельскохозяйственного инвентаря не только отечественные, но и иностранные производители, которые имели свои представительства в Ростове-на-Дону.

Популяризацией и исследованием образцов сельскохозяйственной техники занимались специальные общества. Во Владикавказе действовало «Общество распространения обра-

зования и технических сведений среди горцев Терской области», которое проводило опыты с такими новинками [6, с. 7].

Передовые образцы сельскохозяйственного инвентаря были доступны далеко не всем [2, с. 200]. Так, расценки на подобный товар были следующими: сенокосилка в среднем стоила 125 руб., сноповязалка 335 руб., а жнейка 160 руб. Наиболее дешёвыми были конные грабли, но и они оценивались в 55 руб. Естественно, окупались такие изделия лишь в том случае, если владельцу регулярно приходилось обрабатывать большие по площади хозяйства [3, с. 302].

Большое внимание стали уделять внедрению передовых агрономических знаний и технологий. С этой целью открывались просветительские общества. В 70-е гг. XIX в. активную работу начало «Кавказское общество сельского хозяйства», издававшее множество научно-популярных изданий на сельскохозяйственную тематику. Под её эгидой действовали различные опытные станции, фермы, пункты по разведению высокоурожайных семян и т.п. К числу таких организаций относилось и «Терское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности», учреждённое во Владикавказе в 1894 г.

Под влиянием мирового хлебного рынка на Северном Кавказе, как и в других частях империи, появлялись районы монокультурного производства. Под пшеницей к концу столетия было занято около 56 % обрабатываемых полей. Если брать общие процентные показатели по сбору зерновых, то в Терской области на ячмень и пшеницу приходилось 24,6 %, на Ставрополье – 68,7 %, а в Кубанской области – 76,2 %. Весь регион в целом давал 156 млн пудов зерна по данным на 1892–1896 гг. [3, с. 303].

Занятие хлебопашеством обеспечивало жизненные потребности до 80 % жителей Терской области. В первую очередь это касалось населения, проживающего на равнинах этой части региона [5, с. 33]. По данным за 1873, 1874 и 1875 гг. в Грозненском округе в среднем выращивалось 312 123 четверти хлеба, в Веденском округе эти показатели равнялись 74 860 четвертям, а в Аргунском 16 370. Если перевести всё это в тонны, то общий объём зерна был равен примерно 59 тыс. тонн. Среди чеченцев свыше 90 % населения было занято земледельческим трудом [4, с. 584–585].

Основное количество товарного хлеба в Ставропольской губернии давали зажиточные крестьянские хозяйства. Они арендовали участки у туркмен и создавали экономии, средний размер которых достигал 3 159 десятин.

На Северо-Западном Кавказе превалировало казачье земледелие, а господствовавшие войсковые правила по распределению наделов ограничивали возможности капиталистического предпринимательства.

Следует отметить, что при достигнутых успехах применяемая система земледелия имела серьёзные недостатки. Она по-прежнему основывалась на переложном способе обработки почвы, не уделялось внимание вопросам мелиорации, отсутствовали меры по её систематическому удобрению и т.п. Это делало сельское хозяйство необычайно уязвимым, особенно учитывая тот факт, что его развитие происходило в зоне рискованного земледелия.

Если с проблемой неурожая часто сталкивались на равнине, то в горах ситуация была ещё сложнее. Хотя и здесь прослеживалась тенденция на расширение обрабатываемых площадей, но ландшафтные ограничения не позволяли рассчитывать на прорыв в товарном зерноводстве. Пытаясь исправить ситуацию, горцы плоскостных селений внимательнее относились к культуре земледелия. Ими применялся четырёхлетний цикл севооборота, обязательно оставлялись участки под паром.

В горах шире использовались органические удобрения, практиковалось искусственное орошение полей. Примечательно, что каналы проводились не только в обрабатываемые поля, но и на сенокосы. Там, где крутые склоны гор не позволяли применять обычные способы обработки земли, возводились террасы. Эта традиция зародилась ещё в эпоху бронзы и продолжала существовать в ряде местностей Северного Кавказа и в XIX в. Она требовала огромных трудозатрат и была вынужденной мерой, реакцией на малоземелье.

Нелегко приходилось горцам Дагестана. Здесь на душу населения хлеба было в 2,5 раза меньше чем на Тереке. Вот, какие сведения сообщались об аварском селении Орода исследователем И. Н. Вороновым: «Самый богатый из гидатлинских аулов – Орода – состоит из 272 дворов, с населением слишком в тысячу душ. На это тысячное население приходится пахати всего такое пространство, на котором можно засеять 2 600 саб или же 285 четвертей зерна. При здешнем среднем урожае (сам 5) с полей собирается до 12-ти тыс. саб, т.е. более чем по 40 саб на двор или семейство, или же по 12 саб на душу. Вот годовая пропорция собственно хлебом. Так как средне-дагестанская саба заключает в себе около 5 гарнцев, а весом – около 30 фунтов, следовательно, на каждого жителя приходится средним числом в

год 360 фунтов зерна, или же около 1 фунта в день. Такая дневная пропорция может показаться весьма недостаточною – но не для горца, постоянного и притом добровольного постника, довольствующегося в день несколькими комками толокна. По официальным же сведениям, эта пропорция оказывается ещё скуднее...» [1, с. 28].

Стоит ли после этого удивляться, что развитие капиталистических форм ведения хозяйства происходило далеко не равномерно в разных частях региона. Объективные причины заставляли часть горского населения держаться за вековые традиции и обычаи, которые хотя и не позволяли разбогатеть, но, тем не менее, являлись определённой гарантией выживания в экстремальных природных условиях.

Не имевшие опыта занятия земледелием в горных условиях жители русских поселений, размещённых здесь волею российских властей, оказались в ещё более тяжёлой ситуации. Вот, как оценивались результаты труда в трёх станицах Кубанской области – Баракаевской, Каменноостской и Севастопольской: «Качество получаемых продуктов земледелия, по отзывам населения, значительно хуже, чем у степных хлебов. Зерно пшеницы водянисто, мука получается сыроватая, что отражается и на хлебе; овёс – обыкновенно легковесный – не выше 5 пуд. четв. В пшенице всегда много сору и вредных примесей: головни, куколя и т.п. Просо получается пёстрое от неравномерного созревания, а в коронках подсолнуха бывает более чем на половину пустых зёрен; только кукуруза родится сравнительно хорошего качества, но и то не всегда. Из огородных и бахчевых растений лучше всего родится кормовая свёкла и картофель, если не захватят ранние морозы, очень здесь не редкие. Культура бобовых удаётся редко. Табак не высыхает и плеснет в тюках, сильно притягивая влагу» [9, с. 23].

Помимо пшеницы и ячменя, ещё одной культурой, получившей широкое распространение в регионе, была кукуруза. Её посевы в разы увеличились на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Только в Кабарде с 1867 по 1890 гг. урожай кукурузы возрос в десять раз и достиг цифры 800 тыс. пудов. В Чечне по данным с 1886 по 1891 г. кукуруза показала рост в 39 %. Терская область являлась региональным лидером по выращиванию этой культуры. Для наглядности целесообразно продемонстрировать следующую таблицу, которая характеризует ситуацию в Грозненском округе за период с 1888 по 1892 гг. [4, с. 586]:

Наименование культуры	Высевалось четвертей	Собиралось четвертей	Урожай сам
Кукуруза	11944	222682	18,6
Пшеница	13848	49563	3,66
Просо	1726	13061	7,6
Ячмень	2678	12808	4,8
Овёс	1209	5784	4,8
Картофель	65	410	6,3
Рожь	115	360	4,8
Разные яровые хлеба	67	320	4,8
Итого всего хлеба	31652	304988	9,6

Такой интерес к выращиванию кукурузы имел в своей основе экономическое обоснование. Она охотно приобреталась владельцами винокурных заводов и, как правило, перерабатывалась непосредственно на территории региона. Выращиваемая в Кубанской области кукуруза обеспечивала сырьём не только местных производителей, но и промышленников соседней Ставропольской губернии.

Помимо хлеба и кукурузы, спрос на которые был стабильно высок, в регионе выращивали табак. Для собственных нужд, как правило, разводили обычные сорта, а на продажу для табачных фабрик – элитные. Так, в городе Порт-Петровске на местном сырье работала табачная фабрика А. М. Михайлова. Только в Кубанской области в начале XX в. под табаком было не менее 13 тыс. десятин земли. Обратной стороной табаководства было истощение почвы, а потому далеко не все хотели заниматься этой культурой. Возрастала популярность производства льняного и подсолнечного масла на местном сырье [10, с. 238].

Увеличились объёмы выращиваемых огородных и садовых культур. Следует сразу указать на то, что они не достигли тех результатов, которые были характерны для зерноводства. Требуя больших затрат рабочей силы, удобрений, они зачастую не окупались при реализации. Их транспортировка на большое расстояние была невозможна, а непосредственно в регионе потребительский спрос был ограниченным. Урбанистический сектор Северного Кавказа был невелик, а потому для его обеспечения больших объёмов не требовалось.

Лишь строительство железнодорожных путей сообщения стало постепенно менять эту ситуацию. Например, из Дагестана в 1900 г. вывезли около 200 тыс. пудов фруктов. Этим занимались преимущественно оптовые скуп-

щики, т.к. мелкий производитель добиться рентабельности не мог, и был заинтересован в фигуре посредника. В дальнейшем объёмы вывозимых плодов ещё больше увеличились.

С каждым годом всё большей популярностью на Тереке стал пользоваться картофель. Это неприхотливое растение разводили не только на плоскости, но и в горной местности. Первыми картофель стали разводить солдаты местных крепостных гарнизонов. От них об этой культуре узнали и горцы. По данным с 1886 по 1894 г. её посадки в Терской области возросли в пять раз. Кроме картофеля, местные жители на своих огородах выращивали капусту, морковь, чеснок, лук.

Отдельно следует сказать о виноградарстве, успехи которого прослеживаются с конца 70-х гг. XIX в. На Северо-Восточном Кавказе, особенно в прикаспийских районах в исследуемый период было не менее 50 сортов винограда, который использовался в виноделии, засушивался в виде изюма, мог подаваться непосредственно к столу. В имевшем давние винодельческие традиции Кизлярском районе под виноградом было занято не менее 16 тыс. десятин земли. В начале XX в. Хасавюртовский и Кизлярский округа, районы вокруг Порт-Петровска, Темир-Хан-Шуры и Дербента давали примерно 18 % вина, которое производилось в регионе. Значительная его часть реализовывалась за пределами Северного Кавказа.

Эта отрасль хозяйства также широко практиковала привлечение наёмного труда. Только на виноградных плантациях, принадлежащих генерал-адъютанту Воронцову-Дашкову, в начале XX в. трудилось 1875 работников.

Для местного виноградарства было характерно проведение селекционных работ, применение новейших способов по разведению и переработке винограда [8, с. 221].

Среди технических культур, которые разводились в регионе, следует отметить марену. Потребность отечественной текстильной промышленности в красителях привела к тому, что только из Дагестана в различные российские губернии, начиная с 1847 и до 1873 гг. было отправлено примерно 5 197 437 пудов марены, и это не считая того, что прошло обработку на месте [3, с. 309].

Успешно адаптировалось к новым формам хозяйствования и животноводство. Учитывая, что основной тягловой силой в земледелии были быки, оно получило широкое распространение в крае. Местные породы крупного рогатого скота, особенно красный калмыцкий, серый украинский, или «черкасский», охотно

приобретались не только в пределах региона, но и на столичных рынках. В середине 70-х гг. XIX в. Ставропольская губерния относилась к числу лидеров по продаже скота в стране.

Ещё одним из направлений северокавказского животноводства было разведение овец. Долгое время среди них преобладали породы, дававшие лишь грубую шерсть, а мериносы были уделом отдельных заводчиков-энтузиастов [7, с.15]. Но с конца 60-х гг. ситуация кардинально поменялась. Наличие прекрасных пастбищ делало тонкорунное производство невероятно рентабельным, и даже экстенсивное отгонно-пастбищное содержание овец позволяло получать крупным скотопромышленникам большую выгоду. Если раньше уход за скотом осуществлялся, как правило, силами самой фамилии, которой он принадлежал, то теперь для этого нанимались работники, что стало ещё одной отличительной чертой наступившей эпохи. Труд батраков нашёл самое широкое применение в скотоводческом промысле.

Активно включились в торговлю овцами жители горных районов края. В Карачае и Балкарии, где была выведена собственная, хорошо адаптировавшаяся к местным условиям порода, новые рыночные правила оказались как нельзя кстати. Не имея возможности заниматься земледелием, жители этих районов Северного Кавказа успешно компенсировали такую ситуацию за счёт животноводства.

Продолжая практиковать отгонное животноводство, при котором скот в летние месяцы находился на горных пастбищах, а летом выпасался на равнине, местные скотоводы стали больше уделять внимания улучшению его качества. Особое внимание уделялось борьбе с эпизоотиями, которые наносили колоссальный вред стадам. Происходил обмен накопленным опытом, когда крупный рогатый скот закупался горцами у славянского населения для разведения у себя в аулах, а местные породы овец в свою очередь пользовались спросом у русских [3, с. 306].

По мере расширения площадей, занятых под хлебопашество, возможности занятия овцеводством сокращались. В начале XX в. наметился существенный спад в отрасли, который достиг 36 % от прежнего поголовья. Особенно пострадало тонкорунное овцеводство. Но Северный Кавказ по-прежнему считался одним из центров этой отрасли в масштабах страны. Были известны хозяйства, в которых и в начале XX столетия насчитывалось до 200 тыс. голов тонкорунных овец [4, с. 603].

Далеко за пределами края были известны местные породы лошадей, которых охотно за-

купали для нужд армии. На коневодстве специализировалась Кабарда. Крупнейших производителем племенных скакунов была Терская заводская конюшня, считавшаяся в регионе лидером в своём деле. В Кубанской области к 1897 г. насчитывалось 297 конных заводов. Лошадей старались выводить соответствующих параметров, прежде всего, это касалось роста и масти животных. Такой отобранный вид лошадей даже получил своё название – «казачья», т.к. разводился по заказу казачьих войск.

Начиная с 90-х гг. XIX в. осуществлялся переход от табунного способа разведения коней к заводскому коневодству. Впрочем, наличие промыслового коневодства не привело к полному вытеснению коневодства домашнего. Далеко не для всех работ нужны были племенные скакуны. Простые упряжные лошади использовались в хозяйстве для различных крестьянских работ, выполняли функции транспортной тягловой силы.

Численность разводимого скота постоянно подвергалась колебаниям. Она могла демонстрировать уверенный рост, после которого происходил спад поголовья. Эту тенденцию можно проследить на примере Дагестана, где количество коз и овец за период с 1869 по 1886 гг. возросло на 32 %, а всего скота (включая крупный рогатый, лошадей) было 2 851 174 голов. Но спустя четырнадцать лет поголовье снизилось почти на шестьсот тысяч, что объяснялось большими потерями в результате болезней и природных катаклизмов [3, с. 306].

Уменьшение количества скота на Ставрополье было обусловлено другими причинами. Здесь товарное зерноводство вытесняло другие виды деятельности, которые были не столь рентабельны. А потому в конце XIX в. многие владельцы предпочли перегнать свои стада в Западную Сибирь или Среднюю Азию.

Вместе с тем пастбища Северного Кавказа в свою очередь нередко арендовались выходцами из внутренних российских губерний. Исследовавший проблему организации артельного труда на Северном Кавказе Ф. Щербина отмечал следующее: «...в Кубанской области, а также в Земле Войска Донского и в некоторых местах Ставропольской губернии, встречаются и настоящие крестьянские аренды... Это большею частью однолетние артели, появляющиеся в некоторые годы в изобилии, а в другие совсем исчезающие. Они состоят из временных выходцев из более северных частей южной России, напр., из Воронежской губернии, и появляются только в годы неурожая или плохих урожаев сена на родине этих

выходцев. Этим последним обстоятельством определяется и самый их характер. Это – не производительные земледельческие артели в тесном смысле, а товарищества, организующиеся с целью найма степей или участков земли для прокорма скота. Когда обыкновенно бывает неурожай на травы в той или другой части южной России, тяготеющей к Дону и северному Кавказу, несколько хозяев-односельцев или земляков сговариваются идти на Дон, на Кубань или в Ставропольскую губернию с скотом на зимовку. С этой целью они отправляют в эти места из среды своих семей определенное количество рабочих, лишь только окажутся признаки неурожая травы, и здесь посланные нанимают степь под попас и под сенокосы... Потом уже пригонится под место зимовки и сам скот. <...> Как только минует беда на родине, они снова возвращаются домой» [11, с. 290–291].

Подводя итог развитию сельского хозяйства в северокавказском регионе, авторы коллек-

тивного труда по истории Северного Кавказа отмечали, что «довольно чётко выделяются районы торгового зернового хозяйства – степи Кубани, Ставрополя и Терека; товарного скотоводства – восточная часть Ставрополя и горские области; приобретают товарное значение и к концу столетия расширяются виноградники (прежде всего в Дагестане и в примыкавших у нему районах Терской области); наконец формируется район производства на рынок кукурузы, табака и подсолнечника – главным образом в западной части Кубанской области» [3, с. 310]. Сам по себе факт такого районирования являлся следствием произошедшей экономической трансформации Северного Кавказа, его капиталистической если и не зрелости, то, как минимум, успешности. Пожалуй, это стало одним из главных модернизационных проявлений, говоривших о встраивании региона в экономическое пространство империи.

Источники и литература

1. Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Кавказское горское управление, 1868. Т. I. Раздел VI. С. 3–36.
2. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала: ГУП «Типография ДНЦ РАН», 2009. 752 с.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
4. История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т. I. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 627 с.
5. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 248 с.
6. Канукова З. В. Город и традиционная культура жизнеобеспечения горожан Владикавказа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 6–37.
7. Клычников А. Ю., Клычников Ю. Ю. Алексей Фёдорович Ребров: страницы биографии / под ред. В. П. Ермакова. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 44 с.
8. Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: [б.и.], 1906. 468 с.
9. Македонов Л. В. Хозяйственное положение района станиц Баракаевской, Каменноостской и Севастопольской кубанской области. Статистико-экономический очерк. Воронеж: [б.и.], 1903. 91 с.
10. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
11. Щербина Ф. Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм. Одесса: [б.и.], 1880. 381 с.

References

1. Voronov N. I. Iz putesthestviya po Dagestanu (*From a trip to Dagestan*) // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah (*Collection of Information about the Caucasian Highlanders*). Tiflis, 1868. Vol. I. Part VI. P. 3–36. (In Russian).
2. Istorija mnogovekovykh vzaimootnoshenij i edinenija narodov Dagestana s Rossiej. K 150-letiju okonchatel'nogo vhozhdenija Dagestana v sostav Rossii (*The history of the centuries-old relationship and unity of the peoples of Dagestan and Russia. On the 150th anniversary of the final entry of Dagestan of the Russian*). Mahachkala: DSC RAS publ., 2009. 752 p. (In Russian).
3. Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) (*The history of the peoples of the North Caucasus (the end XVIII – 1917)*) / ed by A. L. Narochnickij. Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russian).
4. Istorija Chechni s drevnejshih vremjon do nashih dnei (*History of Chechnya from ancient times to the present day*): in 2 vols. Vol. I. Istorija Chechni s drevnejshih vremjon do konca XIX veka (*History of Chechnya from ancient times to the end of the twentieth century*). Groznyj: Knizhnoe izdatel'stvo, 2008. 627 p. (In Russian).
5. Kaloev B. A. Zemledelie narodov Severnogo Kavkaza (*The farming of North Caucasus people*). Moscow: Nauka, 1981. 248 p. (In Russian).
6. Kanukova Z. V. Gorod i tradicionnaja kul'tura zhizneobespechenija gorozhan Vladikavkaza (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.) (*The city and the traditional culture of life support Vladikavkaz residents (second half of them - the beginning of XX century)*) // Kavkazskij gorod: potencial jetnokul'turnykh svjazej v urbanisticheskoi srede (*Caucasian city potential ethnic and cultural ties in the urban environment*). St. Petersburg: MAE RAS publ., 2013. P. 6–37. (In Russian).
7. Klychnikov A. Ju., Klychnikov Ju. Ju. Aleksej Fjodorovich Rebrov: stranicy biografii (*Alexei Fedorovich Rebrov: biography pages*) / ed. by V. P. Ermakov. Pjatigorsk: PSLU publ., 2011. 44 p. (In Russian).

8. Kozubskij E. I. *Istorija goroda Derbenta (The history of the city of Derbent)*. Temir-Han-Shura, 1906. 468 p. (In Russian).
9. Makedonov L. V. *Hozjajstvennoe polozhenie rajona stanic Barakaevskoj, Kamennomostskoj i Sevastopol'skoj kubanskoj oblasti. Statistiko-jekonomicheskij ocherk (The economic situation of the district villages Barakaevskoy, Kamennomostskoy Sevastopol and the Kuban region. Statistics and economic essay)*. Voronezh, 1903. 91 p. (In Russian).
10. *Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii (North Caucasus as a part of the Russian Empire)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. (In Russian).
11. Shherbina F. *Ocherki juzhno-russkih artelej i obshhinno-artel'nyh form (Essays on the South Russian cooperatives and artisan communal forms)*. Odessa, 1880. 381 p. (In Russian).

УДК 94(47).083

Л. С. Гушчан

ВАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ В 1916 г.

Научный интерес к истории и культуре населения побережья оз. Ван, появившийся еще в XIX в., в российской науке получил развитие в начале следующего столетия. В годы Первой мировой войны Н. Я. Марр, И. А. Орбели и А. А. Миллер – представители петербургской школы востоковедения, совершили исследовательскую поездку в Ванскую область для комплексного изучения древних и средневековых памятников, а также традиционного быта армян, населявших регион. Базируясь на концепциях палеоэтнологической школы, сотрудник Этнографического отдела Рус-

ского музея и участник экспедиции А. А. Миллер ставил перед собой задачу выявить и зафиксировать архаичные черты, сохранившиеся в традиционной культуре: жилище, орудия труда, утвари, costume. Результатом экспедиции стали коллекции предметов, приобретенные А. А. Миллером, а также фотографии, сделанные им и его сотрудниками во время поездки.

Ключевые слова: Востоковедение, археология, этнография, петербургская школа, палеоэтнологическая школа, исследовательская экспедиция, архаика, традиционная культура.

L. S. Gushchian

VAN EXPEDITION OF ST. PETERSBURG ORIENTALISTS IN 1916

Having appeared as early as the XIX century, academic interest towards the history and culture of people inhabiting the shore of Lake Van in Russian science got its development in the beginning of the following century. In the years of World War I Nikolay Marr, Joseph Orbeli, Aleksander Miller – the representatives of St. Petersburg School of Oriental Studies took a research trip to Van region for complex studying of ancient and medieval monuments as well as the traditional way of living of the Armenian people inhabiting the region. With the reference to conceptual foundations of paleoethnological school,

the officer of the ethnographical department of the Russian museum and the participant of the expedition A. Miller aimed to specify and fix archaic traits remaining in traditional culture including dwelling, handicraft tools, utensils, costume. As a result of the expedition there were collections of items bought by A. Miller as well as photographs made by his officers and him personally during the trip.

Key words: Oriental studies, archaeology, ethnography, St. Petersburg school, paleoethnological school, research expedition, antiquity, traditional culture.

В XIX в. в европейской науке, вышедшей в своих исследовательских интересах за пределы классической древности, наступил новый этап развития востоковедения как дисциплины, включающей не только лингвистические, но и историко-археологические исследования. В это же время в исторической науке получило развитие изучение средневекового христианского

Востока [3; 7]. В русле данных научных направлений в сферу внимания западноевропейских (в первую очередь, немецких) исследователей, а позже и российских лингвистов и историков, попадает регион вокруг озера Ван, где находились армянские средневековые памятники архитектуры, а в первой половине XIX в. были зафиксированы клинописные петрогли-

фы [17]. Результаты исследований – рисунки и фотографии клинописных надписей, памятников средневековой архитектуры, предметов, обнаруженных во время археологических раскопок, манускриптов – систематически публиковались в ведущих профильных изданиях Европы. Кроме того, представляющие научный интерес артефакты вывозились для пополнения коллекций западноевропейских и российских музеев, а также частных собраний [10, с. 475–482]. При этом, на рубеже XIX–XX вв. каждый из европейских исследовательских центров и музеев, при накоплении научного материала, стремился приобрести как можно больше предметов материальной культуры.

В годы Первой мировой войны в результате боевых операций на Кавказском фронте русскими войсками был занят ряд областей Османской империи, в том числе и исторические армянские территории вокруг оз. Ван¹. Важный в военно-политическом отношении район – Ванская область – имел исключительное значение для российских исследователей – востоковедов, медиевистов, археологов, лингвистов, этнографов, поскольку они получили возможность изучения ранее малодоступных материалов по истории и культуре региона.

Российские ученые в конце XIX – начале XX в. обосновывали важность изучения «ванской старины» также тем, что она имела исключительное значение для понимания истории и культуры населения южных областей Российской империи [12]. Так, в 1911–1912 гг. на побережье озера Ван работал И. А. Орбели, командированный Императорской Санкт-Петербургской академией наук для лингвистических и археологических изысканий. Исследователю также было поручено «ознакомиться в Константинополе с собранием грузинских и армянских фрагментов, хранящихся в одном из константинопольских книгохранилищ» [6, с. 13]. Позже, в самом начале военных действий на Кавказском фронте, в ноябре 1915 г. экспедицию в ванский регион провел хранитель археологического отдела Кавказского музея в Тифлисе Смбат Тер-Аветисян². Главной целью его исследований являлись древние и средневековые памятники. Во время экспедиционной поездки С. Тер-Аветисян сфотографировал

клинописные надписи, собрал около 100 армянских рукописных книг и других предметов, связанных с армянской средневековой историей [12; 15, с. 27, 29]. Основные задачи обеих экспедиций не предусматривали сбор этнографического материала, тем не менее, во время этих поездок были сделаны записи фольклорных текстов и зафиксированы некоторые аспекты бытовой культуры жителей области [9]. Таким образом, все более актуальной задачей российской науки становилось комплексное исследование Ванской области, а также сохранение памятников ее культуры.

Проект такого исследования был предложен в начале 1916 г. на заседании Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. С докладом о «древностях Ванской области» выступил востоковед, археолог и лингвист академик Н. Я. Марр, после чего «возникла мысль о крайней желательности организовать безотлагательную экспедицию в этот район для изучения на месте, охраны и собирания предметов старины» [1, л. 4 об.]. Присутствовавший на заседании профессор-антиковед М.И. Ростовцев вместе с докладчиком, обратились к хранителю ЭО археологу и этнографу А.А. Миллеру с предложением о проведении многоплановой научной экспедиции в регион г. Ван [1, л. 4 об.].

Работа этнографической экспедиции в Ванскую область отражена в материалах, хранящихся в архивах Российского этнографического музея (РЭМ) и Государственного Русского музея. Документы включают протоколы заседаний этнографического отдела (ЭО) Русского музея императора Александра III, на которых обсуждались план и задачи экспедиции, состав участников, а по возвращении – результаты исследовательской поездки и финансовые отчеты. Кроме того, сохранились письма и рапорты, направленные в адрес военной и гражданской администраций Кавказа, составленные сотрудниками и руководителями музея, а также экспедиционный отчет А. А. Миллера.

Проект комплексной экспедиции «в Ванскую область и иные части Армении» [1, л.11 об.] был поддержан председателем Русского археологического общества и августейшим управляющим Русским музеем великим князем Георгием Михайловичем. Для реализации экспедиционной поездки в зону военных действий Кавказского фронта на имя императора Николая II было составлено общее научное обоснование. Данный документ позволяет определить цели и задачи проекта, а также дает возможность выделить научную мотивацию

¹ В ходе военных кампаний 1915–1916 гг. под контролем русской армии оказалась вся территория Западной (Турецкой) Армении. Частями кавказской армии были заняты города Ван, Битлис, Эрзрум, Эрзинджан, Трапезунд. Русские войска контролировали и северо-восточные районы Ирана: гг. Джульфу, Хой, Урмия.

² Маршрут С. Тер-Аветисяна проходил через Джульфу, Хой и Сарай в г. Ван [15, с. 27].

комплексной археологической и этнографической экспедиции. В тексте научного обоснования указывается, что «к Кавказу присоединяются... местности древнего Ванского царства, оставившего многочисленные памятники, царства, преемственно связанного с древнейшими очагами культуры и истории, в сущности, неотделимого от нашего Закавказья в его отдаленном прошлом» [5, с. 252]. Важной задачей для исследователей представлялись научная фиксация и спасение памятников армянской культуры от гибели, поскольку условия военного времени пагубно отражались, прежде всего, на памятниках старины: многие монастыри с богатейшими собраниями древних рукописей и ризницами были полностью разграблены, а храмы разрушены турками. Кроме того в этот регион, широко известный своими памятниками старины, проникали частные коллекционеры и скупщики, которые наносили немало вреда планомерным научным работам. Необходимость скорейшего проведения экспедиции диктовалась еще и тем, что из-за военных действий «не в меньшей степени нарушен будет и характерный уклад жизни местного населения, в большинстве случаев вынужденного бросить свои поселения и имущество... эти обстоятельства возбудили в русских научных кругах мысль о крайней необходимости путем специальных экспедиций теперь же начать планомерное исследование исключительно интересной местности и этим, прежде всего, ознаменовать проникновение русской культуры в новый край» [5, с. 252]. Для выполнения задач, указанных в научном обосновании, предполагалась комплексная работа петербургских востоковедов в Ванской области. В состав экспедиции вошли академик Н. Я. Марр, приват-доцент Петроградского университета И.А. Орбели, хранитель ЭО А. А. Миллер. Великим князем Георгием Михайловичем и графом Д. И. Толстым проект предполагаемого исследования был предложен на утверждение императору Николаю II, который, согласно записи в журнале заседания совета ЭО от 25 апреля 1916 г., «собственноручно соизволил начертать: "Вполне одобряю; нужно торопиться"» [1, л. 11–12].

Этнографическую группу Ванской экспедиции возглавил А. А. Миллер (1875–1935), куратор научных работ на Кавказе, член Императорского археологического общества, с 1909 г. являвшийся хранителем ЭО. Он начал свою карьеру как военный служащий, впоследствии, выйдя в отставку в чине штабс-капитана железнодорожных войск [11, л. 115], получил историческое образование в Париже, где про-

слушал курс лекций в Высшей школе социальных наук Ф. К. Волкова. Во Франции А. А. Миллер работал в Антропологической школе и в музеях под руководством археолога Габриэля де Мортилье. В 1907 г. он приступил к работе в ЭО под руководством известного востоковеда, арабиста, хранителя отдела К. А. Иностранцева. Став сотрудником музея, А. А. Миллер совершил ряд экспедиций на Кавказ, Украину и в Белоруссию. Как представитель палеоэтнографической школы он сочетал в своей исследовательской и собирательской деятельности методы как археологии, так и этнографии. Возглавив востоковедческие исследования в ЭО, А. А. Миллер начал проводить монографические обследования всего Кавказского региона, чтобы как можно более полно представить его в вещевых коллекциях [4, с. 146]. Большой исследовательский опыт, приобретенный в экспедиционных поездках, способствовал тому, что А. А. Миллер принял участие в разработке программ, ставших методической основой для комплектования музейных коллекций ЭО. Требования к содержанию формируемых коллекций были таковы, чтобы на их базе можно было проводить глубокий диахронный и кросскультурный анализ. В своих исследованиях ученый придерживался концепции, согласно которой, в костюмах, утвари, жилище современных народов сохраняются архаичные черты, прослеживающиеся в археологических памятниках. Таким образом, с его точки зрения, данные археологических раскопок во многом дополняются этнографическими материалами, создавая общую историческую картину изучаемого региона.

А. А. Миллер применил данный научный подход при обосновании экспедиции в Ванскую область. В своей программе ученый подчеркнул необходимость комплексного исследования, указывая, что работы по этнографическим исследованиям часто ограничивались лишь непосредственным разбором фактов народной культуры, без попыток осветить их совокупностью данных языка и истории. С другой стороны, исследователи в области языка в своих выводах и построениях исторических перспектив на основании «языковой археологии» зачастую не принимали во внимание ни данных «вещественной этнографии», ни данных археологии. Между тем, как отмечал А. А. Миллер, широкие обоснованные научные выводы, могут быть сделаны лишь на основании результатов по возможности полных и всесторонних исследований [5, с. 254].

Представления А. А. Миллера о том, что язык и материально-бытовая культура именно

армянского населения Ванской области имеют важное научное значение для характеристики истории всего региона, нашли отражение в программе этнографической экспедиции. Работы по армянской «вещественной этнографии», которые должны были производиться по настоянию А. А. Миллера, «при участии лица, знакомого с армянским языком», могли выявить новые и чрезвычайно интересные материалы. Программа исследования включала следующие темы: «1) жилище и постройки (фотографии, рисунки, чертежи); 2) народное хозяйство (уход за скотом, упряжки, способы передвижения, земледелие с его орудиями, инструментами и проч.); 3) народная пища (записи приготовления пищи, пища обрядовая, посуда и утварь); 4) народные одежды (богатые, рабочие, обрядовые, детские); 5) народные ремесла (кузнец, гончар и т. д.); 6) народное искусство (ткани, вышивки, ювелирное дело, музыкальные инструменты и проч.)» [5, с. 254].

План и организация экспедиционных работ представлялись А. А. Миллеру следующим образом: «Произвести исследования в Армении, работать одновременно в трех направлениях: собирая коллекции этнографических предметов, освещать их по возможности данными языка, а также производить антропологические исследования путем специальных измерений. Это основная программа деятельности экспедиции определяла и ее состав» [2, л. 46]. На заседании Совета ЭО 25 апреля 1916 г. А. А. Миллер представил будущих участников этнографической экспедиции, в состав которой вошел он сам как руководитель, а также антрополог и фотограф А. Г. Алешо, лингвист П. М. Макинцян и служитель отдела И. И. Иванов.

Александр Гаврилович Алешо¹ был рекомендован сотрудником ЭО, известным исследователем Ф. К. Волковым. Для выполнения поставленных задач на заседании отдела было решено отпечатать 1000 экземпляров бланков для фиксации антропологических данных по образцу, принятому в Кабинете географии и антропологии Императорского Петроградского университета [1, л. 12 об. – 13].

Павел Никитич Макинцянов (Погос Мкртичевич Макинцян)² был рекомендован академиком Н. Я. Марром для выполнения лингвистической программы. Выбор данной кандидатуры

был обусловлен, вероятно, тем, что П. М. Макинцян, будучи выпускником гимназических классов Лазаревского института и историко-филологического факультета Московского университета [7, л. 7], в совершенстве владея академическими армянским и русским языками, мог выполнять поставленные перед ним задачи по фиксации лингвистического материала³. В 1915–1916 гг. П. М. Макинцян преподавал в женском педагогическом училище св. Гаянэ⁴ и в духовной семинарии в Эчмиадзине [2, л. 46]. В годы войны он вместе с другими представителями армянской интеллигенции участвовал в работе благотворительных организаций, принимавших беженцев из Западной Армении⁵. Академические и общественные связи П. М. Макинцяна способствовали в ходе экспедиции взаимодействию сотрудников петербургского музея с армянскими общественными кругами, в том числе Эчмиадзинским католикосатом.

Программа по фиксации и сбору археологических, этнографических, антропологических и лингвистических данных предусматривала разделение работ между участниками экспедиции, которые выехали из Петрограда в разное время и прибыли в Тифлис 17–19 мая 1916 г. Далее экспедиция отправилась лишь 1 июня, так как только к этому времени А. А. Миллер получил из штаба армии и шта-

³ При подготовке к экспедиции П. Макинцян приобрел два словаря: «Провинциальный словарь Ачаряна – 4 рубля 50 коп; словарь Амасуни – 2 рубля», что зафиксировано в расходной ведомости [2, л. 35].

⁴ В педагогическом училище св. Гаянэ П. М. Макинцян преподавал следующие дисциплины: «Русский язык и литература», «Русская история», «География Российской империи» [7, л. 5, 113 об. – 114].

⁵ В воспоминаниях Мартироса Сарьяна, дружившего с Погосом Макинцяном, подчеркивается участие последнего в организации помощи армянским беженцам в 1914–1915 гг.: «В 1914 г. во время Первой мировой войны в Москве был организован Армянский комитет, в который вошли все слои армянской общественности, проживавшей тогда в Москве... В Московском Армянском комитете возникла тогда идея издания литературного сборника под названием “Поэзия Армении” на русском языке... Здесь как раз и показал себя Погос Макинцян... Будучи высокообразованным и культурным человеком, имея большое знакомство и связи в литературных кругах России, он смог быстро организовать это дело и привлечь самых выдающихся литераторов во главе с Валерием Яковлевичем Брюсовым. По выражению многих русских писателей, знакомящихся с блестящей поэзией Армении, явилось событием в русской литературе» [7, л. 33–34]. М. Сарьян также подчеркивает роль П. Макинцяна в возвращении в Армению из Москвы армянских рукописей: «Мы ему обязаны нашим Матенадараном, составляющим гордость армянского народа, который он вывез из Москвы буквально в дни, когда из церковных архивов извлекались все представляющее материальную ценность» [7, л. 35].

¹ Алешо А. Г. (1890–1922) – по завершении экспедиции в Ванскую область был зачислен в штат ЭО [1, л. 32].

² П. М. Макинцян (1884–1938) – впоследствии видный политический деятель: в 1919–1920 гг. – заведующий отделом просвещения нацменьшинств в Наркомпросе РСФСР, в 1921 г. – нарком внутренних дел и нарком просвещения, заместитель председателя Совета народных комиссаров Армении [7, л. 10].

ба округа все нужные ему бумаги, в том числе пропуск в действующую армию и открытый лист о содействии со стороны военных властей для каждого из членов экспедиции¹. Кроме того, в штабе Кавказского фронта были урегулированы вопросы, связанные с разрешением на вывоз предметов, которые планировалось приобрести во время экспедиционной поездки, поскольку официально предписывалось для лиц, командированных от каких-либо учреждений, обращаться за специальным разрешением в штаб Кавказского военного округа. «Обыкновенно, – как отмечает А. А. Миллер, – в случае обращения кого-либо с подобным ходатайством, штаб округа запрашивал мнение директора Кавказского музея. В данном случае нужное удостоверение получено было в штабе для экспедиции самим полковником Казнаковым»².

Тем не менее, как указывает в экспедиционном отчете А. А. Миллер, наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич «изволил выразиться о научной экспедиции в Турецкую Армению как о деле “не своевременном”» [2, л. 49].

Находясь в Тифлисе, А. А. Миллер, сообразно своей теоретической концепции сбора архаичного материала, стремился получить информацию не только о ситуации в Ванской области, но и о возможностях приобретения необходимых ему научных данных и предметов. Городская и модернизированная культура армян оставались за пределами его научного интереса. Так, в отчете он пишет: «Сведения, полученные от интеллигентных армян, бывших уже во время войны в Ване, а также от армян, состоявших в военных дружинах, были неблагоприятны. Указывают на то, что большинство армянского сельского населения находится не в Ванской области, а в пределах России, именно в Эриванской губернии, что в самый Ван начинают возвращаться армяне, но более

зажиточные, именно тот класс, который всего меньше мог представлять собой интерес для этнографии» [2, л. 48]. Именно поэтому у собирателя вызвали разочарование «кружева и ажурные работы из полотна, исполненные по французским образцам», которые продавались в благотворительных обществах в Тифлисе, «куда он проследовал с художником Мартиросом Сарьяном» [2, л. 48]. Кроме того, благодаря архивным материалам известно, что «антиквариат», в том числе и перевезенный контрабандой, концентрировался в административном центре Кавказа – Тифлисе, несмотря на усилия, предпринимаемые государством по охране памятников материальной культуры Западной Армении. В полевом отчете говорится, что, осмотрев рынок и побывав у старьевщиков, А. А. Миллер обнаружил, что некоторый интересующий его материал из Вана проникает к торговцам Тифлиса, но его не показывают, опасаясь конфискации. При этом наблюдался рост цен на предметы, которые могли заинтересовать коллекционеров: так в одном из магазинов была выставлена армянская вышивка шелком, которая оценивалась в 65 рублей, притом, что обычная стоимость таких вещей составляла 3–5 рублей. Из Тифлиса А. А. Миллер планировал направиться в Эривань, где, по его свидетельству, было большое скопление беженцев. Беспокойство ученого о том, что в Ванской области вообще уже не осталось армянского населения, были рассеяны военными, сообщившими, что, «вероятно армянское население в крае есть, т.к. в штабе имеются донесения о нападении курдов на армян в Ванской области» [2, л. 48–49].

Интерес научной общественности и коллекционеров к армянским памятникам материальной культуры стал причиной широкой контрабанды и вывоза на продажу культурных ценностей из Ванской области³ и других армянских районов. Против грабежа и расхищения исторических ценностей выступал поддержанный российскими властями в этом вопросе Эчмиадзинский престол, который прикладывал величайшие усилия для спасения, в частности, армянского рукописного наследия. Об этом свидетельствует А. А. Миллер в своем отчете, объясняя причину своего отказа сбора манускриптов тем, что были «известные недоразумения, уже возникавшие на этой почве между армянами и лицами, собиравшими

¹ А. А. Миллер указывает также на содействие, оказанное экспедиции военными чиновниками в Тифлисе [2, л. 46–47].

² А. А. Миллер в своем экспедиционном отчете сообщает о том, что «приблизительно за два-три дня до отъезда стало известно, что в Ван намеревается ехать также директор Кавказского музея А. Н. Казнаков, незадолго до этого возвратившийся из поездки в Эрзерум. С А. Н. Казнаковым выработано было известное соглашение о разграничении деятельности его – с одной стороны и хранителя Миллера – с другой. Решено было, что армянские рукописи, а также камни с клинообразными надписями будут собираться А. Н. Казнаковым для Кавказского музея, а А. А. Миллер, во исполнение заранее утвержденной программы, будет собирать коллекции этнографические, а также древности могильные» [2, л. 50–51].

³ Как отмечалось выше, одной из задач археологической ванской экспедиции под руководством Н. Я. Марра была охрана памятников материальной культуры в регионе Вана, которую, по его признанию, в полной мере решить не удалось [2, л. 5–6].

рукописи и древние надписи». Для урегулирования данной проблемы властями было принято решение, согласно которому все предметы старины, принадлежавшие армянским храмам, непременно должны были передаваться в Эчмиадзинский музей. Как отмечает А. А. Миллер, «в силу этого распоряжения... огромное количество рукописей, собранных хранителем Кавказского музея Тер-Аветисовым, командированным Императорской Академией наук, поступили в библиотеку Эчмиадзина» [2, л. 51]¹.

Исследовательская поездка из Тифлиса в прифронтовую зону требовала согласования с военной администрацией, по совету которой экспедиционной группой был выбран наиболее безопасный маршрут, пролегающий через иранские города Хой и Джульфу², куда 1 июня выехали все, кроме руководителя, участники экспедиции, в сопровождении директора Кавказского музея А.Н. Казнакова, «незадолго до этого возвратившегося из поездки в Эрзерум» [2, л. 51]. А.А. Миллер прежде чем поехать в Джульфу «2 числа приехал в Эривань, чтобы навести справки об армянских беженцах и, побывав в Эчмиадзине, ознакомиться там с материалом, собранным в последнее время среди беженцев из Ванской области». Однако, просмотрев, в частности, ювелирные изделия, этнограф был разочарован тем, что они представляют собой современные предметы, наподобие «поздних кавказских поделок самого дурного вкуса: филигранные подстаканники, вазочки и разные вещи сувенирного характера» [2, л. 52].

Далее для получения информации о возможности сбора этнографических памятников и их предполагаемой стоимости А. А. Миллер последовал в Эчмиадзин, где ознакомился с небольшим собранием предметов армянской традиционной культуры, которое произвело на него благоприятное впечатление. Как отмечает хранитель петербургского музея, «собрание предметов этнографии начато было сравнительно недавно и по личному почину архимандрита и ректора духовной академии о. Горегина³. Показывая свое собрание, о. Го-

регин уверял, что благоприятное время упущено, что цены на предметы поднимаются невероятно. Коллекция, собранная с таким опозданием, с затратой на это около 2500 рублей, по словам о. Горегина, стоила в данный момент 10–12 тысяч». Хранитель ЭО отмечает, что этнографическое собрание было внушительным и включало значительное количество серебряных украшений, предметов костюма, вышивок, каждый экспонат был снабжен каталожной карточкой, по которой в книге учета можно было найти подробные сведения о местном названии, а также населенном пункте, откуда происходил предмет. Однако он также замечает, что научная ценность собрания несколько снижается тем, что «отдельные части костюмов не были составлены в целые комплексы, и, вообще говоря, во всей коллекции не было ни одного полного костюма, ни мужского, ни женского» [2, л. 52–53].

В поисках артефактов А. А. Миллер направился в Эривань, где осмотрел дворец Сардара. О своих впечатлениях он пишет следующее: «Возвратившись в Эривань, на следующий день был осмотрен дворец Сардара и мечеть при нем. Мечеть находится в состоянии полного разрушения: изразцы частью осыпались, некоторые части здания, покрытые росписью, перецарапаны, загрязнены и исписаны. От дворца Сардара остался лишь свод над большим окном, выходящим в сторону реки Занги, все остальное обрушилось. От боковой пристройки остались лишь небольшие холмики мусора, совершенно исчез и, видимо, давно летний садовый павильон. Эта печальная картина разрушения оказалась тем более убедительной, что еще недавно была переписка по вопросу об охране дворца» [2, л. 53].

Все участники экспедиции прибыли в город Ван 10 июня и выехали оттуда 24–26 июля. Во время работы в Ванской области экспедиция для проведения исследований в полном составе выезжала в селение Алур, кроме того, руководитель группы совершил поездки в город Битлис и монастырь Сурб Хач на о-ве Ахтамар.

Основная работа по сбору этнографических памятников, характеризующих главным образом традиционную культуру армянского населения региона, проходила в городе Ван, поскольку из-за угрозы нападения регулярной турецкой армии и иррегулярной курдской конницы большое число жителей армянских городов и сел области искало здесь убежище.

Ани, производимых под руководством Н. Я. Марра, являлся действительным членом Кавказского отделения Московского императорского археологического общества. В 1914–1918 гг. являлся членом Комитета братской помощи и принимал участие в работе по приему и размещению беженцев из Западной Армении [14, с. 580].

¹ Благодаря деятельности С. Тер-Аветисяна, бывшего в 1914–1919 гг. главным хранителем археологического отдела Кавказского музея, в частности, была спасена армянская библиотека в Эрзруме и ряд церковных и светских памятников материальной культуры из Муша, Битлиса и др. армянских городов. см. письмо, направленное С. Тер-Аветисяном министру иностранных дел РА в 1919 г. [15, с. 29].

² Как указывает А. А. Миллер, короткий путь Игдыр–Ван в это время был закрыт [2, л. 49].

³ Речь в тексте отчета А. А. Миллера идет об о. Гарегине Овсепяне (1867–1952), будущем католикосе Гарегине I Великого дома Киликийского (1943 г.). Отец Гарегин в 1909–1911 гг. принимал участие в раскопках Гарни и

А. А. Миллеру удалось собрать вещевые коллекции¹, в состав которых входят предметы из различных населенных пунктов региона. Общее число приобретенных во время поездки памятников материальной культуры, составляющих армянские коллекции, – 396 предметов, далее по количеству вещей следуют: айсорские – 110 предметов, курдские – 5 предметов, турецкие – 2 предмета. Географический диапазон собранных памятников традиционной культуры армян охватывает практически все побережья оз. Ван. Представлены вещи из гг. Ван, Битлис, Мокс, Муш, Шатах и ряда сел². Основу армянских коллекций из Ванской области составляют 5 полных костюмных комплексов. Были собраны также отдельные предметы: мужские и женские головные уборы, одежда, обувь, образцы вышивок, элементы детского и девичьего костюмов, различные ювелирные украшения – налобные, височные, шейные украшения, серьги, браслеты, пряжки и др. Текстильное ремесло армян Вана представлено обширной коллекцией набойных досок и другими инструментами местного набоечного производства (153 предмета), а ковроткачество – тремя коврами, изготовленными в г. Битлисе.

В ходе ванской экспедиции было сделано около 60 фотографий, представляющих природный ландшафт области, исторические памятники, виды Вана и Алура, кварталы и здания города, портреты его жителей.

В г. Ван А. Г. Алешо заполнил антропологические карточки на основании сведений, полученных от 147 человек из населенных пунктов, расположенных к югу от Ванского озера, в районах Хизан, Мокс и Шатах. Карточки включают не только антропометрические данные армянского населения области, но и информацию о профессиях, фамилиях, предпочтениях в выборе имени жителей тех или иных армянских населенных пунктов. Научная ценность собранных материалов также состоит в том, что они позволяют выявить срез возрастного, социального и профессионального состава беженцев за определенный промежуток времени. Индивидуальная антропологическая карточка сопровождается фотографией в фас и профиль, выполненной А. Г. Алешо.

Один из руководителей Ванского сопротивления, председатель администрации Васпуракана, уполномоченный Всероссийского союза городов в Ванской области Константин Исако-

вич Амбарцумян (Кости Амбарцумян)³ оказал значительное содействие экспедиции в ее работе, «особенно, как отмечает А. А. Миллер, в отношении антропологических измерений, которые удалось произвести исключительно благодаря его помощи и влиянию среди армянского населения» [16 л. 23 об.].

Лингвистический материал, собранный на территории Ванской области включает данные по армянской ономастике, вещевой терминологии и региональной топонимике. Благодаря работе, проведенной П. М. Макинцян, этнографические памятники, собранные в регионе оз. Ван, снабжены информацией о селении, в котором они бытовали, а также названии предмета на местном диалекте. Записи на антропологических карточках велись им на двух языках – русском и армянском. В ходе экспедиции, вероятно, путем опросов местного населения и на основании сведений, полученных от администрации, также на армянском и русском языках был составлен порайонный список населенных пунктов области, с указанием этнического состава населения.

По завершении ванской этнографической экспедиции П. М. Макинцян был откомандирован до 1 августа 1916 г. в распоряжение археологической группы петербургских исследователей⁴, возглавляемой Н. Я. Марром. Остальные участники экспедиции, выехав из Вана, согласно финансовым отчетам, смогли воспользоваться для возвращения коротким маршрутом, проходившим через Гили, Бегри-Кала, Баязид-Ага, Соук-Су, Игдыр, Эчмиадзин (ж/д станция), Улуханлу, Эривань и прибыли в Тифлис 3 августа. 18 августа экспедиция выехала из Тифлиса в Петербург [2, л. 55–57 об.].

Таким образом, итогом комплексной экспедиции ЭО в Ванскую область стало приобре-

³ О Константине Амбарцумяне (1882–1918) [17, с. 175–176].

⁴ Результаты археологической экспедиции в Ванскую область согласно годовому отчету Археологического общества за 1916 г. также были внушительны: «Экспедиция в составе действительного члена общества Н. Я. Марра, И. А. Орбели и командированных обществом фотографа А. М. Вруйра, архитектора-художника П. Е. Княчнитского, начала работы в Ване 12 июня и закончила их 25 июля. Пока отделению доложена лишь первая часть отчета экспедиции, из коей видно, что И. А. Орбели произведены раскопки на Ванской скале, причем были раскопаны две высеченные в скале ниши, в одной из которых обнаружены три пространственные клинописные надписи царя Сардура II (VIII в. до р.Х.). Надписи эти прочтены Н. Я. Марром, исследования которого печатаются...» (См.: Иосиф Орбели. Сборник документов и материалов. Ереван, 2013. С. 28–29). Следует также заметить, что содействие, оказанное участником археологической группы И. А. Орбели сотрудникам ЭО было специально отмечено на заседании Совета музея от 17 декабря 1916 г., подводящего итоги экспедиции А. А. Миллера [1, л. 32 об.].

¹ На приобретение коллекций было израсходовано 2 879 руб. 15 коп. [2, л. 13].

² Согласно современным описям коллекции: Амур, Авав, Алджавас, Анатан, Бердак, Ванах, Ваник, Датван, Дармон, Згерд, Картчкан, Коты, Культик, Мачкон Сурп Хач, Татык, Харымшад, Хизан, Уранц, Эрен.

тение уникальных этнографических, лингвистических и антропологических материалов. Исключительное историко-культурное значение данных, полученных в ходе экспедиционной поездки, заключается в том, что сведения о традиционной культуре армян были собраны и зафиксированы непосредственно в одной из областей исторической Западной Армении. Другим важным обстоятельством, которое следует учитывать при оценке деятельности экспедиции ЭО 1916 г., является то, что в условиях военного времени российские государственные и научные круги объединили свои интересы для исследования культурного наследия Ванской области. Полученные в ходе экспедиционной работы научные данные имели теоретическое обоснование, разделяемое крупнейшими русскими востоковедами, согласно которому современные народы, в своей традиционной культуре сохранили архаичные

черты, связывающие их в историческом прошлом со средневековым и древним населением данного региона. Экспедиция А. А. Миллера вписала одну из ярких страниц не только в историю формирования армянских коллекций ЭО, но и в русское востоковедение в целом. Интерес России к собственному христианскому Востоку в конце XIX – начале XX вв. возрос в рамках общеевропейской тенденции актуализации научного, вслед за политическим, интереса к истории Востока. В этот период происходило новое обретение и осмысление истории армянского народа, связанного с ранними цивилизациями Передней Азии и античного Востока, что, в свою очередь, давало возможность российской имперской науке конкурировать с академическими традициями других великих держав как в сугубо исследовательском отношении, так и в плане приоритета в изучении истории и культуры одного из древнейших народов.

Источники и литература

1. Архив Российского этнографического музея (далее – РЭМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 107.
2. Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед.хр. 411.
3. Василевский В. Обзорение трудов по византийской истории. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1890. Вып. 1. 237 с.
4. Дмитриев В. А. Коллекции по культуре народов Кавказа и Крыма // Российский этнографический музей 1902–2002. СПб.: Славия, 2001. 280 с.
5. Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 832 с.
6. Иосиф Орбели. Сборник документов и материалов. Ереван: Национальный архив Армении, 2013. 344 с.
7. Национальный архив Республики Армения (далее – НАРА). Ф. 1091.Список 22. Д.791. Личное дело 550.
8. НАРА. Ф. 552. Список 2. Д.8.
9. Орбели И. А. Фольклор и быт Мокса. М.: Наука, 1982. 144 с.
10. Орбели Р. Р. Азиатский музей – Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. 499 с.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 530. Оп. 1. Д. 21.
12. Тураев Б. А. История Древнего Востока. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. Том I. 340 с.
13. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья (с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.). Л.: Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, 1949. 134 с.
14. Haykakan sovetakan hanragitaran. Yerevan: Hay sovetakan hanragitaran hratarakchutun, 1980. Vol. 6. 720 p.
15. Karapetyan S. Kovkasyan thangarani haykakan havaqacun. Yerevan: Gitutyn, 2004, 96 p.
16. Kureghyan E. Im husheri chanaparhov. Yerevan: Lusakn, 2009. 354 p.
17. Vardanyan S. Hayastani mayraqaghaqneri. Yerevan: Apolon, 1995. 262 p.

References

1. Archive of Russian museum of ethnography. F. 1. Inv. 1. D. 107. (In Russian).
2. Archive RME. F.1. Inv. 2. Item 411. (In Russian).
3. Vasilevskii V. Obozrenie trudov po vizantiiskoi istorii (*Observation of the proceedings on the history of Byzantium*). St. Petersburg: V.S. Balashev's printing office, 1890. Issue 1. 237 p. (In Russian).
4. Dmitriev V. A. Kollektzii po kul'ture narodov Kavkaza i Kryma (*Collections on the culture of the people of the Caucasus and the Crimea*) // Rossiiskii etnograficheskii muzei 1902–2002. St. Petersburg: Slaviya, 2001. 280 p. (In Russian).
5. Dmitriev S. V. Fond Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya po kul'ture narodov zarubezhnogo Vostoka: istoriya formirovaniya i sud'ba (1901–1930-e gg.) (*A collection on the culture of the people of the exterior East in the Ethnographical department of the Russian Museum: history of formation and its destiny (1901–1930)*). St. Petersburg: SPbSU publ., 2012. 832 p. (In Russian).
6. Iosif Orbeli. Sbornik dokumentov i materialov (*Iosif Orbeli. A collection of documents and materials*). Erevan: Armenian national archive. 2013. 344 p. (In Russian).
7. National archive of the Armenian Republic. F. 1091. Inv. 22. D. 791. P.F. 550. (In Russian).
8. NARA. F. 552. Inv. 2. D. 8. (In Russian).
9. Orbeli I. A. Fol'klor i byt Moksa (*Folklore and the daily craft of Moks*). Moscow: Nauka, 1982. 144 p. (In Russian).
10. Orbeli R. R. Aziatskii muzei – Leningradskoe otdelenie Instituta Vostokovedeniya AN SSSR (*Asian museum – a Leningrad department of the Institute of Oriental studies AS USSR*). Moscow: Nauka, 1972. 499 p. (In Russian).
11. Russian state historical archive (RSHA). F. 530. Inv. 1. D. 21. (In Russian).

12. Turaev B. A. 'Istoriya Drevnego Vostoka (*History of Ancient East*. L. State social-economic printing office). Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1935. Vol. I. 340 p. (In Russian).
13. Piotrovskii B. B. Arkheologiya Zakavkaz'ya (s drevneishikh vremen do I tysyacheletiya do n. e.) (*Archaeology of the Transcaucasus (from the ancient times till the first millennium BC)*). Leningrad: LSU publ., 1949. 134 p. (In Russian).
14. Haykakan sovetakan hanragitaran (*Armenian Soviet Encyclopedia*). Yerevan: Hay sovetakan hanragitaran hratarakchutyun, 1980. Vol. 6. 720 p. (In Armenian).
15. Karapetyan S. Kovkasyan thangarani haykakan havaqacun (*Armenian collection of the Caucasian museum*). Yerevan: Gitutyn, 2004, 96 p. (In Armenian).
16. Kureghyan E. Im husheri chanaparhov (*On the way over my memory*). Yerevan: Lusakn, 2009. 354 p. (In Armenian).
17. Vardanyan S. Hayastani mayraqaghaqneri (*The Capitals of Armenia*). Yerevan: Apolon, 1995. 262 p. (In Armenian).

УДК 902/908

В. А. Дмитриев

ПАЛЕОЭТНОЛОГИЯ И ХРАНИТЕЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО МУЗЕЯ А. А. МИЛЛЕР

Палеоэтнология была научной дисциплиной, занимавшей определенные временные позиции в истории археологии и этнографии. В России ее расцвет приходится на 1920-е гг., хотя был подготовлен развитием мировой науки в предшествующий период. В осуществлении принципов палеоэтнографии значительная роль принадлежала музейным организациям, в частности Этнографическому отделу Русского музея в Петрограде – Ленинграде (ЭОРМ). До начала 1930-х гг.

характер работы ЭОРМ во многом определял Александр Александрович Миллер (1875–1935), видный представитель отечественного отряда направления палеоэтнографии. Им были выработаны методы полевой работы, сочетавшие этнографические и археологические исследования и предполагавшие поиск архаики в народной культуре.

Ключевые слова: Палеоэтнология, археология, этнография, музей, полевые исследования, музейный предмет, архаика, народная культура.

V. A. Dmitriev

PALEOETHNOLOGY AND THE CURATOR OF THE ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT OF THE RUSSIAN MUSEUM A. MILLER

Paleoethnology was a discipline to hold certain temporary position in the history of archeology and ethnography. In Russia it prospered in the 1920s, which was mainly due to the development of world science in the preceding period. In the implementation of the principles of paleoethnology a significant role belonged to museum organizations, in particular the Ethnographic department of the Russian Museum in St. Petersburg – Leningrad

(EDRM). Alexander Miller (1875–1935), a prominent representative of national trends of paleoethnology, largely determined the principles of EDRM work up to the 1930's. A. Miller developed methods of field work, combined ethnographic and archaeological research incorporating archaic search in folk culture.

Key words: Paleoethnology, archeology, ethnography, museum, field studies, museum object, archaic, folk culture.

В истории исторического знания был период, когда археология и этнография, дисциплины, нацеленные на активное добывание фактов науки, составляли особое единство, отмеченное как палеоэтнология. В российской науке расцвет направления, в котором отечественные исследователи были адекватно вписаны в контекст мировой науки, пришелся на первое десятилетие советской власти.

Термин палеоэтнология (*palethnologie*) был введен в начале 1860-х гг. французским естествоиспытателем Г. де Мортилье, имя которого ярко отмечено, прежде всего, в истории археологии. Его последователи, в т.ч. в России, активно работали в этой дисциплине и тем создали славу палеоэтнологии [21; 22]. Если протянуть цепочку личностного вклада в науку, начиная от Г. Мортилье, далее через персо-

наж того ученого, которому посвящена данная статья, А. А. Миллера, то в нее встанут многие фигуры, являющиеся признанными столпами археологической науки. В начале этой цепочки стоит Г. Мортилье, предложивший вместо названия «доисторическая археология» название «палеоэтнология». В этой замене отражена позиция подлинного эволюциониста, отходящего от разрыва древности с современностью (прошлое – это доистория) к возможной их связи (у этнологии есть фаза ее прошлого). В российской линии учеником Г. Мортилье был Ф. К. Волков (Вовк), выступивший наставником А. А. Миллера. А. А. Миллер воспитал славную плеяду работников Северо-Кавказской экспедиции (основана в 1923 г.) таких, как Б. Е. Деген-Ковалевский, Б. Б. Пиотровский, А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий и др. Учениками А. А. были Миллера А. А. Иессен и Б. А. Латынин, которых можно считать наряду с Б. Б. Пиотровским основателями ленинградской школы археологов-кавказоведов. Влияние школы СКЭ А. А. Миллера признано и на исследователей Московской школы археологов-кавказоведов. А. А. Миллер проводил археологические раскопки с 1902 г. и до конца творческого пути, для большинства современных научных работников он особо известен монографией «Археологические разведки» [20]. Однако, полагать А. А. Миллера и его современников именно археологами, как и считать Северо-Кавказскую экспедицию сугубо археологической, означает неточное понимание истории науки и значения палеоэтнографии.

Российская палеоэтнологическая школа является продолжением традиций дореволюционной науки, для которой была свойственна недифференцированность археологического и этнографического знания в современном их понимании, и детищем состояния науки в 1920-х гг., когда институциональную основу научной деятельности представлял плюрализм научно-организационных подходов. Дата конца палеоэтнологии в России определяется образованием в системе Академии наук, перестроенной по советскому типу, двух учреждений, Института Этнографии и Антропологии (1933) и преобразованного из Государственной академии истории материальной культуры Института истории материальной культуры (1937), позднее Института археологии. Одновременно реорганизацией музейного дела была ограничена познавательная деятельность музеев, ранее являвшихся базой комплексного гуманитарного научного знания и деятельности отечественных представителей школы палеоэтнологии. Фоном был также создавшийся в первой

половине 1930-х гг. вакуум в исследовательской в области этнологии деятельности столичных университетов. Результаты совещаний археологов и этнографов Москвы и Ленинграда в 1929 и 1932 гг., определявших направления работы археологии и этнографии как наук, служащих государственно-идеологическим целям, предполагали иную предметность этих дисциплин, чем изучение архаики, составлявшее суть палеоэтнологии [1; 4; 25].

Российская палеоэтнологическая школа не имела общего оформления и состояла из отдельных ярких работников науки. Примечательно, что их научные позиции сложились в дореволюционное время, а в 1920 гг. все они были связаны в основной деятельности с двумя музейными центрами, Этнографическим отделом Русского музея в Петрограде-Ленинграде (ЭОРМ) и Музеем народоведения в Москве, представлявшими наследие имперской программы развития больших комплексных музеев России [23]. Сотрудники этих музеев, действуя как профессиональные этнографы, в определенную часть рабочего времени сотрудничали с ГАИМК, проводя археологические исследования. Следует отметить, что общей формой работы любого видного ученого в 1920 гг. было участие в деятельности ряда учреждений, так А. А. Миллер в 1920-х гг. был многосторонним сотрудником ЭОРМ, ГАИМК, Ленинградского Университета, Археологического института, был действительным членом Русского Географического общества и ряда других обществ [24, с.11].

Следует отметить тот факт, что 17 октября 1918 г. нарком просвещения РСФСР утвердил устав Российской Государственной Археологической комиссии (позднее Российская Академия истории материальной культуры – РАИМК и ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры), пришедшей на смену Императорской Археологической Комиссии, и заведующим ее 1 отдела (доисторических древностей) был назначен А. А. Миллер. В РАИМК в 1924–25 гг. работали три отделения, одно из которых: отделение этнологии возглавлял А. А. Миллер, руководя в нем разрядом палеоэтнологии. Результатам работы палеоэтнологического сектора на Кавказе была посвящена часть выставки «История генетики», подготовленная под руководством А.А. Миллера и открытая в 1929 г. [7, с. 129, 130, 133; 17].

В ЭОРМ представители школы палеоэтнологии контролировали все направления работы музея. К палеоэтнологам причисляется первый заведующий ЭОРМ Д. А. Клеменц [9],

Ф. К. Волков (в 1907–1918 руководитель направления этнографии восточных славян), так же как ведущие специалисты музея 1920 – начала 1930-х гг.: этнограф-славист Б. Г. Крыжановский, знаток памятников Крыма Б. А. Бонч-Осмоловский, специалист по славяно-финской этнографии Д. А. Золотарев, крупнейший российский этнограф-кавказовед и археолог А. А. Миллер, известный археолог и этнограф широких интересов, давший много для создания этнографии народов Поволжья С. И. Руденко, сибириевед С. А. Теплоухов, крупный российский ученый-тюрколог Фиельструп Ф. А. [5, с. 13–15].

Основной формой научной деятельности ученых ЭОРМ были комплексные экспедиции с сочетанием археологических и этнографических исследований. Д. Г. Золотарев руководил Верхне-Волжской (1921–1925) и Северо-Западной экспедициями, С. И. Руденко – Алтайской (1924, 1925, 1927), А. А. Миллер Северо-Кавказской (1923–1931), Г. А. Бонч-Осмоловский – Крымской (1923–1927), С. А. Теплоухов – Минусинской (1923–1926) [25, с. 36].

Александр Александрович Миллер (1875–1935) представлял собой тип ученого, характерного для российской гуманитарной науки первой трети XX в., как и для одного из ее институтов, Этнографического отдела Русского музея, одним из создателей которого он являлся, хотя его и не было в первом составе хранителей музея. Первые коллекции для ЭОРМ А. А. Миллер собрал в 1904 г. в Абхазии. С 1908 по 1932 г. он был бессменным руководителем направления востоковедения (Кавказ, Средняя и Центральная Азия, Поволжье, страны мусульманского Востока), в 1918–1921 заведующим ЭОРМ и директором всего комплекса Русского музея. Поступая на службу в ЭОРМ, А. А. Миллер отметил свою специализацию как «древнюю и этнографическую историю материальной культуры».

Обращение к научной карьере А. А. Миллера позволяет очертить ведущие принципы палеоэтнологической школы, анализируя как проведенную им работу, так и научные принципы исследователя.

В предреволюционные годы А. А. Миллер каждый полевой сезон сочетал археологические (как сотрудник Императорской археологической комиссии) и этнографические (как хранитель ЭОРМ) исследования. В первом направлении он выступил открывателем Гагрского могильника в Абхазии, исследователем дольменов Черноморья (1907) [10] и автором раскопок средневековых курганов под Таган-

рогом (1902–1906) и у аула Агой на Черноморском побережье Кавказа, а также памятников железного века в низовьях Дона (1908–1914) – Елизаветинского городища и прилегающего к нему курганного могильника [24, с. 9].

Как этнограф-кавказовед и хранитель ЭОРМ А. А. Миллер заложил основы его вещевого и фотографического собрания в области традиционной культуры народов Кавказа. Им были собраны коллекции по этнографии донских калмыков (1906–1907), абхазов (1907), горских евреев (1907–1909), кубанских и черноморских адыгов (1910), подготовлена (1907–1909) база собрания кавказских ковров ЭОРМ и открыто для научного мира ковроделие татов, ученый в 1910–1914 гг. вел также этнографические работы в Черноморской губернии, Батумской области, городах Ахалцихе и Тифлисе. Он также проводил собирательскую работу среди белорусов и евреев Могилевской губернии (1907–1908). Кроме того за период 1910–1914 гг. А. А. Миллер собирал этнографические коллекции у донских казаков и украинцев, принимал участие в осмотре и экспертизе коллекций в Ялте, Казани, Витебске и Пскове. По поручению ЭО и ИАК произвел приемку и перевозку из Пскова в Петроград коллекции известного частного собирателя Ф. М. Плюшкина [8, с. 26–27].

В 1908–1917 гг. А. А. Миллер занимал ведущие позиции в разрешении ряда практических вопросов подготовки музейных экспозиций (структура выставочного показа, конструирование оборудования, создание антропологических манекенов и т.д.), представлял музей пред важными лицами. В 1911 г. он сам занялся проектированием деревянной музейной мебели, разработкой вариантов ее конструкции, организовал музейно-технические мастерские, которыми заведовал до их закрытия во время первой мировой войны. Итоги размышлений А. А. Миллера о музейной мебели будут опубликованы позднее [12].

В 1912 г. А. А. Миллер был одним из деятельных организаторов выставки Русская Ривьера (открыта 2 ноября – 15 декабря 1913 г.), которая готовилась под личным покровительством Николая II и должна была показать плодотворнее влияние русской колонизации на экономику и культуру Черноморского побережья. В 1913 г., в год 300-летия династии Романовых, в ЭОРМ была организована первая выставка этнографических материалов, принципы ее организации, во многом, были разработаны А. А. Миллером, им же был подготовлен кавказский раздел выставки.

Формируя в предреволюционную эпоху и в первые годы советской власти работу восто-

коведческого направления, складывавшегося в ЭОРМ, и организуя состав территорий и народов, являвшихся сферой деятельности хранителя-востоковеда, А. А. Миллер оставлял за собой изучение народностей Кавказа и Средней Азии (Туркестана), народов Крыма, цыган, всех тюркских народов Европейской части России («народы Поволжья и татары во всем географическом разнообразии»). При этом он пришел к выводу, что материал зарубежной этнографии «связан взаимно с материалом, собранным в пределах России, поэтому отделить его по нынешним границам было бы нецелесообразно и пошло бы в ущерб пониманию Кавказа». Поддержанием тезиса были работы, проведенные А. А. Миллером в Западной Армении. Собранные в 1915–1916 гг. в окрестностях озера Ван коллекции являются важнейшим источником по традиционной культуре западноармянского субэтноса [6].

Нельзя не отметить, что обширность территории и вызываемая этим масштабность проблем и для А. А. Миллера явилась чрезмерной, и в 1923 г. он принял решение ограничиться работами на территориях Кавказа, Крыма и Туркестана, привлекая также и материалы по ближним землям Востока. С 1925 г. А. А. Миллер возглавлял отделение Кавказа и Туркестана, его заместителем был известный востоковед Фиельструп Ф. А. (в ЭОРМ с 1921 по 1933 г.). Несколько позже с 1928 г. туркестанская проблематика отождествилась сотруднику новой волны научных работников Н. Г. Таланову, фигуре типичной для музея первой половины 1930 гг.

Полевая работа А. А. Миллера – археолога, этнографа и музейного работника в 1920-х г. состоялась благодаря деятельности созданной им в рамках РАИМК/ГАИМК Северо-Кавказской экспедиции (СКЭ ГАИМК).

Северо-Кавказской экспедицией были проведены следующие исследования:

1923 г. – обследование южнороссийских городищ и первая поездка в горную Осетию;

1924 г. – разведочные раскопки в Кобяковском городище, первая археологическая разведка в районе Налчика, поездка с археолого-этнографическими в горную Балкарию;

1925 г. – продолжение работ на Кобяковском городище, обследование Елизаветовского городища, разведка в Адыгее по р. Лаба, разведка по среднему течению Кубани, раскопки могильника в Усть-Лабинской станице;

1926 г. – продолжение работ на Кобяковском городище, обследование городищ Цимлянско-го района, раскопки палеолитической стоянки Ильская, поездка в горную Осетию и этнографическое изучение культуры горцев;

1927 г. – продолжение работ на Кобяковском городище, разведочные работы в Потайновском, Гниловском и Елизаветовском городищах, продолжение работ в горной Осетию по изучению народной материальной культуры;

1928 г. – разведочные раскопки на Елизаветовском городище, дополнительные исследования в горной Осетию;

1929 г. – исследования в Кабардино-Балкарии и в районе Пятигорска, этнографические исследования в Дагестане;

1930 г. – продолжение исследования в Кабардино-Балкарии, археологические разведки по среднему течению р. Баксан, разведочные работы на Таманском полуострове;

1931 г. – раскопки на Таманском городище;

1932 г. – продолжение исследования в Кабардино-Балкарии, проектирование научной работы в Кабардино-Балкарской АО [18].

Собранные этнографические материалы привели к накоплению вещевых и фото-иллюстративных материалов по этнографии народов Северного Кавказа и Дагестана, которым можно дать палеоэтнологическую оценку. Так, изучались архаические культы: культ мертвых, культ молнии, культ амулетов, культ святых мест; в Балкарии и Осетию осматривались склеповые конструкции, являвшиеся погребальными сооружениями и археологическими памятниками, но связанными с современностью живой народной памятью. Выявленные и исследованные предметы из осетинских святилищ были аналогичны бытующим, а в дагестанской деревянной утвари, продолжавшей изготавливаться, выявлялись древние орнаментальные мотивы, часть из которых еще трактовалась представителями местного населения [13; 15].

Особо следует оценить результаты сбора в Осетию предметов земледельческой культуры горцев, показывающих все стадии получения и использования зернового продукта от обработки земли до бытового и сакрального потребления хлеба и пива с включением предметов различного культового назначения: календарной, производственной, семейной, астрономической и т.д. обрядности. Даже после гибели части предметов коллекции в годы Великой Отечественной войны, ее содержание сохраняет комплексный характер.

Значение собрания предметов по горской земледельческой культуре получает еще более значимую оценку, если принять во внимание те цели, с которой она собиралась, помимо сбора этнографических фактов из этнической традиции осетин. В ее получении А. А. Миллером была поставлена задача достигнуть фак-

тологическое обоснование концепции трудовой адаптации горцев к горной среде, которая была частью формирования территориально и этнически дискретных локальных групп населения Кавказских гор. Исследователь получал не только предметы живой архаики, но и готовился к обоснованию значимости народной экономики в этногенезе горцев Северного Кавказа, что могло бы вывести этнографическую традиционную науку на новые рубежи познания. Разрабатываемая А. А. Миллером концепция была им представлена на выставке ЭОРМ «Горное земледелие», открывшейся в ЭОРМ в 1927 г., т.е. подготовленной в рекордно короткие сроки.

Концепция выставки «Горское земледелие» явилась экспериментальным подходом, рожденным стремлением ученого найти пути соединения традиционно-эмпирического и экспозиционно-музейного подходов с установками марксистской науки, на тот период еще не охваченной догматизацией. Влияние марксизма заметно в его докладах 1931 г. «Две стадии эпохи бронзы на Северном Кавказе», и «Кавказская мельница и опыт ее стадийной характеристики». Данный эксперимент вместе с материалами экспозиции музея 1929 г. вполне можно оценить как вершину научных поисков ЭОРМ в 1920-х гг., к сожалению, еще не получивший достоверной оценки еще и потому, что в следующие годы стремление ученых с богатым багажом ранее накопленных эмпирических знаний войти во взаимодействие с официальной идеологией было осуждено при начавшейся культурной революции.

Являясь принципиальным противником миграционной гипотезы и пользуясь накопленным фондом эмпирических наблюдений, А. А. Миллер оказался готов отстаивать единство происхождения всех народов кавказского региона, доказывая, что: «народности Кавказа, его аборигены представляют собой, в конечном счете, единую семью, включая в нее даже армян, даже курдов, осетин, а также и горных турков» (тюркоязычных народов), археологически реставрируемая история ущелий, ныне занятых разноразличными элементами, утверждал А. А. Миллер, – совершенно едина в основных и существенных чертах, даже в части их детального выражения» [15, с. 17–18].

Благодаря работам экспедиции, А. А. вывел основной закон палеоэтнологии о единстве подходов к полевым методам археологии и этнографии. Он был показан на страницах монографии «Археологические разведки», написанной в 1932 г., но опубликованной только в 1934 г. В этой работе А. А. Миллер писал: «Другой сто-

роной, столь же важной (как и археологические исследования – В. Д.), должно быть изучение современного населения и именно в той части «этнографии», где мы найдем подчас прямые свидетельства к древним вещественным памятникам изучаемого района» [20, с. 160]. И на другой странице этой же книги: «При полевой археологической работе по изучению древнего общества исследователь имеет в качестве источника лишь фрагментные данные об изучаемом обществе, притом наблюдаемые в неподвижном, «мертвом» состоянии. В этом заключается существенное отличие от полевой работы так наз. этнографов, которым изучаемые явления доступны в «функциональном состоянии», в «действии» [20, с. 74–75].

Результаты комплексных исследований СКЭ ГАИМК привели А. А. Миллера к выводам о последовательном и стадийном освоении гор местным населением в процессе развития экономики [18, с. 65], и о единстве происхождения всех народов Кавказа [15, с. 17–18].

А. А. Миллером был выведен тезис особого внимания исследователей к архаике в культуре, что сближало этнологические и археологические подходы. Он видел в архаике исчезающую реальность, писал о жизнестойкости древнеязыческого строя, сохраняющегося до эпохи современности и тем самым представляющем собой драгоценный источник для исследований [13, с. 85, 90–91], о народном орнаменте, сохранявшем древность [15, с. 51], считая, что понимание семантики рисунка позволяло перейти к методикам реконструкции смысла древних изображений [19, с. 127, 137, 138]. Предпринимая поиски архаики в предметах этнографического исследования, А. А. Миллер, выстроил концепцию развития художественных форм, полагая, что « для реконструкции общего движения художественных форм, естественно, приобретают особое значение... наиболее ранние..., где характер связи искусства с народной экономикой выступает перед нами в простейшей форме» [14; 16, с. 3, 13].

В связи с этим правильно отметить, что А. А. Миллер, являясь сотрудником ЭОРМ, готов был дать палеоэтнологическому объекту альтернативу, уравновесивая архаику континуумом бытовой культуры развитых социумов. Именно так следует расценивать его борьбу против разделения Художественного и Этнографического отделов РМ в 1917–1918 гг. [3, л. 34–35 об.] и его поддержку инициатив по созданию в комплексе Русского музея историко-бытового отдела, который замыслился в дореволюционное время, но действовал уже

при советской власти. Представляя крестьянский и дворянский быт царской России, историко-бытовой отдел Русского музея, был в этой концепции направлен на отражение прогрессивных форм архаики, что позднее в период реформирования РМ в 1934 г. что позднее стало главной причиной его закрытия.

Результаты кавказоведческих исследований А. А. Миллера в археологических и этнографических экспедициях и доставленный им в ЭОРМ материал полноценно использовались в экспозициях и выставках музея, что с современной точки зрения означало бы сочетание археологических и этнографических предметов с преобладанием последних.

В 1929 г. была развита в количественном и концептуальном отношении постоянная экспозиция ЭОРМ, открытая в 1923 г. Предполагалось, что она должна была показать спектр социально-экономического развития народов СССР отразившийся в этнографическом разнообразии культур от бесгосударственных этносов с первобытной экономикой до великорусского этноса, создавшего крупную государственность и возглавившего движение по пути социально-экономического прогресса. Экспозиции 3-его отделения, отведенные представлению культуры народов Кавказа и Средней Азии, увеличились, включив следующие залы:

1. Картвелы, инგიлойцы, аджарцы, гурийцы, лазы (14 зал);
2. Хевсуры, сваны, тушины, абхазы, черкесы, кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши, аварцы, дидойцы (15 зал);
3. Ставропольские туркмены, ногайцы, караногайцы, азербайджанцы, евреи и крымские татары (16–17 зал);
4. Ковры азербайджанцев, татов, узбекская вышивка (18–19 залы);
5. Туркмены, киргизы, башкиры, общий Туркестан (20 зал);
6. Весь Туркестан (21);
7. Айсоры, армяне (22);
8. Отдельные аттрактивные предметы материальной культуры; древний металл эпохи бронзы, предметы культуры позднесредневековых адыгских курганов.

Под руководством А. А. Миллера и при его ближайшем участии в ЭОРМ была организована большая выставка, показавшая плодотворность увлечения ученым избранной части материальной культуры – выставка “Ковровые изделия Востока”, работавшая с 11 мая по 8 июня 1924 г.

С 1 апреля по 1 июня 1925 г. он находился в Париже, куда был командирован Комитетом по

устройству Отдела народного искусства СССР на Международной выставке (1 мая 1925 – 1 января 1926 гг.). По разработанной им программе на выставке было отражено народное искусство 23 народов, объединенное в четыре тематические блоки по ступеням развития и двум категориям: изобразительное и орнаментальное [2, л. 6]. Выставки 1924 и 1925 гг. вместе с трактовками их принципов в научных изданиях и служебной документации заслуживают внимания своим фундированным подходом к постановке проблем изучения народного искусства в этнографии.

Каждая из подготовленных выставок и экспозиций подталкивала А. А. Миллера на чтение докладов по важной тематике.

А. А. Миллер позднее участвовал в подготовке выставок Антирелигиозной – 1929 г., относительно которой им была разработана оригинальная концепция, несомненно, сулившая выставке популярность, и выставке «Оборона СССР». Намечались реконструкции экспозиции музея и выставки «Горское земледелие» В 1931 г. была сделана и открыта выставка «Украинское село», ставшая последним экспериментом ученого.

В последние годы работы в музее А. А. Миллер вел интенсивную деятельность. Он вел подготовку сборника «Музейное дело», кружок по этнографическим зарисовкам, кружок музееведения, курсы повышения квалификации, занятия с друзьями музея, курсы народоведения, проводил консультации по кавказской тематике для экскурсоводов, курировал работу реставрационных, манекенной мастерской, дезокамеры.

А. А. Миллер представляя собой типичный образец специалиста с большим багажом знаний, широким кругозором, был ключевой фигурой в своем деле, представителем того слоя ученых, который продолжал традиции отечественной науки со всей силой совершенствовавшегося профессионализма. Но именно такой тип работника рассматривался властями, решившимися на эпохальный скачок в экономике и культуре, начавшийся в конце 1920-х гг., объектом ликвидации их общественного значения и подавления духовной самостоятельности. В 1925–1934 гг. была проведена череда решений, постановлений, совещаний, поддержанных репрессивными мерами, изменивших идеологический климат в стране, покончивших с плюрализмом мнений, была полностью изменена система учреждений науки и культуры.

Созданная в 1895–1934 гг. структура Русского музея, в чем была ведущая роль А. А. Мил-

лера, оказалась пересмотренной с образованием в 1934 г. на основе ЭОРМ Государственного музея этнографии (ГМЭ, ныне РЭМ). Археологическая часть его собрания была передана в другие учреждения. Дальнейшая судьба ГМЭ была обусловлена тем, что его предметной зоной была определена этнически окрашенная бытовая культура, формируемая в пределах возможностей метода непосредственного наблюдения и сбора предметов материальной культуры, находящихся в наблюдением бытовании. В последствие такой подход

определил неизбежное балансирование между этнографией современности и т.н. традиционной этнографией с весьма. Ограниченной ретроспекций в сторону прослеживания глубины архаики в народной культуре. В целом в науке был стимулирован разрыв традиционной этнографии и «поздней» археологии. В первой половине 1930-х гг. была проведена реформа организации науки, приведшая к выделению академических форм деятельности археологии и этнографии, заместивших существовавшие ранее музейные формы науки.

Источники и литература

1. Абрамзон С. М. «Советская этнография» в начале 30-х годов (из воспоминаний этнографа) // Советская этнография. 1976. №4. С. 90–92.
2. Архив Российского этнографического музея (далее – АРЭМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 45.
3. АРЭМ Ф. 2. Оп. 12. Д. 6.
4. Бертран Ф. Наука без объекта. Советская этнография 1920–1930 гг. и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том 6. №3. С. 90–104.
5. Грусман В. М., Дмитриев В. А. Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности // Музей, традиция, этничность. 2014. №1 (5). С. 6–24.
6. Гушян Л. С. Культурное наследие Западной Армении. Ереван: Нушикян ассоциация, 2015. 224 с.
7. Длужневская Г. В. Деятельность Государственной Академии истории материальной культуры в области востоковедения в 1919–1940 гг. // Восточный Архив. 2006. №14–15. С. 128–138.
8. Дмитриев В. А., Иванова В. П. А. А. Миллер – археолог и этнограф-кавказовед // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб.: [б.и.], 1992. С. 25–40.
9. Дэвлет М. А. Д. А. Клеменц как археолог // Советская археология. 1963. №4. С. 3–9.
10. Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. СПб: Издание ЭОРМ Александра III, 1910. Том. I–2. С. 61–80.
11. Миллер А. А. Изображения собаки в древностях Кавказа // Известия Российской Академии истории материальной культуры. 1922. Том 2. С. 287–324.
12. Миллер А. А. Музейная мебель и оборудование. Л.: Русский музей, 1925. 37 с.
13. Миллер А. А. Жертвенные предметы из осетинских дзуаров // Материалы по этнографии, 1926. Том. III. Вып. 1. С. 85–94.
14. Миллер А. А. Об изобразительном искусстве тюркских народов // Всесоюзный Тюркологический съезд. Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана, 1926. С. 76–79.
15. Миллер А. А. Древние формы в материальной культуре современного Дагестана // Материалы по этнографии России. 1927. Том.4. Вып.1. С. 15–76.
16. Миллер А. А. История искусств всех времен и народов // Первобытное искусство. Кн.1. Пг.: П.П. Сойкин, 1929. 56 с.
17. Миллер А. А. Выставка работ экспедиций Гос. Академии истории материальной культуры // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1932. №7–8. С. 43–50.
18. Миллер А. А. С Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК. 1932. №9–10. С. 64–65.
19. Миллер А. А. Элементы «неба» в вещественных памятниках. Из истории докапиталистических формаций // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1933. Вып. 100. С. 125–157.
20. Миллер А. А. Археологические разведки. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 176 с.
21. Платонова Н. И. Палеоэтнологическая школа в русской археологии 1920-х годов // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Фёдора Кондратьевича Волкова (Вовка). СПб.: С.-Петербургский государственный университет, 1997. С. 52–55.
22. Платонова Н. И. «Палеоэтнологическая парадигма» во французской и русской науке XIX – первой трети XX веков // Время и культура в археолого-этнографическом исследовании древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: ТГУ, 2008. С. 84–93.
23. Проект Музея в ознаменование 300-летия Царствования Дома Романовых. М.: Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсон, 1914. 94 с.
24. Решетов А. М. Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музейвед (к 125-летию со дня рождения) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск: ОмГПУ, 2001. С. 8–16.
25. Соловей Т. Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. №3. С. 101–120.
26. Шангина И. И. 1920-е годы. // Российский этнографический музей 1902–2002. Альбом. СПб, Славия, 2001. С. 32–39.

References

1. Abramzon S. M. "Sovetskaya etnografiya" v nachale 30-kh godov (iz vospominanii etnografa) (Abramzon S.M. "Soviet ethnography" in the beginning of the 30s (from the memories of an ethnographer) // Sovetskaya etnografiya. 1976. No. 4. P. 90–92. (In Russian).

2. Archive Russian museum of ethnography. F.2. Inv.1. D.45. (In Russian).
3. ARME F.2. Inv.12. D.6. (In Russian).
4. Bertran F. Nauka bez ob»ekta. Sovetskaya etnografiya 1920–1930 gg. i voprosy etnicheskoi kategorizatsii (*Science without an object. Soviet ethnography in the 1920-1930s and the questions of ethnical categorization*) // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2003. Vol. 6. No. 3. P. 90–104. (In Russian).
5. Grusman V. M., Dmitriev V. A. Iz istorii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya: k 80-letiyu obreteniya samostoyatel'nosti (*From the history of the Russian ethnographical museum: to the 80th anniversary of independence*) // Muzei, traditsiya, etnichnost'. 2014. No.1 (5). P. 6–24. (In Russian).
6. Gushchyan L. S. Kul'turnoe nasledie Zapadnoi Armenii (*Cultural heritage of the Western Armenia*). Erevan: Nushikyan assotsiatsiya, 2015. 224 p. (In Russian).
7. Dluzhnevskaya G. V. Deyatel'nost' Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury v oblasti vostokovedeniya v 1919–1940 gg. (*Activity of the State Academy for the history of the material culture in the field of oriental studies in 1919–1940*) // Vostochnyi Arkhiv. 2006. No. 14–15. P. 128–138. (In Russian).
8. Dmitriev V. A., Ivanova V. P. A. A. Miller – arkheolog i etnograf-kavkazoved (*Miller – an archaeologist and ethnographer-caucasologist*) // Iz istorii formirovaniya etnograficheskikh kollektsii v muzeyakh Rossii (XIX–XX vv.). St.Petersburg, 1992. P. 25–40. (In Russian).
9. Devlet M. A. D. A. Klements kak arkheolog (*D. A. Klements as an archaeologist*) // Sovetskaya arkheologiya. 1963. No.4. P. 3–9. (In Russian).
10. Miller A. A. Iz poezdki po Abkhazii v 1907 g. (*From the voyage to Abkhazia in 1907*) // Materialy po etnografii Rossii. 1910. Vol. I–2. P. 61–80. (In Russian).
11. Miller A. A. Izobrazheniya sobaki v drevnostyakh Kavkaza (*Images of a dog in the ancients of the Caucasus*) // Izvestiya Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury. 1922. Vol. 2. P. 287–324. (In Russian).
12. Miller A. A. Muzeinaya mebel' i oborudovanie (*Museum furniture and equipment*). Leningrad: Russian museum publ., 1925. 37 p. (In Russian).
13. Miller A. A. Zhertvennye predmety iz osetinskikh dzuarov (*Sacrificial objects from the Ossetian dzuars*) // Materialy po etnografii. 1926. Vol. III. Issue 1. P. 85–94. (In Russian).
14. Miller A. A. Ob izobrazitel'nom iskusstve tyurkskikh narodov (*On the fine art of the Turk people*) // Vsesoyuznyi Tyurkologicheskii s»ezd. Baku: Society survey and study of Azerbaijan, 1926. P. 76–79. (In Russian).
15. Miller A. A. Drevnie formy v material'noi kul'ture sovremennogo Dagestana (*Archaic forms in a material culture of the modern Dagestan*) // Materialy po etnografii Rossii. 1927. Vol. 4. Issue 1. P. 15–76. (In Russian).
16. Miller A. A. Istoriya iskusstv vseh vremen i narodov (*History of fine arts of all the time and people*) // Pervobytnoe iskusstvo. Book 1. Petrograd: P.P. Soikin publ., 1929. 56 p. (In Russian).
17. Miller A. A. Vystavka rabot ekspeditsii Gos. Akademii istorii material'noi kul'tury (*Presentation of the works of the State Academy for the history of material culture*) // Soobshcheniya Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury, 1932. №7–8. P. 43–50. (In Russian).
18. Miller A. A. S Desyat' let raboty GAIMK v Severo-Kavkazskom krae (*Ten years working of SAHMC [GAIMK] in the North-Caucasus region*) // Soobshcheniya GAIMK. 1932. No.9–10. P. 64–65. (In Russian).
19. Miller A. A. Elementy «neba» v veshchestvennykh pamyatnikakh. Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsii (*Elements of a "sky" in material artifacts. From the history of precapitalistic formations*) // Izvestiya Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury. 1933. Issue 100. P. 125–157. (In Russian).
20. Miller A. A. Arkheologicheskie razvedki (*Archaeological surveys*). Leningrad: State economic and social publishing, 1934. 176 p. (In Russian).
21. Platonova N. I. Paleoetnologicheskaya shkola v russkoi arkheologii 1920-kh godov (*Paleoethnological academic school in Russian archaeology in the 1920s*) // Traditsii otechestvennoi paleoetnologii (*Traditions of domestic paleoethnology*). Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya Fedora Kondrat'evicha Volkova (Vovka). St. Petersburg.: SPBGU publ., 1997. P. 52–55. (In Russian).
22. Platonova N. I. «Paleoetnologicheskaya paradigma» vo frantsuzskoi i russkoi nauke XIX – 1 treti KhKh vekov (*"Paleoethnological paradigm" in French and Russian sciences in the XIX – the first third of the XX centuries*) // Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskom issledovanii drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii (*Time and culture in archaeological and ethnographic study of ancient and modern societies of Western Siberia and neighbouring territories: problems of interpretation and reconstruction*). Tomsk: TSU publ., 2008. P. 84–93. (In Russian).
23. Proekt Muzeya v oznamenovanie 300-letiya Tsarstvovaniya Doma Romanovykh (*Project of a Museum in commemoration of 300th anniversary of reigning of the House of Romanovs*). Moscow: A. A. Levenson publ, 1914. 94 p. (In Russian).
24. Reshetov A. M. Aleksandr Aleksandrovich Miller – vydayushchiysya arkheolog, etnograf i muzeved (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya) (*Alexander Alexandrovich Miller – an eminent archaeologist, ethnographer and museologist (to the 125th anniversary of birth)*) // Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (*The integration of archaeological and ethnographic research*). Nal'chik; Omsk: OmSPU publ., 2001. P. 8–16. (In Russian).
25. Solovoi T. D. «Korennoi perelom» v otechestvennoi etnografii (diskussiya o predmete etnologicheskoi nauki: konets 1920-kh – nachalo 1930-kh godov) (*Radical turn in the national ethnography (a discussion about a subject of the ethnology: end of the 1920s – beginning of the 1930s)*) // Etnograficheskoe obozrenie. 2001. No.3. P. 101–120. (In Russian).
26. Shangina I. I. 1920-e gody (*The 1920s*) // Rossiiskii etnograficheskii muzei 1902–2002. Al'bom. St. Petersburg: Slaviya, 2001. P. 32–39. (In Russian).

УДК 94 (470)

О. А. Елдинов

ГРУППА «ЗАЩИТА»: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГОРОДСКОЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 1988–1990 гг. (НА ПРИМЕРЕ г. РОСТОВА-НА-ДОНУ)

В данной статье речь пойдёт не о действиях политических элит в условиях второго этапа перестройки (1988–1990 гг.), а о малых социальных группах (группа «Защита»), которые даже в масштабах большого советского города Ростова-на-Дону выглядели маргинальными. Такого рода группы принято было называть неформалами. В период перестройки неформалы стали проводниками идей реформаторского крыла КПСС, выступали самостоятельной общественно-политической силой в крупных городских политических

центрах СССР. Этим обусловлен интерес к объекту исследования – ростовским неформалам. Анализ исторических документов и свидетельств, посвящённых данной теме, осуществлялся с точки зрения исторической антропологии, социолингвистики и исторической социологии.

Ключевые слова: неформальные организации, историческая антропология, перестройка, поздний социализм, авторитетный дискурс, историческая социология.

O. A. Eldinov

“ZASHCHITA”: POLITICAL PORTRAIT OF URBAN INFORMAL ORGANIZATION IN ROSTOV-ON-DON (1988–1990)

The study does not focus on the actions of political elites in a second phase of perestroika (1988–1990) in this article. The object of the research is small social groups, such as “Zashchita”, which were rather marginal even in a large Soviet city of Rostov-on-Don. Such groups are considered to be informal. During perestroika such informal groups were strong supporters of the reform ideas of the Communist Party. They were independent socio-political force

in large urban centers of the USSR. It explains the interest in members of Rostov social informal groups. Relevant historical documents were analyzed according to historical anthropology, sociolinguistics and historical sociology.

Key words: informal organizations, historical anthropology, perestroika, late socialism, historical sociology.

В настоящее время представители различных дисциплинарных «областей» вынуждены обращаться к опыту российской политической трансформации 1980–1990 гг. Актуальность этого контекста задаётся не только многовекторностью и инвариативностью развития современного российского общества, но и тем, что сам предмет исследования попадает под специфический взгляд историков, антропологов. Если ещё 10–15 лет назад события тех лет воспринимались как часть реальной политики (politics), понимаемой в академическом плане (борьба убеждений, переговоры, механизмы реализации консенсуса) [19, р. 390–391], то сегодня события тех дней становятся легитимным инструментом «присвоения прошлого» [2]. Интерпретация истории данного периода зачастую рассматривается с точки зрения результата, который уже оценён и известен исследователям. А это означает, что формируются

противоположные историографические модели описания прошлого. Перестройка описывалась в контексте теории модернизации, теории революции элит [3, с. 200–201]. В исследованиях продолжают бытовать политизированные оценки перестройки – её «защищают» [8] и критикуют [5]. Поэтому сегодня представляется важным сместить акценты в изучении данного периода с макроисторических процессов на уровень локальной истории. Изучая малые протестные группы, становится возможным «сделать необходимые подготовительные шаги для построения теорий о том, как происходят структурные изменения» [6, с. 84].

Проблема происхождения неформальных организаций была лишь отчасти связана с предшествующей традицией диссидентства и деформацией политического ландшафта в период перестройки. Возникновение идеологического маркера «неформалы» связано

с социологическим восприятием молодёжи в 1970–1980-е гг. Первоначально этим понятием обозначались любые неформальные молодёжные течения в позднем СССР. К неформалам относили слушателей рок-музыки, представителей субкультуры «хиппи» и т.д., которые находились вне формальных организаций, таких как ВЛКСМ. Далее эти группы трансформировались из исключительно социологического явления в политическое. В частности, интересен анализ историографии неформальных движений, данный М. К. Фадеевым в качестве историографического очерка 1980–1990-х гг. Автор как раз говорит о политизации отношения к неформалам, невозможности исследователей абстрагироваться от политического контекста перестройки и позднего социализма [12, с. 129].

Ключевым понятием для теоретического описания подобных социальных организмов, является концепт «публика своих», предложенный историком и политическим антропологом А. Юрчаком [18, с. 248–254]. «Публики своих» структурировались не по принципу общности социально-экономических интересов или природы классовых отношений, а по признаку однообразного восприятия авторитетного дискурса и советского политического языка как такового. Авторитетный дискурс включал в себя стандартизацию формы, визуальную, практическую и культурную составляющую, в том числе авторитетный язык речей, документов, призывов, лозунгов и т.д. [18, с. 91–92]. Из истории неформальных организаций эпохи перестройки мы знаем, что далеко не все из них выросли как организации, находящиеся в жёсткой оппозиции актуальной политической реальности (например, Федерация социалистических общественных клубов). Многие представители политических неформалов сознательно противопоставляли себя диссидентству вполне успешно использовали авторитетный дискурс для достижения своих целей. Поэтому неформалы – это «публики своих», которые в условиях перестройки были активно вовлечены в политическую жизнь региона и страны.

А. Юрчак констатирует факт неудовлетворительного состояния исследования советского идеологического языка – авторитетного дискурса. По мнению исследователя, в системе авторитетного дискурса «позднего социализма» происходил сдвиг, который Ж. Делёз и Ф. Гваттарри [4, с. 451] определяли как «детерриториализацию». «В отличие от активного сопротивления или оппозиции системе, детерриториализация является процессом воспроизводства системы при её одновременном внутреннем сдвиге» [18, с. 237]. Употребляя

строго партийную лексику, шаблоны, лозунги, повторяющиеся языковые структуры, разные представители последнего советского поколения изменяли социальную реальность.

На примере комсомольских работников А. Юрчак демонстрирует, что современные представления о бюрократизации партийной работы и «формализации» отношения к партийной жизни не подразумевают, что «каждый отчёт был маской притворства». «На что указывает этот отчёт – невозможно понять, если не учесть весь механизм отношений, договоренностей и взаимопониманий, которые связывали участников нескольких уровней комсомольской организации...» [18, с. 236]. Использование авторитетного дискурса становилось ритуалом, за которым встречались оттенки значений и коннотации, социальная реальность никогда не заслонялась идеологическим языком. Она продолжала отражаться в языке, формах описания, практиках.

К переосмыслению классической транзитологии прибегают и другие исследователи. К. Сигман критикует работы по транзитологии, в которых используется простая дихотомия «общество» vs «государство». Автор полагает, что данное противопоставление не может быть чувствительно к изменениям в публичном пространстве, к политическому контексту СССР [11, с. 24–30]. В политической практике позднего СССР взаимоотношения общества и государства имели более сложную сущность. Это скорее поиск компромиссов в целях конвергентного существования системы. В подтверждении этой мысли обратимся к воспоминаниям Г. О. Павловского: «Мы с Гефтером и Игруновым искали возможность открыть более широкую реальность. И в это же время польские и чешские диссиденты, Гавел и Михник, развернули дискуссию о компромиссе, позволяющем выйти за пределы изолированной среды. Советский Союз для меня был продуктом компромисса реальной политики и социального идеализма» [17, с. 14]. Компромиссное отношение во многом было связано со стремлением к т.н. «нормальной жизни». Все эти неформальные организации стремились к достижению социального комфорта участников движения. Согласно А. Юрчаку, феномен «нормальной жизни» в условиях позднего социализма становится важным условием существования советского человека. Такая жизнь не была связана с политическим активизмом, направленным на свержение советской системы, а также не сводилась в то же время к угнетению общества и «слепому» соглашательству с властью.

Наличие в обществе неформальных движений повлияло на дальнейшее существование

Советского Союза. Одновременное давление снизу, которое исходило от клубов, движений и организаций, и сверху, спровоцированное частью номенклатуры, привело к коллапсу системы. Вероятно, именно этим и объясняется молниеносность краха советской системы, которая казалась незыблемой.

Важным аспектом изучения неформалов в тот период является региональный контекст. Его изученность на сегодняшний день ограничивается рядом исследований [16]. Проблема неформалов Ростова-на-Дону включает изучение скорее замкнутых социальных групп, а какое-то большое, пусть даже спорадическое движение. Неформальные группы в Ростове-на-Дону были различными по своим целям и концептуальным основам. В политическом публичном пространстве появились неформалы, стремившиеся к защите своих прав (группа «Защита»), и умеренные организации, которые использовались партией для непосредственного контакта с оппозицией («Политклуб РГУ»).

Наиболее радикальным неформальным объединением в Ростове-на-Дону была группа «Защита». По данным ростовского горкома [15, л. 58–61] она объединяла около 57 человек. Возглавляли организацию С. Ч. Великоредчанин, Е. И. Лель, В. И. Беспалов. Группа возникла как одна из типичных неформальных организаций, носила правозащитный характер, наиболее активно действовала в 1988 г.

Первоначально официальная партийная оценка группы была дана горкомом в довольно жёсткой форме: группа «занимается в основном демагогическими нападками на партийные, советские, правоохранительные органы, пытается дестабилизировать социально-политическую обстановку в городе» [15, л. 47]. Причины ее возникновения – это «упущения» в социальной работе в конкретных коллективах трудящихся, в частности коллективов «Ростовэнерго», центрального универмага, объединение Ростоврыбпром и др. Несмотря на то, что партийные органы способствовали разрешению социальных проблем членов группы, последние не спешили прекращать свою правозащитную и политическую деятельность. В частности, С. Ч. Великоредчанин был восстановлен на работе в ЦУМе, Е. И. Лель получил квартиру, С. А. Кирсанова восстановлена в работе НПО «Атомкотломаш».

Интересны биографические траектории членов группы. С. Ч. Великоредчанин начал своей неформальной и оппозиционной деятельности связывая с проблемой работы городского ЦУМа. В 1984 г. его уволили за нарушение трудовой дисциплины. Оказывая бесплатные ус-

луги по ремонту техники населению, будущий правозащитник столкнулся с несправедливостью в работе управления универмага:

«Тут я и понял, что наше начальство потихоньку с людей деньги брало за мою работу. Я им пришел и сказал, что больше им на мне таким образом заработать не получится. Они в штыки, говорят «Уволим мы тебя по статье». И объявили мне выговор за проникновение в постороннее помещение... А тут как раз выдался отпуск, и я пошел в библиотеку. Обложился кодексами, журналами с Постановлениями пленума ЦК КПСС. Весь отпуск за чтением провел... Кассацию я выиграл» [10]. В годы перестройки С. Ч. Великоредчанин провёл первую забастовку сотрудников ЦУМа, стал одним из главных политических активистов клуба «Защита».

Ощущение перестройки было собственным и лидеру клуба, работнику областного комитета по телевидению и радиовещанию Е. И. Лелю. Находясь под «большим впечатлением» от апрельского пленума 1985 г., Лель позднее вспоминал своё общение с коллегами: «Но я вот только боюсь, что когда наши партюки свернут ему голову... то я не знаю, что мне придётся возражать своим подрастающим детишкам, когда они скажут мне: «Папа, ты мог ведь как-то помочь Горбачеву, когда он пытался повернуть руль? Но вы все сидели и ждали, куда ветер подует!» [7]. Автор обращает внимание на такую «публику своих», которая сложилась в комитете: «мало того, что провинциальные партюки считали нас за своих – и на райкомовских застольях во время наших командировок в глубинку рассказывали самое сокровенное, но еще и всякие столичные гастролёры выдавали непокорным донцам-молодцам свои столичные тайны. И хотя в эфир мы ввалили то же самое, что и везде было в прессе, но вот в частных беседах после поездок на места – мы обменивались самой страшной информацией!» [7].

С одной стороны это было проявлением «двойной нормативности» [9], а с другой – производством «нормальной жизни», в которой авторитетный дискурс («райкомовские застолья») занимал своё определенное значение.

После провозглашения политики гласности группа принимала участие в политических акциях, направленных против политики КПСС. 6 июня 1988 г. участники группы «сорвали» встречу информационной группы Кировского района Ростова-на-Дону с гражданами, а 25 октября 1988 г. встречу кандидата в депутаты А. А. Донцова с избирателями [15, л. 50]. Против участников акций было возбуждено уголовное дело по статье 206 ч.1 УК РСФСР («Хулиганство»). Основной целью группы стала

борьба с партийной бюрократией, расширение легальной критики «неверных» действий и бездействия органов власти в СМИ [15, л. 77–78]. Члены группы утверждали, что городская партийная организация была связана с организованной преступностью, пытаясь проводить параллели с «узбекским делом» и событиями в Ярославле. Поднимался вопрос о привилегиях советских номенклатурных работников, таких как специальные больницы, служебные автомобили, продовольственные и прочие пайки [15, л. 72].

В свою очередь горком в качестве претензии к группе предъявляет её нежелание участвовать в инициированном ими же диспуте «по вопросам соблюдения социалистической законности». В качестве институциональной реакции на критику со стороны «Защиты» и в соответствии с планом партийной работы ростовский горком приглашает участников группы к организации проверок в системе торговли, общественном питании, участию в группах народного контроля на производствах. Большинство членов группы кроме Е. И. Леля и Б. Ф. Краева приняли участие в таких действиях горкома. Данный факт свидетельствует о желании группы использовать партийный механизм для решения поставленных группой задач. Всё это позволяет сделать вывод, что в среде продолжался поиск упомянутого Г. О. Павловским компромисса, который смог бы позволить принимать неформалам активное участие в политической жизни города. Первоначально группа не идентифицировала себя как политическая, напротив, большинство членов группы декларировало свою заинтересованность в функционировании механизмов перестройки.

20 ноября 1988 г. состоялась встреча с представителями «Защиты», куда были приглашены работники райисполкомов, УВД, прокуратуры, суда, предприятий торговли. Представители группы представили факты незаконных действий милиции против них, отказав предоставить клубу помещение для работы. На встрече отстаивалась идея создания народного фронта в городе.

А уже 27 ноября 1988 г. группа пыталась собрать в парке им. М. Горького подписи под письмом против «волокиты» работников пуско-наладочного управления треста «Кавэлектромонтаж» в обком, при этом повторно прозвучали призывы создать народный фронт. За 1988 г. группой было организовано 15 политических акций, среди них: демонстрации у редакции газеты «Молот»; выход на площадь перед облисполкомом с требованием отправить на XIX Всесоюзную партийную конференцию вместо председателя горкома А. А. Донцова

академика Т. И. Заславскую, акции с протестными плакатами в день демонстраций 7 октября [15, л. 48–49].

Регулярные встречи группы (по средам и воскресеньям в парке им. М. Горького) заставляли власти активно наказывать участников. Происходили частые задержания милицией, выносились предупреждения, а некоторые участники привлекались к административной ответственности. Горком наделял группу негативным идеологическим маркером – ей приписывался антисемитизм в оценках политического руководства СССР (причастность Л. М. Кагановича к уничтожению памятников культуры, Л. Д. Троцкого – к расправе над Думенко, Я. М. Свердлов был описан как сторонник политики «раскалывания»).

Попытка «формализовать» (прикрепить к официальной структуре, получить помещение) городской клуб защитников прав и свобод «Защита» оставалась безуспешной. Официальный отказ горкома был мотивирован тем, что «в городе уже есть организации, защищающие законные права и интересы граждан (Советы народных депутатов, милиция, суд прокуратура)» [15, л. 47–50].

Отдельным фактором деятельности организации стало давление со стороны райкомов партии, которые запрещали организации проводить митинги около редакции газеты «Молот». «Защита» обвиняла основные издания города («Молот», «Вечерний Ростов») в необъективности освещения их работы.

Почву для размышлений оставляет «Справка и предложения о работе с неформальной группой «Защита» [15, л. 77–81], предложенная горкому Ростовской ВПШ. Это пример партийного, официального текста, в котором возможно увидеть использование авторитетного дискурса как механизма установления компромисса между горкомом и группой, сохраняя приверженность официальному партийному курсу.

Первый тезис, предложенный автором этой аналитической записки, свидетельствует о том, что группа не носила асоциальный характер. Отмечается идеологическая размытость группы, лишь иногда в дискуссиях используется апелляция к частному предпринимательству, «апология политического плюрализма на Западе» [15, л. 77]. Автор записки доцент Н. Г. Цыганаш считает, что в группе «Защита» существовали тенденции превращения из неформальной в формальную организацию – обсуждались идеи присоединения к Народному фронту или Демократическому союзу [15, л. 77, 80]. Формализация должна была дать партийным органам возможность для опреде-

ления, остаётся «Защита» на социалистических позициях или уходит «вправо». Методы, в соответствии с которыми действовали неформалы в Ростове-на-Дону, схожи с практиками, которыми пользовались неформалы Москвы и Ленинграда. Это и публичные «читки» критических материалов и статей, проведение уличных дискуссий, вовлечение в эти дискуссии горожан, акцент на нарушении социалистической законности и т.д. Эти формы и методы позволяли привлекать внимание общественности к их деятельности, а также позволяли квалифицировать властям их действия как направленные на нарушение общественного порядка.

Райисполкомы, как и большинство партийных органов, оперативно реагировали на рост влияния неформальных организаций [11, с. 201–203]. Сторонники реформ в партии использовали неформальные организации для создания публичного пространства реализации политики гласности. Политические клубы стали явлениями политической организации горожан – в качестве процессов идущих снизу и в то же время поддержанных властью [15, л. 28]. Не случайной представляется и близость политических клубов к академическим институтам (РГУ) – аналогичные процессы мы наблюдаем и в Москве (ИЦЭМИ РАН) [11, с. 89–94]. Деятельность политклуба РГУ затрагивала актуальные сюжеты советской жизни: 28 декабря 1988 г. на базе философского факультета состоялось заседание с повесткой дня «Неформальные движения и перестройка». На встречу были приглашены представители неформальной организации «Защита» – С. Ч. Великоредчанин, С. А. Кирсанова, И. Н. Стадниченко, члены Ростовского общественного экологического центра, студенты и преподаватели университета. В докладной записке зам. секретаря парткома РГУ С. А. Подшибякина говорится о том, что «студенты и преподаватели объединены мыслью клуба как перспективной формы совершенствования политической, правовой культуры». Политический клуб РГУ стал площадкой «формализации» ростовских неформалов.

Второй тезис демонстрирует оценку ценностей и мотивации участников группы: «ориентация лидеров группы направлена на достижение социального престижа». Такое утверждение объясняется тем, что в недавнем прошлом многие участники группы дискредитировались (в рабочих коллективах и т.д.). Предложения группы отмечаются как позитивные, но «поверхностные». «Мотивы такой ориентации лежат... в определённом наследии застойных времен в формах, методах и подходах к решению общественных проблем со стороны нынешнего руко-

водства» [15, л. 78]. Анализ советского авторитетного дискурса позволяет сделать вывод, что в партии было несколько стратегий отношения к подобным группам. Представитель ВПШ, несомненно, осведомлённый о новых конъюнктурах политического ландшафта в центре, не спешит «клеить» членов группы.

«Непреодолённое наследие» – понятие, которое сегодня рассматривается в категориях политики памяти, было несвойственным для локального политического порядка. Критика периода «застоя» была призвана обратить внимание руководства на неповторение ошибок, при этом вся аналитическая записка выдержана в авторитетном дискурсе.

Третий тезис основан на идее принципиально новой политической конъюнктуры: доцент ВПШ сообщил руководству горкома, что с неформалами нужно идти на контакт и добиваться взаимодействия с ними. На фоне этого важным предложением является призыв ликвидировать конфронтацию с неформалами и даже разработать общую программу к выборам в Советы.

В качестве формального «упреждения» действиям группы «Защита» в райкомах планировалось создавать группы быстрого реагирования. При этом партийным органам было рекомендовано содействовать формализации, структурировать «Защиту» в политический клуб, подконтрольный партийным органам [15, л. 74–75]. Необходимость обладать полной информацией о группе выливается в предложение членам группы высказываться в печати. Н. Г. Цыганаш предлагает «проверенным» партийцам, комсомольцам вступать в группу для ведения индивидуальной работы. Главная цель такой работы – не допустить отход «Защиты» от социалистических позиций. Акцент сделан на обучении подобных специалистов.

Для формирования общественного мнения важным является то, кто первым поставит проблемные вопросы и будет на них отвечать – именно в такой логике ВПШ предлагала выработать тактику взаимодействия с ростовскими неформалами. Как следствие – переход к практике круглых столов, определение места митингов вблизи от общественных учреждений. Такую тактику можно объяснить с одной стороны «заигрыванием» с неформалами, с другой – неопределённой пока стратегии части партийных групп использовать влияние неформалов в политической борьбе. Таким образом, мы приходим к выводу, что властные институты сами оперировали к неформальным группам, вынуждены были работать с ними и минимизировать давление на них. Всё это привело к активному вхождению неформалов в

политический процесс 1989–1990 гг. К 1990 г. КПСС представляла собой борющиеся между собой фракции консерваторов и реформаторов, использовавшие неформалов в своих целях.

В 1989–1990 гг. в Ленинграде и Москве происходили процессы политической самоорганизации неформалов (например, Московский народный фронт). На фоне этих событий в Ростове-на-Дону также происходит структурирование неформальных групп. Необходимость политической самоорганизации была продиктована изменениями, вызванными политикой перестроечных СМИ. Интересна записка «На встречу городской партийной конференции» доцента института сельхозмашиностроения Н. И. Котова, использовавшего авторитетный дискурс для описания процесса создания неформальной организации. «Предчувствие рождения мощной неформальной организации ощущалось в те дни в Ростове-на-Дону» [15, л. 45]. Необходимым условием поддержки перестройки автору представлялось объединение профессиональных и творческих союзов, общественных организаций города, клубов. Все эти организации при руководящей роли КПСС должны были стать политической силой, поддерживающей индивидуальные инициативы горожан и благополучное развитие городской среды [15, л. 45].

«Объединяющей» структурой ростовских неформалов стал Донской народный фронт (ДНФ). Оргкомитет ДНФ был создан на базе группы «Защита» летом 1989 г. В ДНФ вступили организации: группа «Защита», клуб «Избиратель», «Ростовский общественный экологический центр», клуб «Отечество», общество «Мемориал», отделение Демократического союза. Группа «Защита» организационно становится частью народного фронта. Организации, вошедшие в ДНФ, преследовали разные цели.

Выборы Съезда народных депутатов СССР 1989 г. стали симптомом перемен, не только потому, что они изменили городской и общесоюзный политический ландшафт. Отчасти они увеличили базу поддержки неформалов, но что более важно в локальном измерении – базу сторонников реформистского крыла в КПСС. «Межрайонный клуб избирателей» [13, л. 13], целью которого было вовлечение горожан в «конструктивную деятельность по оздоровлению общества», утверждению прав и свобод гражданина [14, л. 3], стал одной из последних крупных неформальных перестроечных организаций Ростова-на-Дону.

13 сентября 1989 г. ДНФ было отказано в официальной регистрации. Попытка организо-

вать несанкционированный митинг 25 февраля 1990 г. на площади Труда в Новошахтинске закончилась административным арестом активистов местного отделения ДНФ В. Скопичева и А. Дулова на 10 и 7 суток соответственно. Политические акции ДНФ были связаны с поддержкой деятельности В. Н. Зубкова, избранного в 1989 г. депутатом на Съезд народных депутатов СССР. Уже 1 мая 1990 г. представители ДНФ организовали отдельную колонну на праздничной городской демонстрации. Попытка провести несанкционированный митинг вновь была пресечена милицией. 17 мая 1990 г. состоялся митинг с угрозой проведения предупредительной забастовки, на котором была принята резолюция против продолжения строительства Ростовской АЭС [1]. Его активистами были: врач городской поликлиники №11 А. В. Климентов, уборщик базы отдыха вино-водочного завода Ф. Х. Хасбиуллин, Н. В. Передистый, Р. Н. Гришечкина. Это свидетельствовало о расширении социальной базы неформалов. Регулярные конфликты с правоохранительными органами привели к тому, что в рамках организации появилась юридическая секция.

Проделав долгий путь от встроенности в систему до сопротивления ей, группа «Защита» незаметно ушла с политической арены, уступив место ДНФ. Этот уход был связан с процессом детерриториализации авторитетного дискурса. Изначально объединения, находясь вне политики, были простыми «публиками своих», сопротивление консерваторов и непоследовательность реформаторов из КПСС приводит их на путь оппозиционной борьбы. Некоторые члены группы участвовали в правозащитной деятельности, например, С. Ч. Великоредин. Но большинство из них не участвовало в региональных институциональных трансформациях начала 90-х гг. XX в. Нельзя не согласиться с идеей К. Сигман о том, что исследовательский взгляд на движение неформалов зависит от того, с какой позиции мы его наблюдаем [11, с. 22]. Отдельным порядком может считаться взгляд из локальной перспективы, представленный в данной статье. Особая темпоральность местного политического процесса была связана и с небольшим количеством неформальных групп, и с доминирующими консервативными взглядами руководства города на деятельность неформалов. События, которые произошли на излёте перестройки, сформировали политический ландшафт эпохи начала реформ и слома советской системы в регионе.

Источники и литература

1. Амелина А. Л. О Донском народом фронте и не только URL: <http://politics-80-90.livejournal.com/9832.html> (Дата обращения: 05.09.2016).
2. Зверева Г. И. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России (Дискурсивный анализ публикаций последних лет) // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 540–556.
3. Величко С. А. Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Известия ТПУ. 2005. №1. С. 199–205.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
5. Косолапов Н. А. Что это было?: размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов // Общественные науки и современность. 2005. №1. С. 5–19.
6. Лахман Р. Что такое историческая социология? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 240 с.
7. Лель Е. Рентгеновская? А от какой пушки помирать приятнее? // Hyde Park. URL: <http://www.balandin.net/Lell/rentgen.htm> (Дата обращения: 04.09.2016).
8. Ненашев М. Перестройка и СМИ // Родина. 2015. №. 11. С. 130–133.
9. Попов В. Ю. Двойная нормативность как постсоветская реальность взаимодействия власти и бизнеса // Сборник научных статей «Инструментарно-технологическое обеспечение социально-экономических решений. М.: «Вузовская книга», 2012. С. 43–53.
10. Романова Е. Станислав Великоредин, правозащитник: «Я – кость в горле ростовской судебной системы» // 161.ru – ежедневное интернет-издание 2010. 4 сент. URL: <http://161.ru/text/person/318532.html> (Дата обращения: 31.08.2016).
11. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 472 с.
12. Фадеев М. К. Вопросы неформальных общественных движений в отечественной историографии второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. №2 (10). С. 121–131.
13. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 102. Д. 148.
14. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 269.
15. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 20. Д. 392.
16. Чуев С. В. Современный политический процесс на Дону (1989–2004 гг.): этапы и содержание. Исторический аспект: дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2005. 198 с.
17. Шубин А. В. Преданная демократия. СССР и неформалы: 1986–1989. М.: Европа, 2006. 344 с.
18. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.
19. Miller D. et al. The Blackwell encyclopaedia of political thought. 1987.

References

1. Amelina A. L. O Donskom narodom fronte i ne tol'ko (*On the Don People's Front and not only about it*) URL: <http://politics-80-90.livejournal.com/9832.html> (Accessed: 05.09.2016). (In Russian).
2. Zvereva G. I. «Prisvoenie proshlogo» v postsovetsoi istoriosofii Rossii (Diskursnyi analiz publikatsii poslednikh let) (*«Appropriation of the past» in the post-Soviet Russian philosophy of history (discourse analysis of recent publications)*) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. No.59. P. 540–556. (In Russian).
3. Velichko S. A. Perestroika v SSSR (1985–1991) v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii (*Perestroika in the USSR (1985–1991) in domestic and foreign historiography*) // Izvestiya TPU. 2005. No. 1. P. 199–205. (In Russian).
4. Deleuze G., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. 672 p. (In Russian).
5. Kosolapov N. A. Chto eto bylo?: razmyshleniya o perestroike v svete ee kognitivnykh itogov (*What was it in particular?: Reflections about perestroika in the light of its cognitive results*) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2005. No. 1. P. 5–19. (In Russian).
6. Lakhman R. Chto takoe istoricheskaya sotsiologiya? (*What Is Historical Sociology?*). Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2016. 240 p. (In Russian).
7. Lel' E. Rentgenovskaya? A ot kakoi pushki pomirat' priyatnee? (*X-ray station? And what cannon is it better to die from?*) // Hyde Park. URL: <http://www.balandin.net/Lell/rentgen.htm> (Accessed: 04.09.2016) (In Russian).
8. Nenashev M. Perestroika i SMI (*Perestroika and Media*) // Rodina. 2015. No. 11. P. 130–133. (In Russian).
9. Popov V. Yu. Dvoynaya normativnost' kak postsovetetskaya real'nost' vzaimodeistviya vlasti i biznesa (*Dual normativity as the post-Soviet reality of the interaction between authority and business*) // Sbornik nauchnykh statei «Instrumentarno-tehnologicheskoe obespechenie sotsial'no-ekonomicheskikh reshenii. Moscow: Vuzovskaya kniga», 2012. P. 43–53. (In Russian).
10. Romanova E. Stanislav Velikoredchanin, pravozashchitnik: «Ya – kost' v gorle rostovskoi sudebnoi sistemy» (*Stanislav Velikoredchanin, the human rights activist: I am 'pain in the neck' for Rostov court system*) // 161.ru – ezhedn. internet-izd. 2010. 4 sent. URL: <http://161.ru/text/person/318532.html> (Accessed: 31.08.2016). (In Russian).
11. Sigman K. Politicheskie kluby i Perestroika v Rossii: Oppozitsiya bez dissidentstva (*Political clubs and Perestroika in Russia: Opposition without dissidence*). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 472 p. (In Russian).
12. Fadeev M. K. Voprosy neformal'nykh obshchestvennykh dvizhenii v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny 1980-kh – nachala 1990-kh gg. (*Issues of informal social movements in the national historiography of the mid-to-late 80-ies – early 90s*) // Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik Yuga Rossii. 2011. No. 2 (10). P. 121–131. (In Russian).
13. Modern history Documentation Centre of the Rostov region (TsDNIRO). F. 9. Inv. 102. D. 148. (In Russian).
14. Modern history Documentation Centre of the Rostov region (TsDNIRO). F. 9. Inv. 102. D. 269. (In Russian).
15. Modern history Documentation Centre of the Rostov region (TsDNIRO). F. 13. Inv. 20. D. 392. (In Russian).
16. Chuev S. V. Sovremenniy politicheskii protsess na Donu (1989–2004 gg.): etapy i sodержanie. Istoricheskii aspekt: diss. ... kand. ist. nauk. (*Modern political process in the Don region (1989 – 2004): stages and content. The historical aspect: the dissertation of the candidate of historical sciences*). Rostov-on-Don, 2005. 198 p. (In Russian).

17. Shubin A. V. *Predannaya demokratiya. SSSR i neformaly: 1986–1989 (Democracy Betrayed. USSR and informals)* Moscow: Evropa, 2006. 344 p. (In Russian).
18. Yurchak A. *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. 2-e izd. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 664 p. (In Russian).
19. Miller D. et al. *The Blackwell encyclopaedia of political thought*. 1987.

УДК 902/904(470.6)

Л. П. Ермоленко

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Статья посвящена научно-исследовательской деятельности центральных академических учреждений, провинциальных научных обществ и учреждений Северного Кавказа во второй половине XIX – первой четверти XX столетия. В статье анализируется динамика накопления источниковой базы, раскрываются организация и функционирование археологических изысканий, методы накопления и анализа материала, а также пути развития и результаты теоретических исследований на Северном Кавказе в указанный хронологический период. Показано влияние социокультурных и региональных условий на организационную и содержательную сферы археологических исследова-

ований. Прежде всего, это влияние центральных академических учреждений, проявившееся в осуществлении археологических изысканий в Северокавказском регионе. Научные общества Северного Кавказа являлись общественно-научными центрами местной интеллигенции, которые своей просветительской деятельностью формировали у общественности мнение о необходимости сохранения памятников старины.

Ключевые слова: Северный Кавказ, археологическая наука, археологические исследования, раскопки, музеи, археологи-краеведы, научные общества.

L. P. Ermolenko

DEVELOPMENT OF REGIONAL ARCHEOLOGY IN THE SECOND HALF OF XIX - THE FIRST QUARTER OF XX CENTURY (ON MATERIALS OF THE NORTH CAUCASUS)

The article is devoted to scientific work of central academic institutions, provincial scientific societies and institutions of the North Caucasus in the second half of XIX – the first quarter of the XX century. The article analyzes the dynamics of accumulation of source base, revealed the organization and functioning of the archaeological research, methods of accumulation and analysis of the material, as well as the development and the results of theoretical research in the North Caucasus during this chronological period. The influence of socio-cultural and regional conditions in the organizational

and substantive scope of archaeological research. First of all, it is the effect of the central academic institutions, manifested in the implementation of archaeological research in the North Caucasus region. Scientific Society of the North Caucasus was the social and scientific center of local intelligentsia, so their educational activities formed the public opinion about the need to preserve the monuments.

Key words: North Caucasus, archaeological science, archaeological research and excavations, museums, archaeologists, historians, scientific societies.

В 1990-х гг. наблюдается существенное усиление интереса ученых к историографии археологии Северного Кавказа как одной из отраслей исторической науки. Важнейший вклад в становление местной археологии, особенно на начальном и переходных этапах ее развития,

внесли региональные организации и общества научно-культурной направленности, археологи-любители и краеведы, которые в разные годы организовали научно-исследовательскую работу на Северном Кавказе. Обращение к историческому опыту развития археологии во

второй половине XIX – первой четверти XX вв. представляется весьма своевременным. Достижения национальной науки во многом зависят от степени развития научно-организационной инфраструктуры не только в столице, но и в регионах.

В данной статье в рамках меняющейся парадигмы отечественной исторической науки в указанный хронологический период показано воздействие исторического процесса на развитие научных археологических исследований, складывание научных направлений и идей, организацию научных центров в Северокавказском регионе. Взятые в совокупности эти научные знания способствуют получению цельной, объективной и всесторонней картины развития археологии в регионе. Это обстоятельство усиливается и тем фактом, что в отечественной историографии недостаточно обобщающих исследований по истории развития археологической науки Северного Кавказа, раскрывающих сложный процесс изучения археологических памятников. Ряд проблем, связанных с историей изучения археологических памятников Северного Кавказа освещен в статьях, историографических разделах учебников и монографий, в отдельных главах диссертаций, посвященных археологическим памятникам региона [9; 10; 14; 15; 16; 17; 18]. Важным вкладом в воссоздание истории археологического обследования Северного Кавказа в период с конца XVIII в. по 20–30-е гг. XX в. посвящены работы М. Е. Колесниковой [11; 12; 13].

В 1850–1870-х гг., когда во всех сферах жизни российского общества происходили глубокие социально-политические и экономические преобразования, в научной среде наблюдается заинтересованность историей и культурой недавно присоединенного к России Кавказа. Интеграция данного региона с остальной частью страны шла бок о бок с мероприятиями культурного характера. Так, русские офицеры-топографы, служившие на Кавказе, а также путешественники, оказавшиеся здесь в силу обстоятельств, составили первые описания кавказских историко-культурных и археологических памятников. С 1880-х гг. изучение последних начали местные археологические общества, в результате чего наблюдается распространение этнографических и статистических описаний этнических групп и географии Кавказа. В ходе массового строительства на Кавказе русскими железных дорог, трактов, фортификаций, объектов гражданского и военного характера были выявлены многочисленные археологические памятники, что привело к становлению археологической науки в регионе.

Выдающийся вклад в развитие кавказской археологической науки внес V археологический съезд, прошедший в г. Тифлисе 8–21 сентября 1881 г. под председательством А. В. Комарова. По итогам мероприятия были выработаны инструкции для археологов, организованы археологические экспедиции и раскопки, изданы труды съезда, уточнена абсолютная и периодическая периодизация кавказских памятников.

В конце XIX столетия практически на всем Кавказе были выявлены памятники христианской архитектуры. Так, в с. Полтавское под г. Сухумом, на р. Западная Маджарка, был обнаружен храм XI в., а в с. Ольгинское – также руины храма [10, с. 680]. В этот же период по заданию Императорской археологической комиссии в различных уголках Кавказа на постоянной основе действовали научные экспедиции, материалы которых публиковались в археологических журналах и в прессе. Возникают местные археологические общества. А в 1888 г. увидел свет первый номер «Материалов по археологии Кавказа», издаваемых Московским археологическим обществом. В соответствии с программой Императорской археологической комиссии, археологическим изысканиям на Кавказе был придан регулярный и системный характер, а культурный и хронологический диапазон исследуемых объектов простирался от каменного века до средневековья [10, с. 12–141].

Первая Мировая война, революционные события 1917 гг., Гражданская война явились причиной массового и бесконтрольного уничтожения историко-культурных памятников, а также принявшего огромные масштабы вывоза за рубеж антикварных предметов и прекращения археологических исследований практически во всех частях бывшей Российской империи, в том числе и на Кавказе. На повестку дня стал вопрос об отношении новой, советской власти к историко-культурному наследию страны. Невзирая на многочисленные сложности и ошибки, а порой и носящие вынужденный характер жесткие меры, в 1920-х гг. сформировались предпосылки не только для восстановления, но и для развития региональной археологической науки. На Северном Кавказе этому способствовали уже имеющиеся и достаточно развитые археологические традиции. На развитие северокавказской археологии оказали влияние взгляды А. С. Уварова и Д. Я. Самоквасова о памятниках древности как источниках для изучения этнических и социокультурных аспектов истории народов, теория А. А. Спицына о связи катакомбных погребений с аланами, а также мнение В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского об иден-

тификации средневековых памятников христианской архитектуры и скальных захоронений Верхней Кубани и Кабарды как «древнеосетинских» (аланских). Непреходящее научное значение имели классификационно-типологические разработки В. А. Городцова [9, с. 50].

На становление и дальнейшее поступательное развитие советской археологии во многом положительно повлияли определенные в дореволюционный период научные направления, теоретические положения, методологические принципы и методические установки, значимый кадровый потенциал, активность и инициативность археологов. Примечательно, что именно в 1920-х гг. было ликвидировано ограничение, связанное с проблематикой антропогенеза, исследованиями палеолита и начальных ступеней развития *homo sapiens*. Советская власть активно поддержала создание новых высших учебных заведений, музеев, краеведческих обществ, разнообразных научных изданий. Тогда же курс археологии был включен в программу целого ряда университетов, формировалось научное представление о предмете, объекте и методах краеведения, была сформирована научная школа исторического краеведения. Продолжая и перенимая славные традиции дореволюционной археологической науки, советская археология интересующего нас периода была отмечена рядом значительных инноваций. В их числе: системная подготовка профессиональных археологов, в результате чего сформировалась блестящая плеяда нового поколения ученых, внесших впоследствии огромный вклад в развитие отечественной науки; появление новых научных направлений, методов и методологических поисков; расширение спектра полевых исследований; организация и финансирование фундаментальных комплексных археологических экспедиций. Представляется возможным согласиться с А. А. Формозовым [18], подчеркивающим расцвет палеолита (Г. А. Бонч-Осмоловский) и пристально изучающим национальные регионы (раскопки А. А. Миллера, А. С. Башкирова, Е. Г. Пчелиной на Кавказе, А. Ю. Якубовского в Средней Азии, С. А. Теплоухова в Минусинской котловине и т.д.). На окраинах возрождались идеи организации систематических археологических встреч, проведение всесоюзных и республиканских конференций, съездов, симпозиумов.

В 1920-х гг. в стране активизировалось краеведческое движение и любителей местной старины в проведении археологических изысканий. Важным направлением подобной «краеведной археологии» стало историко-археоло-

гическое исследование регионов, выявление, сохранение и регистрация памятников материальной культуры, а также популяризация археологических знаний. Научно-исследовательские организации и учреждения Северного Кавказа, действующие в Ставрополе, Краснодаре, Черкесске, Нальчике, Орджоникидзе, Грозном, Махачкале начали систематическое исследование всех категорий бытовых, погребальных и культовых памятников [8, л. 1–28; 19, л. 3, 8, 9; 20, л. 1]. Подобные исследования в северокавказском регионе получили развитие в рамках как краеведческого движения, так и музейного строительства, имея тесную связь с охраной памятников старины и искусства.

Вместе с тем, главным центром по организации исследований в области археологии стала Российская академия истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. – ГАИМК), созданная в апреле 1919 г. в г. Петрограде на базе Археологической комиссии и Русского археологического общества. В начальный период деятельность РАИМК сосредоточилась на организационной работе в области археологии и иных приближенных к ней гуманитарных наук. Члены Академии научно обосновывали специфику и тематическую направленность советской археологии, оказывали активное воздействие на пути ее становления и развития, оказывали содействие расширению источниковой базы, разработке методологической основы и совершенствованию методологического арсенала. После того, как военно-политическая и социально-экономическая ситуация в СССР начала постепенно стабилизироваться, Академия выступила в качестве организатора целого ряда фундаментальных археологических экспедиций, имеющих целью исследование древних памятников Кавказа, а также других уголков страны. Их тематический охват и результативность возрастали от года к году.

Повышение уровня археологических изысканий, проводимых в СССР, являлось одной из главных целей деятельности археологического подотдела отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Наркомпроса РСФСР. В ведении упомянутой структуры находились учет и охрана памятников старины, национализация крупных частных коллекций, реквизиция и конфискация материальных ценностей, обсервация археологических исследований, составление археологических карт губерний, областей и т.д.

В период становления советской власти проведение археологических исследований затруднялось в связи с наличием ряда объек-

тивных трудностей политико-экономического характера. В качестве примера можно привести факт, зафиксированный в архиве Института истории материальной культуры. В 1922 г. РАИМК планировала организовать очередную археологическую экспедицию, задачей которой являлось обследование территорий Северного Кавказа и Армении. Однако из-за отсутствия средств Совет Академии решил обратиться «в целях изыскания средств к осуществлению экспедиции за поддержкой к иностранным ученым учреждениям» [1, л. 1–4 об. 13], в том числе, к Национальному музею в г. Вашингтоне, с просьбой выделить 642 000 руб. в дензнаках 1922 г. Со своей стороны, Вашингтонский музей теоретически признал вероятность сотрудничества с советскими коллегами, однако, сославшись на текущую политическую обстановку, «настоящий момент считал неблагоприятным для постановки вопроса» [1, л. 10]. В 1923 г. Наркомфин на 35 % сократил сметы на проведение научных экспедиций, в том числе и Северо-Кавказской (в 1923 г. на эту экспедицию было выделено 45 000 руб. в дензнаках 1923 г., т.е. 750 руб. золотом, хотя изначально предполагалось выделение 1000 руб. золотом) [2, л. 1, 3].

В 1920 г. в СССР был выработан общегосударственный план археологических исследований. Невзирая на непростую материальную ситуацию, в стране продолжали организовывать и проводить экспедиции, имевшие целью выявление археологических памятников, их постановку на учет и составление археологических карт. В результате проведения таких экспедиций в разных регионах СССР вырос уровень археологических исследований, а также были сделаны значимые научные открытия. Всего по стране в 1921 г. исследования были проведены в 45 местностях, в 1922 г. – в 54, в 1923 г. – в 124, в 1926 г. – в 326 [5, л. 13, 57]. В означенный период раскопки были проведены в Дагестане (Государственный исторический музей и Дагестанский музей), в Терской (М. И. Ермоленко) и Кубанской (Г. И. Боровко и экспедиция РАИМК, под руководством А. А. Миллера) областях, в Осетии и горной Осетии (Е. Г. Пчелина и Л. П. Семенов), в Кубанско-Черноморской губернии (Б. В. Лунин и А. В. Таланов), в Ставропольском округе (Г. Н. Прозрителев – раскопки), в Донской и Кубано-Черноморской областях, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии (А. А. Миллер – раскопки), в Крыму, Дагестане, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (А. С. Башкиров – раскопки). Верховья р. Кубань обследовались сотрудниками Северокавказского Горского НИИ краеведения (г. Ро-

стов-на-Дону) и другие [5, л. 57, 62; 6, л. 1, 2, 5 об., 22; 7, л. 2, 4].

Осуществляя свою уставную деятельность, центральные учреждения тесно взаимодействовали с региональными научными организациями и органами охраны памятников. В 1920-х гг. в СССР на краеведческой основе возник целый ряд таких важных археологических центров, как археологический институт при Саратовском университете, центр археологического краеведения при Самарском университете, краеведческий кружок при Белорусском университете и другие [9, с. 53]. Сотрудники центральных учреждений всячески поддерживали развитие археологии в контексте краеведческой проблематики, лично внося вклад в организацию краеведческой работы в СССР. Основной акцент делался на центральные учреждения, обладавшие материальной базой, имевшие опыт работы и развивающие исследовательские традиции. В их числе – Терской областной музей (основан в 1897 г. в г. Владикавказе), Музей Северного Кавказа (основан в 1905 г. в г. Ставрополе) и др. Важнейшими направлениями деятельности краеведческих обществ и научных организаций, созданных в 1920-х гг., стали исследования в области археологии и работа по сохранению памятников и предметов археологии. В 1920 г. на базе Терского областного музея был создан Северокавказский институт краеведения. Действовавший до 1926 г., он объединил все имеющиеся в наличии местные научные силы и распространил свою деятельность на Адыгею, Карачай, Дагестан и некоторые районы Грузии. В 1920 г. в г. Пятигорске был создан Совет обследования и изучения Терского края (затем – Пятигорское отделение Северо-Кавказского института краеведения) [9, с. 54]. А в 1921 г. состоялось открытие Нальчикского областного музея, заведующим которого стал М. И. Ермоленко. К 1928 г. в музее были сосредоточены значительные археологические коллекции, включавшие в себя 5960 единиц хранения. Его сотрудниками обследованы десятки памятников, собраны многочисленные археологические материалы. По итогам их работ в 1923 г. была организована Северо-Кавказская экспедиция под руководством А. А. Миллера [6, л. 2, 5 об., 22; 7, л. 2, 4], которой в 1924–1925 гг. был составлен первоначальный план систематического изучения Северо-Кавказского региона, при этом особое внимание уделялось бытовым памятникам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии [2, л. 74]. Исследование древних поселений позволило ученым начать разработ-

ку актуальных проблем историко-культурного и историко-хозяйственного характера. Результаты Северо-Кавказской экспедиции 1920-х гг. были отражены в архивных документах и материалах, научной литературе, а также в коллективной работе членов экспедиции, изданной Институтом истории материальной культуры АН СССР в 1941 г. На базе выявленных материалов из Агубековского и Долинского поселений, Нальчикского могильника и других памятников Кабардино-Балкарии была разработана периодизация древностей Северного Кавказа [14; 15; 16].

Имея целью максимально разностороннее и обстоятельное исследование и сохранение памятников истории и культуры на Северном Кавказе, в начале 1920-х гг. РАИМК приступила к работе по организации сети этнолого-археологических комиссий в гг. Краснодаре, Ставрополе, Владикавказе, Пятигорске. За оргработу отвечал уполномоченный Академии, председатель Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии, профессор В. А. Пархоменко (г. Краснодар). В компетенцию комиссии, созданной в мае 1921 г. в г. Ставрополе под руководством Г. Н. Прозрителева, входило: проведение археологических изысканий вокруг г. Ставрополя с целью выявления, фиксации и постановки на учет памятников старины; проведение раскопок и обследований памятников, которым был нанесен ущерб и разрушающимся в результате строительных работ; осуществление охраны памятников древности и старины. Важной заслугой СКЭАК было составление археологической карты Ставропольской губернии, что являлось первой попыткой сведения воедино всей имеющейся информации, касающейся памятников Северного Кавказа в советский период. Впоследствии эта карта стала «настойной книгой» для всех поколений археологов, занимающихся исследованием региона [12, с. 208–220].

26 июня 1921 г. Постановлением РАИМК было создано Прикумское (Пятигорское) отделение СКЭАК – Пятигорская этнолого-археологическая комиссия. Сотрудники ПЭАК работали над составлением археологической карты Пятигорья, Карачая, Кисловодской котловины и верховьев Подкумка, пытаясь продолжить и довести до логического завершения исследования Кабинета кавказоведения Горского политехнического института. К 1922 г. ввиду отсутствия денежных средств Комиссия прекратила свое существование. В 1926 г. свет увидел труд Д. М. Павлова «Искусства и старина Карачая», включающий в себя две части: историю археологического изучения и составленного в алфавитном порядке перечня памятников Карачая [17, с. 12–13].

В целях максимально объективного, полного и системного исследования археологических памятников Дагестана в 1924 г. в г. Махачкале были созданы Научно-исследовательский институт и музей краеведения, Ассоциация Горских краеведческих организаций, а в 1929 г. при ГАИМК – Дагестанский комитет [4, л. 8]. В 1925 г. основанное в г. Владикавказе (1919 г.) Осетинское историко-филологическое общество было преобразовано в Осетинский научно-исследовательский институт краеведения [21, л. 227, 240]. В 1926 г., ввиду перевода Северо-Кавказского института краеведения из г. Владикавказа в г. Ростов-на-Дону и созданием в 1925 г. Осетинского НИИ краеведения, был создан Ингушский научно-исследовательский институт.

Реорганизации научно-исследовательских краеведческих и археологических учреждений осуществлялись и на Кубани. Например, в 1927–1928 гг. в Краснодарской школе № 8 М. И. Покровским был создан археологический кружок и историко-археологический музей, просуществовавшие вплоть до оккупации Кубани в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Члены кружка провели воистину огромную работу, обследовав течение р. Кубань от ст. Елизаветинской до г. Кропоткина, нижнее течение р. Лабы и Кирипи, составив археологическую карту Прикубанья. На работах кружка основывались последующие научные экспедиции АН СССР и ГАИМК [3, л. 9].

В Северокавказском регионе исключительную роль сыграли любители местной старины в проведении на местах мероприятий по развитию уже имевшихся и созданию новых центров археологии, а также формированию целостной системы охраны памятников в регионе. Важным направлением развития археологической науки на Северном Кавказе стало поэтапное осуществление полевых исследований в различных районах, в том числе в ранее неисследованных местах. Сотрудники научных учреждений, музеев, краеведческих обществ составляли археологические карты ряда отдельных территорий, имеющие огромное значение и в наши дни.

Во втором десятилетии XX в. советские ученые приступили на Северном Кавказе к проведению целенаправленных, системных экспедиционных исследований, организованных как центральными, так и региональными научными учреждениями. Ими был выявлен и собран богатый вещественный материал, который получил обширное освещение во всесоюзной, республиканской и краевой научной литературе. В этот период в стране велись широкие

дебаты о характере и формах проведения археологических экспедиций, при этом отчетливо прослеживалась тенденция к осуществлению различного рода смешанных экспедиций, перед которыми ставилась задача не только проведения полевых работ, но и соответствующей научной обработки полученных данных, а также последующей публикации. Получила реализацию ранее сформированная идея о необходимости хранения добытых материалов не только в центральных, но и в региональных хранилищах. Для осуществления таких исследований ученым требовались не только обширные теоретические знания в области истории и археологии, но и наличие определенной практической подготовки, навыков работы и методики проведения раскопок. Все это могло быть получено в ходе осуществления ежегодных центральных экспедиций, проводивших сплошное археологическое обследование. Одной из них стала Северо-Кавказская археологическая экспедиция, организуемая ГАИМК. Нередко осуществлялись смешанные, совместные экспедиции с участием представителей центральных учреждений и местных научных обществ, краеведов-любителей. Благодаря полученному опыту, многие из последних впоследствии становились самостоятельными исследователями, внесшими значительный вклад в отечественную археологию. Вместе с тем, следует отметить, что база для подобных экспедиций и развития археологии на Северном Кавказе была создана в результате планомерной и целенаправленной деятельности энтузиастов-краеведов и археологов-любителей, которые только количественной стороной

своих изысканий способствовали обогащению источниковой базы. Это повлияло на расширение и популяризации научных знаний среди широких масс населения.

Оценивая полевую деятельность ученых второй половины XIX – первой четверти XX вв., в огромной степени способствовавших развитию исторической науки, с позиции сегодняшнего дня, следует согласиться, что вплоть до начала XX столетия археология Северного Кавказа развивалась путем сосредоточения материалов по древней истории местных народов и была тесно связана с охраной местных памятников древности. Лишь с 1920-х гг. ученые приступили к аналитическому осмыслению накопленных археологических материалов, разработав и предложив первые схемы периодизации археологических культур Северного Кавказа [10, с. 780]. Их усилиями было доказано, что в античности Кавказ являлся центром формирования уникальных, выдающихся археологических культур и входил в орбиту влияния цивилизаций Древнего Востока, при этом тесно взаимодействовал с регионами Средиземноморья и Переднего Востока. Археологи конца XIX – начала XX вв. наметили программу исследования Северного Кавказа, имевшей целью мультидисциплинарный, комплексный, системный анализ древних памятников Кавказа, успешно реализуемый и в наши дни. Таким образом, можно утверждать, что деятельность ученых-археологов второй половины XIX – первой четверти XX вв. решающим образом воздействовала на развитие археологической науки на Кавказе не только в советский период, но и в настоящее время.

Источники и литература

1. Архив института истории материальной культуры (Архив ИИМК). Ф. 2 Оп. 1. Д. 73, 1922.
2. Архив ИИМК. Ф. 2 Оп. 1. Д. 74, 1923.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1548. Оп. 1. Д. 9.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 266.
5. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 4.
6. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 192.
7. ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 257.
8. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 10.
9. Ермоленко Л. П. Археологическая наука в северокавказском регионе в первое десятилетие советской власти // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Вып. 8. Ставрополь: Ставропольбланкиздат, 2008. С. 49–58.
10. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1191 с.
11. Колесникова М. Е. Историко-краеведческая деятельность на Северном Кавказе в к. XVIII – 20–30-е гг. XX в. (по материалам Ставрополья): автореф. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999. 25 с.
12. Колесникова М. Е. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Страницы истории и основные направления культуроохранительной деятельности в 1921–1933 годах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология. Антропология. Палеоклиматология. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 208–224.
13. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века / науч. ред. М. П. Мохначева. Ставрополь: СГУ, 2011. 496 с.: ил.

14. Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. Т.3. 326 с.
15. Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 года // Известия ГАИМК. Л., 1925. Т. 4. С. 1–42.
16. Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах // Сообщения ГАИМК. 1926. Т.1. С. 71–142.
17. Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая. История изучения. Описание. Издание Ассоциации Северо-Кавказских горских краеведческих организаций. Пятигорск: Типолитография издательства «Терек», 1927. 32 с.
18. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.
19. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р-126. Оп. 2. Д. 18.
20. ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 39.
21. ЦГА РСО-А. Ф. Р-759. Оп. 1. Д. 54а.

References

1. Archive of the Institute of History of Material Culture (*Archive IHMC*). F.2. Inv. 1. D. 73,1922. (In Russian).
2. Archive IHMC. F. 2. Inv. 1. D. 74,1923. (In Russian).
3. State Archives of the Krasnodar Territory. F.R-1548. Inv. 1. D. 9. (In Russian).
4. State archive of the Russian Federation (GARF). F. A-2307. Inv. 2. D. 266. (In Russian).
5. GARF. F.A-2307. Inv. 8. D. 4. (In Russian).
6. GARF. F.A-2307. Inv. 8. D. 192. (In Russian).
7. GARF. F.A-2307. Inv. 10. D. 257. (In Russian).
8. State Archive of the Stavropol Territory. F.R-1619. Inv. 1. D.10. (In Russian).
9. Ermolenko L. P. *Arkheologicheskaya nauka v severokavkazskom regione v pervoe desyatiletie sovetsoi vlasti (Archaeological Science in the North Caucasus region in the first decade of Soviet power)* // *Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnykh statei. Issue 8. Stavropol': Stavropol'blankizdat, 2008. P. 49–58. (In Russian).*
10. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): u istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya (Imperial Archaeological Commission (1859–1917): at the origins of the national archeology and cultural heritage protection)* / ed. by A. E. Musin, E. N. Nosov. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin publ., 2009. 1191 p. (In Russian).
11. Kolesnikova M. E. *Istoriko-kraevedcheskaya deyatel'nost' na Severnom Kavkaze v k. XVIII – 20–30s gg. XX v. (po materialam Stavropol'ya) (Local History activity at the North Caucasus in XVIII – 20–30-es XX. (On materials of Stavropol Territory): abstract of thesis. Stavropol, 1999. 25 p. (In Russian).*
12. Kolesnikova M. E. *Stavropol'skaya etnologo-arkheologicheskaya komissiya. Stranitsy istorii i osnovnye napravleniya kul'turookhranitel'noi deyatel'nosti v 1921–1933 godakh (Stavropol ethnological and archaeological commission. Pages of History and main directions cultural and protective activities in 1921–1933)* // *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Issue II. Arkheologiya. Antropologiya. Paleoklimatologiya. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2001. P. 208–224. (In Russian).*
13. Kolesnikova M.E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka (North Caucasus historiographical tradition: the second half of the XVIII – the beginning of XX century).* Stavropol: SSU publ., 2011. 496 p. (In Russian).
14. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and research on the archeology of the USSR).* Moscow – Leningrad: USSR Academy of Sciences publ., 1941. Vol. 3. 326 p. (In Russian).
15. Miller A. A. *Kratkii otchet o rabotakh Severo-Kavkazskoi ekspeditsii Akademii v 1923 goda (A brief report on the work of the North-Caucasian Academy expedition in 1923)* // *Izvestiya GAIMK. 1925. Vol. 4. P. 1–42. (In Russian).*
16. Miller A. A. *Kratkii otchet o rabotakh Severo-Kavkazskoi ekspeditsii Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury v 1924 i 1925 godakh (A brief report on the work of the North Caucasian expedition of the National Academy of History of Material Culture in 1924 and 1925 respectively)* // *Soobshcheniya GAIMK. 1926. Vol.1. P. 71–142. (In Russian).*
17. Pavlov D. M. *Iskusstvo i starina Karachaya. Istoriya izucheniya. Opisanie. Izdanie Assotsiatsii Severo-Kavkazskikh gorskikh kraevedcheskikh organizatsii. (Art and antiquities of Karachai. The history of research. Description. The publication of the Association of North-Caucasian mountain local history organizations).* Pyatigorsk: Terek, 1927. 32 p. (In Russian).
18. Formozov A. A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki (Russian archaeologists in the period of totalitarianism: Historiographical essays).* Moscow: Znack, 2004. 320 p. (In Russian).
19. Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (CSA North Ossetia-Alania). F. R-126. Inv. 2. D. 18. (In Russian).
20. CSA North Ossetia-Alania. F.R-759. Inv. 1. D. 39. (In Russian).
21. CSA North Ossetia-Alania. F.R-759. Inv. 1. D. 54a. (In Russian).

УДК 94(130)

Э. Г. Задорожнюк

ЕРАЗИЙСКИЙ КОНЦЕПТ «МЕСТОРАЗВИТИЕ»: СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ¹

Анализируются смысл и значение концепта «месторазвитие» в евразийстве. Подчеркивается его многосоставный характер, отраженный в теориях П. Савицкого и его последователя К. Чхеидзе – единственного из плеяды евразийцев выходца из Северного Кавказа. Он манифестировал идею месторазвития данного локального региона и в то же время обосновал (утопическую) идею всего земного шара как месторазвития. На Северном Кавказе вырабатывались специфические формы

общезительства славянских и северокавказских, равно как южнокавказских этносов. В этом плане лишь предстоит выяснить роль таких центров, как Дербент, Владикавказ, Грозный, а еще в большей мере – Тифлис и Баку, с одной стороны, и Ставрополя, Краснодар – с другой.

Ключевые слова: евразийство, месторазвитие, Северный Кавказ, хронотоп, туранство, идеократизм, «государства-миры».

E. G. Zadorozhnyuk

EURASIAN «TOPOGENESIS» CONCEPT: NORTH CAUCASIAN COMPONENT

The meaning and significance of «topogenesis» concept in Eurasianism is analyzed. Its multipartite character, reflected in the theories of P. Savitsky and his successor K. Chkheidze, the only one of the Eurasians from the North Caucasus, is emphasized. K. Chkheidze manifested the idea of Topogenesis of that local region and at the same time proved the (utopian) idea of Global Topogenesis. Specific forms of common life of Slavic and North Caucasian, as well

as South Caucasian ethnic groups were developed in the North Caucasian region. In this regard, the role of such centers as Derbent, Vladikavkaz, Grozny, and to an even greater extent – Tbilisi and Baku, on the one hand, and Stavropol, Krasnodar – on the other is only to be figured out.

Key words: Eurasianism, topogenesis, North Caucasus, chronotope, turanstvo, ideocratism, «World-States».

Концепт «месторазвитие» в евразийстве был введен П. Н. Савицким и развит его соратниками, в первую очередь К. А. Чхеидзе. Широкою и одновременно привязанною к местным реалиям социально-экономической жизни трактовку указанного концепта Савицкий представил в своем труде «Месторазвитие русской промышленности» (Берлин, 1923), а к реалиям жизни культурной в книге «Местодействие в русской литературе (географическая сторона русской литературы)» (Прага, 1931). Контуры же этого понятия можно обнаружить еще в ранних его статьях: «Поворот к Востоку» (1921), «Миграция культуры» (1921), «Степь и оседлость» (1923) и др.

По ряду свидетельств, К. Чхеидзе еще до введения этого концепта познакомился с Савицким в 1921 г. в Софии. Позднее – в Праге – между ними усилились творческие контакты. В немалой степени именно двунаправленный анализ Чхеидзе концепта месторазвития, осуществленный после усвоения и переработки взглядов философа Н.Ф. Федорова о необходимости всеобщего воскрешения, привел к тому, что и Савицкий скорректировал ряд своих положений. Анализ Чхеидзе выводится из его повышенного внимания к Северному Кавказу как одному из месторазвитий идей евразийства в сфере культуры, политики, искусства, с одной стороны, и расширению трактовки данного концепта до уровня, говоря современным языком, глобальности (под влиянием в первую очередь идей Н. Федорова) – с другой.

Так, не без влияния своего ученика Савицкий в 1934 г. писал в статье под знаменательным названием «Географические и геополитиче-

¹ Статья подготовлена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы». Проект «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века».

ские основы евразийства»: «Несмотря на все современные средства связи, народы Европы и Америки все еще в значительной мере сидят каждый в своей клетушке, живут интересами колокольни. Евразийское месторазвитие, по основным свойствам своим, приучает к общему дому (ключевая идея Н. Ф. Федорова. – Э. З.)» [7, с. 545]. Назначение евразийских народов, как утверждали и учитель, и ученик, – своим примером увлечь на эти пути также другие народы мира.

Специфика применения данного концепта сводится к следующему парадоксу. Идея евразийства поначалу в «предместве Европы» – это, в первую очередь, вновь возникшие славянские государства Югославия и Чехословакия, а также Болгария. Именно в их столицах появились первые труды, заложившие основы евразийства (статьи, сборники, монографии) с учетом того, что в них об указанных государствах говорилось совсем мало или ничего, а идеи славянофильства и панславизма подвергались острой критике.

Лишь значительно позднее эти идеи привязывались к другим местам, причем весьма экзотическим. В их числе – Северный Кавказ, Калмыкия и даже ... Украина. Два слова о двух последних «месторазвитиях». Польский исследователь Р. Беккер обратил внимание на то, что идеи евразийства разрабатывали в основном не-азиатцы, – за исключением калмыка, именовавшего себя монголом и создавшего труды о Чингисхане, Э. Хара-Давана, и еще «писавшего по-русски, но проживавшего в Нью-Йорке еврея» [14, с. 85].

Что касается Украины, то здесь уместно упомянуть книгу графа А. А. Салтыкова (1872–1941), в которой он активно дискутировал с Н. Трубецким [8]. У этого изданного в чехословацком государстве труда сложнейшая история: автор не считал украинцев отдельной нацией, но и не вполне доверял евразийцам, хотя и считал их «попутчиками» в деле восстановления Великой России; сам же он проживал в Берлине, где имел свое издательство.

Вернемся к Северному Кавказу, осмысление роли которого в становлении не только идей евразийства, но и соответствующего мироощущения в полной мере лишь предстоит осмыслить. Правда, реперных точек при этом уже обнаруживается немало, но в основном в художественном творчестве. Хотелось бы напомнить, что именно на землях Северного Кавказа по-особому осветил сочетаемость локального и глобального начал М. Лермонтов в стихотво-

рении о «кремнистом пути» (локальном пункте месторазвития) и «земли сиянье голубом» (соответственно – глобальном). Северный Кавказ, по мемуарным свидетельствам и его письмам, оказался месторазвитием уникальных талантов Лермонтова как литератора и художника и до него – гения А. Пушкина, а после него – гения Л. Толстого. Как подчеркивает А. Панарин, характеризуя данное и другие стихотворения, прозу и живопись Лермонтова, можно говорить о «стиле евразийском, заданном России ее «внутренним Востоком» и таковой заявляет поэт, единственный его достойный» [10]; этот стиль задавался только и именно Кавказом – а не горами Шотландии или Альпами, подчеркивает он.

Надо признать, что многие элементы евразийства разрабатывал художник В. Верещагин. Он охватывал весь периметр сочетаемости русского и азиатского этносов в своих путешествиях по Крыму, Северному Кавказу, Средней Азии. В частности, он путешествовал и по Закавказью, хотя и не оставил столь подробных записей, как относительно Средней Азии. Все же его меткий взгляд художника и очеркиста уловил специфику отношений культур и этносов в данном регионе [Подробнее см.: 6, с. 121–127].

Обратим более пристальное внимание на взгляды в этом ракурсе представителя Северного Кавказа, пожалуй, единственного из 16 классиков евразийства, типологизация которого уже была представлена нами [5, с. 49–64]. Это уроженец города Моздока К. А. Чхеидзе, представитель третьей из тройки евразийцев, остальные в основном являлись уроженцами столиц империи.

Взгляды Чхеидзе относительно поздно попали в поле зрения исследователей евразийства, а их потенциал еще не выявлен в полной мере. Большую работу по этой теме проделала А. Г. Гачева [2, с. 147–167], которая обратила внимание на момент сочетаемости во взглядах Чхеидзе евразийства с учением Н. Ф. Федорова. Именно эта сочетаемость, как представляется, позволила выявить глобальное измерение понятия месторазвитие; это отразилось в знаменитом афоризме Чхеидзе: месторазвитие – весь мир.

В вышедшей в 1932 г. статье «К проблеме идеократии» (первоначальное ее название – «К организации идеократического интернационала») Чхеидзе окончательно легитимизировал идею организации «государств-миров» (Америки, России, Европы, отчасти Японии) и их дальнейшего единения в фазе «некоторого высшего объединения – всемирного» Ранее, апеллируя

к взглядам Федорова в статье «Из области русской геополитики», он подчеркивал, что «месторазвитием будет весь земной шар, а субъектом истории – все человечество» [13, с. 340, 362]. В целом, в отличие от эмигрантов-современников, Чхеидзе не мыслил Кавказа вне России.

Как раз Федоров с его идеей воскрешения отцов и освоения космоса и в меньшей мере учения о ноосфере позволяет всерьез относиться к такой постановке проблемы и к такому статусу концепта месторазвитие. Данная тема уже разрабатывается и, думается, будет форсировано разрабатываться, в первую очередь, именно философами и специалистами в области историософии и геополитики. Хотелось бы обратить внимание и на другую сторону взглядов Чхеидзе – его вклад в концепт месторазвитие. Он выводим во многом из его биографии. Известно, что Чхеидзе родился в Моздоке, учился в Полтавском кадетском корпусе и в Твери, а с 1917 г. воевал в Кавказской туземской («дикий») дивизии – сначала с турками, а затем с красными, в основном в Кабарде. Затем с Врангелем попал в Крым и дальше – в Константинополь. Северокавказский след обнаруживается как в его художественном творчестве, так и научных статьях. В статье «Моя тема – Кавказ» [12, с.215] он заявил об этом с полной определенностью. Книга о Прометее и Кавказе – месте его мучений и славы – вышла на русском языке в 1932 г. Харбине и в 1933 г. – на чешском в Праге.

Действительно, Северный Кавказ – особый пункт встречи разнородных этносов, особый пункт проявления их культурного потенциала. Это место сочетаемости не столько леса и степи, кочевников и горожан, о чем писал Савицкий, сколько пункты пересечения торговых путей и их своеобразного религиозно-культурного обрамления. Например, подвижное северокавказское пограничье характеризовалось противостоянием и взаимообучаемостью северокавказских этносов и казачества, христианства и ислама, о чем столь впечатляюще писали Лермонтов и Толстой, но и не только они. Специфика таких контактов в ракурсе евразийства – предмет дальнейших исследований, которые начаты, в частности, Ч. Г. Сангаджиевым [9] и Р.Р. Вахитовым [1, с. 123–139].

Научно-исследовательским отделом библиографии Российской государственной библиотеки в 2011 г. был подготовлен указатель «Евразийство в философско-исторической и политической мысли русского зарубежья 1920–1930-х годов». Характерно, что из 60 зафиксиро-

ванных указателем работ треть появилась в Софии (5) и Праге (15); здесь же было напечатано 10 из 30 работ Флоровского. Это и понятно: многие проекты в рамках двух указанных умопостроений – романо-германского начала и славянства [Подробнее см.: 4, с. 41–54] похоронили итоги Первой мировой войны и Октябрьской революции. От них большинству евразийцев пришлось спастись разновременно, но по одной траектории: юг России – Крым – Константинополь – Болгария или Югославия. Такой путь проделали трое из четверки первооснователей евразийства – Н. Трубецкой, П. Савицкий и Г. Флоровский; четвертый П. Сувчинский, прибыв в Европу через Берлин, именно в Софии организовал книгоиздательство, где вышла и работа Трубецкого, и первый сборник их статей. Двое из группы разработчиков идей евразийства в разных предметных областях – юрист Н. Алексеев и историк Г. Вернадский тоже оказались обреченными на эту траекторию, а следующая четверка евразийцев – К. Чхеидзе, П. Бицилли, Я. Садовский и А. Лурье – прошла ее целиком. В дальнейшем одни из них оставались в новообразовавшихся государствах, другие оказались в Берлине и Париже, третьи (историки Г. Флоровский и Г. Вернадский) достигли Америки. С. Эфрон через Константинополь и Прагу добрался до Парижа, а Д. Святополк-Мирский через Польшу и Грецию – в Лондон.

Основная их идея, выраженная в названии вышедшего в 1921 г. классического труда «Исход к Востоку», своеобразно дополнялась в биографическом плане их «исходом к Западу», а если взять группу евразийцев в пригороде Парижа Кламаре – то и «исходом к Марксу», классическому западному мыслителю. В государствах же Центральной и Юго-Восточной Европы, во многом появившихся в итоге окончания Первой мировой войны и Октябрьской революции, евразийцы нашли не очень теплый прием [Подробнее см.: 5, с. 51].

Как раз столица Болгарии – страны, куда русские эмигранты прибыли из Царьграда (так именовал Стамбул сам Трубецкой, его коллеги предпочитали другое название – Константинополь) – стала местом выхода монографии Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920), которая по-новому высветила проблему соотношения романо-германской и других культур. Здесь же увидел свет и сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (1921), фактически учредивший евразийство как течение обще-

ственной мысли. В дальнейшем книги и сборники начали появляться в Белграде, Праге и (реже) Варшаве, а потом в Берлине и, наконец, в Париже и Брюсселе.

Ряд последующих сборников явно свидетельствует о поиске определенности евразийством исторического пути России. Ведь именно при участии представителей этого течения выпускались журналы «Путь» (1925–1940), «Смена веж» (1921–1922), «Версты» (1926–1928). Само их название указывает на поиск устойчивого места, в то время как советский журнал «На посту» (1925–1928) как бы подтверждал: место найдено и его надо охранять. Фактически эти названия в чем-то отражают и полемику между евразийской и советской идеологией; она велась даже на съездах Всероссийской коммунистической партии (большевиков), в отсутствие оппонентов прозябавших на задворках Европы.

Опираясь на идеи своих предшественников (в первую очередь В. Ламанского), евразийцы подчеркивали, что земли восточнее Новгорода, а затем Москвы осваивались как на принципах самостоятельности (ушкунники), так и по повелению царя (казаки Ермака), что является свидетельством органичности продвижения на восток и становления Евразии. Парадоксально, однако, что эти идеи им пришлось эксплицировать как раз в Европе. Можно говорить о некотором реверсе места их развития: наиболее убедительные труды классиками евразийства – и в их числе «азиатцами» Чхеидзе и Хара-Даваном – создавались как раз в новых славянских государствах.

Пафос идей евразийства – предвидение, условно говоря, противостояния германо-романского и евразийского начал после краха германского начала в его столкновении с романским, а также другими, включая евразийское. Полем сражения, естественно, первоначально выступили эти государства, но говорить об их трагической в отдельных случаях судьбе евразийцы не стали. Они как бы предчувствовали судьбу этого места столкновения, ставшего и месторазвитием идеи евразийства. В дальнейшем первоевразийцы тем или иным образом отходили от этих идей, меняя заодно место их развития. Трубецкой оказался в Вене, Сувчинский проявлял издательскую и культурно-творческую активность в Париже и Берлине, а Флоровский – в Америке. Со временем евразийские устремления с учетом места их возникновения хотя и трансформировались, но сохранились. В целом с опорой на данные

сравнительного языкознания Трубецкой подчеркивал непродуктивность любого национального «местопоклонства» и доказывал, что именно русский народ задавал и задает образцы взаимообогащающего общежития народов. Это позволяло, исходя из языковой славянской общности, укреплять также и межкультурные связи, приводя к появлению, по мнению евразийцев, «многонародной нации», как она образовывалась в СССР. Чхеидзе и Хара-Даван в большинстве пунктов соглашались с Трубецким и разделяющим его взгляды языковедом Р. Якобсоном. Положительные оценки близких Трубецкому надэтнических государственных образований в Чехословакии и Югославии можно отыскать в его переписке, пронизанной тревогой относительно их исторических судеб под напором германского начала.

Сувчинский налаживал связи как между культурами, так и между идеологиями. Он впервые выявил роль туранского начала в музыке, которое еще с дягилевских гастролей в Париже преобразило мировой музыкальный ландшафт континента; через это формировался интерес и к месту появления этого начала. Флоровский, даже признавая глубокий кризис экуменизма, внедрил в него некоторые установки евразийства, сохранив при этом интерес к туранскому и монгольскому элементам. Эти элементы берут истоки в кочевых азиатских племенах, которые уже в древние времена нападали на более развитые государства.

Ход мысли Флоровского таков: в свое время христианский эллинизм был привит славянству, так почему не привить ценности христианства всему миру? Не получилось славянского единения – пусть будет единение мировое, хотя бы в религии [5, с. 55].

Лишь Савицкий не покидал Прагу (за исключением 10-летних лагерей в Мордовии); та же судьба, включая тот же срок, выпала на долю и его ученика Чхеидзе (практически не пришлось покинуть Софию и П. Бицилли). Более того, Савицкий как раз из Праги передал эстафету разработки этих идей Л. Гумилеву. Его жизнь и судьба в особой степени подтверждают, что месторазвитие идеи евразийства (он закончил жизнь в Праге до момента ввода войск Организации Варшавского Договора, то есть и «евразийского» СССР, и «романо-германской» ГДР, и монославянской Польши) – как раз земли славян Центральной и Юго-Восточной Европы.

Как уже говорилось, именно Савицкий ввел такое понятие, как месторазвитие. Оно обозначает единство социального и природного

пространства в рамках географической среды, что и определяет характер жизнедеятельности населяющих его этносов. Не случайно оно является одним из центральных в социологии евразийцев и было выработано с учетом похожих понятий в минералогии и биологии: месторождение, местообитание, местопроизрастание и т.д. Для характеристики социально-исторической среды это понятие, указывающее на привязку к ней географического индивидуума, играло значимую роль.

На наш взгляд, концепту «месторазвитие» присуще латентное противоречие, почти не выявленное Савицким. С одной стороны, создатель кочевниковедения активно разрабатывал программу миграции народов и связанную с этим проблему культурных сдвигов. С другой стороны, концепт месторазвитие имплицитно предполагал локальность культурных центров. Надо сказать, что это такое противоречие, которое относят к диалектическим. Действительно, чрезмерный застой в развитии культурных центров – тех же Афин или древнего Рима – требовал некоторых внешних воздействий для их функционирования. С другой стороны, кочевники в той или иной мере подвергались воздействию культурных центров: даже самые свирепые вожди туранских и других племен становились цивилизованными.

Надо сказать, что данное противоречие наблюдается сегодня и в сфере образования. Наиболее успешные центры наук и образования носят характер кочевничества. Это касается, к примеру, создания в Новосибирске университета, это касается многочисленных кампусов, расположенных вне исторических центров городов Запада. Это касается также форсированного обмена профессорскими кадрами. Есть основание предполагать, что и в других сферах можно зафиксировать проявление этого противоречия, в чем непосредственная заслуга Савицкого и его ученика Чхеидзе – наследника грузинского княжеского рода, родившегося в Моздоке.

Это противоречие Савицкого выявляет сегодня и моменты социального деконструктивизма в процессах суперурбанизма. Не случайно наиболее крупные по численности населения города развиваются как раз в странах с низким уровнем экономического развития – Мехико. В то же время в западных странах происходит так называемая сабурбизация, то есть расселение жителей по кочевническим образцам в пригородах. Наблюдается быстрый рост пригородных зон в результате переселения в них населения из городов.

Ряд идей в этом направлении высказывал Л. Н. Гумилев, на преемственность взглядов которого с идеями месторазвития Савицкого указал польский исследователь Р. Парадовский [16, s.182–183].

Метафорически месторазвитием идей евразийства являлись относительно молодые и вновь возникшие славянские страны (Сербия, Болгария и Чехословакия, но не Польша). Именно в Софии выпускались первые сборники по евразийству, именно Прага являлась месторазвитием ряда его идей, в частности, в рамках Пражского лингвистического кружка. Дальнейшие этапы развития евразийства связаны с перемещением его центров в Берлин и Париж, но эти города стали пунктами не столько месторазвития, сколько, так сказать, местоупадка классического евразийства. Характерно, что путь вхождения представителей классического евразийства в славянские страны пролегал и через Предкавказье, и через Крым. Евразийцы-классики, включая приват-доцента Донского (Ростовского) университета Н. Трубецкого (до этого лечившегося в Кисловодске), или обеспечивали идеологическую поддержку Врангеля, или сотрудничали с образовавшимся там Таврическим университетом.

Однако есть основания трактовать славянские страны как путь развития евразийства не только метафорически. В связи со сказанным для объяснения судеб идей евразийства мы предпочитаем концепт «месторазвитие» концепту «хронотопа» М. М. Бахтина (существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений) в картине славянского мира и национальной истории. Один из мотивов этого предпочтения заключается в том, что евразийцы являлись все же «потаенными славянофилами», но в реальных политических условиях того времени они не видели в молодых славянских государствах самостоятельных акторов и для этого им давала веские основания политика элиты этих государств.

Практически все они в той или иной форме искали контакты с Германией еще в начале 1930-х гг., но уже с середины 1930-х гг. вектор их предпочтений стал меняться, а в конце 1930-х гг. оказалось, что одни славянские государства противостояли натиску на Восток (Польша, Югославия), другие относились к нему сдержанно (Чехословакия), третьи принимали в нем участие (Болгария). Политике новообразованных государств были свойственны реверсы в поисках покровительства, и это – как справедливо полагали евразийцы – особен-

ность или даже обреченность их внешнеполитического курса. Для чехов до 1917 г. это были Романовы, и внимание к ним было свойственно даже Т. Г. Масарику, который в дальнейшем делал ставку то на немцев, то на французков, но наиболее сильную – на В. Вильсона, президента США. О приоритетности его «европейского выбора» писал в 1930 г. П. Милюков в англоязычной статье, включенной в немецкоязычный сборник [15]. И всегда эти государства натывались на тупики в реализации любой из направленностей курса – к Европе или к Евразии (России).

Евразийцы «угадали» линию на неизбежность этих реверсов, но они как бы скрывали такое знание, что не отменяет настоятельности поисков страновой, а также региональной и общеевропейской идентичности славянских народов, на землях которых вызревали идеи евразийства. Прежде всего, это касается чехов, которые первыми и интуитивно чувствовали и чувствуют опасности, исходящие из односторонней внешнеполитической ориентации. Во времена евразийцев таковой была ставка на поддержку со стороны Англии и Франции, дискредитировавшая себя в 1938 г. в Мюнхене, и запоздавшая ставка на СССР после договора 1935 г. В настоящее время подобную ставку на евроатлантизм, причем ее ущербность в широкой исторической перспективе ощущают как бывший чешский президент правоориентированный В. Клаус, так и президент нынешний – левоориентированный М. Земан.

Литература евразийцев и о евразийстве к концу второго десятилетия нашего века насчитывает сотни названий на русском и иностранных языках. В ней описывается и эволюция евразийства, и появление неоевразийства, и ущербность идейных позиций его носителей. В то же время в ней слабо артикулирован запрос на новые смыслы трактовки евразийства, вызванные, в частности, событиями в том же Крыму и на Украине.

Дело в том, что классические евразийцы трактовали в качестве одного из ключевых противоречий общечеловеческого развития конфронтацию романо-германской и евразийской цивилизаций, причем трактовали небезосновательно и многим жертвовали (не только репутацией, но и жизнью в защиту ценностей второй). К нашему же времени резко обострилось противостояние евроатлантической и евроазиатской цивилизаций. Оно пока не получило должного освещения.

Месторазвитие – не только метафора евразийства, но в чем-то и фактура истории славянских народов и их этнического окружения.

Ведь именно славянские страны были в то время и остаются в настоящее своеобразной ареной противоборства указанных начал. Поэтому тема евразийства и славянство нуждается в крайне глубоком и всестороннем изучении, не сводящемся только к подчеркиванию того факта, что евразийство, по мнению одних исследователей, является продолжением славянофильства и панславизма, а, согласно утверждениям других, их отрицанием.

В этом плане можно привести крайне интересное наблюдение. С конца 1930-х гг. и по начало 1940-х гг. «под немцем» оказались практически все славянские народы. Сначала это были западные славяне (1938–1939 гг.), затем южные (1940 г.), наконец, к 1942 г., земли, населенные украинцами, белорусами и в значительной степени русскими. Евразийцы как бы интуитивно предвидели возможность такого столкновения, поэтому их интерес к славянству находился отнюдь не на периферии, и в этой связи месторазвитие было не только метафорой.

Остается добавить, что одни славянские народы чувствовали себя «союзниками» Германии и, при всех оговорках, даже способствовали ее продвижению на Восток (словаки, хорваты, болгары). Другие же (поляки, сербы) оказывали ему сопротивление – тоже с оговорками. Эта тема заслуживает отдельного и довольно пристального рассмотрения, но нельзя не заметить некую похожесть данной ситуации с современностью, когда евроатлантизм укрепляет свои позиции в восточном направлении. Следовательно, именно евразийцы обнаружили особенную чувствительность славянского мира к таким тектоническим сдвигам и процессам. Как раз поэтому славянские страны стали месторазвитием указанных идей не случайно.

Уже фактом своего возникновения и потенциала месторазвития славянские страны по-новому поставили и славянский вопрос. Новые подходы евразийцев к его решению сводились к сомнению в способности только что сформировавшихся государств защитить свою культурную идентичность и политическую суверенность. Оказавшись во время выработки своих идей как раз на славянских землях и во вновь созданных здесь государствах, они пересмотрели роль славянства, причем не только в настоящем, но и в прошлом. Трубецкой допускал наличие общеславянского элемента в русской культуре и ее плодотворное влияние на культуры славянских народов, но это не дает оснований, по его убеждению,

говорить об общеславянском характере или всеславянской психике. «Каждый славянский народ, – подчеркивал он, – имеет свой особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк также мало похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического антропологического типа. «Славянская культура» – тоже миф, ибо каждый славянский народ вырабатывает свою культуру отдельно. Культурные влияния немцев, итальянцев, турков и греков на тех же славян в свою очередь имеют самостоятельный процессуальный характер. Более того, славяне принадлежат к различным этнографическим зонам» [11, с. 218]. Есть все основания утверждать, что языковая «привязка» указанных зон к месту проживания славянских народов – одно из выдающихся достижений Трубецкого-ученого. Но он разуверился в общеславянской культурной перспективе, а его вера в перспективу евразийскую подверглась таким испытаниям, что он был вынужден от нее отказаться. Правда, в это слабо верили не только его единомышленники: потаенное евразийство было ему все же присуще и после формального выхода из рамок течения. Хуже, что в этот отказ не поверили и представители немецкого начала. Трагедия Трубецкого в том, что ему не нашлось места ни в общеславянском, ни в евразийском, ни в романо-германском пространствах. По доносу за сугубо научную статью о индоевропейских языках он подвергся трехдневному аресту «арийцами» – носителями некоего праязыка, ставшего, по их убеждению, первоосновой языка немецкого, и умер в 48-летнем возрасте от вызванного этими потрясениями инфаркта.

Следует отметить, что судьба евразийцев, столкнувшихся с советским началом, была более трагична. Правда, Савицкий и его ученик Чхеидзе находились по 10 лет в мордовских лагерях в относительно комфортных условиях. Но Эфрон был расстрелян, а Карсавин и Святотоплук-Мирский умерли в лагерных больницах. Бицилли после окончания Второй мировой войны притесняли в Софии, а Алексеева – в Белграде. Лишь Иванов смог стать «рядовым советским писателем», но в далеком Хабаровске. Сегодня Вена – место глубокой памяти о Н. Трубецком как о выдающемся профессоре-лингвисте самого крупного в Австрии Венского университета.

Савицкий также признавал, что между славянскими народами есть культурно-исторические и языковые связи. В то время он насто-

ятельно подчеркивал, что хотя историческое своеобразие России во многом славянское, но не оно определяет ее принадлежность только к славянскому миру. Этого рода суждения не помешали идейным оппонентам евразийства идентифицировать его как позднее славянофильство и даже панславизм. Действительно, евразийский проект во многом восполнял идеи всеславяинства в их демократическом (кирилло-мефодиевцы) и консервативном истолковании. Более того, тот факт, что именно русские как славянский народ освоили континент Евразии – говорил, по их убеждению, в пользу ранних славянофильских идей, допускавших спасение Россией «загнивающего» Запада [5, с. 59].

Естественно, что взгляды лидеров евразийства на трансформацию славянства отличались. И все же они единодушно критиковали европоцентризм и доминирование романо-германского начала, которые отводили культурам народов, находящихся в центре Европы, места, по слову Трубецкого, в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации. Евразийцы же признавали равноправие народов как своеобразных культурных единиц, независимо от степени и характера их цивилизационного развития. Русский народ как носитель начал евроазиатского национализма доказал своей историей уживчивость этих единиц в местах их обитания, например, через ненасильственное (в идеале, хотя на практике было по-разному) оправославливание, которое как бы «перемалывало» византийские, туранские и монгольские корни. Этот процесс интенсифицировался после 1917 г., и Трубецкой обнаруживает его следы в успешной языковой политике СССР, Савицкий – в подтягивании культуры некоторых «иностранцев» (слово отнюдь не из лексикона евразийцев) к более высокому уровню культуры.

В ходе истории России практически ни один из этносов не был истреблен, сохраняя свою идентичность – языковую и культурную. В основном, они не покидали и мест своего пребывания. Нашествие германского начала имело своим косвенным следствием насильственное переселение многих этносов, в первую очередь кавказских. Вину за такое переселение отечественным властям нужно разделить с германскими агрессорами, а также признать, что вскоре эти народы вернулись на места своего обитания. Это дает основание считать убеждения евразийцев в способности к уживчивости русских с восточными народами культурно значимыми, в отличие от европейских народов по отношению к славянским. Гер-

манские племена, считали евразийцы, еще в средневековые времена прошлись катком по восточным соседям: были уничтожены едва ли не десятки славянских этносов (пруссы и др.) или они оказались полностью ассимилированы (лужицкие сербы). Факты же общежителности со стороны германцев обнаруживаются с большим трудом и в дальнейшем. Ассимиляционные процессы даже в XVIII–XIX вв. были очень интенсивными, и польские земли, особенно отошедшие к Пруссии и затем вошедшие в Германскую империю, (в меньшей степени в Австро-Венгерскую), ощущали на себе нивелирующее давление. То же самое можно сказать и о Чешских землях, заселенных немцами (Судеты), на что неоднократно указывали евразийцы [5, с. 60].

В целом трактовку культуры как социально окрашенного пространственно-временного континуума можно приложить и к части истории культуры – истории идей. Такая трактовка коррелирует с признанием множественности форм человеческой истории и жизни или, как писал Савицкий, живым чувством духовных принципов жизни. Можно зафиксировать, отметил он, перерастание великороссийского строения в евразийские.

Как раз поэтому – нисколько не сомневаясь в эвристическом потенциале понятия «хроно-топ» для культурологии и истории идей – все же предпочтительнее, по крайней мере, в данной работе, концепт «месторазвитие».

Мы попытались ответить на вопрос, почему именно в столицах вновь образовавшихся славянских государств зародились и впервые развернулись идеи евразийства. Дальнейшие

исследования в этом направлении можно продолжить по двум направлениям. Первое: как резонировали эти идеи в указанных странах. Есть основание предполагать, что нарочитость их замалчивания вовсе не является свидетельством их полного игнорирования. Второе: как отзываются эти идеи в вариантах современного евроскептицизма, связанного с евразийством не только по схожести звучания.

Казалось бы, его центром выступает – и небезосновательно – Казахстан, президент которого еще с начала 1990-х гг. взял на вооружение многие идеи евразийцев, а также основал университет им. Гумилева. Но, как видно, евроскептиками становятся и президентами европейских стран, которые, может, и совсем не знакомы с идеями евразийцев, а уж тем более «азиатцев» из их числа, один из которых апологетизировал миссию Чингисхана, а второй проповедовал взгляды Федорова о воскрешении мертвых.

В заключение еще раз подчеркнем уникальность фигуры Чхеидзе, который предельно расширял – до уровня глобальности – содержание концепта месторазвитие. Вместе с тем он достаточно глубоко рассмотрел локальные пункты месторазвития, где вырабатывались специфические формы общежителности славянских и северокавказских, равно как южнокавказских этносов. В этом плане лишь предстоит выяснить роль таких центров, как Дербент, Владикавказ, Грозный, а еще в большей мере – Тифлис и Баку, с одной стороны, и Ставрополя, Краснодара – с другой, в формировании концепта «месторазвитие» и его развития сегодня.

Источники и литература:

1. Вахитов Р. Р. Эренжен Хара-Даван: азийский евразиец // Эренжен Хара-Даван и его наследие. Элиста: АУ РК Издательский дом «Герел», 2013. С. 123–139.
2. Гачева А. Г. Неизвестные страницы евразийства. К. А. Чхеидзе и его концепция совершенной идеократии // Вопросы философии. 2005. №9. С. 147–167.
3. Доронина Н. В. Кавказ в творчестве художников XIX в. URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/a88/doronina-n.v.-kavkaz-v-tvorchestve-khudozhnikov-xix-v.pdf> (Дата обращения: 5.01.2017).
4. Задорожнюк Э. Г. Ф. И. Тютчев и Ф. Энгельс о судьбах славянства // Вопросы истории. 2014. №1. С. 41–54.
5. Задорожнюк Э. Г. Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства // Вопросы истории. 2016. №7. С. 49–64.
6. Задорожнюк Э. Г. Горизонты рассмотрения и интерпретаций евразийства: мировоззренческое ядро и культурно-художественные окрестности // В. В. Верещагин и Восток. В предчувствии евразийства. Материалы международной научной конференции (Череповец, 26–28 октября 2016 г.). Череповец: ЧГУ, 2016. С. 121–127.
7. Савицкий П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.
8. Салтыков А. А. Евразийцы и украинцы К проблеме единства русской национальной культуры. Ужгород: Типография «Школьной помощи», 1930. 60 с.
9. Сангаджиев Ч. Г. Проблема целостности России в воззрениях евразийцев-эмигрантов (1921–1938): автореф. ... канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2009. 24 с.
10. Панарин А. С. Лермонтовский антитезис: демонизм, космизм и евразийская воля URL: http://www.naslednick.ru/articles/culture/culture_11228.html (Дата обращения: 4.01.2017).
11. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 554 с.
12. См. Чхеидзе К. А. Страна Прометея. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. 264 с.

13. Константин Чхеидзе. Путник с Востока. Проза. Литературно-критические статьи. Публицистика. Письма. М.: «Книжница»/«Русский путь», 2011. 524 с.
14. Bekker R. Międzywojenny eurazjyzm. Od intelektualnej kontrakulturacji do totalitaryzmu? Łódź: Wydawnictwo «IBIDEM», 2000. 266 s.
15. Miliukov P. Eurasianism and Europeanism in Russian History // Festschrift Th.G. Masaryk zum 80 Geburtstag. Erster Teil. Bonn: Friedrich Cohen, 1930.
16. Paradowski R. Eurazjatyckie imperium Rosji. Studium idei. Warszawa: Dom Wydawniczy «Elipsa», 2003. 306 s.

References

1. Vahitov R. R. Jerezhen Hara-Davan: azijskij evraziec ((*Eringen Hara-Davan: Asiatic Eurasian*) // Jerezhen Hara-Davan i ego nasledie (*Éringes Hara-Davan and its heritage*). Elista: Gerel, 2013. P. 123–139. (In Russian).
2. Gacheva A. G. Neizvestnye stranicy evrazijstva. K.A. Chheidze i ego koncepcija sovershennoj ideokratii (*Unknown pages of Eurasianism. K. A. Chkheidze and his conception of the perfect ideocracy*) // Voprosy filosofii. 2005. No.9. P. 147–167. (In Russian).
3. Doronina N. V. Kavkaz v tvorcestve hudozhnikov XIX v. (*Caucasus in the works of artists of the XIX century*) URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/a88/doronina-n.v.-kavkaz-v-tvorcestve-khudozhnikov-xix-v.pdf> (Accessed: 05.01.2017). (In Russian).
4. Podrobnее sm.: Zadorozhnjuk E. G. F. I. Tjutchev i F. Jengel's o sud'bah slavjanstva (*For details, see: F.I. Tiutchev and F. Engels about the fate of the Slavs*) // Voprosy istorii. 2014. No.1. P. 41–54. (In Russian).
5. Sm.: Zadorozhnjuk E. G. Neuslyshannye spory: evrazijcy o sud'bah slavjanstva (*Unheard debates: the Eurasians about the fate of the Slavs*) // Voprosy istorii. 2016. No. 7. P. 49–64. (In Russian).
6. Podrobnее sm.: Zadorozhnjuk E. G. Gorizonty rassmotrenija i interpretacij evrazijstva: mirovozzrencheskoe jadro i kul'turno-hudozhestvennyye okrestnosti (*For details, see: Horizons of consideration and interpretation of Eurasianism: ideological core and cultural-artistic neighborhood*) // V. V. Vereshchagin i Vostok. V predchuvstvii evrazijstva (V. V. Vereshchagin and East. In anticipation of Eurasianism). Cherepovets: ChSU, 2016. P. 121–127. (In Russian).
7. Savickij P. N. Izbrannoe (*Selected works*). Moscow: ROSSPEN, 2010. 776 p. (In Russian).
8. Saltykov A. A. Evrazijcy i ukraincy K probleme edinstva russkoj nacional'noj kul'tury (*Eurasians and Ukrainians. On the problem of the unity of Russian national culture*). Uzhgorod: Printing office «Shkol'noj pomoshhi», 1930. 60 p. (In Russian).
9. Sangadzhiev Ch. G. Problema celostnosti Rossii v vozzrenijah evrazijcev-jemigrantov (1921–1938) (*The problem of Russia's territorial integrity in the views of Eurasians-emigrants*): abstract of thesis. Stavropol': SSU publ., 2009. 24 p. (In Russian).
10. Panarin A. S. Lermontovskij antitezis: demonizm, kosmizm i evrazijskaja volja (*Lermontov antithesis: demonism, Art Space and the Eurasian Will*) // URL: http://www.naslednick.ru/articles/culture/culture_11228.html (Accessed: 04.01.2017). (In Russian).
11. Trubeckoj N. Nasledie Chingishana (*Chingizkhan's Heritage*). Moscow: Agraf, 2000. 554 p. (In Russian).
12. Sm. Chheidze K. A. Strana Prometeja (*Prometheus's Country*). Nalchik: Poligrafservis i T, 2004. 264 p. (In Russian).
13. Konstantin Chheidze. Putnik s Vostoka. Proza. Literaturno-kriticheskie stat'i. Publicistika. Pis'ma (*Traveller from the East. Prose. The literary-critical articles. Reading. Letters*). Moscow: «Knizhnica»/«Russkij put'», 2011. 524 p. (In Russian).
14. Bekker R. Międzywojenny eurazjyzm. Od intelektualnej kontrakulturacji do totalitaryzmu? (*Interwar eurasianism. From the intellectual counterculture to totalitarianism?*). Lodz: IBIDEM, 2000. 266 p. (In Polish).
15. Miliukov P. Eurasianism and Europeanism in Russian History // Festschrift Th. G. Masaryk zum 80 Geburtstag. Erster Teil. Bonn: Friedrich Cohen, 1930.
16. Paradowski R. Eurazjatyckie imperium Rosji. Studium idei (*Eurasian empire of Russia. Study Ideas*). Warszawa: Dom Elipsa, 2003. 306 p. (In Polish).

УДК 940.1"653"

А. А. Кудрявцев

ХРИСТИАНСТВО В ИСТОРИИ ДЕРБЕНТА САСАНИДСКОГО ПЕРИОДА И ЭТАПЫ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

Дербент вошел в историческую литературу как один из крупнейших исламских центров на Кавказе, где мусульманская идеология стала активно распространяться арабами с середины VII в. Однако раннесредневековые албанские и армянские источники свидетельствуют, что первой мировой религией, воспринятой населением Дербента было христианство. Его начал проповедовать в городе Чога (Дербенте) святой Елисей в 60-е гг. I в., рукоположенный первым патриархом Иерусалима братом Иисуса Христа Иаковым. Этот начальный этап христианизации Кавказской Албании, в том числе и Дербенте, церковная традиция именует апостольским. Второй этап прихо-

дился на IV – первую половину V вв. и был начат святым Григорисом, первым главой Албанской Церкви, погибшим от рук маскутов, проживавших в районе Дербентского прохода. Третий этап относится к середине V – середине VI вв., когда Дербент становится главным оплотом борьбы албанского царя Ваче II против попытки Сасанидского Ирана навязать народом Кавказа зороастризм. С 60-х гг. V в. до середины VI Дербент являлся резиденцией главы Албанской Церкви (католикоса)

Ключевые слова: апостол, католикос, албаны, кочевники, зороастризм, религиозная борьба, этапы христианизации.

A. A. Kudryavtsev

CHRISTIANITY IN THE HISTORY OF DERBENT IN SASSANID PERIOD AND THE STAGES OF ITS DEVELOPMENT

Derbent entered the historical literature as one of the largest Islamic centers in the Caucasus, where Muslim ideology was actively spread by the Arabs from the mid-seventh century. However, early medieval Albanian and Armenian sources show that the first world religion, perceived by the population of Derbent was Christianity. St. Elisha began to preach it in the city Choga (Derbent) in the 60s of the first century, ordained by Jacob, the first Patriarch of Jerusalem, brother of Jesus Christ. The Church calls this initial phase of Christianisation in Caucasian Albania, including Derbent, the apostolic one. The second stage followed in IV – first half of V century and was initiated by the Holy Grigoris, the first head

of the Albanian Church, who died at the hands of the Maskuts, who lived in the area of Derbent passage. The third stage succeeded in the mid-fifth to mid-sixth century, when Derbent became the main bulwark against the Albanian king Vache II in the attempts of Sassanian Iran to impose zoroastrianism on the people of the Caucasus. Since the 60s of the V century until the middle of the VI century Derbent was the residence of the head of the Albanian Church (Catholicos).

Key words: apostle, Catholicos of the Albanians, nomads, Zoroastrianism, religious struggle, stages of Christianization.

Дербент широко известен в отечественной и зарубежной исторической литературе как выдающийся памятник мировой фортификации и один из крупнейших исламских центров Кавказа, на протяжении многих веков выполнявших свою геополитическую миссию по защите территорий Закавказья, Ближнего и Среднего Востока от набегов кочевых обитателей бескрайних степей Евразии. Уже с эпохи бронзы кочевники использовали знаменитые Дербентские ворота для проникновения на территории известных очагов древнеземледельческих ци-

вилизации Передней Азии и Средиземноморья, а со второй половины IV в. н.э. Дербент оказался на северной границе сначала огромной Сасанидской державы, а затем – с середины VII в., стремительно расширявшегося мусульманского мира. С этого времени он стал главными «Воротами» (по-арабски «Баб ал-аб-ваб» – Ворота ворот), Арабского халифата, защищая его от нападений степняков. В этот период Дербент выступал одним из широко известных исламских центров не только Кавказа, но и всего мусульманского Востока. Правители

Дербента назначались сюда лично омайадскими и аббасидскими халифами и сильно зависели во многих своих решениях, прежде всего в «джихаде», от местной арабской знати, происходившей из влиятельных арабских племен, переселенных в Дербент из Месопотамии в 733/734 г. знаменитым арабским полководцем Масламой б. Абд ал-Меликом [1, р. 17].

Однако Дербент вошел историю не только как крупнейший исламский центр, но и как один из наиболее значительных раннесредневековых городов Кавказа, где еще до проникновения сюда ислама уже получили развитие две известные мировые религии: христианство и зороастризм.

Зороастризм проник в Дербент, вероятнее всего, во второй половине IV в. н.э., когда по мирному договору 387 г. между Персией и Римом, Сасанидский Иран, достигший в правление Шапура II (309–379 г.) больших военных успехов на Кавказе, распространил своё влияние на все Восточное Закавказье, вплоть до Дербентских ворот. И, несмотря на то, что отдельные исследователи считают территорию Северного Азербайджана родиной зороастризма и культ огня был высоко почитаем у местных племен Восточного Кавказа, в том числе и в Дербенте, о чем свидетельствуют захоронения IX–VIII в. до н.э. Дербентского могильника [8, р. 48–50], эта религия не получила в городе широкого распространения. Учение Заратуштры осталось в основном религией завоевателей и очень небольшой прослойки некоторых представителей правящей кавказской верхушки, принявших зороастризм под давлением правителей Ирана.

В контексте оценки христианизации населения Западного Прикаспия ко времени завоевания арабами этих территорий Кавказа в середине VII в., крупнейший отечественный востоковед академик В. В. Бартольд писал, что христианство одержало победу на северных границах Ирана, в Западном Прикаспии и арабы на этих территориях «упоминают о христианстве как о религии местного населения, а о последователях зороастризма не упоминается» [2, р. 672].

Христианство, как свидетельствуют источники, на Кавказ проникло очень рано и, согласно сообщениям раннесредневековых армянских, албанских, грузинских источников, а так же данным, опирающимся на христианские традиции кавказских Поместных Церквей, Святое Писание стало распространяться здесь ещё в апостольские времена и армянская, албанская, грузинская Церкви считают апостольскими [4, р. 41].

Исследователи истории христианства Кавказской Албании особо выделяют в ней ранний период: «Первый период – апостольский, когда евангельское учение среди албан было распространяемо святыми апостолами и их учениками, а так же сирийскими миссионерами» [4, р. 38].

Начало распространения христианства в Кавказской Албании, в состав которой в этот период вошел и Дербент [8, р. 63–70], связано с деятельностью известных апостолов – святых Варфоломея и Фаддея, а так же ученика последнего – святого Елисея. Апостол Варфоломей, входивший в число двенадцати, проповедовал в Кавказской Албании и «согласно апокрифическим «Деянием апостола Фомы», Варфоломей был среди одиннадцати апостолов, бросивших жребий и получивших каждый свой удел для миссионерской проповеди» [4, р. 41]. Согласно жребию, Варфоломей проповедовал в Месопотамии, Малой Азии, Персии, Индии, из которой он, как полагают исследователи, отправился на Кавказ, с караваном купцов или религиозных паломников, поддерживавших в этот период весьма тесные религиозные и торговые связи между центрами огнепоклонников Индии и Кавказской Албании. В «Истории Русской Церкви» митрополит Московский Макарий (Булгаков) приводит многочисленные свидетельства древних авторов о христианской проповеди апостола Варфоломея в Кавказской Албании [10, р. 284].

Согласно сообщениям этих источников и церковной рукописной традиции, святой Варфоломей принял мученическую кончину в городе Албана, где он был распят «на кресте головою вниз» по приказу Астиага – брата царя, которого подбили на это злодеяние жрецы-огнепоклонники. [12, р. 707].

Местное церковное предание отождествляет место гибели Варфоломея с территорией старого Баку «Ичери Шахер» у подножья Девичьей башни, где по имеющимся историческим данным, на остатках фундамента языческого храма Арта, была возведена древняя христианская церковь. На ее развалинах в начале XIX в. по благословению РПЦ возвели часовню в честь святого Варфоломея, просуществовавшую до 1936 г. В памятной доске над входом в часовню сообщалось: «На сем месте за Христа пролил свою кровь один из 12-ти учеников Христовых – святой апостол Варфоломей» [4, р. 45].

Представляется вероятным, что апостол Варфоломей, погибший по сообщению источников в Албане, албанском городе указанным на карте античного географа II в. н.э. Птолеме-

ем недалеко от Дербента, мог проповедовать и в последнем – этом, широко известном военнополитическом и торговом центре Кавказской Албании, именуемом в раннесредневековых кавказских источниках городом Чога (Чора, Чол), а в античных греческих и римских – Каспийскими воротами. По мнению автора публикации, на карте известного античного географа Птолемея, Дербент обозначен, как город Гелда [9, р. 53–73].

Если о проповеди апостола Варфоломея в Чога – Дербенте в исторических источниках нет прямых указаний, то о пребывании в городе ученика известного апостола Фаддея – святого Елисея, сообщает самый авторитетный албанский раннесредневековый историк Моисей Каганкатвацци [5, р. 6–7], сведения которого подтверждаются и рядом более поздних кавказских авторов (Мхитар Гош [11, р. 8], Киракос Гандзакецци [7, р. 132–133]).

О начале проповеди святого Елисея в Кавказской Албании и в широко известном ее городе Чога (Дербент) Моисей Каганкатвацци писал, что после мученической кончины апостол Фаддея на Кавказе в области Артаз: «Ученик его святой Елисей возвращается в Иерусалим и остальным соапостолам его рассказывает о возжеленном его мученичестве. Там, по вдохновению Святого Духа, Елисей рукополагается рукой святого Иакова, брата Господня, бывшего первым патриархом Иерусалима. Елисей, получив себе в удел Восток, направив путь из Иерусалима в Персию, заходит к маскутам, избегая Армении, и начинает проповедовать в Чога (т.е. Дербенте – А. К.) и, уча многих в разных местах, заставил их познать спасение» [5, р. 6–7].

Подчеркивая, что Елисей начал христианизировать Кавказскую Албанию с ее далекой северной окраины Моисей Каганкатвацци писал: «Он начал апостольское возделывание с концов земли, просветил только северную часть нашего востока» [5, р. 9].

Сопоставив время жизни первого патриарха Иерусалимской Церкви святого Иакова, с рукоположением святого Елисея, можно отнести начало проповеди его в Кавказской Албании и появление в Дербенте, к периоду 60-х гг. н.э. Путь святого Елисея из Иерусалима на территорию Кавказской Албании лежал через Персию, минуя Армению, где стояли римские гарнизоны императора Нерона, ярого гонителя христиан, что и заставило Елисея обойти Армению, хотя, возможно, он мог там встретиться с кем-то из единоверцев-проповедников, например, с Иудой Левия, так же известным под именем

Фаддий. Интересно, что согласно сообщениям очень авторитетного римского историка Корнелия Тацита и ряда других авторов I в., в 68 г. н.э., т.е. приблизительно в период пребывания Елисея в Дербенте, император Нерон подготовил грандиозный поход к Каспийским воротам (Дербенту), для «войны с албанами», которому предавал огромное значение и предполагал даже сам его возглавить [8, р. 69–72]. Это сообщение К. Тацита хорошо свидетельствует об особой роли Чога – Дербента не только в судьбах Кавказской Албании, но и о его геополитическом значении в масштабах всего Ближневосточного и Средиземноморского регионов, что, несомненно, должно было привлечь к нему внимание Елисея. То обстоятельство, что Елисей «начал проповедь Благой Вести» с города Чога, расположенный на северной границе Кавказской Албании, можно объяснить особой военно-стратегической ролью Дербенских ворот, защищавших население Закавказья от грабительских набегов кочевников Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы.

Из Чога – Дербента Елисей направился на юг в центральные районы Кавказской Албании, в область Ути (территория правобережья р. Куры), в город Согарн с тремя своими учениками, но вскоре был убит язычниками и «принял здесь венец мученичества» [5, р. 7].

Приведенные данные известных раннесредневековых албанских авторов и церковных историков позволяют относить древний Дербент к числу наиболее ранних городов Кавказа, где Святое Писание проповедовали апостолы и их ученики, среди которых был и святой Елисей, принявший мученическую смерть за веру. Албанская Церковь почитала святого Елисея как своего апостола и «одного из учеников Господа, рукоположенного Иаковым, братом Господним» [5, р. 220].

Исследователи истории проникновения христианства в Кавказскую Албанию справедливо отмечали: «Первый, так называемый апостольский период распространения Христианства в Албании связан с именами апостола Варфоломея и ученика (или учеников) апостола Фаддея – Елисея» [4, р. 52].

Военно-политические события III в. н.э. внесли весьма значительные изменения в развитие известных государств Кавказа этого периода. Огромное и некогда могущественное Парфянское царство, выступавшее на протяжении нескольких веков главным соперником Рима на Ближнем и Среднем Востоке, пало под ударом новой Персидской державы – Сасанидского Ирана, основатель которого Арташир,

сын Папака и внук Сасана, разгромил на равнинах Мидии в битве при Ормиздакане (224 г.) последнего парфянского царя из династии Аршакидов – Артабана V и короновался как «царь царей» (226–242 гг.) нового персидского государства. Унаследовав от Парфянской державы ее огромные территории, Сасаниды унаследовали и ее ожесточенные противоречия с Римской империей, в том числе и на Кавказе. Кавказ, являвшийся очень значимым экономическим и геополитическим регионом, выступал важным военно-стратегическим плацдармом для наступления как на богатейшие сасанидские, так и на римские провинции.

Активное военное противостояние Рима и Сасанидского Ирана на Кавказе, в котором зачастую принимали участия конные отряды северокавказских кочевников, привлекаемые в качестве наемников, как римлянами, так и персами, самым пагубным образом отражалось на развитии региона и его населения. Ни Сасанидский Иран, государственной религией которого являлся зороастризм, ни Римская империя, где жесточайшее преследование христиан при многих императорах было возведено в ранг государственной политики, не имели веских причин для проявления веротерпимости и лояльности к христианскому вероучению и его последователям.

Положение коренным образом изменилось в начале IV в. н. э., когда император Константин Великий, сын святой Елены, так много сделавшей для защиты и распространения христианства, издал сначала Указ 311 г., давший христианам свободу вероисповедания, а потом, в 313 г., судьбоносный Миланский эдикт, который взял христианство под защиту государства, т.е. сделал его государственной религией империи [3, p. 52].

Цари Кавказской Албании, ориентировавшиеся в конце III – начале IV вв. в своих политических предпочтениях на Рим, как и правители Армении, и Грузии, положительно восприняли Миланский эдикт и проявили свою приверженность христианству, что положило начало второму этапу христианизации Кавказской Албании, в том числе и Дербента.

Согласно данным «Истории агван» Моисея Каганкатваци, албанский царь Урнаир, происходивший из разгромленной Сасанидами парфянской династии Аршакидов (младшая ветвь) и женатый на сестре сасанидского царя Шапура II, был крещен со своей свитой и приближенными святым Григорием – первосвятителем Армении. «После Крещения армянского народа святитель Григорий отправляется просвещать светом Евангелия Албанскую страну» [4, p. 59].

Моисей Каганкатваци сообщает, что в Албании для принятия христианства «сам великий царь с великолепными вельможами и сильным войском» отправился в Армению и «обратился из многих стезей заблуждения к истинному Богу» [5, p. 13]. Это событие относят к 313 г., хотя вопрос о времени крещения Армении, после которой крестился албанский царь с «вельможами и сильным войском», является дискуссионным. «Армянской Церковью датой крещения страны» считается 301 г., хотя ряд специалистов относит это событие к 314 г., а некоторые к 284 г. [4, p. 59].

Исследователи христианства Кавказской Албании считают, что «получив вторичное рождение от святого Григория, Урнаир в 313 г. по Р. Х. объявляет Христианство государственной религией Кавказской Албании» [4, p. 60]. С помощью новой религии Урнаир стремился объединить полиэтническое население Кавказской Албании (по Страбону она состояло из 26 разноязычных племен), укрепить политические связи с Римской империей и более активно противостоять зороастрийскому Ирану.

Политические и военные успехи персов на Восточном Кавказе в правление Шапура II, одержавшего ряд побед над римскими войсками, и активизация кочевников Юго-Восточной Европы, совершавших набеги на Закавказье через Дербентские ворота (Ворота Чога, Чора), заставил кавказских правителей искать покровительство и помощь у сасанидских царей.

Так, Шапур оказал помощь албанам в их борьбе с кочевыми племенами Северного Кавказа, которые «соединившись, прошли через ущелье Чор и поселились в пределах ахванских» [6, p. 151]. Армянский царь Тиран (338–345 гг.) «заключил мир с персами и, помогая Шапуху (Шапуру II – А. К.) оградил его от нападения северных народов (кочевников А. К.)» [5, p. 22], а албанский царь участвовал в битве при Амиде в 359 г. на стороне Шапура против римлян и занимал почетное место рядом с персидским царем. Значительное ослабление римского влияния на Кавказе, приведшее к разделу Армении в 387 г. и распространению иранского влияния на весь Восточный Кавказ, несомненно, сказалось на позициях христианства в регионе. Данные письменных источников и материалы археологических раскопок позволяют предполагать, что в середине – второй половине IV в. Дербент попал под контроль Сасанидского Ирана, а в первой половине V в. персидские цари стали активно укреплять «Ворота» и насаждать здесь зороастризм. Однако, есть основания полагать, что в конце III –

первой половине IV вв. Дербент, находившийся в подчинении албанских царей, имел среди своих обитателей и защитников значительное число христиан.

Так, раннесредневековые албанские и армянские авторы V–VII вв. (Фавстос Бузанд, Егише, Моисей Каганкатвацци и др.), в связи с событиями первой трети IV в., сообщают о новом этапе распространения христианства в районе Дербента. Подобно Елисею, прибывшему, из Иерусалима на территорию маскутов и проповедовавшему в городе Чога, глава Албанской Церкви епископ Григорис, рукоположенный крестителем Армении, святым Григорием около 20-х г. IV в. [5, р. 28], прибыл на территорию Дербентского прохода (Ворот Чога) и пытался обратить в христианство проживавших там маскутов. Последние сначала восприняли его вероучение, но потом, поддавшись уговорам шаманов, отказались от христианства, а самого миссионера предали мучительной смерти.

Население Дербентского прохода ко времени реального укрепления здесь власти Сасанидского Ирана, частично были уж христианизировано, а частично продолжало исповедовать старые языческие культы, которые христианские священнослужители пытались приспособить к своему вероучению. Укреплению позиций христианства здесь способствовало то обстоятельство, что уже в первой трети IV в. сюда прибыл, подобно святому Елисею, первый глава Албанской Церкви епископ Григорис, погибший на Ватнианском поле под Дербентом, где ещё в XIX в. на месте его гибели сохранялась часовня, посещаемая многочисленными паломниками.

Позднее, в начале второй половины V в., в период активной борьбы Ирана с христианством, Дербент был превращен албанским царем Ваче II в один из оплотов христианства на Восточном Кавказе и в главный центр антииранской борьбы против «учения магов».

Это событие положило начало третьему этапу христианизации Дербента, превратившегося в крупнейший христианский центр Кавказа и резиденцию главы Албанской Церкви.

Сообщения источников свидетельствуют о весьма прочных позициях христианства здесь в конце IV–V вв. Этот фактор сыграл значительную роль в его дальнейшем укреплении, и превращении Дербента во второй половине V – первой половине VI вв. в место пребывания престола главы Албанской церкви (католикоса Албании). Всё это ослабило позиции зороастризма, который остался в Дербенте религией завоевателей, религией иранских феодалов,

чиновников, военных переселенцев. Христианское вероучение было более широко воспринято коренными обитателями города и получило распространение среди самых различных слоев населения Дербента. Сведения о нем имеются в многочисленных нарративных источниках и подтверждаются археологическими данными, которые подтверждают, что христианство являлось в основном религией неиранских обитателей раннесредневекового города, составлявших большую часть его населения.

В. В. Бартольд относил время христианизации Дербента и прилегающих к нему территорий к периоду правления сасанидского царя Ездигерда I (399–429 гг.) и византийского императора Феодосия (408–450 гг.) [2, р. 672]. По данным Моисея Каганкатвацци здесь с 60-х г. V в. находился престол католикоса Кавказской Албании, который был перенесен в середине VI в. «из Дербента в Партав», в связи с активизацией набегов хазар. В «Истории агван» [5, р. 90] неоднократно упоминается не только о существовании престола католикоса в Дербенте [5, р. 261; 280; 362], но и о сохранении городом положения крупнейшего христианского центра Восточного и Северного Кавказа и после перенесения его в столицу Кавказской Албании – город Партав [5, р. 261, 280, 362]. Моисей Каганкатвацци сообщает, в связи с перенесением престола главы Албанской Церкви из Дербента следующее: «После того страна наша подпала под власть хазаров; церкви и писания преданы были огню. Тогда во второй год Хозроя, царя царей, в начале армянского летоисчисления перенесли престол патриарший из города Чога в столицу Партав, по случаю хищнических набегов врагов креста Господня» [5, р. 90].

Особое положение среди высшей духовной знати Албании глава дербентской церкви сохранил и после перенесения престола в Партав, о чем свидетельствуют титулатура албанского католикоса, подписывавшегося «католикос агванский, лбинский и Чога (т.е. Дербента – А. К.)» [5, р. 131]. Это позволяет думать, что две области – Лбиния и Чога – являлись особыми епископствами, занимавшими более высокое положение по сравнению с другими областями Албании, что и подчеркивалось в титулатуре католикоса.

Согласно сообщениям «Истории агван» подобная титулатура католикоса была введена известным главой Албанской Церкви Тер-Аббасом (551–595 гг.), при котором «вошло в обыкновение писать на адресе бумаг – католикосу Агвании, Лбинии и Чога [5, р. 280]. Подобным же образом в VII в. именовал себя католи-

кос Тер-Виро, правивший позднее и писавший: «Я Виро, католикос агванский, лбинский и Чога» [5, р. 131].

Столь длительное пребывание в Дербенте престола главы Албанской Церкви, а потом крупнейшей епископской кафедры, позволяют говорить об особой роли города в истории становления христианства Кавказской Албании, о высоком уровне христианизации населения Дербента, который может свидетельствовать о значительной роли христианского духовенства в структуре дербентского и всего албанского раннесредневекового общества.

Таким образом, исследование путей проникновения и становления раннего христианства в Дербенте позволяет выделить здесь три основных этапа. Первый этап, относящийся ко времени проповеди на Кавказе апостолов Варфоломея, Андрея, Фаддея, Матвея, связан с миссионерской деятельностью святого Елисея, ученика Фаддея, рукоположенного в 60-х г. в Иерусалиме, первым иерусалимским патриархом, братом Иисуса Христа, Иаковым. Второй этап связан с началом широкой христианизации Армении, Кавказской Албании, Грузии в IV–V вв., после принятия в 313 г. Миланского

эдикта. В Дербенте, начало этого этапа связано с деятельностью святого Григориса, первого главы Албанской Церкви, погибшего от рук маскутов недалеко от Дербента на Ватнианском поле (равнине). Третий этап, приходящий на вторую половину V – первую половину VI вв., связан с превращением Дербента в главный христианский центр Кавказской Албании и резиденцию главы Албанской церкви – католикоса Албании. Перенесение престола католикоса Албании из административной столицы Партава на северную окраину страны, в Дербент, было связано с антииранским восстанием албанского царя Ваче II в 459–463 гг., который отказался принять зороастризм, и ушел с войском и единоверцами в стратегически важный и хорошо укрепленный Дербент, где получил поддержку от местного населения и кочевников Северного Кавказа. Христианское население Албании и Закавказья активно поддерживало антииранское восстание Ваче II, и Дербент на длительный период стал главным оплотом в борьбе с «учением магов», идеологическим центром христиан Кавказа, местом нахождения престола главы Албанской Церкви.

Источники и литература

1. Баладзори. Книга завоевания стран / пер. П. К. Жузе. Баку: Издание Общества Обследования и Изучения Азербайджана, 1927. 38 с.
2. Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. М.: Издательство восточной литературы, 1963. Т. II. Ч. 1. 150 с.
3. Васильев М. А. Лекции по истории Византии. Петроград: Типография Я. Башмаков и К, 1917. Т. I. 355 с.
4. Иеромонах Алексей (Никоноров). История христианства в Кавказской Албании / 2-е изд. Махачкала: Эпоха, 2012. 190 с.
5. История агван Моисея Каганкатвацци / пер. К. Патканьяна. СПб.: Академия наук, 1861. Ч. I. 376 с.
6. История Армении Моисея Хоренского / новый пер. Н. О. Эмина. М.: Лазаревский институт восточных языков, 1893. 324 с.
7. Киракос Гандзакечи. История Армении / пер. Л. А. Ханларяна. М.: Наука, 1976. 358 с.
8. Кудрявцев А. А. Дербент – древнейший город России. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2015. 342 с.
9. Кудрявцев А. А. Пути развития северокавказского города (по материалам Дербента домонгольской поры). Ставрополь: Издательство СГУ, 2003. 330 с.
10. Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. М.: Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1994. Кн. I. 406 с.
11. Мхитар Гош. Албанская хроника / предисл.; пер. и ком. З. М. Бунятова. Баку: Академия наук АзССР, 1960. 33 с.
12. Православная энциклопедия. Т. 6. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003.

References

1. Baladzori. Kniga zaoevanija stran (*The book of the conquest of countries*) / translated by Zhuze. Baku: Publication Society Surveys and Studies of Azerbaijan, 1927. 38 p. (In Russian).
2. Bartol'd V. V. Mesto prikaspijskih oblastej v istorii musul'manskogo mira (*The role of the Caspian region in the history of the Muslim world*). Vol. II. Part 1. Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1963. 150 p. (In Russian).
3. Vasil'ev M. A. Lekcii po istorii Vizantii (*Lectures on the history of Byzantium*). Vol. I. Petrograd: Bashmakov and K printing office, 1917. 355 p. (In Russian).
4. Ieromonah Aleksej (Nikonorov). Istorija hristianstva v Kavkazskoj Albanii (*The history of Christianity in Caucasian Albania*). Mahachkala: Jephoha, 2012. 190 p. (In Russian).
5. Istorija agvan Moiseja Kagankatvatsi (*The story of Agvan Moses, Kaghankatvatsi*) / translated by K. Patkan'jan. Part 1. St. Petersburg: Academy of Sciences, 1861. 376 p. (In Russian).
6. Istorija Armenii Moiseja Horenskogo (*Armenian history by Moses Khorenatsi*) / translated by N. O. Jemin. Moscow: Lazarev's oriental languages institute, 1893. 324 p. (In Russian).
7. Kirakos Gandzakeci. Istorija Armenii (*Kirakos Gandzaketsi. History of Armenia*) / translated by L. A. Hanlarjan. Moscow: Nauka, 1976. 358 p. (In Russian).

8. Kudrjavcev A. A. *Derbent – drevnejshij gorod Rossii (Derbent – the oldest city of Russia)*. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015. 342 p. (In Russian).
9. Kudrjavcev A. A. *Puti razvitiya severokavkazskogo goroda (po materialam Derbenta domongol'skoj pory) (Ways of development of the North Caucasian city (on materials of Derbent pre-Mongol time))*. Stavropol': SSU publ., 2003. 330 p. (In Russian).
10. Mitropolit Makarij (Bulgakov). *Istorija Russkoj Cerkvi (The History Of The Russian Church)*. Moscow: Preobrazhensky Valaam Monastery, 1994. Book I. 406 p. (In Russian).
11. Mhitar Gosh. *Albanskaja hronika. Predisl.; per. i kom. Z. M. Bunijatova (The Albanian chronicle. Foreword.; TRANS. and com. Z. M. Buniyatov Avenue)*. Baku: Academy of Sciences, 1960. 33 p. (In Russian).
12. *Pravoslavnaia jenciklopedija (Orthodox encyclopedia)*. Vol. 6. Moscow: Orthodox encyclopedia, 2003. (In Russian).

УДК 930.1(470.6)

М. Е. Колесникова, С. И. Маловичко

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: УСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО. ЧАСТЬ 1

В серии статей изучается проблема функционирования разных форм исторического знания в межкультурном пространстве Северного Кавказа XIX – начала XX вв. В первой статье обращено внимание на функционирование местной устной традиции, исламское историописание и привнесенную Российской империей европейскую модель истории, которая в форме популярной истории (непрофессиональной) позиционировалась

русскими учителями, военными и чиновниками. Делается вывод, что европейская модель исторического знания стала вытеснять из региона иные практики конструирования прошлого как «ошибочные» и «ненаучные».

Ключевые слова: устная традиция, исламское историописание, европейская модель истории, стадильная теория, популярная история.

M. E. Kolesnikova, S. I. Malovichko

HISTORICAL KNOWLEDGE IN CROSS-CULTURAL SPACE OF THE NORTH CAUCASUS XIX – EARLY XX CENTURY: ORAL AND WRITTEN PRACTICES OF CONSTRUCTING THE PAST. PART 1

A series of articles examines the problem of functioning of different forms of historical knowledge in cross-cultural space of the North Caucasus in 19 – early 20th century. The first paper focuses on functioning of local oral tradition, an Islamic historical writing and the European model of history introduced by the Russian Empire which in the form of popular history (nonacademic) was positioned

by the Russian teachers, military and officials. The conclusion is drawn that the European model of historical knowledge began to displace other practices of constructing the past from the region as “erroneous” and “unscientific” ones.

Key words: oral tradition, Islamic historical writing, European model of history, stadial theory, popular history.

В исследовании, которое разделено на две статьи мы рассматриваем проблему функционирования форм исторического знания в межкультурном пространстве Северного Кавказа XIX – начала XX в. В современной социокультурной ситуации проблема функционирования знания в пространствах, где происходит межкультурный диалог является одной из актуальнейших. Историков все больше начинают интересовать

вопросы, связанные с транскультурными историографическими процессами [46, 42].

Пространство, о котором мы будем говорить представлено разными сосуществующими, конфликтующими, изменяющимися и исчезающими дискурсивными практиками, принадлежащими устной традиции истории, исламскому историописанию, популярной истории и научным исследованиям. Сосуществование

разных практик рефлексии о прошлом стало возможным благодаря тому, что классическая европейская историографическая культура в русской имперской оболочке была привнесена в северокавказское культурное пространство, имевшее иную религиозную традицию и другие способы мыслительно организовывать мир и уже знакомое, как минимум, с двумя практиками обращения к прошлому: устной и исламской.

Для решения поставленной проблемы в первой статье мы последовательно проанализируем: 1) традиционную устную и исламскую практики обращения к прошлому на Северном Кавказе; 2) европейско-русскую практику популярной истории на Северном Кавказе. Наш анализ основан на таких исторических и историографических источниках, в которых имеются сведения о функционировании устной традиции истории, отношение к прошлому народов Северного Кавказа, презентуется исламская модель истории и позиционируется – популярное (непрофессиональное) историческое знание: статьи в периодической печати и в периодических сборниках, а также ряд исторических произведений горских историописателей.

Свое исследование мы провели в двух предметных полях актуального исторического знания: интеллектуальной, а также новой локальной истории.

Традиционная устная и исламская практики обращения к прошлому

В XIX в. на территории Западного и Центрального Предкавказья наиболее распространенной формой поддержания коллективной памяти была устная традиция истории, представленная историческими песнями, рассказами о героях, генеалогическими историями и т.д.

В современной гуманитаристике существует понятие «*фольклор*», которым часто пользуются историки для обозначения устных практик обращения к прошлому [38]. Однако, мы понимаем концепт «фольклор» как конструкцию, состоящую из совокупности разных объектов этнографической, лингвистической, культурологической, фольклористической, а также исторической и т.д. рефлексий. В виду этого, мы не видим в понятии «фольклор» признаков строгости для проведения историографического анализа. Нам представляется, более корректным по отношению к такому объекту исследования как устная практика обращения к прошлому выступает понятие «*устная традиция*». Кроме того, оно лишено отрицательной, связанной с европоцентризмом, коннотации, которую устной практике, существовавшей в

бесписьменных обществах, придавала европейская наука XIX в., включившая ее в пространство фольклора.

По мнению бельгийского исследователя Я. Вансина (предложившего понятие «*oral tradition as history*»), устная традиция – это истории о прошлом, которые передаются посредством устной формы как средство консолидации общества вокруг неоспариваемого прошлого. В отличие от устной истории (рассказа очевидца) устная традиция – это процесс, порождающий устные сообщения, основанные на предыдущих сообщениях (или принимающих их форму) и устно передающиеся в течении долгого времени [49, р. 3, 12–13]. Африканист Б. М. Купер уточняет, что устные традиции могут иметь форму мифов происхождения, рассказов о происхождении конкретных сообществ, деятельности легендарных героев, об отдельных важных для сообщества событиях и т.д. [45, р.192].

По мнению современных исследователей, на Северном Кавказе, среди адыгских народов наиболее популярными формами историко-героических песен и сказаний были повествования, основанные на генеалогическом принципе (прошлое княжеских родов) и на принципе знаменитости (история героев) [14, р. 23], а, например, среди абазин устная традиция была представлена этногенетическими и генеалогическими преданиями («хабары об этногенезе народа, о княжеских и дворянских родах и т.д.») [29, с. 32].

Конечно, сегодня трудно согласиться с тем, что в устных рассказах, в частности, абазин присутствует главный «жанровый признак – это достоверность сообщаемых фактов, находящая подтверждение в исторических документах, как письменных, так и архивных» [29, с. 32]. По замечанию советского исследователя устной традиции чеченцев и ингушей У. Б. Далгата, местные герои сильно идеализировались, они, как правило, превосходили чужеземцев «в силе, могуществе, уме, гостеприимстве, мужественности, сдержанности, рассудительности» [7, с. 210]. В устной традиции актуализировались те черты общества, или отдельных героев, которые вызвали чувство гордости и способствовали выделению «своего» из круга «чужих». Кроме того, конструируемое прошлое и не могло не идеализироваться, т.к. служило примером поведения в настоящем. Так, одно из ингушских сказаний начиналось словами: «...Хотя мы теперь дурные люди, но наши предки не были похожи на нас; они были славными героями и прославили себя между народом» [2, с. 25].

В 40-х гг. XIX в. адыгский историописатель Ш. Б. Ногмов об устной традиции, писал: «В нашем <...> народе, как не имеющем письмен, предания, по-прежнему передаваясь из уст в уста, существуют лишь изустно. Многие из них, под названием сказаний старцев, повествуются и теперь <...> Пение сопровождается музыкой и рассказами о подвигах древних героев или о давно минувших народных невзгодах <...>. Сюжетами этих песен в старину служили всякий подвиг, нашествие иноплемеников, распря или междоусобие» [22, с. 13–14]. Процесс складывания исторических песен, русский наблюдатель – преподаватель Ставропольской мужской гимназии Ф.В. Юхотников, описывал так: «Едва разносилась весть о смерти героя в честь его тотчас слагалась песня <...>. Так возникли и распространились героические песни горцев» [41, с. 3–4]. Наблюдатель отметил и отношение горцев к историческим песням: «Песни и особенно старинные и притом о родных героях горцев составляют для них святыню, сбереженную в одних и тех же дорогих формах и образах» [41, с. 2–3].

Другой русский учитель, но живший непосредственно среди горцев, обратил внимание на популярность рассказов о прошлом среди простого карачаевского народа: «они большие охотники до преданий о прошлом своей родины, охотники до рассказов о героях, о нартских богатырях» [1, с. 138.]. Знакомство с иной исторической культурой еще не позволяло русским учителям, оказавшимся на Северном Кавказе, связывать устные рассказы и песни о прошлом с историей, т.к. под историей они видели то, что выработала европейская нововременная культура и именно ее как «правильную» модель обращения к прошлому они позиционировали своим воспитанникам, в том числе, из среды местных народов.

Получивший хорошее русское образование адыгский писатель А.-Д. Кешев (под влиянием европейской модели) усмотрел в практике устного обращения к прошлому общую, присущую всем бесписьменным обществам традицию, написав: «Наши кавказские горцы, как и вообще все народы, не выработавшие самостоятельной письменности, удовлетворяли свои невысказательные умственные потребности запасом изустных преданий и песен, переходивших от поколения к поколению, вместе с другими предковскими заветами» [9, с. 259]. С. Я. Кошкова вполне справедливо отметила важную черту устной традиции, в частности, сказания и исторические песни еще не знают единиц исчисления времени, а линейное время «применяется

ограниченно, чаще всего для исчисления возраста героя» [14, р. 23]. Устная традиция и не могла быть линейной, т.к. она основана на иной – традиционной темпоральности.

В XIX в., особенно в его второй половине, представители европеизирующейся кавказской культурной элиты обратили внимание на процесс утраты традиции устной истории. При этом, следует учесть, что отмечали этот процесс те, кто уже сам стал приобщаться к иной культуре и получил возможность рефлексировать об устной традиции лишь как об одной из форм культуры (но – не знания), причем – культуры архаичной. Например, об исторических песнях у осетин, Дж. Шанаев писал, что они «с каждым днем все более забываемые» [39, с. 52]. По мнению А.-Г. Кешева, этот процесс был связан с изменениями, происходившими на Северном Кавказе. Как только начала рушиться «цельность раз установившегося племенного быта, – писал А.-Г. Кешев, – произведения народного ума начали утрачивать прежнее свое значение, ибо народу, озабоченному вопросом о своем существовании, некогда уже было думать о песнях и рассказах» [9, с. 259].

Балкарец С.-А. И. Урусбиев увидел несколько причин, влиявших на утрату устной традиции, которая, как он писал, исчезала вследствие «преследований со стороны представителей магометанской религии, а равно и многих других причин» [31, с. VIII]. Как можно заметить, С.-А. И. Урусбиев назвал лишь одну из них – ислам – активно распространявшийся среди балкарцев с середины XVIII в., но, видимо, в силу лояльности по отношению к Российской империи, не стал прямо указывать и на ее влияние.

Надо заметить, что процесс утраты устной традиции замечали и в обществах, в которых она столетиями уживалась с исламом, например, у аварцев. Так, ученик Темир-Хан-Шурина реального училища О. Каранаилов со своим русским учителем в 80-х гг. XIX в. сообщали, что у аварцев – жителей аула Чох героические песни «поются все реже, только стариками, и уже забываются, потому, что нигде не записаны» [10, с. 6]. Правда, в этом ауле уже открылась русская школа, которую стали посещать молодые аварцы. В пользу того, что не только распространявшийся ислам влиял на утрату устной традиции поддержания коллективной памяти свидетельствует интересное наблюдение, сделанное М. М. Паштовой, отмечающей, что в исламском социокультурном пространстве – в Турции – в среде черкесской диаспоры сохранялась доисламская устная традиция [24, р. 162].

Современный историк Е. И. Кобахидзе, говоря о социокультурных изменениях, произошедших на Кавказе, после вхождения части его в состав Российской империи, метко замечает, что «встреча автохтонных общественных структур с российской государственностью неизбежно сопровождалась ломкой всей системы устоявшихся общественных связей и социальных ролей с одновременным выстраиванием системы новых идентичностей и формированием новых социальных мотиваций» [11, р. 141]. Поэтому, говоря о причинах утраты коренными жителями Северного Кавказа устной традиции, следует вернуться к замечанию А.-Г. Кешева, написанному еще в 1871 г., что произошедшие «преобразования в быту горцев, подорвав в корне все основания в начале народной жизни, заставили народ окончательно забыть о скудном умственном завещании его предков» [9, с. 259].

Исследователи обращают внимание на проблему сосуществования двух культурных каналов, оказывавших влияние на кавказское социокультурное пространство, в первую очередь, на формирование образованной прослойки местных обществ: восточный (представленный Турцией и Персией) и европейский (представленный Россией) [19, с. 145; 38, с. 33–39]. Конечно, значимой сферой, формировавшей группы-трансляторы первой и второй культур, становилась сфера образования, а также культурная ориентация отдельных представителей северокавказской культурной элиты. В первой и второй трети XIX в. восточный канал заметно влиял на распространение устной и письменной форм исламской традиции исторического знания. С. Я. Цикушева справедливо указывает, что в первой половине XIX в. «восточный культурный канал в большей степени, чем российский, охватывал основную массу населения вне зависимости от социального статуса» [38, с. 35–36].

На территории Северного Кавказа была известна исламская модель истории, как в устной форме, так и в форме историописания, но наиболее широкое распространение последняя получила на Восточном Кавказе – в Дагестане. Именно здесь письменная культура, как указывал И. Ю. Крачковский, «за свое трехвековое существование знала один период особого расцвета, который является и апогеем ее развития. Он падает на конец XVIII и первую половину XIX в., приблизительно до 70-х годов. Он отражает известное движение мюридизма на Кавказе и, особенно, долголетнюю борьбу с царским правительством третьего имама, знаменитого Шамиля» [15, с. 614]. Однако, нужно

иметь в виду, что современные исследователи отмечают отсутствие, – «объемных исторических сочинений» (так их называет М. А. Мусав), написанных в период XVIII – первой половины XIX в. [18].

Проблема влияния исламской устной и письменной практик исторического знания на культурное пространство Центрального и Западного Предкавказья, еще недостаточно изучена. Приобщавшиеся к европейской культуре горцы отмечали процесс распространения исламской модели истории. Воспитанник кадетского корпуса, офицер русской армии, чеченец У. Лаудаев, описывая традиции своего народа, писал: «По принятии магометанства, муллы начали добывать рукописи от арабов, турок, персиян, и тогда чеченцы познакомились с рассказами о халифах, султанах, об Аксак-Темире (хромой Темир или Тамерлан)» и т.д. [17, с. 17] На данную культурную практику обращали внимание и русские исследователи. Преподаватель гимназии Ф. Юхотников отмечал, что кроме «своей родной поэзии, насущной потребности горца, турки вместе с исламом принесли горцам и восточные сказки, и предания и цинические анекдоты про своего любимого и по-турецки остроумного шута-ходжа, который с тех пор и между горцами сделался любимым героем рассказов» [41, с. 3–4].

Говоря об исламской модели истории надо иметь в виду, что она отличалась от европейской отсутствием строгой линейности и хронологичности в конструировании изложения о прошлом. Как писал известный исламовед А. Корбен, исламское мышление не сталкивалось с проблемами так называемого «исторического сознания», так как «формы мыслятся здесь, скорее, в пространстве, чем во времени». Исламские мыслители видят мир не в «эволюции», но «в восхождении; прошлое находится не позади нас, но “под нашими ногами”» [13, с. 21].

В известном своими многочисленными копиями и пользовавшимся популярностью с 50-х гг. XIX в. (по словам А.М. Барабанова, на всем Кавказе [5, с. 9]) труде Мухаммеда Тахира «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах», как-раз таки отсутствует одна из основных составляющих европейскую модель истории – центрированность на хронологии. Автор иногда указывает дату (то или иной год хиджры), но делает это редко, а чаще использует иной нарративный прием. Например, глава произведения может начинаться словами: «Затем Абдуллах ал-Ашильди, да помилует его всевышний...», другая глава начинается иначе, т.к. дается привязка

ко времени года: «Когда соседи Гази Мухаммада из Чиркея и из других селений склонились к неверным, он [Гази Мухаммед] собрал войско в Чечню, а это было время весны...» [37, с. 46, 48] и др. В качестве источника Тахир широко использует устные рассказы, даже не непосредственных свидетелей событий, а переданных через иных свидетелей, например: «Передают со слов гимринской женщины...», «Передавал мне человек заслуживающий доверия, со слов одного слуги...» или «Сообщил мне человек, заслуживающий доверия, со слов такого же человека из Гимр...» [37, с. 49, 50, 52] и т.д. В последнем случае, нет необходимости называть Тахира слишком доверчивым к источникам информации, – он следовал традиционной практике исламского историописания. Такую традицию Ч. Ф. Робинсон называет гибридной «услышано-рассказанной-написанной» (aural-oral-writerly) практикой. Она уже в ранней исламской историографии стала обладать большим престижем [47, р. 247].

Новые веяния, появившиеся в арабской книжности во второй половине XIX в., уже не достигали Восточного Кавказа. «Арабская литература там, – заметил И. Ю. Крачковский, – до конца своего существования продолжала жить только традицией» [16, с. 605]. Новые веяния появляются в среде европеизирующихся интеллектуалов Западного и Центрального Предкавказья. Получившие русское образование представители горских народов перестают поддерживать устную традицию. Еще в начале 40-х гг. Хана-Гирея посещает мысль, что «изустные предания» его народа не могут служить даже историческими источниками, под которыми он понимает то, что было принято в Европе подразумевать под «историческими источниками». «Если б в сих песнях означались годы событий, – писал Хан-Гирей, – то они послужили бы такими историческими материалами, какими немногие народы могут гордиться в отношении так называемой предъисторической эпохи» [36, с. 313]. Через три десятилетия У. Лаудаев в родных чеченских исторических преданиях, усмотрел «изъян». По его мнению, они «ничего не разъясняют о происхождении нации, или случившихся переворотах в стране». Свой народ Лаудаев назвал – «первобытные чеченцы», поясняя, что процессы, происходившие у его народа, были «как и у всех полудиких народов» [17, с. 18, 23].

Употребление понятий «предъисторический» (читай – доисторический, т.е. дописьменный), «первобытные», «полудикие» по отношению к своему народу, свидетельствует

о том, что со второй трети XIX в. северокавказские интеллектуалы начинали соглашаться с европейской *идеей прогресса*, с тем, что их предания – соответствуют «доисторическому» состоянию общества, а значит, они – анахронизм, бесконечная не отмеченная временем традиция, доказывающая отсталость. Похожий по сложности интеллектуальный процесс с последней трети XIX в. происходил в среде японских и китайских историописателей, представлявших народы имевшие очень давние традиции государственного строительства. Конечно, мы далеки от мысли сравнивать северокавказские практики обращения к прошлому с масштабными традициями историописания в Японии и Китае. В данном случае, важен сам транскультурный историографический процесс. Приобщаясь к модели европейской истории и пробуя синхронизировать свое прошлое с мировым (представленным культурной Европой) японским и китайским историописателям пришлось соглашаться с идеей о своей «отсталости» [48, р. 493–494].

«У нас нет никакой истории. Наша история начинается сегодня», – эти слова в 1876 г. были произнесены одним японским интеллектуалом, познакомившимся с европейской традицией историописания [48, р. 491]. Японская культура имела долгую, но иную традицию письма истории по отношению к научной (т.е. – европейской). Большинство народов Северного Кавказа такой практикой не обладали, они знали лишь устную традицию и слабо распространенную исламскую, которые (как и японское историописание) европейцами историй не признавались. Поэтому, схожую с японцем мысль сформулировал Хан-Гирей (правда, на три десятка лет ранее): «Народ, не имеющий письмен, не имеет и своей истории: об нем пишут другие» [36, с. 309].

Европейско-русская практика популярной истории на Северном Кавказе

Практики популярной истории широко распространенными в XIX в. Как сегодня справедливо отмечают С. Бергер, Б. Мелмен и К. Лоренц, историю позиционировали совершенно разные институты: школа, музей, периодическая печать и т.д., которые с начала XIX в. превращались в ансамбль коллективного воспоминания [43, р. 9].

Классическая рациональность XIX в. в значительной мере строилась на основе нарративной логики, которая предполагала линейное разворачивание исторического процесса, а значит и линейную модель описания этого процесса. Европейские читатели были приуче-

ны к линейному восприятию времени, опорой которого стал формирующийся с начала XIX в. национально-государственный нарратив, а также учебные пособия (в них конструкции национально-государственного или всемирного прошлого были редуцированы в нужную учебную форму).

Наиболее распространенной формой в классической парадигме исторического знания была письменная история, поэтому пространство практик популярной истории в XIX – начале XX в. было широким – от написания исторических романов до этнографических описаний. Местная история в России, как и в Западной Европе, во второй половине XVIII–XIX в. подражала профессионализирующейся историографии и изучала историю сообществ, обладавших историческим типом памяти и письменной практикой фиксации событий. Однако, когда возник интерес к народам, которые в процессе колониальной экспансии включались в пространство империй практика изучения становилась принципиально иной [26, с. 25–47].

Европейско-русская историческая риторика на Северном Кавказе манифестировала свою правоту универсальностью и научностью. Местные культуры воспринимались как находящиеся на низших ступенях развития. Надо заметить, что стадияльная теория развития человечества получает популярность в Европе со второй половины XVIII в. А.-Р. Ж. Тюрго в 1750 г. писал: «... Нынешнее состояние вселенной, представляя одновременно все оттенки варварства и цивилизации, некоторым образом показывает нам при одном только взгляде следы и памятники всех шагов человеческого разума, картину всех ступеней, через которые он прошел, и историю всех эпох» [30, с. 53]. Эта теория позиционировалась как универсальная. Один из ее теоретиков А. Фергюсон в 1767 г. указывал: «стадии истории всех наций», отнеся к первоначальным стадиям «дикарей» и «варваров» [35, с. 130]. В период Просвещения светская история становилась все более несовместимой с библейским рассказом.

Стадияльная теория довольно быстро распространяется в европейской исторической культуре второй половины XVIII в. Русский просветитель С. Е. Десницкий уже в 1768 г. рассуждает о народах, находящихся на стадиях собирательства, земледелия и коммерции [8, с. 205]. А в «Истории российской с древнейших времен» М. М. Щербатов в 1770 г. высказывает мысль о развитии человечества через универсальные формы быта – «степени» (кочевой, потом оседлый и т.д.) [40, с. II]. Один из извест-

нейших исследователей Кавказа второй половины XIX в. – профессор М. М. Ковалевский, писал, что с конца XVIII в. «стала постепенно выясняться невозможность <...> обойтись при изучении <...> без того могущественного подспорья, которое дает исследователю наблюдение над бытом диких и варварских народов современности» [12, с. 4].

Посредством образования, а также философской и исторической литературы стадияльная теория превратилась в одну из составляющих исторического сознания русских чиновников, учителей, военных и пр. Образованные представители Российской империи были воспитаны на письменной (по форме) традиции фиксации прошлого. В пространстве, населенном кавказскими горцами и кочевниками они столкнулись с иным типом социальной памяти и с иной – нелинейной темпоральностью. Данное пространство надо было сделать понятным для включения «неисторических» народов в исторический процесс с его линейной перспективой. Но если исторический процесс, включавший историю обществ с историческим типом социальной памяти, изучался по письменным историческим источникам (эта традиция осталась господствующей до середины XX в.), то в новом незнакомом пространстве (пока еще исключенном из исторического процесса), где отсутствовала традиция письменной фиксации прошлого, пришлось использовать иной исследовательский прием – метод включенного наблюдения, – явившийся основой этнографии XIX в.

Действительно, если обратиться к популярным учебным пособиям по истории России XIX в., то мы не найдем там сведений об истории Кавказа. Например, в «Учебной книге русской истории» С. М. Соловьева (первое издание – 1859 г.) кратко сообщается о продвижении Российской империи на юг – в Северное Причерноморье и степное Предкавказье и проводится мысль о большом значении, которое имеет для «цивилизованной» Европы приобретение этих регионов, которые «вошли теперь в границы европейско-христианского государства, подчинились цивилизации, стали житницей Европы, убежищем для ее колонистов» [27, с. 476].

Причины обращения русских к изучению кавказских народов и неакадемический (популярный) характер такого изучения отразились в редакциях «Сборника сведений о кавказских горцах». В «Предисловии» отмечалось, что тут «множество, так сказать, девственного материала для любознательности и науки», а движет исследователями «интерес, не столь

ко научный, сколько гражданственный, практический». На русских, по мнению редакции, лежит «нравственная обязанность проникнуть в глубины в их [горцев] замкнутый круг жизни <...> и скорее помочь нашим новым согражданам выбраться из темного угла их полудикой жизни <...> открыть для европейской семьи народов» [4, с. I–II].

Культуры Кавказа воспринимались как находящиеся на низшей ступени развития. Поэтому русские учителя объясняли своеобразие местных обществ посредством стадияльной теории. В своих публикациях в региональной и центральной печати они замечали, что «дикий Кавказ выйдет из своего уединения и вступит в духовное общение с Европою» [3, с. 111]. Практику трансляции достижений европейской культуры молодым представителям Кавказа, они понимали, как практику цивилизаторскую. Директор Ставропольской мужской гимназии Я. М. Неверов писал, что с помощью образования «прокладывалось в неприступные доселе ущелья и русское слово, а с ним просвещение и европейская цивилизация» [20, с. 72–75]. Русские учителя верили в то, что передовая культура придет в горные аулы, при этом, они нисколько не сомневались в необходимости такого процесса, ведь он на северокавказской практике подтверждал «универсальность» европейской идеи прогресса.

Стадияльная теория в историческом мышлении стала выполнять функцию объяснения исторического процесса, и неслучайно, авторы произведений о Кавказе презентирова обществу политический и хозяйственный строй местных народов нередко старались усилить представление читателя об архаичности кавказских обществ посредством таких метафор как, например, «могила» или «Ной». «Обрывки племен, которых след давно исчез на земле, кавказские общества сохранили в своих бездонных ущельях первобытный образ, как сохраняются остатки старины в могилах», писал в середине XIX в. русский офицер Р. А. Фадеев [32, с. 20], а уже в начале XX в. Д. А. Пахомцов, заметил, что многие черты в обиходе кавказцев не отличаются от тех, «которые употреблял в дело Ной» [23, с. 88–89].

Научный и литературный дискурсы, ставшие на Кавказе доминирующими за счет военной, экономической и политической силы Империи, представляли местное, северокавказское культурное пространство не только архаичным, но и абсурдным. Как по-другому можно расценить слова директора Ставропольской гимназии Я. М. Неверова: «Если народ не имеет не только

какой-нибудь письменности, но даже и азбуки, то значит, он не дозрел до того, чтобы быть народом [здесь и далее, выделено нами. – М. К., С. М.], и у него не может быть языка, как послушного орудия мысли, потому что его мыслительные способности находятся в младенческой дремоте и требуют еще предварительного развития» [21, с. 123–134]. В начале XX в. о кочевых народах Ставропольской губернии, историк, преподаватель гимназии С. В. Фарфоровский писал, как об отсталых и нуждающихся в опеке, при этом иногда замечая: «процесс оседлости у них шел довольно нормально» или «вполне естественно», «духовное творчество у них слабо», «к отрицательным сторонам духовной жизни капмыков относится» и пр. [33, 34]

В условиях колониального вторжения и культурного империализма в пространствах других культур европейско-русская историческая риторика вытесняла местные исторические системы, основой которых была устная традиция, рассказывающая об умных и хитрых героях (как указывал преподаватель гимназии Ф. В. Юхотников, ум и хитрость – эти «понятия на Востоке – синонимы») [41, с. 4]. Новая европейская светская практика научной истории легитимировала себя на колонизируемых территориях путем выдавливания слабо распространенной теологической исламской (в основном на территории Дагестана), а также локальных практик рассказов о прошлом. Они компрометировались с помощью стадияльной теории как «недоразвитые», о чем свидетельствует короткое замечание российского офицера об исторических песнях горцев: «Пение и музыка находятся в полудиком состоянии» [28, с. 139].

Сформированная образовательной системой привычка воспринимать историю в том виде, который выработала европейская культура, заставляла воспринимать иные традиции как «ошибочные» и «ненаучные». Например, уже упоминавшийся преподаватель гимназии Ф. В. Юхотников, писал, что в настоящее время на Кавказе «даже нет истории какой-нибудь отдельной области, именно нет в том смысле, чтобы она могла послужить материалом для будущего историка целой страны» [41, с. 2]. Под «историей» он понимал привычную для себя европейскую модель исторического нарратива. В последней четверти XIX в. ставропольский статистик и исследователь Кавказа И. В. Бентковский, описывая ногайцев, подчеркивал, что они «не имеют еще своей истории» (с точки зрения европейцев) и задача русских написать такую историю [6, с. 1].

Непрофессиональные исследователи прошлого народов Кавказа, находясь в рамках классической модели рациональности, не допускали мысли, что дорога к этому прошлому может быть не одна (как не одно может быть и «прошлое»). Это не случайно, такой мысли не допускала и классическая европейская наука того времени, – она причислила устную традицию к фольклору. Так, в начале 80-х гг. XIX в., следуя сложившейся практике, член-сотрудник Императорского Русского Географического общества Н. Г. Потанин в вопроснике для сбора фольклорного материала на Кавказе («Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов»), устную

традицию поставил между поверьями и суевериями [25, с. 5–7].

Таким образом, формирующаяся русская традиция презентации социокультурных пространств Северного Кавказа строилась на том, на чем вообще строился европейский ориентализм – Восток не может представлять себя сам, его могут представлять только европейцы и/или принявшая европейские традиции местная культурная элита.

Вопросы, связанные с утверждением в межкультурных пространствах Северного Кавказа научной модели истории, мы рассмотрим во второй статье.

Источники и литература

1. Алейников М. Карачаевские сказания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1888. Вып. 3. Отд. 2. С. 138–168.
2. Ахриев Ч. [Э.] Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1875. Вып. 8. Отд. 2. С. 1–40.
3. [Б.и.] Об образовании горцев на Кавказе // Русский педагогический вестник. 1859. № 3–4. С. 110–115.
4. [Б.и.] Предисловие // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типогр. главн. управления Наместника Кавказского, 1868. Вып. 1. С. I–VIII.
5. Барабанов А. [М.] Введение // Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / пер. с араб. А. М. Барабанова. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 7–30.
6. Бентковский И. [В.] Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии: Ногайцы: Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1883. 134 с.
7. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. 470 с.
8. Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1952. Т. I. С. 187–235.
9. Каламбий [Кешев А.-Г.]. О незаметном вымирании горских песен и преданий // Записки черкеса. Повести, рассказы, очерки, статьи, письма. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 259–261.
10. [Каранаилов О.] Аул Чох, составил уч. V кл. Т.-Х.-Шурина реального училища Омар Каранаилов; сообщил учит. того-же училища А. Барсов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография канцелярии Главнокомандующего гражданскою частью на Кавказе, 1884. Вып. 4. Отд. 2. С. 1–24.
11. Кобахидзе Е. И. Ресурсы позднеимперской «русификации»: опыт Центрального Кавказа // Kafkasya Çalışmaları - Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies (JOCAS). 2016. Vol. 2. №3. P. 115–145.
12. Ковалевский М. [М.] Закон и обычай на Кавказе: в 2 т. М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1890. Т.1. 304 с.
13. Корбен А. История исламской философии / пер. с франц. А. А. Кузнецова. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 360 с.
14. Кошкокова С. Я. Историко-героические песни и сказания адыгов как героическая память народа // International Scientific and Practical Conference "World Science". 2016. Vol. 4. № 1 (5). P. 22–24.
15. Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные сочинения: в VI т. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. VI. С. 609–622.
16. Крачковский И. Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи // Избранные сочинения: в VI т. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. VI. С. 585–608.
17. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавказского, 1872. Вып. 6. Отд. 1. С. 1–62.
18. Мусаев М. А. Дагестанские арабоязычные биографические и историко-биографические сочинения XIX – начала XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. М., сор 2005-2015. URL: <http://www.science-education.ru/115-11933> (Дата обращения: 20.12.2016).
19. Налоев З. М. О восточном культурном канале // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в.: Материалы конф. 28-29 марта 1974. Нальчик: [б.и.], 1976. С. 145–165.
20. Неверов Я. М. Еще об образовании кавказских горцев. Известие об успехах в русском языке и словесности обучающихся в Ставропольской гимназии горцев // Глагол будущего. Ставрополь: СГУ, 2006. С. 72–75.
21. Неверов Я. М. К вопросу об образовании инородцев // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. 146. С. 123–134.
22. [Ногмов Ш. Б.] История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1861. 161 с.
23. Пахомцов Д. А., Лавинцев А. И. Кавказские горцы // Покоренный Кавказ: Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. СПб.: Родина, 1904. С. 87–138.

24. Паштова М. М. Мифологический нарратив в черкесской диаспоре: сохранность, семантико-прагматический аспект // *Kafkasya Çalışmaları - Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies (JOCAS)*. 2015. Vol. 1. № 1. P. 159–181.
25. Потанин Н. Г. Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис: Типография главного управления Главного начальника ствующего гражданской частью на Кавказе, 1882. Вып. 2. С. 5–7.
26. Румянцева М. Ф. Линейная/нелинейная темпоральность в истории // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / под. ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 25–47.
27. [Соловьев С. М.] Учебная книга русской истории / сочинение Сергея Соловьева [3-е изд.]. М.: Типография В. Грачева, 1860. 573 с.
28. [Сталь К. Ф.] Этнографический очерк черкесского народа, составил генерального штаба полковник барон Сталь в 1852 году // *Кавказский сборник*. Тифлис: [б.и.], 1900. Т. 21. С. 60–173.
29. Тугов В. Б. Фольклор и литература абазин: динамика взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп: АГУ, 2003. 48 с.
30. Тюро А.-Р. Ж. Последовательные успехи человеческого разума: речь произнесенная в Сорбонне 11 декабря 1750 г. // *Избранные философские произведения* / пер. с фр. И.А. Шапиро. Москва: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 51–73.
31. [Урусбиев С.-А. И.] Несколько слов от собирателя и переводчика, ученика Владикавказ. реальн. училища, С. Урусбиева // *Сказания о нартских богатырях, у татар-горцев Пятигорского округа Терской области* // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис: [б.и.], 1881. Вып. 1. Отд. 2. С. I–VIII.
32. Фадеев Р. [А.] Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Тип. Гл. штаба Кавказской армии, 1860. 159 с.
33. Фарфоровский С. В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. 1910. №4. С. 193–224.
34. Фарфоровский С. В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. 1909. №12. С. 179–212.
35. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. 392 с.
36. Хан-Гирей. Черкесские предания // *Русский вестник*. 1841. Т. 3. С. 292–337.
37. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / пер. с араб. А.М. Барабанова. М.; Л.: АН СССР, 1941. 340 с.
38. Цикушева С. Я. Становление адыгской историографии: Ш. Ногмов и Хан-Гирей (первая половина XIX в.): дисс... канд. ист. наук. Майкоп: АГУ, 2006. 209 с.
39. Шанаев Дж. Осетинские народные сказания // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1871. Вып. 5. Отд. 2. С. 2–52.
40. [Щербатов М. М.] История российская с древнейших времен / сочинена князем Михайлом Щербатовым: в VII т. [12 ч.]. Т. I. СПб.: При Императорской Академии наук, 1770. 399 с.
41. Юхотников Ф. [В.] Письма с Кавказа // *Русское слово*. 1861. № 4. С. 1–18.
42. Ballantyne T. Paper, Pen, and Print: The Transformation of the Kai Tahu Knowledge Order // *Comparative Studies in Society and History*. 2011. Vol. 53. No. 2. P. 232–260.
43. Berger S., Melman B., Lorenz C. Introduction // *Popularizing National Pasts: 1800 to the Present* / eds by Stefan Berger, Chris Lorenz, and Billie Melman. N.Y.; L.: Routledge, 2012. P. 1–33.
44. Boeck B.J. Probing parity between history and oral tradition: putting Shora Nogmov's History of the Adygei People in its place // *Central Asian Survey*. 1998. Vol. 17. No. 2. P. 319–336.
45. Cooper B.M. Oral Sources and the Challenge of African History // *Writing African History* / ed. by J.E. Philips. Rochester: University of Rochester Press, 2006. P. 191–215.
46. Fuchs E. Introduction: Provincializing Europe: Historiography as a Transcultural Concept // *Across Cultural Borders: Historiography in Global Perspective* / ed. by E. Fuchs, B. Stuchtey. N.Y.; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 1–28.
47. Robinson Ch. F. Islamic Historical Writing, Eighth through the Tenth Centuries // *The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 2: 400-1400* / eds by S. Foot, Ch.F. Robinson. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 238–266.
48. Schneider A., Tanaka S. The Transformation of History in China and Japan // *The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 4: 1800-1945* / eds by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 491–519.
49. Vansina J. Oral tradition as history. Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. 273 p.

References

1. Aleynikov M. Karachaeveskie skazaniya (*Karachai legends*) // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza (Collection of materials to describe places and tribes of the Caucasus)*. Tiflis, 1888. Issue. 3. Dep. 2. P. 138–168. (In Russian).
2. Ahriev Ch. [E.] Ingushi (ikh predaniya, verovaniya i pover'ya) (*The Ingush (their traditions, beliefs and superstitions)*) // *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh (Collection of Information about the Caucasian Highlanders)*. Tiflis: Type. Ch. Ex. Viceroy of the Caucasus, 1875. Vol. 8. Dep. 2. P. 1–40. (In Russian).
3. Ob obrazovanii gortsev na Kavkaze (*On education of mountaineers in the Caucasus*) // *Russian Pedagogical Gazette*. 1859. No. 3–4. P. 110–115. (In Russian).
4. Predislovie (*Preface*) // *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh (Collection of Information about the Caucasian Highlanders)*. Tiflis, 1868. Vol. 1. P. I–VIII. (In Russian).
5. A. Barabanov [M.] // *Khronika Mukhammeda Takhira al-Karakhi o dagestanskikh voynakh v period Shamiliya (Introduction Chronicle Muhammad Tahir al-Karakhi on the wars in Dagestan during Shamil period)*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. P. 7–30. (In Russian).

6. Bentkovsky I. Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoi gubernii: Nogaisy: Materialy dlya istorii kolonizatsii Severnogo Kavkaza (*Historical and Statistical Review of foreigners-Mohammedans, which were nomads in the Stavropol province: Nogai: Materials for the history of the colonization of the North Caucasus*). Stavropol: Type. Stavropol. Board, 1883. 134 p. (In Russian).
7. Dalgat U. B. Geroicheskiy epos chechentsev i ingushei (*The heroic epic of the Chechens and Ingush*). Moscow: Nauka, 1972. 470 p. (In Russian).
8. Desnitsky S. E. Slovo o pryamom i blizhaishem sposobe k naucheniyu yurisprudentsii, v publichnom sobranii Imperatorskogo Moskovskogo universiteta... govorennoe... iyunya 30 dnya 1768 goda (*Word of the direct and immediate method of learning disability law in a public meeting of the Imperial Moscow University ... Speaking of the day June 30 1768*) // Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat, 1952. Vol. I. P.187–235. (In Russian).
9. Calamba [Keshev A. G.]. O nezametnom vymiraniy gorskikh pesen i predanii (*About inconspicuous extinction of mountain songs and legends*) // Zapiski cherkesa. Povesti, rasskazy, ocherki, stat'i, pis'ma (Notes Circassian. Novels, short stories, essays, articles, letters). Nalchik: Elbrus, 1987. P. 259–261. (In Russian).
10. [Karanailov O.] Aul Chokh, sostavil uch. V kl. T.-Kh.-Shurinskogo real'nogo uchilishcha Omar Karanailov; soobshchil uchit. togo-zhe uchilishcha A. Barsov (*Aul Chokh compiled by student of. Vth form. Of T.-X.-Shurinskoaya school Omar Karanailov; informed teaching. of the same school of A. Barsov*) // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza (*Collection of materials to describe places and tribes of the Caucasus*). Tiflis: Tipogr. stationery. Glavnokom. the civil part of the Caucasus, 1884. Vol. 4. Dep. 2. P. 1–24. (In Russian).
11. Kobakhidze E. I. Resursy pozdneimperskoi «rusifikatsii»: opyt Tsentral'nogo Kavkaza (*Resources late imperial 'Russification': the experience of the Central Caucasus*) // Kafkasya Çalışmaları - Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies (JOCAS). 2016. Vol. 2. No. 3. P. 115–145. (In Russian).
12. Kovalevsky M. Zakon i obychai na Kavkaze (*Law and custom in the Caucasus*): in 2 Vols. Vol. 1. Moscow: Tipogr. Al Mammoth and K^o, 1890. 304 p.
13. Corbin A. Istoriya islamskoi filosofii (*History of Islamic Philosophy*). Moscow: Progress-Tradition, 2010. 360 p. (In Russian).
14. Koshokova S. Y. Istoriko-geroicheskie pesni i skazaniya adygov kak geroicheskaya pamyat' naroda (*Historical and heroic songs and legends of the Circassians as a heroic memory of the people*) // International Scientific and Practical Conference «World Science». 2016. Vol. 4. No. 1 (5). P. 22–24. (In Russian).
15. Krachkovsky I. Y. Arabskaya literatura na Severnom Kavkaze (*Arab literature in the North Caucasus*) // Selected works. Vol. VI. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. P. 609–622. (In Russian).
16. Krachkovsky I. Y. Novye rukopisi istorii Shamilya Mukhammeda Takhira al-Karakhi (*New manuscript history of Shamil Mohammed Tahir al-Karakhi*) // Selected works. Vol. VI. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. P. 585–608. (In Russian).
17. Laudayev W. Chechenskoe plemya (*Chechen Tribe*) // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh (*Collection of Information about the Caucasian Highlanders*). Tiflis: Type. Ch. Ex. Viceroy of the Caucasus, 1872. Vol. 6. Dep. 1. P. 1–62. (In Russian).
18. Musayev M. A. Dagestanskije araboyazychnye biograficheskie i istoriko-biograficheskie sochineniya XIX – nachala XX v. (*Dagestan Arabic-language biographical and historical and biographical works of XIX – early XX century*) // Modern problems of science and education. 2014. No. 1. URL: <http://www.science-education.ru/115-11933> (Accessed: 12.20.2016). (In Russian).
19. Naloev Z. M. O vostochnom kul'turnom kanale (*On the eastern cultural channel*) // Obshchestvenno-politicheskaya mys' adygov, balkartsev i karachaetsev v XIX – nachale XX v. (*Political thought Circassians, Balkar and Karachay in XIX – early XX century*). Nalchik, 1976. P. 145–165. (In Russian).
20. Neverov Y. M. Eshche ob obrazovanii kavkazskikh gortsev. Izvestie ob uspekhakh v russkom yazyke i slovesnosti obuchayushchikhsya v Stavropol'skoi gimnazii gortsev (*Some more about the formation of the Caucasian mountaineers. The news about the success of the Russian language and literature enrolled in the Stavropol grammar school mountaineers*) // Glagol budushchego (Verb in the future). Stavropol: SSU publ, 2006. P. 72–75. (In Russian).
21. Neverov Y. M. K voprosu ob obrazovanii inorodtsev (*On the issue of education of foreigners*) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Education). 1869. Part.146. P. 123–134. (In Russian).
22. [Nogmov S. B.] History adyheyskogo people, composed by legends Kabardians Shore-Bekmurzin-Nogmovym (*History of Adygei people based on stories of Kabardians Shore-Bekmurzin-Nogmovym*). Tiflis: Type. Ch. Ex. Viceroy of the Caucasus, 1861. 161 p. (In Russian).
23. Pahomtsov D. A. Lavintsev A. I. Kavkazskie gortsy (*Caucasian mountaineers*) // Pokorennyi Kavkaz: Ocherki istoricheskogo proshlogo i sovremennogo polozheniya Kavkaza (*Conquest of the Caucasus: Essays on the historical past and the present situation of the Caucasus*). St. Petersburg: Homeland, 1904. P. 87–138. (In Russian).
24. Pashtova M. M. Mifologicheskii narrativ v cherkeskoi diaspole: sokhrannost', semantiko-pragmaticheskii aspekt (*The mythological narrative in the Circassian diaspora: the preservation, semantic-pragmatic aspect*) // Kafkasya Çalışmaları - Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies (JOCAS). 2015. Vol. 1. No. 1. P. 159–181. (In Russian).
25. Potanin N. G. Neskol'ko voprosov po izucheniyu poverii, skazanii, suevernykh obycheev i obryadov (*A few questions for the study of beliefs, legends, superstitious customs and rites*) // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza (*Collection of materials to describe places and tribes of the Caucasus*). Tiflis, 1882. Vol. 2. P. 5–7. (In Russian).
26. Rummyantsev M. F. Lineinaya/nelineinaya temporal'nost' v istorii (*The linear / non-linear temporality in history*) // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad (*Time images and historical representation: Russian – East – West*) / ed. by L.P. Repina. Moscow: Krug, 2010. P. 25–47. (In Russian).

27. [Soloviev S. M.] Uchebnaya kniga russkoi istorii (*Textbook of Russian history*) / Sergei Solovyov essay. Moscow: Vladimir Grachev's printing office, 1860. 573 p. (In Russian).
28. [Stal K. F.] Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda, sostavil general'nogo shtaba polkovnik baron Stal' v 1852 godu (*Ethnographic sketch of the Circassian people, made up of the General Staff, Colonel Baron Steel in 1852*) // Caucasian collection. Tiflis, 1900. Vol. 21. P. 60–173. (In Russian).
29. Tugov V. B. Fol'klor i literatura abazin: dinamika vzaimodeistviya (*Folklore and Literature of Abazin people: dynamics of interaction*): abstract of thesis. Maikop: ASU publ., 2003, 48 p. (In Russian).
30. Turgo R. G. Posledovatel'nye uspekhi chelovecheskogo razuma: rech' proiznesennaya v Sorbonne 11 dekabrya 1750 g. (*Consistent progress of the human mind: speech delivered at the Sorbonne, December 11, 1750*) // Selected Philosophical Works. Moscow: State-Publishing House, 1937. P. 51–73. (In Russian).
31. Urusbiev S. [A. E.] Neskol'ko slov ot sobiratelya i perevodchika, uchenika Vladikavkaz. real'n. uchilishcha, S. Urusbieva (*A few words from the collector and interpreter, a student of Vladikavkaz. real. schools S. Urusbiev*) // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza (*Collection of materials to describe places and tribes of the Caucasus*). Tiflis, 1881. Issue. 1. Div. 2. P. I–VIII. (In Russian).
32. Fadeev R. [A.] Shest'desyat let Kavkazskoi voyny (*Sixty years of the Caucasian war*). Tiflis: Type. Ch. Staff of the Caucasus Army, 1860. 159 p. (In Russian).
33. Farfarovsky S. V. Narodnoe obrazovanie sredi kalmykov Bol'shogo Derbeta v svyazi s ikh bytom i istoriei (*Education among the Kalmyks in Big Derbet: their way of life and history*) // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya (*Journal of the Ministry of National Education*). 1910. No. 4. P. 193–224. (In Russian).
34. Farfarovsky S. V. Narodnoe obrazovanie u nogaitsev Severnogo Kavkaza v svyazi s ikh sovremennym bytom (*Education in Nogai Northern Caucasus in connection with their modern lifestyle*) // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya (*Journal of the Ministry of National Education*). 1909. No. 12. P. 179–212. (In Russian).
35. Ferguson A. Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva (*The experience of civil society History*). Moscow: ROSSPEN, 2000. 392 p. (In Russian).
36. Cherkesskie predaniya (*Khan - Giray. Circassian traditions*) // Russkii vestnik. 1841. Vol. 3. P. 292–337. (In Russian).
37. Khronika Mukhammeda Takhira al-Karakhi o dagestanskikh voynakh v period Shamilya (*Chronicle Muhammad Tahir al-Karakhi on the wars in Dagestan Shamil period*). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. 340 p. (In Russian).
38. Tsikusheva S. Y. Stanovlenie adygskoi istoriografii: Sh. Nogmov i Khan-Girei (pervaya polovina XIX v.) (*Establishment of Adygei historiography: Sh Nogmov and Khan- Giray (the first half of XIX century)*): abstract of thesis. Maikop: ASU publ., 2006. 209 p. (In Russian).
39. Shanaev J. Osetinskie narodnye skazaniya (*Ossetian folk tales*) // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh (*Collection of data about the Caucasian Highlanders*). Tiflis: Type. Ch. Ex. Viceroy of the Caucasus, 1871. Vol. 5. Dep. 2. P. 2–52. (In Russian).
40. [Shcherbatov M. M.] Istoriya rossiiskaya s drevneishikh vremen / sochinena knyazem Mikhailom Shcherbatovym (*History of Russia from ancient times / composed by Prince Mihailo Shcherbatov*). Vol. I. St. Petersburg: Academy of Science, 1770. 399 p. (In Russian).
41. Yuhotnikov F. [B.] Pis'ma s Kavkaza (*Letters from the Caucasus*) // Russian word. 1861. No. 4. P. 1–18. (In Russian).
42. Ballantyne T. Paper, Pen, and Print: The Transformation of the Kai Tahu Knowledge Order // *Comparative Studies in Society and History*. 2011. Vol. 53. No. 2. P.232 – 260.
43. Berger S., Melman B., Lorenz C. Introduction // *Popularizing National Pasts: 1800 to the Present* / eds by Stefan Berger, Chris Lorenz, and Billie Melman. N.Y.; L.: Routledge, 2012. P. 1–33.
44. Boeck B. J. Probing parity between history and oral tradition: putting Shora Nogmov's History of the Adygei People in its place // *Central Asian Survey*. 1998. Vol. 17. No. 2. P. 319–336.
45. Cooper B.M. Oral Sources and the Challenge of African History // *Writing African History* / ed. by J.E. Philips. Rochester: University of Rochester Press, 2006. P. 191–215.
46. Fuchs E. Introduction: Provincializing Europe: Historiography as a Transcultural Concept // *Across Cultural Borders: Historiography in Global Perspective* / ed. by E. Fuchs, B. Stuchtey. N.Y.; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 1–28.
47. Robinson Ch. F. Islamic Historical Writing, Eighth through the Tenth Centuries // *The Oxford History of Historical Writing*: in 5 vol. Vol. 2: 400-1400 / eds by S. Foot, Ch.F. Robinson. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 238–266.
48. Schneider A., Tanaka S. The Transformation of History in China and Japan // *The Oxford History of Historical Writing*: in 5 vol. Vol. 4: 1800-1945 / eds by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 491–519.
49. Vansina J. Oral tradition as history. Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. 273 p.

УДК 63.3

Е. Ю. Оборский

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА
НА СТАВРОПОЛЬЕ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

В статье рассматриваются региональные произведения, посвященные революции 1917 г. на Ставрополье. На примере трудов Ф. М. Головенченко и Н. Иванько, различных очерков истории прослеживается преемственность методологических приемов и идеологических оценок. Особенности советской историографии являются ограниченность источниковой базы и избирательность в подборке источников. Идеологические

эмоциональные оценки и автоматическое разделение участников революции на две враждующие стороны заменили взвешенность методологических подходов. Делается вывод о необходимости расширенного изучения темы.

Ключевые слова: революция 1917 года в России, Ставрополье, советская историография, методология, марксизм, рабочие и крестьяне.

E. Yu. Oborskiy

**RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF REVOLUTION 1917 IN STAVROPOL
TERRITORY: THE MAIN LANDMARKS OF THE SOVIET PERIOD**

The article considers regional publications about the 1917 Revolution in Stavropol region. The succession of methodological methods and ideological opinions is tracked by the examples in works by F.M. Golovenchenko and N. Ivanko and different historical essays. Specific characteristics of Soviet historiography are the limited character of the source base and selective approach to the sources.

Ideological emotional evaluations and automatic differentiation of revolution participants displaced the balance of methodological methods. The main conclusion is about the necessity of scrutinizing the topic.

Key words: the 1917 Revolution in Russia, Stavropol region, Soviet historiography, methodology, Marxism, workers and peasants.

Историографическая традиция описания революции 1917 г. складывается в 20-е гг. XX в. Эхо только что закончившейся гражданской войны по-прежнему делило общество на сторонников большевизма и врагов советской власти. В России, а затем и в Советском Союзе они определили основное содержание дискурса «революция 1917 года», начиная с выступлений на митингах сразу после Октябрьского переворота, продолжая публикацией их речей и специальных юбилейных статей, заканчивая образованием Истпарта – комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии.

Первые региональные публикации состояли из небольших воспоминаний, печатавшихся в общественно-политических журналах и комментариях к ним. Серьезное исследование о переломных событиях на Ставрополье появляется к 10-летию юбилею революции. Сотрудник губернского отдела агитации и пропаганды Ф. М. Головенченко выпускает книгу «1917 год

в Ставропольской губернии». Она остается единственным до сего дня произведением, посвященным только революции 1917 г.

Первая научная монография по данной проблеме имеет непреходящую источниковедческую ценность, поскольку автор использовал материалы, многие из которых утрачены. Скупность и обширность использования цитат и отрывков из доступных тогда документов фактически приравнивает эту работу к хрестоматии. Очень важным для последующих историков стали методологические приемы и идеологические оценки Ф. М. Головенченко, использованные (сознательно или нет) абсолютно всеми последующими поколениями историков.

Наиболее интересными такими историческими концептами являются описание состояния дореволюционного крестьянства и структуры социального состава губернии, анализ деятельности ставропольских большевиков, оценка выборов в Учредительное собрание, особенности установления советской власти в Ставропольской губернии в ноябре – декабре 1917 г.

Рассматривая положение ставропольских рабочих, Ф. М. Головенченко отмечает небольшую численность пролетариата, отсутствие у них «настоящей пролетарской закалки», тесную связь с селом [1, с. 19]. Большого авторитета они не имели, и определяющей роли в политической жизни губернии не играли. Ставропольские крестьяне жили достаточно зажиточно, особенно коренные, имевшие в среднем по 11 десятин земли. Хотя почти 40 % крестьян или вовсе не имели земли, или владели меньшим ее количеством [1, с. 39]. Подобные цифры должны убедить читателей, что на Ставрополье была достаточная социальная база для принятия большевистских идей, что и произошло осенью-зимой 1917 г.

Эти два тезиса дали вполне конкретные формулировки, которые применялись всеми последующими советскими историками. Только в 90-е гг. XX в. появляются иные оценки, говорящие о крепких хозяйствах, зажиточности всего ставропольского крестьянства, неприятии ими радикальных идей.

Значительная часть книги посвящена деятельности местной организации РСДРП (б). Работа и судьбы отдельных персонажей прослежены достаточно подробно. Любопытны отдельные эпизоды, получившие в дальнейшей научной литературе разную судьбу. Сначала пишется об образовании отдельной фракции большевиков, то есть большевики и меньшевики стали выступать разными политическими силами. Немного позже Ф. М. Головенченко говорит, что «июльские события повели к разрыву большевиков с меньшевиками. Это произошло в первой половине июля» [1, с. 45]. Очевидно, что вольно или невольно, но автор подтвердил тот тезис, что ставропольские большевики довольно долго сотрудничали с меньшевиками. Это не означает, что их позиции были схожи, скорее, это была вынужденная мера, объяснявшаяся малочисленностью большевиков. Однако в последующей литературе эта мысль о сотрудничестве всячески критиковалась или даже замалчивалась.

Другим интереснейшим моментом была реакция ставропольского общества на июльские события в Петрограде. Автор щедро приводит все ярлыки, которые наклеивали в те дни на большевиков: мятежники, шпионы, агенты Германии, уголовники, подонки. Приведя цитаты из эсеровской газеты «Северокавказское слово», Ф. М. Головенченко крайне своеобразно их комментирует: «Организирующим центром уголовного люмпенпролетариата и захватчиков явился поклонник германской культуры — Ленин... Русская демократия выставляет отказ от аннексий, большевики же своими лозунгами

содействуют аннексиям в пользу Германии». Автор, чтобы травить большевиков, прибегает к клевете. Не правые ли социалисты вместе с кадетами в апреле отправили сообщение, что будут по-прежнему продолжать войну до победы по договору, заключенному Николаем II? Против этого тогда выступил пролетариат Петрограда. История опровергла полностью клевету буржуазных писак». Или же: «Долой войну!» — Кто говорит это, — римский Пилат, предавший Христа на распятие. ... Такому «социалисту» лучше всего было бы надеть ризу и поучать темных людей в тесном единении с попами». Видно, что заочная полемика ведется всеми возможными способами: на удар отвечает контрударом. Понятно, что критика антибольшевистской истерии, охватившей в июле 1917 г. ставропольское общество, сохранялась всеми учеными и публицистами вплоть до распада СССР.

Наиболее любопытна оценка Ф. М. Головенченко выборов в Учредительное собрание по Ставропольской губернии. Сначала описывается общая подготовка выборов, после подробно разбирается тактика большевиков, и буквально под микроскопом анализируется рост их влияния в массах. Самое интересное начинается при подведении итогов выборов. По некоторым селам автор указывает количество голосов, поданных за большевиков с точностью до одного голоса. После говорит о «блестящей» победе в г. Ставрополе — «Из 14 тысяч 416 записок, поданных в городе за все партии, за № 2-й было 7598, т. е. большевики получили голосов больше, чем все остальные партии вместе. По губернии за № 2 подано, таким образом, 17 430 голосов» [1, с. 61]. Создается полное впечатление победы большевиков. И далее идет оговорка: «Это число занимало 2-е место по сравнению со всеми остальными партиями». Все бы ничего, если не знать, что по всей губернии процент голосов, поданных за большевиков, составил всего 5,5 %. Конечно, цифра 17 430 голосов внушает доверие, но львиная доля этих голос собрана в Ставрополе, и по всей губернии буквально растворилась в эсеровских голосах — за них было подано в общей сложности 88,8 % голосов. Однако второго числа в книге не указывается. В ней наоборот, подробно разбирается обманная тактика эсеров, приведшая к их победе.

Думается, что никакие обманные действия не смогли бы обеспечить такой внушительный перевес. Просто ставропольское крестьянство на тот момент действительно ориентировалось на социалистические взгляды, только олицетворяя их в эсерах, а не большевиках. Позже, когда эсеры ничем себя не проявили, крестьяне и перешли к большевикам.

Подобное изложение результатов выборов в Учредительное собрание превалировало в советской историографии и сохраняется до сих пор [10, с. 100; 5, с. 71; 4, с. 40; 8, с. 79–80; 16, с. 166]. Ф. М. Головенченко в своей работе сформулировал очень удобные фразы: они, с одной стороны, частично соответствовали действительности, не отражая факты полностью, с другой стороны, не противоречили идеологическим и партийным установкам любого советского времени. Этими приемами пользовались до 80-х гг., сохраняя подсознательное желание применять и сейчас. У отечественных историков на региональном уровне видна стойкая тенденция к постоянному заимствованию материала из предыдущих работ. Конечно, без опоры на весь огромный пласт историографической традиции невозможно написать серьезное научное исследование, но при этом нужен вдумчивый анализ, а не простое заимствование фактов, цитат и архивных фондов.

Фактически работа «1917 год в Ставропольской губернии» стала первой в ряду дальнейших заимствований. Добросовестные историки ссылались на нее, остальные – использовали без оформления должного научно-справочного аппарата. Вышеперечисленные работы 50–70-х гг. излагая материал об итогах выборов в Учредительное собрание, совпадают по структуре фраз и абзацев практически полностью с текстом Ф. М. Головенченко, но ссылок на нее не делают.

Большое количество литературы самого различного характера было выпущено к 40-ой годовщине Октябрьской революции. В первую очередь, следует выделить многочисленные сборники документов, которые значительно расширили источниковую базу. Это многотомные «Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями» и серия «Революционное движение в России после свержения самодержавия» [9; 11; 12; 13; 14]. В этих академических изданиях опубликовано достаточно много документов, относящихся к Ставропольской губернии, взятых, в основном, из центральных архивов. Данные сборники отличает тщательно проработанный научно-справочный аппарат, полнота публикации источника, их достаточное разнообразие. В последующие годы новых подобных изданий не выходило, что делает эти серии весьма ценными для исследователей.

Подобного рода сборники выходили в каждом регионе, как правило, под заголовком «Борьба за власть Советов» [3]. В них уже не было той академичности по отношению к текстам документов, поскольку часто допускались пропуски предложений и даже абзацев. Так,

в первом издании ставропольского сборника из протокола волостного схода села Летницкого от 7 марта 1917 г. исключена часть, в которой жители села приветствуют Временное правительство. Указывается, что «опущен текст, не имеющий прямого отношения к теме сборника».

Помимо этого издавались многочисленные воспоминания участников борьбы за власть Советов [2; 6]. Не смотря на то, что 1917 г. входил в хронологические рамки сборников, воспоминаний о нем опубликовано мало. Основная их часть касается хода гражданской войны, организации красногвардейских и партизанских отрядов, боевых действий. Но даже после многочисленных обработок и редакционной правки, многие воспоминания являются весьма ценным источником, позволяющим узнать мысли, настроения и чувства людей той эпохи, дополнить существующие работы соответствующим анализом, проведенным с позиции новых методологических веяний.

Во многом, именно этим кругом источников впоследствии и пользовалась основная масса исследователей. Подбор публикуемых документов так или иначе, но повлиял на изложение материала в исследованиях ученых, в формировании их позиции по поводу революции 1917 г. в Ставропольской губернии. Фактически опубликованные источники определили содержательную сторону столь обширного дискурса как «революция 1917 года».

Безусловно, рубежной работой стала книга Н. Иванько «За власть Советов», изданная в 1957 г. Она предназначалась самым широким массам населения. Целью монографии было показать всю отсталость дореволюционной России, стремление всего населения к изменению жизни в лучшую сторону, и, главное, доказать неотвратимость такого изменения.

Указывая малое количество пролетариата – около 7 тыс. человек на губернию, из которых 5 тыс. работали в Ставрополе, – Н. Иванько делает упор на то, что «рабочий класс всегда был прочной опорой большевиков Ставрополя, он выступал в авангарде борьбы против царизма и капитализма» [4, с. 9]. Положение крестьян в книге трактуется как тяжелое, хотя по подсчетам самого автора выходит, что обеспеченность землей и рабочим скотом была выше, чем в Центральной России.

Сквозной темой данного произведения является деятельность местной организации РСДРП (б). Начиная с успешного свержения самодержавия в Петрограде и заканчивая волнениями в селах Ставрополя – везде автору виделись следы пропаганды и агитации большевиков. Объясняя сильную поддержку новых органов власти (губернского комисса-

ра, Комитетов Общественной Безопасности, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) низкой политической культурой народа, Н. Иванько апеллирует к населению, которое не разбиралось в начале революции в политических программах разных партий, и, следовательно, тогда не понимало за кем идет. Также он говорит о быстром захвате власти буржуазией, проводившей политику в своих целях. Наконец, малая численность передового отряда пролетариата – большевиков, тоже сыграла свою роль. «Предательская деятельность соглашателей облегчалась тем, что коммунистическая организация на Ставрополье была в это время малочисленна, а большинство оставшихся на производстве рабочих находилось на военизированном положении. Это затрудняло деятельность большевиков и организацию профессиональных союзов. В то же время меньшевики и эсеры имели полную возможность вести открытую агитацию среди рабочих, солдат и крестьян» [4, с. 34]. Справедливости ради стоит сказать, что открытую деятельность партии большевиков резко сузили только после июльских событий в Петрограде. До этого им никто не запрещал активной агитаторской и пропагандистской деятельности. Скорее, именно малая численность большевиков не позволила им быстро и широко распространять свои взгляды.

Попутно Н. Иванько не перестает обличать противников Советской власти. «Лживая информация», «активные пособники русской контрреволюции», «стояли на страже крупного землевладения», «контрреволюционная политика», «господствовали кулаки», «предательская деятельность соглашателей» – вот лишь небольшой перечень терминов, относящихся к тем, кто не поддерживал, так или иначе, большевиков. Из той же серии и следующее утверждение: «Трудовое население Ставрополя открыто выражало ненависть к КОБам, земствам и продовольственным комитетам».

Подобная эмоциональность и жесткое разделение участников событий на «своих» и «чужих» являются отличительной чертой не только всей советской историографии, но и многих произведений эмигрантской литературы. Обе стороны, заполнившие большую часть этого дискурса своими текстами и оценками, тщательно «скрывали» научное содержание работ, добросовестно оправдывая своих и бичуя контрреволюционеров. Вполне понятны причины такой своеобразной методологии. Если в советской стране многое объяснялось идеологическими установками власти, то ненависть со стороны проигравших присутствовала практически до распада Советского Союза.

В целом, книга Н. Иванько, делая упор на борьбе за советскую власть и гражданскую войну, довольно много страниц посвящает событиям 1917 г. Некоторые его оценки уже устарели, некоторые эмоциональные перегибы давно отринуты исторической наукой. Все это не снижает общей научной ценности работы, вышедшей в годы оттепели, и потому чуть менее идеологизированной и менее схематичной, в отличие от ряда других работ советского периода.

Весь оставшийся массив информации и текстов, наполняющих дискурс «революция 1917 года», сводится к многочисленным статьям в различных журналах и главам в обобщающих трудах по истории Ставропольского края и Северного Кавказа.

Труды по истории города и края начали массово создаваться с 50-х гг. XX в. Первой ласточкой стали очерки Г. Краснова «Ставрополь на Кавказе», охватывающие жизнь Ставрополя до 1952 г. Глава о революции 1917 года снова посвящена большевикам. Также социально-политическая обстановка во время написания книги продиктовала свои акценты. На узловые моменты исторического процесса постоянно идет ссылка на «Историю ВКП (б). Краткий курс». Благодаря этому описание выглядит схематичным, уложенным в жесткие рамки. Никаких отступлений от генеральной линии, любопытных документов, личных свидетельств и воспоминаний в книге не присутствует.

Схема, предложенная И. Сталиным в «Кратком курсе», отражалась на всех произведениях того времени. Г. Краснов, следуя ей, относит события Февральской революции к этапу развития монархии и ее падения. А в другой главе идет рассмотрение уже непосредственно борьбы за власть Советов. Такое разделение революционного процесса создано искусственно для возвышения событий октября 1917 г. и преувеличения роли большевиков в них.

Отметим первые слова Г. Краснова о революции: «В Ставрополе известие о Февральской революции было получено в начале марта, а 5 марта в газете «Северо-Кавказское слово» был напечатан манифест Николая II об отречении от престола. В газете не было сказано ни слова о том, что «отречение» произошло в результате восстания рабочих и солдат» [5, с. 65]. Именно она будет неоднократно повторяться в последующих трудах, так или иначе касающихся революции [8, с. 61; 16, с. 114; 7, с. 358].

Также обращает на себя внимание умалчивание описания деятельности лидера ставропольских большевиков А. А. Пономарева. Еще И. Разгон в 40-е гг. критиковал любые его

поступки, акцентируя внимание больше на работе М. Морозова [10, с. 100–101]. Г. Краснов нигде не упоминает А. А. Пономарева, хотя последний был первым председателем Совета Народных Комиссаров Ставропольской губернии [5, с. 64, 66, 74]. Осторожная позиция лидера большевиков в 1917–1918 гг., попытка проявления своего мнения, вынужденное бегство из Ставрополя занесли его в сторонники эсеров, то есть во врагов народа.

Рубеж 60–70 гг. был ознаменован выходом целой серии очерков по истории различных региональных организаций КПСС. В 1970 г. подобные очерки были выпущены и на Ставрополье. Установлению Советской власти в губернии уделено достаточно места. Причем представлен значительный материал по Кавказским Минеральным Водам, которые в тот момент входили в состав Терской области. Общий ход событий постоянно комментируется и сверяется с высказываниями В. И. Ленина, притом, что в тот период о Северном Кавказе он практически ничего не писал.

В данных очерках отчетливо видна схема исследования революционных событий. Сначала обязательный анализ социально-экономического состояния жителей региона с акцентом на преобладающей роли пролетариата. Рассмотрение событий начинается с февраля, относя их к последним эпизодам жизни имперской России. Затем следует деятельность и агитация большевиков до победоносного октября. Такая схема подтверждалась нужными фактами и источниками. То, что противоречило данной схеме и идеологическим штампам, просто выпускалось из виду.

Иногда у авторов все же проскальзывала правда о настоящем положении дел в тот момент. «Усиление влияния большевиков на массы сопровождалось, постепенным ослаблением политических позиций буржуазии и соглашателей. Но на такой далекой аграрной окраине, какой было в то время Ставрополье, этот процесс протекал сложно, иногда противоречиво. Меньшевики и эсеры имели здесь опору благодаря преобладанию мелкобуржуазного состава населения и продолжали пользоваться поддержкой его значительной части» [8, с. 71].

В одном абзаце авторы противоречат самим себе. Вроде бы и большевики усиливают влияние, И одновременно признается, что позиции их противников остаются стабильными в силу давних исторических традиций. Конечно, к концу 1917 г. и почти все крестьяне узнали о большевиках, и те, кто знал, немного разобрались в их программе, и число их сторонников увеличилось. Однако этот процесс не был та-

ким прямолинейным, как того хотелось бы. Ведь даже, несмотря на нужные оговорки, у читателя все равно создается впечатление неуклонного и постоянного распространения большевистских идей по всей территории Ставропольской губернии.

Изменение политической обстановки также сказалось на оценке разных политических личностей. Если авторитет М. Морозова и Н. Анисимова по-прежнему в научной литературе оставался непререкаемым, то в «Очерках» восстанавливался «престиж» другого видного ставропольского большевика А. А. Пономарева. Поскольку рассматривался и регион Кавказских Минеральных Вод, то немало места в книге выделено также описанию деятельности С. М. Кирова. Вообще, в «Очерках» довольно много внимания уделено биографическим данным отдельных персонажей ставропольской истории. Это является одной из отличительных черт данной работы и становится своеобразной визитной карточкой ставропольских изданий подобная структура повторится в «Очерках истории Ставропольского края» и фундаментальной книге «Края наш Ставрополье».

Наиболее идеологизированным из всех обобщающих трудов был «Ставропольский край в истории СССР» [15]. Все схемы и оценки предыдущих трудов в нем повторялись практически дословно. К тому же отчетливо видно применение «любимого» приема ставропольских историков: снова идет повторение одной и той же цитаты. Теперь цитируются слова М. Морозова, сказанные им на заседании в апреле, когда большевики заявили о создании своей отдельной секции: «Перед нами стоит великая задача. Кто чувствует себя сильным борется за идеи социализма, тот должен покинуть залу» [15, с. 86]. Впервые эти слова приводит Ф. Головенченко, после их использует Г. Краснов, потом Н. Иванько [1, с. 29; 5, с. 67; 4, с. 38]. В течение 50 лет одна и та же цитата повторялась в одном и том же месте (по хронологии) 4 раза в сочинениях самых разных авторов. Это явно свидетельствовало не в пользу ставропольских ученых. Впрочем, такой прием, похоже, глубоко укоренился в их сознании, и, зачастую, применялся неосознанно.

Последним важным трудом в этом ряду стоят уже упомянутые «Очерки истории Ставропольского края». В отличие от предыдущих изданий сделан акцент на процесс этногенеза народностей региона, развитие различных форм отношений. Революционным событиям уделено достаточно места. Хотя про непосредственную причину свержения царской власти – первую мировую войну, в очерках практически не упоминается. Очень коротко рассмотрено

положение Ставропольской губернии в годы войны, практически не показано ее влияние на социально-экономическое развитие региона. Основным мотивом для рассмотрения этого периода стали революционные организации, в частности различные группы РСДРП (б). Для авторов данных «Очерков» концепция революции представляла собой процесс неизбежного прихода сначала буржуазной революции, а потом и социалистической.

Снова идет повторение нескольких уже известных сюжетов. Социально-экономические условия революции, агитация и пропаганда большевиков, противодействие им меньшевиков и эсеров и так далее. Нужно также отметить те моменты, которые не освещены в данной работе. Ничего не говорится о позиции обычных людей, об их страхах, надеждах и желаниях, мало представлена позиция газет. Из социаль-

ных слоев не проанализированы и буржуазия, и интеллигенция, и мещане, и духовенство.

Серьезным отличием этого труда от всех предыдущих является активное привлечение источников из центральных архивов, что значительно повышает научный уровень работы. В целом, данные «Очерки» заняли достойное место в исторической литературе о революции 1917 г. Несмотря на отдельные достоинства и недостатки работы, чувствуется, что она стала своеобразной кульминационной точкой в развитии советской историографии на местном уровне.

За годы советской власти был накоплен большой источниковый багаж по истории революции 1917 г., созданы многочисленные научные труды, составлены схемы событий. Однако методологическая ограниченность многих произведений убеждает в необходимости расширенного изучения этой темы.

Источники и литература

1. 1917 год в Ставропольской губернии / под ред. Ф. Головенченко. Ставрополь: [б.и.], 1927. 104 с.
2. Боевые годы. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Ставрополье. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1957. 159 с.
3. Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье. (1917–1921 гг.). Сборник документов и материалов. Ставрополь, Ставропольское книжное издательство, 1968. 248 с.
4. Иванько Н. И. За власть Советов. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1957. 164 с.
5. Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1953. 192 с.
6. Незабываемые годы. Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны на Ставрополье / ред. А. Ф. Дегтярев и др.). Ставрополь, Ставропольское книжное издательство, 1960. 206 с.
7. Очерки истории Ставропольского края / отв. ред. А. А. Коробейников. В 2 т. т.1. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1986. 462 с.
8. Очерки истории Ставропольской организации КПСС / отв. ред. Д. В. Кочура. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1970. 632 с.
9. Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. Сборник документов. Сб. 1. М.: Политическая литература, 1957. 533 с.
10. Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1941. 331 с.
11. Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М.: АН СССР, 1958. 935 с.
12. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М.: АН СССР, 1959. 626 с.
13. Революционное движение в России в мае – июне 1917 г. Июньская демонстрация. М.: АН СССР, 1959. 662 с.
14. Революционное движение в России после свержения самодержавия / под ред. Л. С. Гапоненко. М.: АН СССР, 1957. 857 с.
15. Ставропольский край в истории СССР / под ред. П. А. Шацкого. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1975. 271 с.
16. Шацкий П. А., Муравьев В. Н. Ставрополь. Исторический очерк. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1977. 263 с.

References

1. 1917 v Stavropolskoi gubernii (1917 in Stavropol province) / Ed. by F. Golovenchenko. Stavropol, 1927. 104 p. (In Russian).
2. Boevye gody. Vospominaniia uchastnikov Velikoi Oktyabrskoi revoluzii i grazhdanskoi voiny na Stavropolye (Fighting years. Memories of participants of Great October socialist revolution and civil war in the Stavropol region). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1957. 159 p. (In Russian).
3. Borba trudyashchihsy mass za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoi vlasti na Stavropolye. (1917–1921). Sbornik dokumentov i materialov (The struggle of the working masses for the establishment and consolidation of Soviet power in the Stavropol region. (1917–1921). Collection of documents and materials). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1968. 248 p. (In Russian).
4. Ivanko N. I. Za vlast Sovetov (For the Soviet power). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1957. 164 p. (In Russian).
5. Krasnov G. Stavropol na Kavkaze. (Stavropol in the Caucasus). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1953. 192 p. (In Russian).
6. Nezabyvaemye gody. Vospominaniia uchastnikov revolyucionnykh sobytii i grazhdanskoi voiny na Stavropolye. (Red.: A. F. Degtyarev). (Unforgettable years. Memoirs of participants of revolutionary events and the civil war in Stavropol region / Ed. A. F. Degtyarev). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1960. 206 p. (In Russian).

7. Ocherki istorii Stavropolskogo kraia / ed. by A. A. Korobeynikov. (*Historical essays of Stavropol region*). In 2 Vols. Vol. 1. Stavropol, Stavropol book publishing house, 1986. 462 p. (In Russian).
8. Ocherki istorii Stavropolskoy orgaanizatsii KPSS (*Historical essays of Stavropol organization of the Communist Party of the Soviet Union*) / ed. by D. V. Kochura. Stavropol: Stavropol book publishing house, 1970. 632 p. (In Russian).
9. Perepiska sekretariata CK RSDRP (b) s mestnymi partiinymi organizatsiyami. Sbornik dokumentov. (*Correspondence of the secretariat of the Central Committee of the Russian Social-Democratic Labour Party (Bolshevik) with local party organizations*). Part 1. Moscow: Politicheskaya literatura, 1957. 533 p. (In Russian).
10. Razgon I. Ordjonikidze i Kirov I bor'ba za vlast' Sovetov na Severnom Kavkaze. (*Mr Ordjonikidze and Mr Kirov and fight for authority of the Soviets in the North Caucasus*) Moscow: OGIz: Gospolitizdat, 1941. 331 p. (In Russian).
11. Revolyucionnoye dvizheniye v Rossii v aprele 1917 g. Aprel'skii krisis. (*Revolution process in Russia in April 1917. April crisis*) Moscow.: SA USSR, 1958. 935 p. (In Russian).
12. Revolyucionnoye dvizheniye v Rossii v iyule 1917 g. Iyul'skii krisis. (*Revolution process in Russia in July 1917. July crisis*) Moscow: SA USSR, 1959. 626 p. (In Russian).
13. Revolyucionnoye dvizheniye v Rossii v mae-iyunye 1917 g. Iyun'skaya demonstratsiya. (*Revolution process in Russia in May-June 1917. June demonstration*). Moscow: SA USSR, 1959. 662 p. (In Russian).
14. Revolyucionnoye dvizheniye v Rossii posle sverzheniya samoderzhaviya / ed. by L.S. Gaponenko (*Revolution process in Russia after the dethronement of autocracy*). Moscow: SA USSR, 1957. 857 p. (In Russian).
15. Stavropolskii kraj v istorii SSSR / ed. by P.A. Shackii (*Stavropol region in the history of the USSR*). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1975. 271 p. (In Russian).
16. Shackii P. A., Murav'ev V. N. Stavropol. Istoricheskii ocherk. (*Stavropol. Historical essay*). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1977. 263 p. (In Russian).

УДК 94(47).05(436)

А. Н. Птицын

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМИНАРИЯ В ЛЕЙПЦИГЕ И ЭМИГРАЦИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ СЛАВЯН В РОССИЮ

В статье рассматривается деятельность Русской филологической семинарии в германском Лейпциге в 1873–1890 гг. Это уникальное заграничное учебное заведение было предназначено для подготовки преподавателей древних языков для российских гимназий. Четверть студентов семинарии составляли австро-венгерские славяне, главным образом чехи. После окончания вуза они

работали учителями в различных регионах России и внесли свой вклад в дело ее просвещения. Учительская иммиграция являлась важной составной частью австро-венгерской переселенческой общины в нашей стране.

Ключевые слова: Лейпциг, семинария, студенты, славяне, чехи, учителя.

A. N. Ptitsyn

RUSSIAN PHILOLOGICAL SEMINARY IN LEIPZIG AND EMIGRATION OF AUSTRO-HUNGARIAN SLAVS IN RUSSIA

The article discusses the activities of Russian philological seminary in the Leipzig, Germany, in 1873–1890. This unique overseas educational institution was designed to train the teachers of ancient languages for Russian schools. A quarter of the seminary students were Austro-Hungarian Slavs, mostly Czechs. After graduation they worked

as teachers in different regions of Russia, they contributed to the cause of education. Teacher's immigration is an important part of the Austro-Hungarian resettlement community in Russia.

Key words: Leipzig, seminary, students, Slavs, Czechs, teacher.

Частью так называемых «великих реформ» Александра II являлась реформа среднего образования. Согласно новым гимназическим уставам 1865 и 1871 гг. в России по образцу западноевропейских стран была сформирована

система классического гимназического образования. Древние языки стали главными предметами преподавания в мужских гимназиях и прогимназиях, что вызвало огромную потребность в соответствующих преподавателях.

Дефицит учителей древних языков восполнялся как подготовкой собственных, так и приглашением зарубежных специалистов. Расширился набор на историко-филологические факультеты университетов, были открыты специальные учебные заведения для подготовки филологов-классиков – историко-филологические институты в Петербурге и Нежине. Из славянских земель Австро-Венгрии на российскую службу в 1860 – 1870-е гг. было приглашено около 200 квалифицированных филологов, преимущественно чехов и русинов. В течение одного-двух лет они проходили переподготовку в специально организованном Институте славянских стипендиатов в Петербурге, после чего получали назначение на учительские должности [1, с. 20–22].

Составной частью программы подготовки специалистов-классиков стало создание уникального учебного заведения – Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете. Решение о ее открытии было принято Александром II 14 августа 1873 г. на основании всеподданнейшего доклада министра народного просвещения графа Д. А. Толстого. В нем отмечалось, что российские университеты и историко-филологические институты по объективным причинам не могли подготовить достаточного количества квалифицированных филологов, поскольку российские гимназии, только недавно ставшие классическими, не обеспечивали их абитуриентами, имевшими серьезную базовую подготовку по древним языкам [4, с. 25–26].

В этих условиях главным источником пополнения кадров классических филологов стало их приглашение из Австро-Венгрии, однако и зарубежных специалистов не хватало для заполнения всех вакансий. По словам министра, «мысль о русской филологической семинарии при Лейпцигском университете возникла вследствие... оскудения того источника, из которого Россия доселе имела возможность заимствовать немалое число преподавателей древних языков для своих гимназий: после вызова в 1866 г. в Россию из славянских земель Австрии более 100 молодых людей, окончивших вполне свое филологическое образование в тамошних университетах... в самой Австрии начал обнаруживаться временный недочет в преподавателях древних языков» [4, с. 26].

В сложившихся условиях руководство министерства народного просвещения приняло решение «...из славянских земель Австрии... привлекать к учительскому званию в России не готовых уже филологов, а молодых людей, только что окончивших курс в гимназиях, давая

им возможность получить полное университетское образование... Таким образом, родилась мысль основать русскую филологическую семинарию при одном из заграничных университетов, как более во всех отношениях сподручных для западных славян» [4, с. 26]. В это учебное заведение направляли и выпускников российских гимназий, чтобы они получали образование европейского уровня. Таким образом, Лейпцигская семинария создавалась с практической целью – восполнить недостаток в хорошо подготовленных преподавателях древних языков. Однако Д. А. Толстой специально отмечал, что это учебное заведение, «как и филологический институт славянских стипендиатов в Санкт-Петербурге, имеет значение лишь временного учреждения, пока наши гимназии... не будут доставлять филологическим факультетам наших университетов подготовленных слушателей» [4, с. 25].

Инициатором создания Лейпцигской филологической семинарии был председатель ученого комитета министерства народного просвещения Александр Иванович Георгиевский (1830–1911), один из разработчиков гимназической реформы. Примечательно, что два его сына впоследствии окончили это учебное заведение. Открытие семинарии именно при Лейпцигском университете было обусловлено тем, что там были сосредоточены лучшие кадры германских классических филологов, а самый известный из них – Фридрих Вильгельм Ричль (Ритшль) (1806–1876) – с энтузиазмом поддержал эту идею и выступил в качестве организатора и первого директора семинарии [5, с. 100].

Лейпцигская филологическая семинария начала свою деятельность в октябре 1873 г., с 1884 г. она называлась Русским филологическим институтом в Лейпциге, а в 1890 г. была закрыта как выполнившая свою задачу. В этом российском учебном заведении, созданном на базе заграничного университета, его студенты могли получать первоклассное европейское образование, причем бесплатно (в тогдашних российских и зарубежных университетах существовала обязательная оплата за обучение). Более того, студенты семинарии получали стипендию, которая в первые годы ее работы составляла 360 талеров в год, а затем возросла до 420 талеров в год (тогдашний германский талер по курсу соответствовал рублю). При поступлении в семинарию студенты подписывали обязательство прослужить учителем российской гимназии два года за каждый год обучения в семинарии, либо возместить все расходы на свое образование [5, с. 100–101; 7, с. 97].

Первый набор в Лейпцигскую семинарию в 1873 г. составил 8 человек, через год он вырос

до 20 человек. В этой связи финансирование учебного заведения увеличилось с 10 тыс. до 17,5 тыс. руб. в год. Часть этих средств перечислялась Лейпцигскому университету за обучение в нем слушателей семинарии, остальные деньги шли на стипендии, оплату проезда студентов, закупку учебных пособий. Лейпцигская филологическая семинария имела свой бюджет, администрацию, нескольких штатных преподавателей и выдавала собственные дипломы, приравненные к дипломам российских университетов. Слушатели семинарии проживали в студенческих пансионах или на частных квартирах. Примечательно, что срок обучения в семинарии был установлен в три года, как и в заграничных университетах, тогда как в российских университетах студенты учились четыре года [5, с. 100–101; 9, стб. 2143].

Как уже говорилось, первым директором Лейпцигской семинарии был Ф. В. Ричль, а после его смерти, в 1877 г. эту должность занял другой профессор Лейпцигского университета – Юстус Герман Липсиус (1834–1920). Кроме директора, в семинарии существовали должности двух адъюнктов, которые в первые годы занимали приват-доценты Лейпцигского университета Шелль и Гетц. Они занимались со стипендиатами древними языками и являлись помощниками директора во всех делах семинарии [7, с. 102, 110].

Студенты Лейпцигской семинарии обучались по специальной программе, составленной Ф. В. Ричлем. Каждый семестр они по рекомендации директора семинарии посещали лекции по нескольким дисциплинам классической филологии, которые читали профессора Лейпцигского университета, а также слушали другие университетские лекции по своему выбору. 6 часов в неделю были отведены под практические занятия по древним языкам, которые вели со студентами директор и его два адъюнкта. Так, студенты первого набора, по воспоминаниям одного из них – чеха И. Луняка – слушали базовые филологические курсы профессоров Г. Курциуса, Л. Ланге и Ф. В. Ритшля, а также участвовали в занятиях педагогического семинара профессора Эккштейна в Лейпцигской гимназии «Томасшулле» [3, с. 124].

В Лейпцигскую семинарию, согласно постановлению о ее создании, принимались российские и иностранные подданные, «...из числа как природных русских и уроженцев Прибалтийского края, изучавших русский язык, так и из западных славян и даже уроженцев Германии, имевших случай изучить или русский язык или какое-либо из славянских наречий...» [9, стб. 2142]. К абитуриентам предъявлялись следующие

требования: они должны были закончить классические гимназии с отличными оценками, «при особенно благоприятных отметках из греческого и латинского языков», а также быть благонадежными «в нравственном и политическом отношении» [9, стб. 2142].

Набор австро-венгерских студентов в Лейпцигскую семинарию осуществляли по поручению министерства народного просвещения настоятель церкви при российском посольстве в Вене протоиерей М. Ф. Раевский (он координировал всю работу по привлечению австро-венгерских филологов в Россию) и директор Пражской академической гимназии Зеленый. Условием обучения в семинарии для иностранцев являлось принятие ими российского подданства. Согласно высочайше утвержденному 14 декабря 1873 г. Положению Комитета министров, иностранные студенты Лейпцигской семинарии получили право вступать в российское подданство в особом, облегченном порядке. Для этого им было достаточно предоставить в российскую дипломатическую миссию в соседнем Дрездене удостоверения о том, что они являются студентами семинарии, и принести там присягу на русское подданство [7, с. 98; 9, стб. 2143].

Всего в Лейпцигскую филологическую семинарию (институт) было проведено 15 наборов – с 1873 по 1887 гг. Иностранные студенты принимались в семинарию в первые 7 лет ее существования, а с 1880 г. в нее стали зачислять исключительно россиян. Это было связано, главным образом, с появлением к тому времени достаточного количества выпускников российских гимназий с должной филологической подготовкой. Вероятно, сказался и личностный фактор – уход с поста министра народного просвещения Д. А. Толстого, с именем которого было связано приглашение австро-венгерских филологов.

За все годы в Лейпцигскую семинарию (институт) было принято 113 студентов: большинство из них (81 человек) были российскими подданными, четвертую часть составляли подданные Австро-Венгрии (27 человек), а остальные (5 человек) были германскими подданными. Среди австро-венгерских студентов были представители разных национальностей. Преобладали чехи, которых было 18 человек, также в семинарии были представлены 3 русина из Галиции, 2 хорвата, 2 словенца, 1 словак и 1 серб. По годам поступления австро-венгерские студенты группируются следующим образом: в 1873 г. их было принято 3, в 1874 г. – 10, в 1875 г. – 3, в 1876 г. – 4, в 1877 г. – 3, в 1878 г. – 3, в 1879 г. – 1. Успешно окончили обучение в Лейпцигской семинарии (институте) 91 человек,

в том числе 24 студента из Габсбургской монархии. Двое чешских студентов во время учебы умерли от эпидемических болезней, а еще один чех был отчислен по состоянию здоровья (после заболевания его поразила глухота, что было неприемлемо для будущего учителя) [6].

Примечательно, что в министерском отчете о деятельности Лейпцигской семинарии за первые 4 года ее существования (1873–1877) отмечалось, что «до сих пор, не только по количеству, но и по качеству, первое место в нашей Лейпцигской семинарии принадлежало западным славянам и из них преимущественно чехам. Австрийские гимназии и университеты доставляли до сих пор наилучший контингент нашей Лейпцигской семинарии» [7, с. 112].

Почти все австро-венгерские студенты семинарии были католиками, за исключением 3 православных и 1 униата. По социальному происхождению среди них преобладали выходцы из семей крестьян (8 человек), еще трое происходили из семей «землевладельцев» (вероятно, тоже крестьян, только зажиточных, поскольку о дворянском звании никто из них не заявлял). Двое студентов были сыновьями мельников, один – сыном ткача. Остальные студенты происходили из следующих семей: священника, чиновника, учителя народной школы, управляющего имением, купца, домовладельца [6]. Таким образом, в подавляющем большинстве австро-венгерские студенты Лейпцигской семинарии были выходцами из низших и средних слоев населения, которым в силу материальных причин трудно было получить образование в австрийских университетах. Привлекало их и последующее гарантированное трудоустройство в качестве учителя российской гимназии, имевшего неплохой и стабильный заработок, а также право на пенсию.

Вероятно, для некоторых студентов Лейпцигская семинария с ее бесплатным обучением и государственной стипендией была чуть ли не единственной возможностью получить высшее образование. Так, например, словенец Доминик Пасколо, вынужденный из-за недостатка средств прервать свое обучение в Грацком университете, смог благодаря посредничеству М. Ф. Раевского поступить в Лейпцигскую семинарию и успешно закончить ее. Вообще, в письмах австро-венгерских студентов к М. Ф. Раевскому четко прослеживаются основные причины, которые побуждали молодых славян эмигрировать в нашу страну: как материальные, так и идейные (стремление получить должность, обеспечивающую материальный достаток, получить высшее образование, приверженность идеям славянского

единства, желание послужить делу просвещения России как «великой славянской державы» и содействовать развитию ее связей со своим народом) [8, с. 351–352].

Средний возраст австро-венгерских студентов Лейпцигской семинарии на момент их поступления составлял 23 года. Двое самых молодых из них (оба русины) имели возраст 18 лет, а самые возрастные студенты (чехи) имели возраст 26 и 27 лет. Примечательно, что большинство студентов (18 человек) ранее уже учились в австро-венгерских вузах, преимущественно в Пражском университете, но, за исключением двух человек, не окончили курса, перейдя в Лейпцигскую семинарию [6].

В Русской филологической семинарии специально для иностранных студентов были организованы занятия по русскому языку (6–8 часов в неделю), которые вели российские филологи, стажировавшиеся при Лейпцигском университете. На этих занятиях также предполагалось изучение русской литературы, истории и географии. Конечно же, для овладения языком этих занятий было недостаточно, и первое время после приезда в Россию иностранные выпускники семинарии испытывали серьезные языковые трудности. Плохое владение русским языком вообще считалось главной проблемой преподавателей, приглашенных из Австро-Венгрии.

Примечательно, что, в отличие от студентов российских вузов, слушатели Лейпцигской семинарии за все время обучения сдавали лишь один экзамен – выпускной, а остальное время полностью посвящали учебе, не отвлекаясь на сдачу текущих экзаменов. После сдачи выпускного экзамена они получали соответствующее свидетельство (диплом), дающее им права кандидата российского университета. Также им было разрешено сдавать магистерский экзамен, дающий право работать в российских вузах [4, с. 27–28; 7, с. 99–107].

Все 24 австро-венгерских выпускника Лейпцигской филологической семинарии стали российскими учителями, а один из них впоследствии перешел на работу в университет. Педагогическая карьера большинства из них была долгой и успешной. 18 выпускников проработали в российских гимназиях 25 и более лет: в Петербурге – чехи Иосиф Вячеславович Седлатый и Доброслав Осипович Нингер, в Московском учебном округе – чехи Фома Иванович Марек, Иосиф Францевич Шадек, Вячеслав Вячеславович Мясопуст и хорват Иван Петрович Млинарич, в Харьковском учебном округе – чехи Антон Иосифович Ницкий и Иосиф Антонович Микш, в Одесском учебном

округе – чехи Николай (Франц) Карлович Бавлинка, Владислав Вячеславович Шкорпиль, Петр Иосифович Марек, хорват Степан Иванович Радошевич и серб Семен Маркович Чекедекевич, в Варшавском учебном округе – русин Емельян Иванович Киричинский, в Киевском учебном округе – русин Михаил Иванович Гринчак, в нескольких учебных округах – русин Александр Федорович Редька, словак Павел Юрьевич Мудрох и словенец Доминик Матвеевич Пасколо [2].

Все они внесли вклад в развитие гимназического образования в нашей стране и остались в памяти своих учеников. Так, выдающийся философ, специалист по античной культуре Алексей Федорович Лосев вспоминал, что интерес к изучению древнего мира впервые сформировался у него во время обучения в Новочеркасской гимназии под влиянием его учителя-чеха И. А. Микша [10, с. 17].

У некоторых австро-венгерских выпускников Лейпцигской семинарии педагогическая карьера по личным причинам оказалась короткой. Так, чех Антон Кончина, попавший в 1878 г. по распределению в Стерлитамакскую прогимназию на Урале, проработал лишь три года, поскольку, по сообщению ее директора, «женившись на русской, попал в очень неблагополучную семью и среду, спился и уволен со службы в конце 1881 г.» [6, л. 13]. Впрочем, данный случай был единичным.

Трое бывших австро-венгерских студентов Лейпцигской семинарии со временем смогли дослужиться до должностей директоров русских учебных заведений: чехи И. В. Седлатый (10-я Петербургская и Стрельнинская гимназии) и П. И. Пехачек (Рязанская прогимназия), а также словак П. Ю. Мудрох (Омская и Бердянская гимназии). Еще несколько человек из их числа занимали должности инспекторов гимназий. Известным ученым-археологом, соз-

дателем и директором Керченского археологического музея стал работавший в Крыму чех В. В. Шкорпиль. Несколько австро-венгерских педагогов являлись авторами учебных пособий, научных и публицистических статей.

Академическую карьеру сделал один из австро-венгерских студентов Лейпцигской семинарии – чех Иван Иванович Луньяк (1847–1935). После ее окончания в 1876 г. он был оставлен при министерстве «для приготовления к профессорскому званию». Через год молодой ученый защитил магистерскую диссертацию «Обзор риторики Демосфена». Проработав несколько лет в 5-й Петербургской гимназии, в 1882 г. он стал приват-доцентом кафедры классической филологии столичного университета, а в 1885 г. перешел на должность доцента в Казанский университет. После защиты в 1889 г. докторской диссертации, посвященной творчеству знаменитой древнегреческой поэтессы Сапфо, И. И. Луньяк занял должность профессора классической филологии в Московском университете. Через 2 года он перешел на аналогичную должность в Новороссийский университет в Одессе, где проработал до ухода на пенсию в 1908 г. Впоследствии ученый вернулся на родину [3, с. 124].

Таким образом, Лейпцигская филологическая семинария, организованная как заграничное учебное заведение для подготовки учителей древних языков, одновременно играла роль одного из каналов эмиграции в Россию молодых представителей славянской интеллигенции Австро-Венгрии. Среди выпускников семинарии было два с половиной десятка уроженцев Габсбургской монархии, преимущественно чехов, а также южных славян, ставших впоследствии российскими учителями. Их деятельность способствовала развитию российской системы образования и содействовала развитию связей западных и южных славян с Россией.

Источники и литература

1. Басаргина Е. Ю. Из истории реформы Д. А. Толстого: А. И. Георгиевский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №1. С. 20–23.
2. Гельбке Ф. Ф. Календарь для учителей. СПб.: О. Кирхнер, 1882–1914.
3. За сто лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Ч. 1. Казань: Типолитография Императорского университета, 1904. 552 с.
4. Извлечение из всеподданнейшего отчета г. министра народного просвещения за 1873 год // Журнал министерства народного просвещения. 1875. Июль. Т. CLXXX. Отдел «Правительственные распоряжения». С. 1–65.
5. Максимова А. Б., Алмазова Н. С. «Русская филологическая семинария» в Лейпциге в интеллектуальном пространстве России и Германии // Межкультурный диалог в историческом контексте. Материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 99–102.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 234. Д. 12. Л. 1–35.
7. Русская филологическая семинария при Лейпцигском университете с 1873 по 1877 год // Журнал министерства народного просвещения. 1877. Июнь. Т. CXCI. Отдел «Современная летопись». С. 95–113.
8. Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). М.: Древлехранилище, 2010. 652 с.
9. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. V. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1877. 2318 стб.
10. Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 1997. 457 с.

References

1. Basargina E. Ju. Iz istorii reformy D.A. Tolstogo: A.I. Georgievskij (*From the history of reform D. A. Tolstoy: A. I. Georgievskij*) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. No. 1. P. 20–23. (In Russian).
2. Gel'bke F. F. Kalendar' dlja uchitelej (*Calendar for teachers*). St. Petersburg: O. Kirchner, 1882–1914. (In Russian).
3. Za sto let. Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Kazanskogo universiteta (1804–1904) (*Over a hundred years. Biographical Dictionary of professors and teachers of the Imperial Kazan University (1804–1904)*). Kazan': Tipo-litografija Imperatorskogo universiteta, 1904. Ch. 1. 552 p. (In Russian).
4. Izvlechenie iz vsepoddannejshego otcheta g. ministra narodnogo prosveshhenija za 1873 god (*Extract from the most loyal of the report of the Minister of Education for 1873*) // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1875. Ijul'. T. CLXXX. Otdel «Pravitel'svennye rasporyazhenija». P.1–65. (In Russian).
5. Maksimova A. B., Almazova N. S. «Russkaja filologicheskaja seminarija» v Lejpcige v intellektual'nom prostranstve Rossii i Germanii (*“Russian philological seminary” in Leipzig in the intellectual space of Russia and Germany*) // Mezhdunarodnyj dialog v istoricheskom kontekste. Materialy nauchnoj konferencii. Moscow: IVI RAN, 2003. P. 99–102. (In Russian).
6. Russian State Historical Archive. F. 733. Inv. 234. D. 12. (In Russian).
7. Russkaja filologicheskaja seminarija pri Lejpcigskom universitete s 1873 po 1877 god (*Russian philological seminary at the University of Leipzig from 1873 to 1877*) // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1877. June. Vol. CXCI. P. 95–113. (In Russian).
8. Russko-slovenskie otnoshenija v dokumentah (XII v. – 1914 g.) (*Russian-Slovenian relations in the documents (XII century – 1914)*). Moscow : Drevlehranilishe, 2010. 652 p. (In Russian).
9. Sbornik postanovlenij po ministerstvu narodnogo prosveshhenija (*Collection of resolutions by the Ministry of Education*). Vol. V. St. Petersburg: Obshhestvennaja pol'za, 1877. 2318 column. (In Russian).
10. Taho-Godi A. A. Losev (Losev). Moscow: Molodaja gvardija, 1997. 457 p. (In Russian).

УДК 94(450) История Италии

Р. А. Свивальнев

СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ КОНДОТТЫ С ГОРОДАМИ И КОММУНАМИ В ИТАЛИИ XIV–XV ВВ.

Статья освещает роль капитанов кондотты и их отрядов в социально-политической жизни Италии XIV–XV вв. На основе городских хроник и дневников анонимных горожан, автор рассматривает фактор необходимости найма военных отрядов как один из важнейших факторов политики в итальянских городах-государствах. Также автор касается проблемы интеграции воинского наемного сословия с социально-экономическими

институтами в городах-коммунах – их влияние на экономику и повседневную жизнь горожан. Данное исследование затрагивает актуальную проблему лидерства военачальника в условиях стратегического построения боевых действий.

Ключевые слова: кондотта, наемные отряды, капитаны войны, города-государства, договор найма, социально-экономические отношения.

R. A. Sival'nev

THE SYSTEM OF RELATIONS BETWEEN CONDOTTI AND CITIES AND MUNICIPALITIES IN ITALY IN XIV–XV CENTURIES

The article deals with the role of Condotti captains and their units in the socio-political life of Italy XIV–XV centuries. On the basis of urban chronicles and diaries of anonymous citizens, the author considers the factor of necessary recruitment of military units as one of the most important factor in the policies of the Italian city-states. The author also concerns the problem of integrating military hired class into

socio-economic institutions in the municipalities of cities – their impact on the economy and the daily lives of citizens. This study focuses on the topical issue of leadership of the commander in terms of the strategic posture of fighting.

Key words: Condotti, mercenary troops, captains of the war, city-state, contract of employment, social and economic relations.

Важным аспектом деятельности наемных отрядов в Италии XIV–XV вв. были взаимоотношения на уровне «наниматель – кондотьер».

Именно с этой точки и начиналась служба наемных отрядов, и отношения с городом-нанимателем красной линией проходили через

жизнь кондотьерских рот и, особенно, их командиров, «капитанов войны». В свою очередь, необходимость подобных взаимоотношений предопределяла и трансформировала многие сферы жизни средневекового итальянского города-государства.

Зачастую в городах-наемателях были специальные структуры, занимавшиеся вопросами кондотты. Так во Флоренции это были чрезвычайные должностные лица, которые назывались «Десятеро Войны» и избирались в случае конфликта, чтобы управлять наемниками. В Венеции эту роль исполняли «Мудрые Террафермы», и им помогал, когда это было необходимо, совет войны [5, л. 146]. В этом городе нередко и Сенат непосредственно брал на себя функции института контроля за наемными отрядами. Кроме того, во всех городах-государствах были различные магистратуры, которые должны были наблюдать за тем, что делали кондотьеры, следуя за ними, и при определенных обстоятельствах даже на поле сражения.

Традиционно, в ментальных установках горожан кондотьер воспринимался, в основном, как профессиональный солдат, и был связан со стереотипами продажности и ненадежности: «Более выгодный контракт мог заставить перейти из одного лагеря в лагерь его противника прямо на глазах у первого» [11, р. 49]. В XIV в. кондотта долго совмещалась с городскими ополчениями, иногда являющимися основной силой на полях сражений Италии. Вместе с тем, следует отметить дуализм восприятия кондотьеров: хватало примеров, когда Капитаны войны имели предпочтительную связь с одним и тем же синьором, или городом. Как пример можно привести известного капитана войны Якопо даль Верме, сражавшегося в Италии во второй половине XIV в. Он, как правило, вел себя корректно, храня верность своим доверителям. Когда Верме сражался за Милан (1388) против падуанского рода Каррара, он ответил отказом Франческо Новелло да Каррара, врагу Висконти заявив, что он будет непосредственно договариваться только герцогами Милана, которые его наняли [12, р. 76]. В декабре того же года он сдержал слово, данное Венеции, и, завоевав Тревизо, не сделал и попытки господствовать в нем лично, как часто делали другие кондотьеры в подобной ситуации. Передав его, согласно статьям договора республике Венеции, дель Верме получил взамен во владение палаццо Каррара в Венеции, а также включение своего имени в список знати этого города. Когда Антонио Лоски, летописец второй половины XIV в., написал о нем словами восхи-

щения и энтузиазма, он на самом деле озвучил оценку кондотьера, разделяемую многими.

И примеров подобных взаимоотношений можно привести большое количество. Связь с Венецией продолжали и другие члены этой фамилии, например, Луиджи даль Верме, который все 10 лет (1426–1436) своей службы не изменял избранной линии отношений с дожами, будучи верным кондотьером – «*marchesco*» – для этого города [5, л. 146]. Другой известный наемник Фачино дель Кане, в свою очередь, часто возвращался на службу к герцогу Монферрато, у которого, очевидно, находился в привилегированном отношении. Подобное отношение мы видим и в связи с Джованни Акуто, который, повоював в большом количестве войн на стороне разных городов-коммун, в итоге большую часть своей карьеры вплоть до самой смерти служил интересам Флоренции.

В то же время, привычный образ солдат, которые переходили из одного города в другой, не оставляя следа (или оставляя негативный след) своего пребывания, также имел место. Пример тому – случай во время так называемой «Войны Восьми святых» (1375–1378) [7, л. 55], когда флорентийцы, находясь в сложном положении и терпя поражения от войск папы, попросту подкупили часть отряда Джона Хоквуда, сильно ослабив его позиции: «Задумались о том, чтобы призвать Джованни Акуто, или хитростью его заманить, поскольку он имел отряд, который не был в согласии с ним, а он не был в согласии с солдатами. Вызвав это, Восемь войны послали в Милан и Болонью, и каждому городу-государству обещали предоставить средства на найм 700 копий и 300 арбалетов. Затем призвали капитанов Филиппо Буэр Гранденте Джелиберивека и мессера Дженни, которые предводительствовали людьми. И сделали предложение и обещание по 22 флорина за копье, и сыграла свою роль столь большая плата. То есть удалось разорвать бригаду. Это были экстраординарные затраты, но это был такой триумф флорентийцев» [13, р. 300].

Однако хватает ярких примеров укоренения профессиональных солдат в каком-то одном месте, где они обитали достаточно долго. Иногда это случалось посредством брака с женщиной из этого места и получения в нем недвижимости: «Есть случаи, чтобы далеко не ходить за примерами, солдат, которые оставались на службе у Висконти много лет, или таких персонажей, как Джованни да Колонна, который в XIV в. воевал за Пизу в течение 37 лет; как Петер фон Аппио, обитавший там 28 лет, или как Генрих Альдер, остающийся там 27 лет, а дочь его вышла замуж за имперского викария

в Пизе, Вальтера фон Хохшлитца. Это также случай многих «provvisionati» (находящихся на содержании наемников) Сфорца, которые в середине XV в. имели жен, детей, недвижимые и земельные владения в доминионе герцога» [12, р. 92].

Но укоренение происходило также и другими способами, менее традиционными, и поэтому более значимыми. В Пизе немецкие наемники оставили след о себе и своей набожности, основав алтарь и церковь, посвященные Св. Георгию. В Вероне, в одной из церквей, посвященной тому же Святому Георгию и названной Сан Джорджетто, находились изображения гербов немецких наемников Лодовико Бранденбурга, по большей части из тирольских фамилий, которые в 1354 г. сражались за Кангранде II делла Скала против Френьяно делла Скала, и которые затем долго обитали в городе [11, р. 51]. Также однажды Св. Георгию был посвящен маленький госпиталь, основание которого приписывается наемникам во Флоренции в год великой чумы (1348) [5, л. 151].

Эти факты в свою очередь подводят нас к еще одному виду взаимосвязей – отношения между солдатами и местным населением. Об этом есть свидетельства всегда негативные, и нет причин сомневаться в том, что, возможно, и преувеличенные, но они соответствовали реальности: даже не беря во внимание насилия и жестокости, которым подвергались завоеванные города, присутствие солдат всегда являлось элементом неудобств в любом случае: «Немецкие наемники, которые обитали в Виченце в конце 50-х гг. XIV в., вели себя в городе как господа, а в Болонье в 1350 г. при праздновании майских календ горожане и немецкие наемники схватились в рукопашную в кровавом столкновении» [11, р. 51].

Расположение в Милане конных солдат Висконти оплачивалось благодаря налогу на лошадей, которым были обложены сельские сообщества доминиона. Им предлагалось выбирать между тем, чтобы взять на себя обязанность персонально расквартировать около 10000 рыцарей, или же уплатить в казну герцога соответствующую денежную сумму. Герцоги Сфорца утвердили этот обычай, и когда Франческо Сфорца в середине XV в. будет изыскивать возможность расширить эту практику также и для пехоты, она встретит столь негативную реакцию со стороны сообществ, что герцог вынужден будет немедленно отказаться от своего решения [3, л. 31].

Солдаты, которые пребывали на самоснабжении, увеличивали неудобства гражданских лиц, среди которых они находились. У служивших Франческо Сфорца был обычай обитать в

тавернах, есть там и пить на чужой счет. Когда их принуждали к какому-либо судебному наказанию, они старались превратить грабеж в легальное действие для своей пользы.

Однако, отношения между солдатами и гражданским населением не укладываются полностью в русло негативных оценок. Был еще один фактор, возникающий от этого сосуществования, в пользу общности, которая принимала солдат. Не все солдаты вели себя как тунеядцы, находящиеся на довольствии, и присутствие войска часто означало также ускорение циркуляции денег и возрастание динамики потребления. Прежде всего, оно означало прибыль для заимодавцев, которые часто давали займы под залог деньги, в которых солдаты, как правило, всегда нуждались.

Легальность солдатской прибыли всегда ходила под вопросом. Во Флоренции Маттео Виллани набрасывался на ростовщиков, «надменных и бесчестных», которые под видом займов «помогали» солдатам их коммуны, которые «несли им деньги, оружие и лошадей», чтобы возместить сумму, одолженную вперед под проценты [11, р. 52]. В Милане в середине XIV в. к ростовщическому механизму добавились аспекты, которые вынудили архиепископа Джованни Висконти заявить: «Получилось так, что заимодавцы, желая получить годовые проценты, начали из месяца в месяц прибавлять процент за время, к первоначальной сумме. Таким образом, в результате следовало вернуть теперь сумму, значительно возросшую по сравнению с той, которая реально была одолжена, от начисления месячных процентов. Особый статус прелата позволил заклеить этот маневр с реальными суммами, и запретить доброе и прекрасное ростовщичество» [12, р. 42].

Но даже когда солдаты не оказывались в руках бессовестных ростовщиков, нужда в наличных средствах побуждала их просить займы, отдавая в залог то, что они имели: в том числе оружие и лошадей, как это часто случилось во Флоренции. В 1393 г. Джан Галеаццо Висконти был вынужден ввести содержание на продовольствии и запретить делать займы под залог средств войны, потому что рисковал оказаться с безоружными солдатами [11, р. 53].

Флоренция, чтобы избежать такого рода неприятностей, поручала операции займа достойным доверия ростовщикам, а затем, с 1363 г. основала «банк займов для наемников», который выдавал им ссуды. Коммуна финансировала операции капиталом в 15000 золотых флоринов и установила четкие правила: «каждой компании, состоящей по меньшей мере из 25 копий (копье – единица воинской организации,

состоящая из 10–15 воинов – прим. автора), открывался кредит вплоть до 1000 лир; капитан мог производить вычет без процента вплоть до 600 лир, тогда как капрал мог взять максимум 100 лир. Для солдат должностные лица устанавливали соответствующие суммы» [11, р. 53]. Банк функционировал до XV в. [6, л. 92].

Но финансовые отношения между солдатами и коммунарами не основывались только на операциях процентных займов. Некоторые кондотьеры инвестировали свои прибыли местным деловым людям, как это делалось в XIV в. в Милане. Военачальник Пьетро Бонация из Майорки доверился купцу-соотечественнику в Милане, чтобы тот распорядился его деньгами. То же самое сделали некоторые немецкие солдаты, которые вели дела с миланскими банкирами, у которых они требовали деньги. Так, например, наемник немец Иоганн де Хенгисперг в 1353 г. требовал заем с миланца Томмазо Пасквале, который в то же время доверил ему некоторую сумму для распоряжения ею. То же сделал в 1358 г. также другой солдат, Герман Гензель, каковой в этом же году старался вернуть сумму, предоставленную Пасквале «для распоряжения» [11, р. 53].

Естественно, одной из наиболее острых проблем для тех, кто нанимал компании, была их цена: «Послали в лагерь за мессером Джованни Агучо, спрашивая его мнения; и он ответил очень заинтересованно, и сказал им после многих речей: «Флорентийцы, дайте мне поскорее сто тридцать тысяч флоринов» [15, р. 317]. Когда в середине XIII в. Милан нанял 1000 наемников, он вынужден был установить новые налоги, чтобы собрать деньги, необходимые для уплаты [2, л. 16]. В течение XIV в. Папы потратили на профессиональных солдат сумму, которая равнялась 60 % всех поступлений Святого Престола [11, р. 68] и стала немаловажной причиной кризиса церковной собственности в конце средневековья. Прямое отношение между издержками, затраченными на наемников, и фискальным прессингом, который они приводили в движение, можно проиллюстрировать на примере Сиены второй половины XIV в.: «Здесь каждый наём военной компании, приходившей сражаться, или разжиться деньгами и уйти прочь, горожане ощущали введением налога или тяжелого займа. Приход отряда Фра Мориаля весной 1354 г. привел сначала к займу в 6000 флоринов, а затем к второму займу в 20000 флоринов. Прошло 3 года, явился Коррадо ди Ландо, и фиск ввел новый налог в 2 флорина с каждой 1000 лир наличных (8 лир с 1000). Тот же самый кондотьер вернулся спустя 2 года, и на этот раз

был установлен налог в 1,5 флорина с каждой 1000 лир (6 лир с 1000). В августе 1360 г. его компания, возглавляемая Аникино ди Бонгардо, снова привела к обложению. Прошел только один год, и Аникино снова взял путь к Сиене, и сиенцы снова были призваны к необходимости решать фискальную проблему. На следующий год Компания Шляпы вынудила управляющих городом установить три налога» [11, р. 69].

В эти годы, чтобы противостоять компаниям, вводили вплоть до 10 налогов в год, и вариации этого выбора были представлены различиями типологий все тех же обложений: налог на клир, добровольная такса, налог на всех жителей контадо, налог на евреев и так далее [6, л. 82]. В целом, менее чем за половину столетия, с 1354 по 1399 гг., вследствие наема компаний сиенцы будут отягощены экстраординарными выплатами 92 раза.

Другой пример мы можем привести из истории Миланского герцогства: «Джан Галеаццо Висконти в 1390 г. имел на службе несколько тысяч профессиональных воинов, к которым добавились несколько сотен солдат гарнизонов в различных городах и крепостях [2, л. 16]. В целом, казначей синьора Милана должен был изымать из казны 42000 золотых флоринов в месяц» [11, р. 69].

Тот, кто нанимал на службу кондотьеров, был обязан, помимо непосредственной оплаты их услуг, предоставлять также и задаток, чтобы обеспечить их лошадьми, доспехами и оружием, возместить им убытки за мертвых или раненых лошадей, освободить захваченных пленников. В целом, эти платежи покрывали 1/3 или 1/4 оговоренной контрактом платы для начального периода службы; если контракт продлевался еще на 1 год, то эти платежи могли покрывать уже 1/2 установленной контрактом суммы. Редко этот платеж предоставлялся одному, чаще группе, руководимой и обеспечиваемой одним или более командирами, которые были наняты на службу. Еще более часто «генеральный команданте» компании получал ссуду, как случилось в 1390 г., когда коммуна Перуджа предоставила заем в 100 флоринов Джованни дель Кане, капитану солдат графа Вирту [11, р. 69]. Сумма, очевидно, потом возмещалась при будущих платежах.

Договоры между Флоренцией и Джованни Акуто дают возможность исследовать основы найма кондотьеров. Когда город нанял англичанина и его людей в 1390 г., он заключил с ним соглашение сроком на 1 год, которое гласило, что коммуна будет пользоваться правом постоянного перезаключения договора на каждый последующий год с обязательным преду-

преждением капитана [4, л. 31]. Кондотьер обязывался в свою очередь, развернуть, помимо военных действий, также серию услуг по охране и общественной безопасности города, как днем, так и ночью. По окончании кондотты капитан обещал не воевать против Флоренции на протяжении 2-х лет как глава собственной компании, или 6-и месяцев, если ее возглавит другой капитан.

Быть нанятыми не означало обязательно немедленно перейти к боевым действиям: с XIV в. развивались «кондотта с ожиданием» или «найм с ожиданием»; система, которая достигла своего полного развития в XV в. [11, р. 71] На основе такого типа соглашения солдаты получали сокращенную зарплату, но были готовы быстро прибыть на службу в случае нужды. В период ожидания кондотьер мог использовать солдат, как считал нужным, включая принуждение их сражаться за других нанимателей, пока их не затребует первый нанявший. Как справедливо подчеркивал английский историк Маллетт, «эта система особенно подходила для тех кондотьеров, которые также располагали своей собственной синьорией, которой они могли располагать вплоть до того времени, когда возникнет необходимость использовать их как наемников» [11, р. 71]. Также в период мирного времени кондотьеры могли выполнять полицейские функции, помогая городским властям в соблюдении правопорядка: «Один слуга по имени Галетто, который находился в Тирли, был схвачен нашим Капитаном, потому что занимался грабежом на дорогах» [15, р. 301]. С другой стороны, зачастую кондотьеры становились участниками внутригородских столкновений между различными политическими партиями: ««В среду 5 февраля вернулся мессер Джованни Акуто во Флоренцию с солдатами... Капитан народа шел через весь город, вооруженный, с частью своих людей и обошел его несколько раз, потому что говорилось, что гибеллины должны поднять мятеж против гвельфов. Но не нашлось никого, кто решился бы на это» [10, р. 25].

Естественно, тот, кто нанимал, обеспечивал контроль за действиями солдат. В случае договора, который Флоренция заключила с Джованни Акуто в 1389 г., а также с Коррадо ди Ландо, флорентийский комиссар Маттео ди Якопо Арриги получил подробнейшее письмо с инструкциями от Синьории о том, как он должен контролировать действия кондотьеров: в частности, он был обязан убедиться персонально, что Ландо имел в распоряжении 400 копий, то есть 1200 человек по контракту,... и особенно подчеркивалось, что ему следует проверять, чтобы солдаты были доброго качества («прове-

рить, чтобы на копье приходилось 3 мужчины и 3 коня, и не женщины») [11, р. 71]. Кроме того, пока длилось ожидание, Ариги не должен был «позволить обмануть себя этим двум лисицам (предводители войск – прим. автора). Инструкция обязывала его сказать капитанам, что если все условия ими будут выполнены,... только тогда мы выдадим им их плату» [11, р. 71].

Флорентийские должностные лица, очевидно, хорошо знали, с кем они имеют дело, поэтому поставили для контроля комиссара-вербовщика: «И если они будут говорить, что желают платы вперед, ты скажешь, что этого невозможно и не должно делать, ибо до тех пор, пока не будет известно число лошадей, которые у них есть, мы не можем знать, какое количество денег мы должны дать» [11, р. 72].

В тоже время кондотьеры также выдвигали требования улучшения контрактов для себя. Пример тому – договор, заключенный между Джоном Хоквудом и Джан Галеаццо Висконти, герцогом Миланским 1 июля 1385 г. [12, р. 50] В нем оговорены все аспекты взаимодействия наемника и нанимателя, а также прописаны размеры компенсаций для кондотьеров, получивших тяжелые травмы либо ставших калеками. Вопрос о потерях в битвах кондотьеров достаточно сложен для исследования. Некоторые специалисты считают, что для наемных отрядов человеческие потери были непозволительной роскошью, и поэтому тактика сражений между кондотьерами была почти бескровной [14, р. 13]. Таким образом, мы видим, что капитаны кондотьеров знали, как достичь выгоды еще на этапе подписания контракта. Оговаривались даже такие моменты, как обращение с пленными [9, р. 650].

В XIV в. найм кондотты обычно длился несколько месяцев, но с прошествием времени кондотта имела тенденцию становиться все более долгой, вплоть до того, что добавлялся год заключения договора, который затем продлялся еще на один год, что было явным признаком изменения отношений с наемными контингентами, которые постепенно превращались в постоянные войска [8, л. 42]. Когда 1 ноября 1448 г. Франческо Сфорца нанял компанию маркиза Гульельмо да Монферрато, синьор принял в кондотту 700 копий и 500 пеших, что стоило ему 6700 флоринов на 8 месяцев и возобновлением срока на другие 8 [11, р. 72]. Но особо оговаривалось, что если по истечении 2-х месяцев срока, установленного Сфорца, он не откажет кондотьеру, то договор возобновляется по умолчанию. Маркиз де Монферрато со своей стороны мог вербовать кого он захочет, если речь не шла о мятежниках и

изгнанниках Сфорца. Если же кондотьер уже принял на службу кого-либо из этих персон, он должен немедленно передать их в руки синьора Милана: «Равным образом, Монферрато не должен был заключать никакого соглашения с каким-либо синьором без разрешения нанимателя» [12, р. 36].

Как видно из этого примера, соглашения нанимателя и кондотьеры были похожи на традиционные договоры XIV в., но также имели элементы интересной новизны относительно взгляда на продолжительность службы. Вот другой пример: «В 40-е гг. XV в. Венеция заключала в основном контракты двухлетней кондотты, возобновляемые в последний год и прогрессивно следовала за практикой переутверждения их через более долгое время, только в редких случаях достигая того, чтобы утверждать их ко времени истечения срока» [11, р. 73]. Через этот механизм и благодаря также другим стимулам, таким как предоставление пенсий капитанам, отходящим от службы, кондотьеры становились все более связанными с одним государством вплоть до саморепрезентаций себя, как его подданных со всеми вытекающими последствиями.

В ментальных установках кондотьеров наблюдается дуализм в отношении службы коммуна. Известный пессимизм просматривается в эпитафии, посвященной знаменитому кондотьеру Коллеони после его смерти (1475), которая гласила: «Кто служит Коммуне, тот не служит никому» [16, р. 40]. С другой стороны, выражалась вполне благоприятная оценка связей капитана с одной коммуной. Победоносный Никколо Пиччинино выбрал Венецию, поскольку «принцепсы смертны, но республика не может умереть» [11, р. 73].

Наконец, во Флоренции, наиболее часто практикующей по сравнению с другими городами-коммунами наём кондотьеров, постоянно опасались угрозы свободным институтам республиканского города со стороны капитанов войны, но все же должны были переходить к практике утверждения более долгих сроков [1, л. 82]. Но по прошествии лет оказалось, что эта система дает лучшие плоды, по крайней мере, если судить по реакции капитана Бернардино да Тодди, который в 1479 г. выдвинул свои протесты против Лоренцо Медичи, потому что он не получил свои деньги и на следующий год, и решил покинуть службу городу [11, р. 74].

Суммы, требуемые наемными кампаниями, открыли громадные пропасти в публичных счетах, потому, что к нормальной плате часто добавлялись особые поощрения солдат в случае необходимости решительных действий. Если

наниматель имел трудности, то оплата могла быть произведена в натуральной форме: тканями, помещениями, драгоценностями, но в основном все же деньгами.

Стоит заметить, что плата наемникам зачастую интегрировалась с военной добычей, которую захватывала кампания. Солдаты были свободны в грабеже, вымогательстве, выкупах, которые они требовали за захваченных пленников. Средневековые хроники рассматривали такие случаи, как ординарный и не обсуждаемый аспект войны. Действия кондотьеров постоянно сопровождалась чрезмерной жестокостью. Пример подобной жестокости – это участь обитателей замка Савильяно в Пьемонте (1360): «В Савильяно концентрировались селяне с их домашним скотом и животными в попытке спастись от зверства солдат. Но под укреплениями Савильяно находились банды наемников Коррадо ди Ландо и Анниккино ди Бонгардо. Поднявшись на стены, они проникли в замок и захватывали в плен всех тех, кого встречали, богатых или бедных; женщин, красивых или грубых, которые там были, ожидало обычное в этих случаях изнасилование, которое являлось правилом этих эпизодов. В крепости не оставили стоять ни одного дома; но солдатам этого было недостаточно, чтобы склонить пленников извлечь наружу деньги на выкуп, они подвергли этих несчастных жестоким пыткам, волоча их за ноздри, избивая их, отрезая им руки, ноги и уши; а тех, которые не были в состоянии заплатить, душили, опуская в воду» [11, р. 74]. В тоже время часто жителям осажденного города удавалось откупиться от наемников, обеспечивая тем самым собственную безопасность: «Тогда синьоры Флоренции отправили послов к компании, капитаном которой был Джованни Агуто – англичанин. Компания затребовала 2000 флоринов, угрожая в противном случае не уйти (1375). Когда компания находилась в контакте Болоньи, флорентийцы пытались договориться и давали им 130 000 флоринов, предоставляя проход через Муджелло, чтобы они пошли собирать деньги с пизанцев, луккеццев, сиенцев и аретинцев» [13, р. 202].

Когда у нанимателя не было средств для оплаты, то кондотьеры зачастую отказывались выполнять свою работу. К примеру, в Асти (1339) лишённые платы наемники отказались защищать город (к этому времени их оружие и лошади были заложены у ростовщиков), и без всякого сражения открыли ворота войскам Иоанна Палеолога, маркиза Монферрато.

Однако давление, оказываемое наемниками на финансы коммун, как подчеркивал Маллетт, было чревато и неожиданным пози-

тивным элементом: «Перед лицом растущих расходов и стремительного роста налогов, к которым военные компании вынуждали синьории и коммуны, правительства были обязаны реорганизовывать свой административно-бюрократический аппарат и все фискальные и кредитные структуры, приводя в действие механизмы реформы, которые радикальным образом меняли ход этих секторов, вводя туда обновления, которые будут удерживаться веками» [11, р. 75]. Можно утверждать с высокой степенью вероятности, что принципиальной предпосылкой, которая приводила к развитию хорошо функционирующей бюрократии, фиска и кредита, и наконец, к централизации политической власти, была растущая цена войны. Ни в какой стране это так не очевидно, как в Италии. Можно сказать, что война и бес-

порядок средневекового общества привели к созданию порядка нового государства.

Таким образом, вопросы взаимоотношений между городом-наимателем и кондотьерскими наемниками были крайне важны для успешного ведения боевых действий и войны в целом. При этом, как мы можем заметить, зачастую они в равной степени изменяли не только кондотьерские роты, но и саму внешнюю политику, а зачастую, и экономику итальянских городов-коммун. От того, какой контракт кондотты заключался, зависел и боевой дух наемников, и степень верности их командиров. В то же время, мы видим, что случаи длительного служения того или иного отряда в кондотте одному и тому же городу-государству на протяжении долгого периода времени не были чем-то из ряда вон выходящим.

Источники и литература

1. Бернадская Е. В. Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты // История Италии. В 3 т. Т.1 М.: Наука, 1970. 323 с.
2. Ковалева М. В. Синьория Висконти в Милане // Вестник Орловского Университета. 2009. №3 (7). С. 171–180.
3. Коллинсон – Морлей Леси. История династии Сфорца / пер. с английского Чулкова О. А. СПб.: Евразия, 2005. 352 с.
4. Кондотьеры: 1300–1500 гг. // Новый солдат. 2002. №205. 2002. С. 45–50.
5. Контамин Ф. Война в Средние века / пер. с фр. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова; под ред. Ю.П. Малинина. СПб.: Ювента, 2001. 414 с.
6. Очерки истории Италии / под ред. М. А. Гуковского. М.: Учпедгиз, 1959. 388 с.
7. Поздникин А. А. Война «восьми святых против церкви» (1375–1378) в оценке Поджо Браччолини // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 5. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. С. 55–65.
8. Тимченко В. В. Появление постоянных армий в городах Италии XIV–XV вв. // Исторические, политические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №8. С. 176–178.
9. Ancona C. Milizie e Condottieri, in Storia d'Italia. I Documenti, a cura di R. Romano, C. Vivanti, voll. V, Tomo I. Torino, Einaudi, 1973. P. 643–665.
10. Anonimo fiorentino. Diario // Alle bocche della piazza: Diario di anonimo fiorentino (1382–1401). Firenze, 1986. P. 505.
11. Balestracci Duccio. Le armi, i cavalli, l'oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento. Roma-Bari: Laterza, 2003. 178 p.
12. Bosisio Alfredo. Storia di Milano. Firenze: Giunti Editore, 1984. 390 p.
13. Cronichetta d'incerto // Cronichette antiche di vari scrittori del buon secolo della lingua Toscana. Firenze., 1773. 330 p.
14. Dennis E. Showalter Caste, Skill, and Training: The Evolution of Cohesion in European Armies from the Middle Ages to the Sixteenth Century. // The Journal of Military History. 1993. Vol. 57.
15. Diario d'anonimo fiorentino dall'anno 1358 al 1389 // Cronache dei secoli XIII e – XIV. Firenze, 1876.
16. Partner P. The Papal State under Martin V. The Administration and Government of the Temporal Power in the Early Fifteenth Century. London, 1958. 264 p.

References

1. Bernadskaja E. V. Politicheskij stroj ital'janskij gosudarstv. Sin'orii i principaty (*The political system of the Italian states. Signoria and principate*) // Istorija Italii. In 3 Vols. Vol.1. Moscow: Nauka. 1970. 323 p. (In Russian).
2. Kovaleva M. V. Sin'orija Viskonti v Milane (*Signoria Visconti in Milan*) // Vestnik Orlovskogo Universiteta. 2009. No. 3(7). P. 171–180. (In Russian).
3. Kollinson – Morlej Lesi. Istorija dinastii Sforca (*History of the Sforza dynasty*) / translated by Chulkov O. A. St.Petersburg: Evrazija, 2005. 352 p. (In Russian).
4. Kondot'ery: 1300–1500. (*Condottieri: 1300–1500*) // Novyj soldat. 2002. No. 205. P. 45–50. (In Russian).
5. Kontamin F. Vojna v Srednie veka (*War in the Middle Ages*) / translated by Ju. P. Malinin, A. Ju. Karachinskii, M. Ju. Nekrasov; ed. by Ju. P. Malinin. St.Petersburg: Juventa, 2001. 414 p. (In Russian).
6. Ocherki istorii Italii (*Essays on the History of Italy*) / ed. by M.A. Gukovskii. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 388 p. (In Russian).
7. Pozdnikin A. A. Vojna «vos'mi svjatyh protiv cerkvi» (1375–1378) v ocenke Podzho Brachcholini (*War of «the eight holy» against the church (1375–1378) in the evaluation of Poggio Bracciolini*) // Voenno-istoricheskie issledovanija v Povolzh'e. 2003. Vol. 5. P. 55–65. (In Russian).
8. Timchenko V. V. Pojavlenie postojannyh armij v gorodah Italii XIV–XV vv. (*The appearance of standing armies in the cities of Italy XIV–XV centuries*) // Istoricheskie, politicheskie, filosofskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorij i praktiki. 2011. No. 8. P. 176–178. (In Russian).

9. Ancona C. Milizie e Condottieri, in *Storia d'Italia (War commander and militia in Italian history)* / ed. by R. Romano, C. Vivanti. In 5 Vols. Vol. I. Turin, Einaudi, 1973. P. 643–665. (In Italian).
10. Anonimo fiorentino. Diario (*Anonymous Florentine Diary*) // *Alle bocche della piazza: Diario di anonimo fiorentino (1382–1401) (The mouths of the square: the anonymous Florentine Diary (1382–1401))*. Florence, 1986. 505 p. (In Italian).
11. Balestracci Duccio. Le armi, i cavalli, l'oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento (*The weapons, the horse, the gold. Giovanni Acuto and the condottiers in fourteenth-century*). Rome, 2003. 178 p. (In Italian).
12. Bosio Alfredo. Storia di Milano (*History of Milan*). Florence, 1984. 390 p. (In Italian).
13. Cronichetta d'incerto // *Cronichette antiche di vari scrittori del buon secolo della lingua Toscana*. Florence, 1773. 330 p. (In Italian).
14. Dennis E. Showalter. Caste, Skill, and Training: The Evolution of Cohesion in European Armies from the Middle Ages to the Sixteenth Century. // *The Journal of Military History*. 1993. Vol. 57. 407 p.
15. Diario d'anonimo fiorentino dall'anno 1358 al 1389 (*Diary of anonymous Florentine (1358–1389)*) // *Cronache dei secoli XIII e XIV (Chronicles (XIII–XIV))*. Florence, 1876. 241 p. (In Italian).
16. Partner P. The Papal State under Martin V. The Administration and Government of the Temporal Power in the Early Fifteenth Century. London, 1958. P. 178.

УДК 94(671.1):2-545

П. Скиррипа

ЦЕРКВИ АФРИКИ И ПРОЦЕСС РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА. ЧАСТЬ 2

Статья посвящена особенностям деятельности локальных церквей, и прежде всего пятидесятнических, в Африке. Не отрицая оккультизма и связанных с ним практик, они признают проповедование их активности в той мере, в какой они опираются на оккультизм, и в какой через посредство Бога могут его победить. Этот дискурс в настоящее время соприкасается с особыми тенденциями, вызванными неолибералистским поворотом. Так как оккультизм сосуществует с

модернизацией, пятидесятнические церкви являются институтом, который, с одной стороны, стремится нивелировать проблемы, связанные с модернизацией, с другой, соединяется с ее целями и этикой.

Ключевые слова: множественность модернизаций, пятидесятнические дискурсы, постколониальная Африка, оккультизм, евангелие процветания, миссионерское проповедничество, неолибералистский поворот.

P. Skirripa

CHURCHES IN AFRICA AND THE PROCESS OF SPREADING PENTECOSTALISM. PART 2

The article is devoted to peculiarities of activities of local churches, primarily Pentecostal in Africa. Without denial of occult and related practices, they recognize their preaching activity to the extent that they rely on the occult, and how through God they can defeat it. This discourse is currently in contact with the particular trends caused by neoliberalists turn. As the occult coexists with modernization, the

Pentecostal Church is an institution which, on the one hand, seeks to minimize problems associated with modernization, on the other, connects with its objectives and ethics.

Key words: plurality of modernizations, Pentecostal discourses, post-colonial Africa, occultism, prosperity gospel, missionary preaching, neoliberalistic turn.

Проповедование миссионеров, демони- зация традиционных религий и полемика против оккультизма

Миссионерское проповедование, как католическое, так и протестантское, началось в Африке уже в XVII в. То есть, вместе с колониализмом, который становился более органи-

зованным и пронизывающим, добирающимся до всех углов континента. По многим версиям, даже если следует отбросить обобщающие писания, возможно, также дихотомическое, оно двигалось вместе с колониализмом, становясь одновременно его лекарственным средством и его авангардом.

Миссионерское проповедование долго сталкивалось с традиционными религиями. Временами имена местных божков использовались, чтобы переводить имена святых, главным образом, в католической среде. В некоторых случаях пересмотр локального пантеона служил как пусковой механизм для библейских проповедей. Иной раз он использовался для феномена демонизации локальных культов. Миссионеры, принимая нарративы, которые коренились в христианской полемике против западного язычества, утверждались фактически на том, что традиционные культы являлись всего лишь плодами дьявола, который использовал свою власть для обмана пришедших в мир людей и удаления их от Господа.

Я сообщаю, поскольку это очень уместно, о книге одного ученого из Ганы [5]. Текст раскрывает ситуацию изнутри, поскольку ученый является пастором этой церкви, показывает развитие церкви Пятидесятницы в Гане, главным образом останавливаясь на проблеме экзорцистского ритуала. В тексте, согласно тому, что в нем описано, интересна, прежде всего, та часть, которая посвящена историческому развитию миссионерского проповедничества. Миссионеры, прибывшие в Гану, были главным образом пиетистами и веслианцами (*Пиетисты – последователи учения, возникшего в Германии внутри лютеранства в XVII в. Они придавали особое значение личному благочестию, внутренним религиозным переживаниям, ощущениям общения с Богом, не придавая особого значения христианской догматике. Веслианство (от имени английского проповедника XVIII в. Джона Уэсли) – одно из протестантских методистских учений, проповедующее ревивализм – реформы образа жизни и морали, а не церкви. Веслианцы, в том числе и женщины, проповедовали друг другу, отчитывались, друг перед другом, много занимались социальной работой. Прим. И. А. Красновой*). Они прибыли туда, чтобы нести религиозный свет в то, что тогда рисовалось им как сердце мрака, затемненное примитивностью. Миссионеры доблестно противостояли традиционным религиям, рассматриваемым как основы примитивных и диких обычаев, которые, как они понимали, следует разбить и уничтожить. Со временем позиции миссионеров в отношении традиционных религий стали более сложными, но рядом со склонностью к большему диалогу оставалась идея их изначального сатанизма.

Такая установка была воспринята полностью африканскими проповедниками, например, Харрисом. Но в этом случае имелось также глу-

боекое различие. Если миссионеры видели традиционные религиозные практики как культы служения ложным идолам, а веру в колдовство рассматривали как пример суеверия и слабости, проповедники христианских африканских церквей, напротив, не испытывали сомнения в их реальности. Харрис не проповедовал ложность традиционных идолов, не подвергал дискуссии конкретность силы колдовства. Просто, базируясь на миссионерском проповедовании, он менял их смысл: они не являлись ничем иным, как выражением дьявола, которого следовало сразить. «Африканские проповедники нацеливали свою миссию против этих сил и демонстрировали могущество Господа в победе над ними при освобождении от них душ праведных... миссионеры проводили четкую демаркационную линию между христианством и традиционными верованиями, в отличие от африканских проповедников» [5, p. 111].

Миссионерское проповедование вместе с тем требовало создания особого пространства: оккультного пространства. Демонизируя традиционные религиозные практики, оно приравнивало их к сатанинским действиям. Даже отрицая их конкретную реальность, оно оставляло пространство действия для африканских проповедников, которые основывали и легитимизировали свою позицию собственно на благодати власти более сильной, нежели власть сатаны.

Проповедование и практики против оккультизма основывали один их хребтов актуального дискурса африканских харизматических и пятидесятнических церквей. Конечно, было бы ошибочно думать, что их успех зависел исключительно от этого. Социальные условия континента, сила евангелической миссии процветания с ее амбивалентной функцией в отношении к деньгам, к периоду одновременно демонизируемому, но рассматриваемому как знак могущества Бога, также как дискурс о спасении (исцеления), в такой же мере являлись элементами, которые их отражали. Определив пространство моей установки, я хотел бы здесь остановиться собственно на оккультизме, показывая, с одной стороны, отношение между ним и новой неолибералистской этикой, которая доминировала на континенте после проектов структурного урегулирования, предложенных Интернациональным валютным фондом, а с другой стороны, действиями церквей.

Церкви, оккультизм и неолиберализм

Если проследовать по улицам Аккры, столицы Ганы, то так же, как и в других крупных африканских городах, легко столкнуться с оккультизмом. Маленькие лавочки и также

странствующие продавцы продают журналы, в которых часто встречаются истории о колдовстве. В популярных изданиях с определенной регулярностью читатели могут обнаружить на первых страницах огромные фото кадавров, сопровождаемые заголовками, которые отсылают к хронике «последнего ритуального убийства». Этим термином обозначаются те убийства, в которых приносятся человеческие жертвы с целью умиловить и расположить к себе дьяволов, чтобы стяжать богатства; а также те случаи, в которых смерть причиняется из желания заполучить человеческую кровь и органы с целью использования их в колдовских практиках. Оккультизм, однако, проявляется также в производстве фильмов и видео: в Гане, к примеру, можно найти серию фильмов под заголовком «Дьявол», посвященных этим темам. Также в Нигерии мы находим многие произведения, которые отсылают, более или менее явно, к колдовству. Такие фильмы и видео транслируются в городских кинозалах, больших и малых, по всему континенту, переносятся на CD и DVD, продаются на рынках и на углах улиц.

Оккультизм, как утверждают многие антропологи в своих этнографических исследованиях о колдовстве, также присутствует в повседневных дискурсах. Аварии автомобилей и маленьких автобусов, пропажа детей, и прежде всего, приобретение в короткое время богатств некоторыми индивидами часто различными путями возводятся к колдовству. Также в проповедях церквей, пятидесятнической, прежде всего, колдовство и оккультизм присутствуют как постоянный элемент; во время культовых собраний можно услышать свидетельства обращенных, которые ранее, прежде чем стать правоверными (*born again*), использовали колдовство часто с целью обогащения. Речь идет об индивидах, которые расплачивались за последствия своих злокозненных действий, спасаясь затем, в частности, переходом в пятидесятничество. Те же самые свидетельства можно прочесть во многих пропагандистских публикациях, издаваемых той же самой церковью.

Даже политика не избегает оккультизма: распространяются слухи (*rumors*), которые можно услышать на площадях и в местах, где часто собираются люди, в повседневной жизни слухи часто ассоциируются с правящими лицами, и еще более, политиками, занятыми в оккультных действиях. В Камеруне, например, слухи ассоциируют власть президента с его оккультными практиками. Несчастья, которые случаются с людьми, ему близкими, ин-

терпретируются как цена, которую он должен уплатить дьяволу, чтобы тот гарантировал ему свою тайную поддержку [3, p. 226–246].

Речи и практики, которые ссылаются на колдовство, встречаются в большей части африканских стран. В противоположность тому, что должно казаться очевидным, они не только не сосредотачиваются в границах сельских ареалов, но дело обстоит совершенно иначе: есть города, которые являются опорой этого феномена. Мисти Бастиан сообщал о распространении колдовства в городах Нигерии: «Города и их пригородные территории-сателлиты фактически наполнены многими выходцами из старых лесных ареалов континентальной Нигерии. Исчезновение деревьев и подлеска в воображении жителей континентальной Нигерии вовсе не обязательно означает исчезновение тех духовных сущностей, которые в свое время обитали в некоем ареале их домов. Вопреки тому, что они кажутся лишенными чар, города Нигерии становятся местом современной магии: креатуры леса расцениваются как предприниматели..., ...находя наилучший способ, чтобы вовлечь в свой силовик архаичной жизни ныне живущих людей» [2, p. 75].

В этнографических и антропологических дебатах темы оккультизма определенно являются центральными. В этих дебатах с силой отклоняется идея о том, что устойчивость оккультизма и еще более, его распространение в городских ареалах могут быть истолкованы как «трудность модернизации», согласно идее, что такой феномен – модернизация страны – изначально был жестко противопоставлен «традиционному африканскому мышлению», и отсюда последовали все трудности, которые эта последняя вызывала и вызывает, и утверждается, что реакции на трудности обусловлены стремительным социальным изменением, находящемся в действии.

В современной этнографии, напротив, благодаря анализу оккультизма стала объектом дискуссии идея модернизации. Я ссылаюсь на ту концепцию, которая рассматривает модернизацию как западную модель, и поэтому идентифицирует «модернизацию» с постепенным и максимальным сближением в Западом. Таким образом, новым считается только то, что в своих формах, в риторике, в практиках, в технических и технологических достижениях копирует западные модели. Эта точка зрения сегодня оспаривается; в частности, отстаивается множественность модернизаций посредством использования английского неологизма «modernities». Признать множественность

модернизаций, – толкуемых как особенные исторические опыты развития, неповторимые где бы то ни было, – означает фактически признать, что существует конструкция и реконструкция культурных программ и множественных социальных устройств, которые не могут рассматриваться как прогрессирующее сведение к доминантной модели, или лучше, к образующей матрице. В этом смысле понятие «множественные модернизации» содержит скрытый отказ от парадигмы модернизации, который выше мною описан. Охватывая эту вторую перспективу, оккультные практики таким образом не могут быть интерпретированы как пережитки прошлого, как культурная форма, предназначенная к исчезновению, сдуваемая с пути ветром модернизации; они, напротив должны рассматриваться как конституирующая часть того особенного исторического опыта, который и есть африканская модернизация в ее множестве оттенков, меняющихся от страны к стране.

Говоря таким образом об оккультизме в этом контексте, не стоило бы придавать ему смысл рефлексии о практиках, предназначенных к исчезновению с наступлением общества технологически продвинутого и секуляризованного. Устойчивость оккультизма делает собственно спорным нарратив о модернизации в его западной версии, которая имеет тенденцию к прогрессу, как технической победе, утверждению светского мышления и секуляризации. Говорить о том, что оккультизм сосуществует с модернизацией в Африке, означает по существу вести речь о других вариантах модернизации.

О связях между новыми практиками оккультизма и неолибералистскими экономическими формами, сегодня доминирующими на континенте, сейчас говорится много. К примеру, Биргитта Мейер показывает, как обогащение связано с новой неолиберальной этикой [4, р. 236–255]. Оно рассматривается не как обогащение само по себе, но в виде способов, в которых рассказывается, как оно представлено в расхожих историях и повествованиях, которые распространены по африканским странам. Например, в упомянутой статье Мейер говорит о рассказах, в которых утверждается, что богатство должно исходить от дьявола или от оккультных действий традиционных жрецов. Во всех случаях богатство предстает как плата за жизнь единокровного родственника, принесенного в жертву именно с такой целью. В других случаях стерильность (лишение детородной функции) (также жертвуется жизнь, на сей раз потенциальная) есть цена за обогащение.

Также в моем этнографическом опыте имеются примеры такого рода. В Эфиопии распространены слухи, утверждающие тот факт, что богатый собственник очень крупных гостиных в столице обязан своим богатством детям, которых принес в жертву к подножию огромной сикоморы, находящейся в холле одной из его гостиных.

Колдовство разрывает связи семейной солидарности и соседства. Оно становится метафорой того, как упорный поиск богатства уничтожает местные (локальные) ценности. Через эти дискурсы проверяется мораль капиталистического экономического обмена. В пятидесятнических церквях есть много рассказов, которые относятся к богатствам, добытым сатанинским путем. Это богатства, недолго остающиеся: дьявол ничто не дает даром. Истории о них часто кончаются трагедиями со смертями членов семьи, и выкуп состоит в религиозном обращении, которое гарантирует защиту от действий дьявола. Если товары и деньги – инструменты дьявола, то спасение лишь в лоне пятидесятнической веры.

Не должно все же думать, что пятидесятнический дискурс исчерпывается критикой морали обмена. Прежде всего, в версии евангелия процветания открывается возможность дифференцированного свободного выбора. Амбивалентность товаров и денег, которые обуславливают отталкивание и притягательность синтезируется в этом соглашательстве. Евангелие процветания, по сути, проповедует не только спасение, но и возможность добиться благополучия на этой земле. Проповедники, которые им вдохновлялись, рассматривали материальное богатство как благословение Господа. Более всего Церковь, но также и индивид, под непосредственным покровительством Господа, могут накапливать богатства. Вот почему, как знаки Божественного благословения, они должны быть предъявляемы для демонстрации того, насколько Господь могуществен и благосклонен к тем, кто истинно верует в него.

Неолибералистский поворот большей части африканских государств и политика доступа к интернациональным рынкам привели к поощрению частной инициативы, которая для некоторых заканчивалась обогащением, а в целом производила прогрессирующее обнищание части населения. При этом возникала конкуренция западных товаров, которые часто становились знаком и мерилом стремлений, которые невозможно было реализовать. Деньги и товары таким образом в одно и то же время становились объектом желания и символом

соприкосновения с новой социальной и экономической реальностью, в которой групповая солидарность уступала место индивидуальному предпринимательству, а экономика обмена противостояла экономике, пропитанной местной моралью.

Эта амбивалентность, как я говорил, существует в дискурсах неопятидесятнических церквей, которые охватываются евангелием процветания.

С одной стороны, фактически, деньги, а еще более товары, рассматриваются как средство, которое дьявол использует, чтобы интенсифицировать свое злобное влияние на мир, с другой, они – символ благосклонности Бога к правоверным и обращенным, в частности. Отсюда предъясняется размер богатств некоторых проповедников-пятидесятников, которые выставляют напоказ свою одежду по последней моде, разъезжают на Мерседесах и других роскошных машинах.

Резюмируя, я хотел бы подчеркнуть, два аспекта, которые всплывают, хотя, естественно, и не являются единственными в проповедовании пятидесятников. С одной стороны, дискурс против оккультизма. Оккультизм в своем обосновании имеет длинные корни, порожденные проповеднической деятельностью миссионеров и демонизацией традиционных религий. Создается таким образом пространство, в котором изгоняются демоны, ведьмы и традиционные божки, все отмеченные знаком сатанизма. Сила изначальных локальных церквей, и прежде всего пятидесятнических, состоит в том, что они не отрицают оккультизма и связанных с ним практик. Создавая их в реальности, они легитимизируют проповедование их активности в той мере, в какой они опираются на оккультизм, и в какой через посредство Бога могут его повергнуть.

Этот дискурс сопрягается сегодня с особыми тенденциями, вызванными неолибералистским поворотом. Двойственное отношение к товарам и деньгам отражается в амбивалентности, которую мы находим в дискурсах церквей. Поскольку оккультизм сосуществует с модернизацией, харизматические и пятидесятнические церкви кажутся в этот момент институтом, который, с одной стороны, стремится исцелять раны, наносимые модернизацией, с другой, соединяется с ее целями и этикой.

Такой дискурс, конечно же, не может быть универсален, ибо крайне различаются реальности, с которыми он сталкивается на конти-

ненте. Прежде всего, дифференцируется и варьирует комплекс церквей, которые пытаются его проводить. Дело не только его в размытости его границ, но прежде всего мы находимся перед лицом панорамы, подобной кипящей магме и находящейся в состоянии непрерывной эволюции, внутри которой сосуществуют институты, формы проповедования и практики, которые часто между собой контрастируют. Произведенные этнографические исследования, если сложить их вместе, развернут перед нами комплексную реальность, которая не будет укладываться ни в какие жесткие и определенные рамки. То, что я хотел здесь представить, есть только одна тенденция, очень сильная сегодня, которая сейчас разворачивается вокруг проповедования евангелия процветания. Она интересна в своей соприсоединенности с версиями модернизации, которые утверждаются на африканском континенте.

Наррации и дискурсы, концентрирующиеся вокруг оккультизма и форм сатанинского обогащения, и более широко, вокруг злокачественности разворачивающегося в мире процесса, фактически также порождают реальность. Это дискурсы перформативные, поскольку ощути-мо пересоздают топоры о модернизации, как бы склоняя ее к религиозным идиомам. По многим версиям речь идет о критическом дискурсе реальности в той мере, в какой он принимается, следуя Аппадурай [1], то есть идее, что воображаемое не должно расцениваться как уход от реальности, но, напротив, как социальное пространство, в котором она проектируется, о чем я имел случай более пространно заявлять в другом месте [6]. Если мы последуем такой концепции, то можем сказать, что подобные дискурсы позволяют управлять амбивалентностью, связанной с товарами и богатствами, позволяют отражать в морали экономические формы, сегодня господствующие, и менять их. В том смысле они изменяют их, что конструируют реальность, объясняющую их в религиозных идиомах. Связь с экономическими и политическими практиками таким образом оказывается в центре религиозных дискурсов. Пятидесятнический дискурс так выражает модернистскую теологию, что идея модернизации может склоняться как внутрь традиционного просветительства, так и внутрь секуляризации, запуская политическое действие и социальную рефлексию собственно в рамках религиозной идиомы. В этом, вероятно, и заложен один из ключей его обновляющейся притягательности.

Перевод И. А. Красновой

Источники и литература / References

1. Appadurai A. Modernità in polvere. Dimensioni culturali della globalizzazione (*Powder of modernity. Cultural aspects of globalization*). Rome, 2001. (In Italian).
2. Bastian M. L. Vulture Men, Campus Cultists and Teenaged Witches: Modern Magics in Nigerian Popular Media // *Magical Interpretations, Material Realities: Modernity, Witchcraft and the Occult in Postcolonial Africa* / Ed. H. L. Moore, T. Sanders. London-New-York, 2000.
3. Fisiy C. F., Geschiere P. Witchcraft, Development and Paranoia in Cameroon: Interactions between Popular, Academic and State Discourse // *Magical Interpretations, Material Realities: Modernity, Witchcraft and the Occult in Postcolonial Africa* / Ed. H. L. Moore, T. Sanders. London-New-York, 2000.
4. Meyer B. Delivered from the Powers of Darkness?: Confessions of Satanic Riches in Christian Ghana // *Africa*. 65, 2, 1995.
5. Onyinah O. Pentecostal Exorcism: Witchcraft and demonology in Ghana. DEO Publishing, Dorset (UK), 2012.
6. Schirripa P. Chiese e globalizzazione nelle antropologie africaniste contemporanee (*Churches and globalization in modern anthropology studies of Africa*) // *Sapere antropologici, media e società civile nell'Italia contemporanea (Anthropological knowledge, the media and civil society in the modern Italy)* / ed. by L. Faldini, E. Pili. Vol I. Roma, 2011. (In Italian).

УДК 355.121

В. Н. Суряев

КОМПЛЕКТОВАНИЕ КОРПУСА ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНЗ (1900–1914 гг.)

Развитие военно-политической обстановки в мире отчетливо демонстрирует необходимость дальнейшего укрепления обороноспособности Российской Федерации. Фактором первостепенного значения при этом является обеспечение такого уровня образования офицерского состава, который позволит ему выполнять свои профессионально-должностные обязанности в любой обстановке. Существенную помощь в решении этой

задачи может оказать учет опыта прошлого. Настоящая статья посвящена анализу мер, принимавшихся для совершенствования образования будущих офицеров в военных училищах в период, предшествовавший Первой мировой войне.

Ключевые слова: юнкера, офицеры, общее и военное образование, военно-учебные заведения, преобразование юнкерских училищ.

V. N. Suryaev

STAFFING OF RUSSIAN ARMY OFFICERS: EDUCATION QUALIFICATION (1900–1914)

The development of the military-political situation in the world clearly demonstrates the importance of further enhancing the combat potential of the Armed Forces. A factor of prime importance in this case is to ensure that the level of education of officers, which will allow them to meet their professional duties in any environment. In this regard, the study of the experience of command staff training in a complex international situation, the beginning of the twentieth

century, is very important. This article is devoted to the consideration of measures aimed at improving the training of future officers in the military system of secondary education in the Russian army in the period preceding the First World War.

Key words: cadets, officers, general and military education, military-educational institutions, the transformation cadet schools.

Функционирование любой государственной организации в решающей степени зависит от ее руководителей. К армии, ввиду специфики социальных связей и отношений, существующих в ней, данное положение относится в большей мере, чем к любому другому социальному институту. «Качество состава корпу-

са офицеров имеет решительное влияние на качество всей армии. <...> Каковы офицеры, такова и армия» [13, с. 45, 54], – писал один из военных теоретиков конца XIX – начала XX столетий.

В рассматриваемый период времени главными обязанностями офицерского состава яв-

лялись обучение подчиненных военному делу, воспитание их в духе безусловного выполнения воинского долга, управление войсками в бою [23, с. 234]. Успешное решение столь сложных задач было невозможно без соответствующей подготовки, что подтвердилось в ходе неудачной русско-японской войны 1904–1905 гг.

Следует отметить, что проблема комплектования офицерского корпуса Русской армии изучена далеко не в полной мере. В дореволюционный период вопросы подготовки офицерских кадров освещались лишь в военной прессе, прежде всего, в журналах «Разведчик», «Военный сборник», «Офицерская жизнь», и публицистической литературе. В советское время данная проблематика также почти не исследовалась, хотя в отдельных трудах она в той или иной мере затрагивалась [1; 2; 16].

С 1990-х гг. вопросам подготовки офицерского состава внимания стало уделяться больше [6; 15; 18; 37]. В то же время, до настоящего времени многое остается практически не изученным, в том числе, уровень общего образования лиц, поступавших в военно-учебные заведения, качество образования, получавшегося в училищах, эффективность реформирования системы юнкерских училищ и т.д.

В начале XX в. комплектование Русской армии офицерами происходило следующими способами: выпуском из военно-учебных заведений, производством в войсках унтер-офицеров, выполнивших необходимые для того условия, определением на действительную службу офицеров, находившихся в запасе и отставке, а также переводом из других ведомств.

Основным источником пополнения офицерского состава являлись военно-учебные заведения (военные, юнкерские и специальные училища), из которых, например, в 1907 г. было выпущено 1906 человек. Унтер-офицеров было произведено в офицерский чин 93 человека, определено на службу из запаса – 254, из отставки – 30, переведено из других ведомств 56 человек [10, с. 1–2].

Подобная тенденция существовала в течение всего рассматриваемого в статье периода. Так, в 1910 г. пополнение офицерского корпуса характеризовалось следующими данными: из училищ выпущено 2357 человек, унтер-офицеров произведено в офицерский чин 39, из запаса поступило на действительную службу 141 человек, из отставки – 42 [3, с. 111].

Из всех видов военно-учебных заведений непосредственное отношение к комплектованию офицерского корпуса имели пехотные, кавалерийские и специальные училища: ар-

тиллерийские, инженерное и военно-топографическое. Кроме того, в эту группу входили специальные классы Пажеского Его Императорского Величества корпуса.

Именно эти военно-учебные заведения пополнили «постоянный офицерский состав армии... производством в офицеры юнкеров...» [19, с. 89]. Что касается военных академий и офицерских школ, то в них совершенствовались знания и повышали квалификацию военнослужащие, уже имевшие офицерское звание.

За исключением периода Первой мировой войны численность офицерского состава в начале XX в. менялась незначительно, составляя несколько более 40 тыс. человек. Например, по данным Военного министерства к 1 января 1907 г. в регулярной армии насчитывалось 43948 генералов, штаб и обер-офицеров, к 1 января 1908 г. – 42906. Следует иметь в виду, что в эти числа входили примерно 2,3 тыс. генералов и офицеров пограничной стражи, в состав армии не входивших, но включавшихся Военным министерством в статистические данные [10, с. 1]. К 1 апреля 1912 г. в войсках, управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства состояло на службе 42877 офицеров и генералов [5, с. 54].

Наибольшее количество строевых офицеров служило в пехоте, как самом многочисленном роде войск. Так, в 1911 г. из 41412 офицеров, числившихся в армии, в пехотных частях состояли 24257 генералов, штаб – и обер-офицеров, в кавалерии – 3086, артиллерии – 6039, инженерных и железнодорожных войсках – 1586 и 293 человека соответственно. Остальные служили в Военном министерстве, военно-учебных заведениях, управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомств [4, с. 54].

Следует отметить, что уровень образования пехотных офицеров и офицеров технических родов войск различался. В специальные училища принимались молодые люди, имевшие общее образование не ниже полного среднего (кадетские корпуса, гимназии, реальные училища и т.д.), обучение будущих офицеров велось на основе учебных программ, соответствовавших их уровню образования. В итоге воспитанники специальных училищ получали единообразную подготовку, в соответствии с профилем учебного заведения.

Между тем, в пехоте и отчасти в кавалерии ситуация была иной: до 1910 г. существовали два типа учебных заведений, готовивших офицеров для этих родов войск. В учебных заведениях, готовивших пехотных и кавалерийских офицеров, к первому типу относились училища, которые

назывались военными училищами, например, Павловское военное училище, Александровское военное училище, Николаевское кавалерийское училище и др. Второй тип – юнкерские училища, например, Виленское юнкерское училище, Чугуевское юнкерское училище, Тверское кавалерийское юнкерское училище и др.

Задачи, решавшиеся в обоих типах учебных заведений, являлись, по сути, одинаковыми – подготовка офицерского состава для службы в войсках. В то же время, программы обучения в военных и юнкерских училищах были неодинаковыми, в силу разницы образовательного ценза поступавших в них лиц. До 1901 г. в юнкерские училища принимались только вольноопределяющиеся 1-го разряда и 2-го разряда (последние по выслуге 1 года в строю и достижении унтер-офицерского звания), а также лица, призванные в армию по жребию и достигшие унтер-офицерского звания – по выслуге в строю обязательных сроков [27, с. 436; 9, с. 245].

К вольноопределяющимся 1-го разряда относились лица, получившие образование не ниже среднего или в размере 6 классов гимназии, добровольно поступившие на службу нижними чинами. Вольноопределяющимися 2-го разряда считались военнослужащие, выдержавшие испытание по программе, установленной по соглашению военного министерства и министерства народного просвещения (приблизительно курс четырехклассного училища) [7, с. 29].

Между тем, документы о получении общего среднего образования выдавались по окончании 8 классов гимназии, 7 классов кадетского корпуса, 7 классов реального училища и некоторых других учебных заведений. Иными словами, в юнкерские училища имели право поступать молодые люди с образованием ниже среднего (по терминологии того времени, с низшим образованием).

В то же время, следует иметь в виду, что образование в размере курса четырехклассного училища, нужное для поступления в юнкерское училище, не означало, что его обладатель учился только в течение четырех лет. В зависимости от объема преподаваемых предметов в то время существовали высшие, средние, низшие и начальные учебные заведения. Поступить в любое низшее учебное заведение, не имея начального образования, было невозможно. Например, для поступления в низшие технические училища требовалось сдать экзамены в объеме уездного или сельского двухклассного училища, которые в числе прочих заведений, давали начальное образование [8, с. 598, 626].

Сроки учебы в начальных учебных заведениях были различными: например, в начальных училищах министерства народного просвещения они составляли два класса (5 лет), или один класс (3 года) [39, с. 762].

Как бы то ни было, нижние чины, поступавшие в юнкерские училища, в большинстве своем имели низшее образование. Это приводило к тому, что, как отмечал майор германского генерального штаба фон Теттау, русский офицерский корпус состоял «... главным образом, из воспитанников юнкерских училищ..., получивших слабую школьную подготовку» [36, с. 149].

Например, к 1 июня 1908 г. в пехоте состояло 6405 капитанов, из которых общее образование ниже среднего (низшее) имели 76,5 %, в то время как среднее образование – 23,5 %. В кавалерии из 463 ротмистров общее образование ниже среднего было у 65,5 %, среднее – у 34,5 % [12, с. 27].

Говоря о военно-учебных заведениях, готовивших офицеров для пехоты и кавалерии, А. И. Деникин указывал, что «... существовали училища двух типов: военные училища, имеющие однородный состав по воспитанию и образованию, ... и юнкерские училища...», в которых «огромное число поступивших... не имело законченного среднего образования, что придавало этим училищам характер второсортности» [14, с. 43].

«Второсортность» проявлялась, в числе прочего, в том, что даже успешно окончившие учебу выпускники в офицерский чин производились не сразу. В пехоту они выпускались подпрапорщиками, в кавалерию – эстандарт-юнкерами, то есть, в унтер-офицерских званиях [27, с. 449]. Офицерское звание они получали лишь после определенного срока службы в войсках, который мог достигать у окончивших училище по 2-му разряду нескольких лет [21, с. 396].

В то же время, выпускники военных училищ получали офицерский чин подпоручика сразу по их окончании (кроме лиц, окончивших училища по 3-му разряду). Дальнейший служебный рост и получение очередных воинских званий в сравнении с выпускниками военных училищ у них также было замедленным.

Несмотря на данные обстоятельства, выпускники юнкерских училищ отнюдь не являлись никчемным балластом. Генерального штаба генерал-майор В. В. Чернавин указывал, что юнкера из крестьян и мещан, не получившие до поступления в училище среднего образования, были людьми упорными и «... шли обыкновенно впереди более, казалось бы, подготовленных... бывших гимназистов, реалистов, студентов. По

выходе из училищ они становились большею частью отличными офицерами» [38, с. 223–224].

Уже упоминавшийся германский генштабист майор фон Теттау, посетивший целый ряд частей Киевского военного округа, отмечал, что большинство офицеров окончили юнкерские училища. При этом, однако, они являлись «... вполне храбрыми, деятельными служаками, ревностно исполняющими свои обязанности», несли службу «с интересом и осмысленно», «общество офицеров производило отличное впечатление людей хорошо воспитанных, как в смысле военном, так и житейском» [36, с. 149].

В то же время, он указывал на недостаточность общей и военной подготовки многих из них. Во многом это объяснялось тем, что в юнкерских училищах учебный курс разделялся на два класса: общий (младший), в котором повышалась общеобразовательная подготовка юнкеров, и специальный (старший), где изучалась собственно военная специальность. В результате на офицерскую профессионально-должностную подготовку отводился всего один год. В пехотных и кавалерийских военных училищах обучение также длилось два года, но оба класса были специальными.

Пехотных военных училищ к 1905 г. было четыре, кавалерийских – два. Пехотных юнкерских училищ насчитывалось семь, кавалерийских юнкерских – одно. Соответственно, выпускники юнкерских училищ составляли большинство офицеров в пехоте – свыше 60% [12, с. 23].

Между тем научно-технический прогресс, совершенствование средств вооруженной борьбы, развитие способов военных действий настоятельно требовали шагов, которые позволили бы довести подготовку офицеров, выпускаемых из юнкерских училищ, до уровня подготовки, даваемой военными училищами.

Начало этому процессу было положено решением, принятом в 1901 г.: все юнкерские училища преобразовывались из двухклассных училищ в трехклассные с одним общим и двумя специальными классами. В эти учебные заведения был разрешен прием не только нижних чинов из войск, как было ранее, но и молодых людей всех сословий, непосредственно после учебы, без прохождения службы нижними чинами в войсках. Для этого им требовалось образование, дававшее право поступать на военную службу нижними чинами – вольноопределяющимися. Лица, успешно окончившие юнкерские училища стали производиться в офицерский чин сразу по выпуску, без предварительного производства в подпрапорщики и эстандарт-юнкера, как и выпускники военных училищ [27, с. 435, 436, 449].

Общеобразовательный курс в юнкерских училищах был доведен почти до объема шести классов реального училища; объем изучавшихся военных дисциплин также увеличился, однако «курсы по военным предметам были несколько ниже по сравнению с теми курсами, которые проходились в военных училищах» [31, с. 374].

С 1904 г. были введены новые программы вступительных экзаменов для поступающих в общий класс юнкерских училищ: требования на вступительных экзаменах увеличились до уровня курса пяти классов реальных училищ по всем предметам, кроме математики [29, с. 904–927].

Однако, несмотря на проведенные преобразования, военные училища по-прежнему считались более престижными, чем юнкерские; данное обстоятельство неоднократно отмечалось в военной прессе. Выпускники юнкерских училищ направлялись для службы только в пехоту и армейскую кавалерию, в то время как окончившие военные училища имели право служить в любом роде войск, в том числе, в гвардии, инженерных войсках и артиллерии. На юнкерские училища отпускалось меньше средств, чем на военные училища. Так, содержание пехотных военных училищ составляло в год 75–90 тыс. рублей, не считая довольствия, а юнкерских – около 50 тысяч. На учебные пособия (включая расходы на библиотеку) пехотные юнкерские училища получали 3 тыс. рублей, военные – 8,3 тыс. рублей [22, с. 6].

В юнкерские училища по-прежнему поступало много молодежи, не окончившей по тем или иным причинам средние гражданские учебные заведения. Значительную часть из них, как и ранее, составляли лица, имевшие права вольноопределяющихся 2-го разряда. В то же время, в военные училища, как и прежде, поступала более образованная молодежь, закончившая средние учебные заведения, чаще всего, кадетские корпуса [12, с. 23].

В 1907 г. в юнкерских и военных училищах были введены опытные программы по военным предметам, одинаковые для обоих типов училищ [25, с. 15]. В том же году в юнкерских училищах вновь были увеличены требования приемных программ – до уровня шести классов реальных училищ [28, с. 1027–1055]. Программы общеобразовательных предметов, изучавшихся в юнкерских училищах, также были увеличены [26, с. 1001–1025].

Однако, несмотря на предпринимавшиеся усилия, образовательный ценз лиц, поступающих в юнкерские училища, продолжал оста-

ваться недостаточным. Так, в 1909 г. 67,09 % юнкеров, обучавшихся в этих училищах, имели общее образование, как у вольноопределяющихся 2-го разряда, и только 32,49 % – как у 1-го разряда; не принадлежали к этим разрядам 0,42 % юнкеров [24, с. 12]. Молодежь, имевшая более высокий уровень образования, по-прежнему предпочитала поступать в училища, имевшие статус военных. Например, в первом полугодии 1909–1910 учебного года из 169 юнкеров младшего класса Елисаветградского кавалерийского училища 107 были выпускниками кадетских корпусов, остальные – закончили лицеи, гимназии, реальные училища. Из 128 юнкеров старшего класса закончили кадетские корпуса 80 человек [34, л. 1–6].

В 1910 г. состоялся последний выпуск из юнкерских училищ офицеров с пониженной общеобразовательной подготовкой. В том же году, после трехлетнего испытания опытных программ были утверждены новые программы военных училищ, выработанные на основе опыта применения программ 1907 г. и учитывавшие опыт преподавания в военных училищах Германии и Франции [32, с. 482].

Эти программы были введены во всех без исключения училищах; более того, в 1909–1910 гг. все пехотные юнкерские училища (а также Тверское юнкерское кавалерийское) были переформированы в военные и, таким образом, юнкерские училища прекратили свое существование.

В результате реформы пехотные училища оказались разделенными на две категории: двухклассные (с двумя специальными классами), и трехклассные, имевшие два специальных класса, а также класс с общеобразовательным курсом, «почти соответствующим курсу 7-го класса среднего учебного заведения». Лица, имевшие среднее образование, могли поступать сразу в 1-й специальный класс трехклассных училищ, минуя общий класс. Военное министерство констатировало, что все юнкера военных училищ теперь имели или полное среднее образование, или же окончили не менее 6 классов, получив возможность завершить среднее образование в общем классе трехклассного военного училища [11, с. 68]. Права выпускников всех училищ становились практически одинаковыми.

В то же время, по отзывам современников, в целом контингент юнкеров «новых» трехклассных военных училищ, как и ранее, уступал юнкерам «старых» двухклассных военных училищ. Причиной такого положения называлась слабая общая подготовка вольноопределя-

ющихся, составлявших значительную часть поступавших в трехклассные училища. По мнению одного из военных авторов, эта категория поступавших представляла собой «заслуженных неудачников», которые не могут «взобраться выше четвертого или пятого класса» [20, с. 452]. Обеспечить же поступление во все училища лиц с полным средним образованием не представлялось возможным, ввиду падения престижности военной службы, которое стало очевидным с 1870–1880 гг.

В 1912 г. был принят новый Устав о воинской повинности, в котором 1-й и 2-й разряды вольноопределяющихся не упоминались, использовалось единое понятие «вольноопределяющийся». В соответствии с новым порядком доступ в трехклассные военные училища был открыт только лицам с правами по образованию бывшего 1-го разряда, как молодым людям со стороны, так и вольноопределяющимся, служившим в войсках [17, с. 729].

При этом военное ведомство указывало, что «пока не иссякнет в войсках категория вольноопределяющихся упраздненного 2-го разряда», они могли быть допущены к приемным экзаменам [33, с. 799]. Что касается учащихся гражданских заведений, желавших поступить в трехклассные училища, то, по утверждению современника, от этого шага многих из них удерживали «формальные условия». По утверждению современников, программа поступления в училища не отвечала «ни одному из... гражданских учебных заведений в объеме известного числа классов последнего»; в результате окончивший 6 классов реалист или гимназист должен был сдавать при поступлении в общий класс «... экзамен по ряду незнакомых ему, до этого времени, предметов...» [30, с. 292, 293].

Унификация среднего военного образования являлась потребностью времени, и трансформация бывших юнкерских училищ в военные сыграла положительную роль. В частности, создавались предпосылки для формирования единого по образованию состава офицеров пехоты и кавалерии. К 1912 г. офицерский состав в пехоте и кавалерии по военному образованию характеризовался следующим образом: 27,72 % пехотных штаб-офицеров и 35,09 % обер-офицеров имели за плечами военные училища; в юнкерских училищах получили военное образование 57,20 % и 60,70 % соответственно. В кавалерии эти показатели были такими: 46,83 % штаб-офицеров и 61,70 % обер-офицеров окончили военные училища, юнкерские училища – 38,62 % и 34,39 % соответственно. Остальные пехотные и кавалерийские офице-

ры, составлявшие относительно небольшую часть, имели военное академическое или гражданское образование [5, с.232]. В 1913 г. и первой половине 1914 г. процент офицеров – выпускников пехотных и кавалерийских военных училищ в войсках несколько увеличился в результате выпусков из трехклассных учебных заведений, однако этот процесс прервался с началом Первой мировой войны.

В артиллерийских частях офицерский состав комплектовался, в подавляющем большинстве своем, выпускниками артиллерийских училищ. Учебный курс состоял из трех специальных классов: младшего, среднего и старшего. Поступать в младший класс училищ могли выпускники кадетских корпусов (без экзаменов) и воспитанники «средних учебных заведений не военного ведомства», сдавшие экзамен по физике и математике; в старший класс – лица, окончившие высшие учебные заведения, в которых основой образования являлись физика и математика [35, с. 176, 177].

Офицеры-артиллеристы имели довольно высокий уровень образования. Например, в 1911 г. 97,75 % штаб-офицеров (1126 человек) имели общее среднее образование; ни одного человека с низшим образованием в этой категории военнослужащих не было. 98,41 % обер-офицеров (5128 человек) также имели среднее образование, и лишь 23 человека (0,44 %) – низшее. Незначительное число штаб – и обер-офицеров имели домашнее образование. Среди генералов 95,82 % имели общее среднее образование, остальные – высшее или домашнее [4, с. 172, 176].

Что касается военного образования, то 25,0 % генералов имели за плечами академии, 73,95 % – военные училища, 1,05 % – юнкерские училища. Среди штаб-офицеров это соотношение составляло 8,68 %, 88,28 % и 2,52 % соответственно. Военное образование обер-офицеров характеризовалось следующими цифрами: 3,26 % окончили военные академии, 92,86 % – военные училища, 2,82 % – юнкерские училища. Незначительное число штаб – и обер-офицеров артиллерии не учились в военно-учебных заведениях [4, с. 176].

В артиллерийские училища поступали, как правило, лучшие выпускники кадетских корпусов и невоенных учебных заведений. Генерал-майор Е. З. Барсуков, как до революции, так и в годы советской власти служивший в артиллерии, отмечал, что по учебному курсу проходимых предметов артиллерийские училища можно было отнести к высшим учебным техническим заведениям. «... В артиллерийских

училищах юнкера получали основательную общеобразовательную теоретическую подготовку по физико-математическим предметам и по химии, отличную теоретическую и хорошую практическую специальную военно-научную подготовку...» [1, с. 54].

Для службы в инженерных и железнодорожных войсках офицеров готовило Николаевское инженерное училище (Санкт-Петербург). В это военно-учебное заведение принимались лица, окончившие полный курс кадетских корпусов, гимназий или других средних учебных заведений. В училище было три класса: младший, средний и старший, обучение в каждом из которых продолжалось один год [35, с. 192, 193].

В силу данных обстоятельств образование офицеров инженерных и железнодорожных войск также было достаточно высоким, и характеризовалось практически теми же показателями, как у офицеров-артиллеристов [4, с. 176]. Численный состав офицеров этих родов войск был следующим: в инженерных войсках служили 238 штаб-офицеров и 1504 обер-офицера. В железнодорожных войсках – 45 штаб-офицеров и 219 обер-офицеров [4, с. 172].

По данным на 1912 г., образование всего офицерского состава, без разделения на рода войск характеризовалось следующим образом. Среднее общее образование имели 89,48 % генералов, 76,10 % штаб-офицеров и 65,95 % обер-офицеров; остальные военнослужащие имели высшее, низшее или домашнее образование. Военное академическое образование имели 56,33 % генералов, 19,34 % штаб-офицеров и 3,22 % обер-офицеров. Военные училища окончили 35,73 % генералов, 42,91 % штаб-офицеров и 49,66 % обер-офицеров; остальные окончили юнкерские училища. Небольшое число военнослужащих всех категорий военно-учебные заведения не оканчивали [5, с. 232].

Таким образом, в начале XX. в Русской армии предпринимались меры, направленные на повышение общего и военного образования офицерского состава. Несмотря на существовавшие проблемы и трудности, к началу Великой войны корпус офицеров комплектовался, в общем и целом, военнослужащими, имевшими подготовку, позволявшую выполнять свои профессионально-должностные обязанности, как в мирное, так и в военное время. Свидетельством тому являлся достаточно высокий уровень боевой подготовки, с которым Русская армия вступила в Первую мировую войну, а также целый ряд успешных операций, проведенных в 1914–1916 гг.

Источники и литература

1. Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т.IV. М.: Воениздат МВС СССР, 1948. 419 с.
2. Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 238 с.
3. Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. СПб: Военная типография, 1911. 486 с.
4. Военно-статистический ежегодник армии за 1911 г. СПб: Военная типография, 1913. 581 с.
5. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб: Военная типография, 1914. 519 с.
6. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Военное издательство, 1993. 368 с.
7. Вольноопределяющиеся // Военная энциклопедия. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина, 1912. Т.7. С. 29–30.
8. Всеобщий календарь на 1903 г. СПб: Издательство П. П. Сойкина, 1903. 720 с.
9. Всеобщий календарь на 1895 г. СПб: Типография Э. Голпе, 1894. 576 с.
10. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1907 г. СПб: Военная типография, 1909. 607 с.
11. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1910 г. СПб: Военная типография, 1912. 601 с.
12. Галкин М. Рознь или братство? // Военный сборник. 1914. №5. С. 23–27.
13. Гольц К., фон дер. Вооруженный народ: Сочинение об устройстве армий и образе ведения войны в наше время / пер. с нем. К. А. Есаулова; под ред. Я. Я. Зандера. СПб: Военная типография, 1886. 448 с.
14. Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: Вагриус, 2002. 299 с.
15. Дрозд Е. В. Особенности подготовки офицерских кадров в военно-учебных заведениях Российской империи: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Елец, 2012. 24 с.
16. Зайончковский П. А. Самодержавие и Русская армия на рубеже XIX–XX столетий (1881–1903). М.: Мысль, 1973. 152 с.
17. Закон об изменении Устава о воинской повинности: приказ по военному ведомству от 23 июня 1912 г. №349 // Приказы по военному ведомству за 1912 г. СПб: Военная типография, 1912. С. 708–738.
18. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА, 1990. 188 с.
19. Комплектование // Военная энциклопедия. Т.13. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина, 1913. С. 89.
20. Л. Р.-З. Еще о контингенте бывших юнкерских училищ // Разведчик. 1912. №1132. С. 452–453.
21. Лыкошин А. С. Юнкерские училища // Энциклопедический словарь. СПб: Типография акц. общ. Брокгауз – Ефрон, 1904. Т.XLI (81). С. 396–397.
22. Офицерская жизнь. 1907. №51.
23. Офицер // Военная энциклопедия. Т.17 / под ред. К. И. Величко [и др.]. Петроград: Товарищество И. Д. Сытина, 1914. С. 233–235.
24. Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1909 год: Приложение 9 // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1909 год. СПб: Военная типография, 1911. С. 1–17.
25. Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1907 год: Приложение 7 // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1907 год. СПб: Военная типография, 1909. С. 1–15.
26. Общая программа общеобразовательных предметов учебного курса юнкерских училищ: приказ по военному ведомству от 31 декабря 1907 г. № 667 // Приказы по военному ведомству за 1907 г. СПб: Военная типография, 1907. С. 1001–1025.
27. Положение о юнкерских училищах: приказ по военному ведомству от 5 июня 1901 г. №197 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб: Военная типография, 1901. С. 433–450.
28. Программы для испытания желающих поступить в общий класс юнкерских училищ: приказ по военному ведомству от 31 декабря 1907 г. № 668 // Приказы по военному ведомству за 1907 г. СПб: Военная типография, 1907. С. 1027–1055.
29. Программы испытания желающих поступить в общий класс юнкерских училищ: приказ по военному ведомству от 7 декабря 1903 г. №488 // Приказы по военному ведомству за 1903 год. СПб: Военная типография, 1903. С. 904–927.
30. Радус-Зенкович Л. Контингент трехклассных военных училищ // Разведчик. 1912. №1122. С. 292–294.
31. Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1910. № 026. С. 374.
32. Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1910. №1033. С. 482.
33. Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1912. №1152. С. 799.
34. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 861. Оп. 1. Д. 4. Л.1–3 об., 4–6.
35. Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. Изд. третье (по 1 янв. 1907 г.). СПб: Государственная типография, 1869. 485 с.
36. Теттау фон. Два месяца в гостях в Русской армии // Разведчик. 1904. №695. С. 148–150.
37. Уваров И. А. Система военно-учебных заведений России XVIII – начало XX вв.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2012. 60 с.
38. Чернавин В. В. К вопросу об офицерском составе старой Русской армии к концу ее существования // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. V. Белград: [б.и.], 1924. С. 213–230.
39. Фальборг Г., Чарнолусский В. Начальное народное образование // Энциклопедический словарь. Т.XX. А(40). СПб: Типолитография И.А. Ефрона, 1897. С. 762–763.

References

1. Barsukov E. Z. Artillerija russkoj armii (1900–1917 gg.). (*The artillery of the Russian army (1900–1917)*). Vol. 4. Moscow: Voenizdat Ministry of External Relations USSR, 1948. 419 p. (In Russian).
2. Beskrovnyj L. G. Armija i flot Rossii v nachale XX v.: ocherki voenno-jekonomicheskogo potencijala (*Russian Army and Navy in the early twentieth century: Essays on military and economic potential*). Moscow: Nauka, 1986. 238 p. (In Russian).
3. Voenno-statisticheskij ezhegodnik armii za 1910 g. (*Military Statistical Yearbook of the Army in 1910*). St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1911. 486 p. (In Russian).

4. Voenno-statisticheskij ezhegodnik armii za 1911 g. (*Military Statistical Yearbook of the Army in 1911*). St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1913. 581 p. (In Russian).
5. Voenno-statisticheskij ezhegodnik armii za 1912 g. (*Military Statistical Yearbook of the Army in 1912*). St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1914. 519 p. (In Russian).
6. Volkov S. V. Russkij oficerskij korpus (*Russian officer corps*). Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1993. 368 p. (In Russian).
7. Vol'noopredelajushiesja (*Volunteer*) // Voennaja jenciklopedija. St. Petersburg: I. D. Sytin's company, 1912. Vol. 7. P. 29–30. (In Russian).
8. Vseobshhij kalendar' na 1903 g. (*Universal calendar for 1903*). St. Petersburg: P.P. Sojkin's publishing house, 1903. 720 p. (In Russian).
9. Vseobshhij kalendar' na 1895 g. (*Universal calendar for 1895*). St. Petersburg: Je. Goppe printing office, 1894. 576 p. (In Russian).
10. Vsepoddannejšij otchet o dejstvijah Voennogo ministerstva za 1907 g. (*Most loyal of the Ministry of War action report for 1907*). St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1909. 607 p. (In Russian).
11. Vsepoddannejšij otchet o dejstvijah Voennogo ministerstva za 1910 g. (*Most loyal action report of the Ministry of War for 1910*). St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1912. 601 p. (In Russian).
12. Galkin M. Rozn' ili bratstvo? (*Hatred or fraternity?*) // Voennyj sbornik. 1914. No. 5. P. 23–27. (In Russian).
13. Gol'c K. fon der. Vooruzhennyj narod: Sochinenie ob ustrojstve armij i obraze vedenija vojny v nashe vremja (*Armed people: Writing Device armies and the image of war in our time*) / translated by K. A. Esaulov; ed. by Ja.Ja. Zander. St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1886. 448 p. (In Russian).
14. Denikin A. I. Put' russkogo oficera (*The Way of a Russian officer*). Moscow: Vagrius, 2002. 299 p. (In Russian).
15. Drozd E. V. Osobennosti podgotovki oficerskikh kadrov v voenno-uchebnyh zavedenijah Rossijskoj imperii. Nauk (*Features of training officers in military educational institutions of the Russian Empire: Author*): abstract of thesis. Elec, 2012. 24 p. (In Russian).
16. Zajonchkovskij P. A. Samoderzhavie i Russkaja armija na rubezhe na rubezhe XIX – XX stoletij (1881–1903) (*Autocracy and the Russian army at the turn of the turn of the XIX–XX centuries (1881–1903)*). Moscow: Mysl', 1973. 152 p. (In Russian).
17. Zakon ob izmenenii Ustava o voinskoj povinnosti: prikaz po voennomu vedomstvu ot 23 ijunja 1912 g. № 349 (*Act to amend the Charter of conscription: Order by the War Department on June 23, 1912 № 349*) // Prikazy po voennomu vedomstvu za 1912 g. St. Petersburg: Military printing office, 1912. P. 708–738. (In Russian).
18. Kamenev A. I. Istorija podgotovki oficerskikh kadrov v Rossii (*The history of training officers in Russia*). Moscow: VPA, 1990. 188 p. (In Russian).
19. Komplektovanie (*Staffing*) // Voennaja jenciklopedija. St. Petersburg: I. D. Sytin's company, 1913. Vol. 13. P. 89. (In Russian).
20. L. R.-Z. Eshhe o kontingente byvshih junkerskikh uchilishh (*Another contingent of ex-cadet school*) // Razvedchik. 1912. No. 1132. P. 452–453. (In Russian).
21. Lykoshin A. S. Junkerskie uchilishha (*Cadet school*) // Jenciklopedicheskij slovar'. St. Petersburg: Tipografija of Brokgauz – Efron's company, 1904. Vol. XLI (81). P. 396–397. (In Russian).
22. Oficerskaja zhizn (*Officer's life*). 1907. No. 51. (In Russian).
23. Oficer (*Officer*) // Voennaja jenciklopedija. Vol. 17 / ed. by K. I. Velichko [i dr.]. Petrograd: I.D. Sytin's company, 1914. P. 233–235. (In Russian).
24. Otchet o sostojanii voenno-uchebnyh zavedenij za 1909 god: Prilozhenie 9 (*The report on the status of military schools for 1909: Appendix 9*) // Vsepoddannejšij otchet Voennogo ministerstva za 1909 god. St. Petersburg: Military printing office, 1911. P. 1–17. (In Russian).
25. Otchet o sostojanii voenno-uchebnyh zavedenij za 1907 god: Prilozhenie 7 (*The report on the status of military schools for 1909: Appendix 7*) // Vsepoddannejšij otchet o dejstvijah Voennogo ministerstva za 1907 god. St. Petersburg: Military printing office, 1909. P. 1–15. (In Russian).
26. Obshhaja programma obshheobrazovatel'nyh predmetov uchebnogo kursa junkerskikh uchilishh: prikaz po voennomu vedomstvu ot 31 dekabnja 1907 g. № 667 (*The general program of general subjects of the course cadet schools: an order for the military authorities on December 31, 1907 № 667*) // Prikazy po voennomu vedomstvu za 1907 g. St. Petersburg: Military printing office, 1907. P. 1001–1025. (In Russian).
27. Polozhenie o junkerskikh uchilishhah: prikaz po voennomu vedomstvu ot 5 ijunja 1901 g. № 197 (*The position of the cadet school: Order by the War Department on June 5, 1901 №197*) // Prikazy po voennomu vedomstvu za 1901 god. St. Petersburg: Military printing office, 1901. P. 433–450. (In Russian).
28. Programmy dlja ispytanija zhelajushhih postupit' v obshhij klass junkerskikh uchilishh: prikaz po voennomu vedomstvu ot 31 dekabnja 1907 g. № 668 (*Test programs for those who wish to enter a common class of cadet schools: an order for the military authorities on December 31, 1907 № 668*) // Prikazy po voennomu vedomstvu za 1907 g. St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1907. P. 1027–1055. (In Russian).
29. Programmy ispytanija zhelajushhih postupit' v obshhij klass junkerskikh uchilishh: prikaz po voennomu vedomstvu ot 7 dekabnja 1903 g. № 488 (*Test programs for those who wish to enter a common class of cadet schools: an order for the military authorities on December 7, 1903 № 488*) // Prikazy po voennomu vedomstvu za 1903 god. St. Petersburg: Voennaja tipografija, 1903. P. 904–927. (In Russian).
30. Radus-Zenkovich L. Kontingent trehklassnyh voennyh uchilishh (*A contingent of three-class military schools*) // Razvedchik. 1912. No.1122. P. 292–294. (In Russian).
31. Rasporjazhenija po voennomu vedomstvu (*Order by the War Department*) // Razvedchik. 1910. No.1026. P. 374. (In Russian).
32. Rasporjazhenija po voennomu vedomstvu (*Order by the War Department*) // Razvedchik. 1910. No.1033. P. 482. (In Russian).
33. Rasporjazhenija po voennomu vedomstvu (*Order by the War Department*) // Razvedchik. 1912. No.1152. P. 799. (In Russian).
34. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (*Russian State Military History Archive*). F. 861. Inv. 1. D. 4. P. 1–6. (In Russian).

35. Svod voennykh postanovlenij 1869 goda. Kniga XV. Zavedeniya voenno-uchebnye. Izd. tret'e (po 1 janv. 1907 g.) (*Body of military regulations in 1869. Book XV. Restaurants military training. Ed. third (on January 1st. 1907).* St. Petersburg: State printing office, 1907. 485 p. (In Russian).

36. Tettau fon. Dva mesjaca v gostjah v Russkoj armii (*Two months away in the Russian army*) // Razvedchik. 1904. No. 695. P. 148–150. (In Russian).

37. Uvarov I. A. Sistema voenno-uchebnykh zavedenij Rossii XVIII – nachalo XX vv. (*Military schools system Russia XVIII – early XX centuries*): abstract of thesis. Moscow, 2012. 60 p. (In Russian).

38. Chernavin V. V. K voprosu ob oficerskom sostave staroj Russkoj armii k koncu ee sushhestvovaniya (*On the question of the officer corps of the old Russian army at the end of its existence*) // Voennyj sbornik Obshhestva revnitelej voennykh znaniy. Vol. V. Belgrad, 1924. P. 213–230. (In Russian).

39. Fal'borg G., Charnolusskij V. Nachal'noe narodnoe obrazovanie (*Initial public education*) // Jenciklopedicheskij slovar'. Vol. XX. St. Petersburg: I.A. Efron's printing office, 1897. P. 762–763. (In Russian).

УДК 940.1 (450)

Е. П. Тельменко

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА И НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ ВО ФЛОРЕНЦИИ 1494 г.

В статье анализируется взаимосвязь между участием в политической реформе во Флоренции конца XV в. Джироламо Савонаролы и его пророческой миссией, а также идеями по духовному реформированию Церкви и общества. Начало французской военной кампании в Италии и изгнание Пьеро Медичи из Флоренции в ноябре 1494 г. способствуют усилению влияния Савонаролы на политическую жизнь города. Его проповедь о необходимости духовной реформы, основанной на соблюдении евангельских заветов любви к Богу и ближнему, ор-

ганически сочетается с представлениями об «общем благе» как основе политики. Соответственно, по мысли проповедника, моральное совершенствование граждан должно обеспечить соблюдение принципа «общего блага» в социальной жизни, а закон о всеобщем мире и основание Большого совета стать его практическим исполнением.

Ключевые слова: Джироламо Савонарола, проповедь, реформа, всеобщий мир, общественное благо (*bene comune*), добрая (добродетельная) жизнь (*ben vivere*), Большой совет (*Consiglio maggiore*).

Е. P. Telmenko

GIROLAMO SAVONAROLA AND THE BEGINNING OF THE POLITICAL REFORM IN FLORENCE IN 1494

The article analyzes the correlation between Girolamo Savonarola's participation in the political reform in Florence in the late 15th century and his prophetic mission, as well as his ideas on the spiritual reform of the Church and society. The beginning of the French military campaign in Italy and the proscription of Piero de' Medici from Florence in November 1494 contributed to increasing the influence of Savonarola in the political life of the city. His sermon on the need for a spiritual reformation, based on the observance of the evangelical commandment of love for God

and one's neighbour, is organically combined with the repose of the «public good» as the policy basis. Consequently, according to the prophet, the moral perfection of citizens must ensure the observance of the «public good» principle in social life, and the law of universal peace and the establishment of the Great Council must become its practical implementation.

Key words: Girolamo Savonarola, the prophet, reform, universal peace, public good (*bene comune*), virtuous life (*ben vivere*), the Great Council (*Consiglio maggiore*).

9 ноября 1494 г. в одном из ведущих центров Италии – Флоренции совершается политический переворот: Пьеро Медичи, представитель «могущественного рода, шестьдесят лет (1434–1494 гг. – Е. Т.) стоявшего у власти» [1, с. 96], изгнан восставшими горожанами. У граждан

флорентийского государства появляется возможность, а точнее – возникает необходимость, изменения образа правления.

Значительную роль в последовавших за этим событием преобразованиях сыграл доминиканский проповедник Джироламо Савонаро-

ла. Франческо Гвиччардини в своей «Истории Флоренции» (1509 г.), касаясь фигуры Савонаролы, младшим современником которого он был, утверждал, что «ко времени смерти Лоренцо (Лоренцо Великолепный умер 8 апреля 1492 г. – Е. Т.) фра Джироламо приобрел в народе репутацию человека большой учености и святости, и продолжал проповедовать при Пьеро, постепенно набирая силу» [1, с. 102]. Означенную ретроспекцию Гвиччардини необходимо уточнить: согласно Дональду Вайнштейну, до событий ноября 1494 г. в хрониках очевидцев – Пьеро Паренти и Луки (Бартоломео) Черретани почти не говорится о Джироламо Савонароле; то же самое можно сказать и о «Дневнике» Луки Ландуччи, где монах в качестве признанного проповедника-пророка упоминается лишь с 1494 г. [15, р. 127; 6, р. 72–73]. В любом случае, рост авторитета этого проповедника во флорентийском социуме во многом был обусловлен все более крепнущей связью его выступлений с социальными и политическими проблемами города на Арно, и относится к 90-м гг. XV в. Этот процесс постепенной, если можно так выразиться, «флорентизации» Савонаролы подробно проанализирован и описан в исследовании упомянутого выше Д. Вайнштейна [15].

В целом, основные этапы эволюции фра Джироламо представляются следующим образом. Во время своего первого появления во Флоренции в 1482 г. монах не достиг успеха в качестве проповедника. Видимо, среди главных причин были, во-первых, отсутствие опыта; во-вторых, слишком отвлеченный характер выступлений перед паствой, что соответствовало традиции доминиканского ордена, с его, – как справедливо указывает Лоренцо Полидзотто, – «абстрактным, интеллектуально сложным и, сверх того, вырванным из социального контекста и, следовательно, поливалентным (plurivalente)» характером проповедования, от которого, начинающий проповедник не мог позволить себе отклониться [9, р. 149: 7, р. 5].

Первым выражением пророческого дара Савонаролы были проповеди в местечке Сан-Джиминьяно в пост 1484–1485 г. Фра Джироламо утверждал, что Церковь будет наказана, затем обновлена, и что это произойдет в самом скором времени [12, р. 14]. Таким образом, можно вместе с К. Леонарди предположить, что именно к этому времени монах «осознал необходимость иного способа обращения к верующим... профетического» при призыве к «обновлению, персональному и коллективному» [7, р. 5]. При этом, основные положения, высказанные в Сан-Джиминьяно, по сути, ничем не выделяли

его среди прочих прогностиков конца XV в., когда, как, впрочем, на рубеже каждого столетия, усилились явления прорицательского или миллениаристского толка, как в церковной, так и в светской среде: различного рода предсказатели вещали, что близка реформа христианского мира, что радикальные изменения произойдут через великие потрясения, и что это произойдет достаточно скоро, некоторые даже называли год – 1484 («*annus mirabilis*») [8; 14].

По возвращению в город на Арно, – 1487–1488 гг. Савонарола преподает богословие в университете Болоньи и два года проповедует в Ломбардии, совершенствуясь в умении общаться с паствой, – выступления фра Джироламо изменяют стиль и содержание: в них все более заметна личность проповедника, а высказанный в Сан-Джиминьяно посыл (скорое обновление Церкви – грядущие бедствия – необходимость покаяния), оставаясь неизменным, дополняется обращением к социальным и политическим проблемам Флоренции [9, р. 150; 7, р. 7]. Псевдо-Бурламакки – апологет и биограф Савонаролы, описывая события тех лет, отметил, что доминиканец, проповедуя, не переставал «порицать пороки людей всех статусов и показывать посредством священных писаний необходимость обновления Церкви из-за многочисленных прегрешений народов», и что некоторые горожане, боясь, «что это не понравится Лоренцо... уговаривали его оставить новый способ проповедования и вернуться к прежнему», да и сам Медичи не оставлял без внимания то, как «он без всякого почтения проповедует, чрезмерно обнажая его тиранию» [5, р. 26]. В свою очередь, Ф. Гвиччардини, будучи не столь категоричен в оценке ситуации начала 90-х годов, пишет, что во время правления Лоренцо Великолепного доминиканец, «стал всенародно проповедовать, указывая, хотя и с осторожностью, на грядущие бедствия и испытания», и что «эти проповеди не очень нравились Лоренцо, однако непосредственно его не затрагивали» [1, с. 102]. Была ли это критика собственно флорентийских властей и обличение тирании Медичи? Возможно, здесь стоит ограничиться тем, что любое, даже самое общее, изобличение социальных пороков, так или иначе, будет иметь политический оттенок, если не в устах проповедника, то в восприятии его паствы, тем более такой политизированной, как население Флоренции.

Очевидно, момент наивысшего расположения флорентийцев к проповеднику из монастыря Св. Марка можно отнести к концу 1494 г. – времени, когда республика оказывается в

чрезвычайно трудном положении. Во-первых, из-за внешней угрозы, поскольку с лета 1494 г. по территории Италии стремительно продвигались французские войска под руководством Карла VIII (Итальянские войны 1494–1559 гг.), который, «не встречая никакого сопротивления, ... захватывал каждый день столько земель, сколько успевал пройти», овладевая городами и местностями «без сопротивления, чудесным образом», «не вытащив шпаги из ножен» [1, с. 106; 4, р. 462–463]. Пьеро Медичи принимает весьма неудачную позицию в отношении французов: Флоренция, имевшая давние политические и экономические связи с Францией, идет на союз с Неаполем. Современники событий отмечают, что неоднократные миссии и послания, направлявшиеся французским королем с целью «склонить к дружбе», игнорировались правительством Пьеро. Отказ Медичи сотрудничать с французами, породил массу слухов о том, что король Франции поклялся отдать город на разграбление своим солдатам [3, р. 187–188; 4, р. 457; 6, р. 69–70]. Если антифранцузская политика Пьеро противоречила интересам флорентийцев, помимо прочего терявших богатые рынки Франции и лишавшихся рабочих мест, то его капитуляция еще более уязвляла город на Арно: Медичи сдал пограничные крепости Сарцано, Сарцанелло и Пьетрасанту, а также жизненно важные порты Пизу и Ливорно и пообещал заплатить контрибуцию в 200 тысяч дукатов.

Если этими действиями Пьеро Медичи окончательно настраивает против себя горожан, то участие Савонаролы в посольских миссиях к Карлу VIII может быть подтверждением растущего к нему доверия. В напряженные дни ноября 1494 г. доминиканец неоднократно встречался с французским правителем: в составе посольства, отправленного горожанами 5 ноября; затем, согласно Р. Ридольфи, 17 ноября, когда французы вошли во Флоренцию; 21 ноября, когда обсуждались условия соглашения между королем и республикой; и, наконец, после подписания договора 25 ноября, когда Карл не торопился покинуть Флоренцию [11, р. 70–74]. О том, что участие в политических делах республики усиливает авторитет проповедника, свидетельствует распространяющееся, вероятно среди значительного числа горожан, мнение, что уход французов 28 ноября – в значительной степени заслуга Савонаролы, в своих увещаниях, обращенных к французскому королю, совместившего идею особого покровительства Бога Флоренции с бытующим в то время пророчеством о втором Карле Великом (с которым современники начинают отождествлять Карла VIII), который завоюет Италию,

восстановит истинную религию в Риме, победит турок и объединит всех верующих в одну овчарню во главе с истинным пастырем [15, р. 113–114]. Савонарола напоминает королю о том, что он избран Господом для выполнения великих дел по преобразованию Церкви и мира, и потому ему не следует задерживаться во Флоренции, в противном случае его ожидает гнев Бога. Прибыв к королю, – как отмечает в своей Хронике флорентийский горожанин Симоне Филиппи, – Савонарола произнес «с великим порывом духа большую речь от имени Бога, заключив ее тем, что король должен уйти из Флоренции и оставить ее такой, какой она была, когда он в нее вошел». Король отвечал, что должен посоветоваться, тогда монах снял распятие с груди и произнес: «Это Христос, распятый грешниками, послал тебя». «В это самое мгновение, – передает С. Филиппи, – как было угодно Богу, король весь переменялся в душе, и без всяких слов вскочил на лошадь, и с 4 или 6 своими баронами помчался по Римской дороге», остальные французы последовали за ним [4, р. 458]. «И говорили, – сообщает другой флорентинец Л. Ландуччи, – что брат Джироламо из Феррары, славный наш проповедник, пошел к королю и сказал ему, чтобы он выполнил волю Бога, хватит стоять, нужно идти дальше. И затем говорили, что он пошел к нему во второй раз, когда увидел, что король не уходит, и сказал ему, что если он не выполнит волю Бога, то зло, которое он тем самым причинит другим, к нему же и вернется. Именно это, является причиной того, что он уехал так быстро, ибо брат Джироламо пользовался в то время огромным авторитетом у людей как предсказатель и человек святой жизни и во Флоренции, и во всей Италии» [6, р. 87–88].

Казалось, сбывается то, о чем ранее предвещал этот доминиканский проповедник. В Рождественский пост 1493 г. и в Великий пост 1494 г. монах приступил к проповедям на книгу «Бытия» и рассказу о Ное. Хотя, если верить Б. Черретани, в то время Савонарола предсказывал испытания в самых общих чертах, указывая, что «что в скором времени наступит потоп, то есть солдаты и правители, которые захватят город, ... и, что Италия расколется и не будет иметь лекарства, и, что все это сказано от Господа» [3, р. 193]. Здесь стоит привести мнение Д. Вайнштейна, который полагает, что заявление фра Джироламо в более позднем «Компендиуме пророчеств» о том, что он уже с 1492 г. начинает проповедовать о пришествии «нового Кира» – короля Карла VIII, не является убедительным, поскольку в выступлениях

монаха до 1494 г. не обнаруживается упоминания о подобном высказывании [15, р. 129]. Таким образом, подобное отождествление, к тому же, как было указано выше, не оригинальное, вероятно, возникает не ранее 1494 г. Тем не менее, весть о потопах превращается в реальность с началом Итальянских войн, что позволяет Савонароле, возводя в проповедях мистический ковчег спасения, с еще большим рвением обратиться к теме покаяния, личного и коллективного духовного преобразования. В проповеди 30 ноября 1494 г., после ухода французских войск, Савонарола напоминает об этом своей пастве: «Возлюбленные мои, помните, в прошлом году, – и во время Рождественского, и во время и Великого постов, – мы говорили о ковчеге, и смогли его завершить, будучи отвлечены множеством других занятий. Но недавно мы его завершили [12, р. 77–90], прежде чем сюда пришли войска и начались ваши испытания. ... те, кто в нашей жизни, в этом мире, живут по Богу, находятся в ковчеге» [12, р. 106]. Избавление Флоренции от французской опасности есть знак особого расположения Бога к городу, жители которого взойшли на ковчег, то есть стали на путь преобразования в христианской жизни. «Мы пребывали в величайшей опасности, и по благодати Бога сейчас избежали испытаний», – заявляет монах, и продолжает свою мысль наставлениями о том, что горожанам следует признать и осознать это благодеяние Бога, возблагодарить его и перемениться самим, то есть быть простыми, отказавшись от излишеств, вести праведную жизнь и творить добро в отношении ближнего [12, р. 105–122]. «Таким образом, – слышит паства 7 декабря, – говорю тебе, Флоренция: обнови свой разум, который ты, кажется, утратила, прибегай к Богу во всех твоих делах, и не бойся, ни войск, ни Кира, который идет против Вавилона и Иерусалима, то есть против Церкви, чтобы разрушить то, что плохо построено, и затем обновить» [12, р. 129].

Тема избранности Флоренции появляется и в связи с антимедицейским переворотом 9 ноября 1494 г. То обстоятельство, что он произошел без пролития крови трактуется Савонаролой как проявление божественной помощи и милости к городу, который к тому времени уже стал отвечать постом и покаянием на призыв Господа к исправлению. «Поверь мне, Флоренция, что должно было пролиться много крови во время твоей революции. Но Бог отчасти смягчился... и все это по милосердию Божию» [12, р. 74].

После изгнания Медичи, Флоренция сталкивается с другого рода проблемами, в сущности, также касающимися сохранения свободы, теперь уже внутренней, связанной, во-первых,

с установлением социального мира и единства, а во-вторых – с необходимостью политической реформы, которая гарантировала бы стабильность в государстве одновременно с укреплением республиканских основ правления. Переворот неизбежно накалил внутривнутриполитическую обстановку в городе: претерпевшие от медичейского режима жаждали мести, а проигравшая сторона – сторонники Медичи – пребывала в ожидании обычно практиковавшихся в подобном случае преследований, конфискации имущества и ссылок. Ф. Гвиччардини следующим образом описывает ситуацию в городе: «После изгнания Пьеро решением Синьории были возвращены граждане, высланные и изгнанные государством с 1434 и по девятое ноября 1494 г., и хотя это было с радостью встречено всеми, однако опасность, нависшая над городом, отравила веселье граждан. И действительно, я думаю, что уже давным-давно Флоренция не была в столь тяжелом положении:... прежний образ правления стал непригодным, и немалый страх обуял всех тех, кто имел влияние во времена Лоренцо и Пьеро, всех тех, кто сам или чьи предки когда-либо обидели изгнанников или их предков; всех тех, кто владел имуществом объявленных прежде вне закона...» [1, с. 96].

Авторитет Савонаролы и его проповеди, очевидно, способствовали снижению накала страстей и, как следствие, отсутствию массовых преследований медичейцев. В выступлениях, последовавших за переворотом, монах удачно сочетает мысль об исполнении его пророчеств о грядущем наказании с темой особого отношения Бога к избранному городу. «Я неоднократно говорил тебе в прошлом, Флоренция, что хотя Бог уготовил для всех великие бедствия, тем не менее, с другой стороны, Господь любит тебя и желает тебе добра, и поэтому можно сказать, что на тебе исполнились слова: *Misericordia et veritas obviaverunt sibi* (Пс. 84: 11: Милость и истина сретятся), то есть милосердие и справедливость встретились во Флоренции. С одной стороны пришло бедствие, а навстречу, с другой стороны – милосердие... Бог хотел проявить в отношении тебя справедливость, и одновременно милосердие и спасти тебя» [12, р. 133–134]. Господь справедлив и одновременно милосерд, его милосердие превосходит справедливость. Таким же образом должны поступать горожане, не прикрывая демагогическими рассуждениями о справедливости акты личной мести. «Некоторые, – заявляет проповедник, – говорят, что желают вершить правосудие из Божественного

рвения, и однако большей частью ими движет ненависть и месть» [12, р. 102]. Таким образом монах принял на себя трудную, но небезуспешную функцию миротворца. Разумеется, без жертв не обошлось. 12 декабря, «после избрания магистратов, чтобы удовлетворить народ, на окнах Барджелло был повешен Антонио ди Бернардо, понимавший в делах Монте (банк Флоренции) и других финансовых делах», которому инкриминировали «гордость и жестокость по отношению к бедным»; та же участь угрожала Джованни ди сер Бартоломео да Пратовецкьо – фавориту Лоренцо Медичи, но, как указывает Ф. Гвиччардини, «его спас фра Джироламо, провозгласив с амвона, что настало время не правосудия, а милосердия» [1, с. 101; 6, р. 91]. Действительно, в проповеди 13 декабря Савонарола, упоминая это событие («ты была жестокой и пролила кровь»), вновь призывает Флоренцию вернуться «на путь Божий» и быть «сострадательной и милосердной, а не жестокой» [2, с. 107]. В итоге, провозглашение необходимости милосердия как великодушия к политическим противникам перерастает в настойчивый призыв проповедника произвести амнистию и установить «всеобщий мир», как основу общественного единства и процветания. Жителям Флоренции следует преодолеть ненависть и партийную принадлежность, заключить мир и стать «другом Бога», который «сохранит твой город», отсутствие же мира будет «твоей гибелью» [12, р. 246]. Последнее заключение можно, сравнив ряд высказываний монаха в цикле проповедей на Аггея, истолковать, и как результат простого и самого очевидного рационального рассуждения; и как воспроизведение характерного для пророков *imprecatio*, означающего либо проклятие, либо благословение Бога в зависимости от того, насколько народ следует его воле и слову [13, р. 25].

В обращениях к пастве ноября – декабря 1494 г. четко прослеживаются основные компоненты пророчества: пророк – уста Господа, он несет слово Божье; призыв к покаянию и исправлению образа жизни; упование на милосердие Всевышнего для тех, кто раскается и встанет на путь преобразования, в противном случае – угроза божественного правосудия [13, р. 24–26]. Так, в проповеди 1 ноября 1494 г. брат указывает, что его слова есть результат божественного вдохновения, причем здесь отчетливо видно, что Савонарола мыслит себя собственно флорентийским пророком, этот дар дан ему ради избранного Богом города: «О, Флоренция, Господь вещал тебе различными способами; и если бы Бог не просветил

меня, не была бы просвещена ты посредством многочисленных проповедей» [12, р. 11]. Эта самоидентификация, а точнее – самоверификация, проходит красной нитью практически через большую часть проповедей фра Джироламо. Далее, все выступление монаха в этот день всех святых пронизано призывом к покаянию, обновлению Церкви, духовной жизни и морали «христианского народа»; и, наконец, выражением упования на то, что «Господь окажет вам (покаявшимся – *E. T.*) милосердие», а колеблющихся ждет наказание [12, р. 18–21]. В проповеди 15 декабря 1494 г. присутствует место, где эти три элемента пророчества выражены в концентрированном виде. Савонарола подтверждает свою пророческую миссию ссылкой на пророка Амоса: «Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам» (Ам. 3:7); говорит, что и в настоящее время, желая обновить Церковь, Бог заранее возвестил об этом, теперь же ему угодно «чтобы ты обновил свой город и государство, и чтобы твой город стал городом Бога, а уже не городом Флоренция»; и, заканчивает этот пассаж *imprecatio*: «тем более ты должен поверить, что я обещаю тебе всяческое благо» [12, р. 231–232].

Итак, в проповедях на Аггея Савонарола престаает перед паствой как пророк избранной Богом Флоренции: он вещает о ее избранности, наделяет горожан уверенностью в положительном исходе событий, обещая, в случае исполнения воли Бога (духовная и политическая реформы), что город уподобится «небесному Иерусалиму» [12, р. 151] и обретет не только духовные блага, но и мирские. Так, оканчивая проповедь 10 декабря 1494 г., флорентийский пророк провозглашает: «... я возведу городу эту благую весть, что Флоренция будет более прославлена, более богата, более сильна, чем когда-либо... и отсюда начнется обновление, которое распространится повсюду, ибо здесь пуп (центр – *E. T.*) Италии, и ваши советы (органы управления республики – *E. T.*) реформируют все, посредством света и благодати, которые даст вам Бог... Флоренция обретет неисчислимые богатства, и Бог умножит вам всякую вещь... ты расширишь свои владения (*impreio* – господство), и таким образом обретешь власть мирскую и духовную, и вы будете иметь такое благословенное изобилие, что скажете: Мы большего не желаем. Но если не сделаете того, что я вам сказал, не получите этого» [12, р. 166–167].

Таким образом, следует согласиться с Д. Вайнштейном в том, что во Флоренции 1494 г. присутствуют все признаки «миллениаристской модели»: «социальный кризис, харизматичный

лидер, взгляд на мир как поле битвы между добрыми и злыми силами, избранный народ, видение окончательного избавления в земном раю»; что под воздействием войны, переворота и внутреннего кризиса, в том числе ощутив «невозможность возобновить домедичейский порядок олигархического республиканизма», горожане приняли «модель избранной нации (the model of the Elect Nation)» [15, p. 33]. Причем означенная реакция была обусловлена не только ситуацией кризиса и наличием харизматичного проповедника, но, как доказывает Д. Вайнстейн, опираясь на анализ городских источников, связана с давней традицией «культы флорентийского величия» (ученый обозначает его как «миф о Флоренции»), а именно – идеей Флоренции как дочери Рима и идеей Флоренции как центра возрождения и христианского обновления (Нового Иерусалима), которые, как указывает автор, появившись в XIII в., бытовали – отдельно, либо переплетаясь, – до конца республики в XVI в. [15, pp. 34–36, 37–66].

Очевидно, Савонарола в своих проповедях усилил именно христианский аспект «мифа о Флоренции», объявив ее Новым Иерусалимом и провозгласив 28 января 1494 г. правителем города Иисуса Христа [12, p. 422–423]. Однако здесь следует уточнить, что в анализируемых проповедях на Аггея, как и в дальнейшей его деятельности, политическая и духовная реформа были тесно связаны. Об этом свидетельствует, прежде всего, то обстоятельство, что с началом реформ управления фра Джироламо, – с 7 по 28 декабря 1494 г., – практически ежедневно поднимается на церковную кафедру. В своем дневнике Лука Ландуччи, фиксируя выступления монаха, отмечал, что он «проповедовал в Санта Мария дель Фьоре каждый день», и что его речи были обращены «не женщинам, но мужчинам» [6, p. 92, 94], то есть носили политический характер.

Особое место в череде этих выступлений занимает проповедь 14 декабря, где присутствовали члены Синьории и «все должностные лица Флоренции», и во время которой «брат все время проповедовал о государственном деле, и что нужно любить и бояться Господа и любить общественное благо; и чтобы никто не желал больше поднимать голову над остальными и становиться грандом» [6, p. 92–93].

Анализ этой, как выражаются многие исследователи «конституционной», проповеди 14 декабря 1494 г. позволяет обнаружить как Савонарола связывает насущную для флорентийцев политическую реформу со своей главной целью – духовным преобразованием

сообщества верующих христиан. Как представляется, центральной темой, пронизывающей всю проповедь, становится истолкованная преимущественно, но не исключительно, в христианском ключе идея «общественного блага». В начале своего выступления брат Джироламо, в духе Аристотеля и Фомы Аквинского, характеризуя свойства человека, обозначает его как «общественное животное, не способное жить в одиночку», а потому стремящееся объединиться с другими людьми «и совместно удовлетворить свои потребности». Соответственно, всякий народ, «стремящийся к общему благу, нуждается в управлении». И здесь Савонарола, также как Аквинат, признает, что наилучшей формой власти является монархия. При этом монах соглашается с тем, что для Италии, и особенно Флоренции, «где природа людей не терпит высшего над собой», скорее подходит «правление многих», которое должно быть «хорошо организовано», иначе неизбежно общество разделится и последуют конфликты. Отсюда следует «тщательно выбирать форму правления» [2, с. 107–109].

Для Савонаролы целью политики является не власть, а «общее благо». «О, горожане, – обращается доминиканец к пастве, – если вы объединитесь и от всей души будете стремиться к общественному благу, каждый из вас будет иметь куда большие мирские и духовные блага, чем если бы он радел только о личном благе. Стремитесь, говорю вам, к общественному благу в городе, а кто захочет возвыситься над всеми, того нужно лишить всех благ» [2, с. 113]. Соответственно, управление государством не может осуществляться людьми, ищущими исключительно собственной выгоды и власти, поскольку это признак дурного гражданина, о свойствах которого монах рассуждал несколько ранее, в проповеди 12 декабря [2, с. 88–97]. Отсюда неизбежно следует вывод, – и здесь наши позиции совпадают с К. Леонарди, – что «общее благо (bene comune)» свободного государства для Савонаролы немыслимо без «ben vivere» – «добродетельной жизни горожан», а она, в свою очередь, является залогом достижения «beato vivere (блаженного существования)» – цели не только отдельного человека, но и общества в целом [7, p. 10]. Несомненно поэтому значительное пространство данной проповеди занимает сравнение «духовного» и «плотского» государств, и вывод проповедника о том, что как «всякая вещь тем сильнее, чем она духовнее», так и «государство тем сильнее и лучше, чем оно духовнее», поскольку «ближе к Богу» [2, с. 110–112]. Меры по устройству подобного государства, перечисленные да-

лее проповедником, направлены на то, чтобы коллектив граждан, он же – совокупность верующих, исповедью очистились от грехов; удалили из города все, что мешает божественному служению (плохих клириков, содомию, дурные привычки); и соблюдали принцип общего блага во всех сферах своей жизни [2, с. 112–115]. В сущности, основная мысль наставлений – любить Бога (и соблюдать его заповеди) и ближнего (и следовать принципу общего блага), – «научитесь жить в чистоте по Богу... заботьтесь об общественном благе» [2, с. 113–114], – в этом, по мысли проповедника, основа процветания общества, обретения им духовных и мирских благ. Это то, что Паоло Проди назвал «христианской политией» [10, р. 45], и что, согласно монаху, возможно только в условиях демократии. Савонарола твердо убежден, что Господь предназначил для Флоренции народное правление, а царство Христа, –

к провозглашению которого 28 декабря пророк подготавливал свою паству в проповедях этого месяца, – является базой для демократического устройства и свободы, поскольку «предоставляет возможность полного суверенитета народа и предотвращает возникновение тирании» [10, р. 29]. В итоге, флорентийский пророк поддерживает идею реформы по венецианскому образцу [2, с. 116–117], которая приводит к учреждению 22–23 декабря 1494 г. Большого совета – органа управления, решавшего вопросы, связанные с законодательной деятельностью, а также назначением глав магистратов (государственных учреждений) [1, с. 103–104]. Подразумевалось, что с основанием этого органа в республике будет установлено действительно народное управление вместо олигархического «узкого представительства», которое в течение шестидесяти лет обеспечивало устойчивость тирании Медичи.

Источники и литература / References

1. Гвиччардини Ф. История Флоренции // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступит. статья, комментарии Л. М. Брагиной. СПб.: Алетейя, 2002. С. 72–140.
Gvichcardini F. Istoriya Florencii (*The History of Florence*) // Sochineniya velikih ital'jancev XVI v. / ed. by L. M. Bragina. St. Petersburg: Aletejia, 2002. 377 p. P. 72–140. (In Russian).
2. Савонарола Джироламо. Цикл проповедей на книгу пророка Аггея / изд. подгот. [сост., пер., ст., примеч.] А. В. Топорова. М.: Наука, 2014. 309 с.
Savonarola Dzhirrolamo. Cikel propovedej na knigu proroka Aggeja (*The Cycle of Sermons on the Book of Haggai the Prophet*) / Book Acquisitions – A. V. Toporova. Moscow: Nauka, 2014. 309 p. (In Russian).
3. Cerretani B. Storia fiorentina (*The History of Florence*) / a cura di Giuliana Berti. Firenze: L. S. Olschki, 1994. – XIX. 474 p. (In Italian).
4. Filipepi S. Cronica (*The Chronicle*) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. XI. 520 p. (In Italian).
5. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi (*The Hagiography of Blessed Girolamo Savonarola, Written by an Anonymous in the 16th Century; currently attributed to Fra Pacifico Burlamacchi*). Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII. 284 p. (In Italian).
6. Landucci L. Diario fiorentino dal 1450 al 1516 (*A Florentine diary from 1450 to 1516*). Firenze: Sansoni, 1883. XV. 377 p. (In Italian).
7. Leonardi C. La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola (*The Crisis of the Medieval Christianity, the Role of Girolamo Savonarola's Prophecy*) // Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone. Firenze, 1999. XX. 152 p. P. 3–23. (In Italian).
8. Pezzella S. La vita religiosa nel Quattrocento (Religious life in the Quattrocento). Messina, Firenze: D'Anna, 1976. 203 p. (In Italian).
9. Polizzotto L. Savonarola e la riorganizzazione della società (*Savonarola and Social Reorganization*) // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19–20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL edizioni del Galluzzo, 1997. P. 149–162. (In Italian).
10. Prodi P. Gli affanni della democrazia. La predicazione del Savonarola durante l'esperienza del governo popolare (*Democracy Problems. Savonarola's Sermons during the Popular Government Experience*) // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19–20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL edizioni del Galluzzo, 1997. P. 27–74. (In Italian).
11. Ridolfi R. Vita di Girolamo Savonarola (*Life of Girolamo Savonarola*). Firenze: Sansoni, 1974. VIII. 741 p. (In Italian).
12. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze (*Sermons on Haggai and The Treatise on the Government of Florence*) / a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. 530 p. (In Italian).
13. Turchetti M. Savonarola: la tirannide secondo un profeta (*Savonarola: Tyranny in Interpretation of the Prophet*) // Savonarola: democrazia tirannide profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23–24 maggio 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL edizioni del Galluzzo, 1998. XV. P. 17–41. (In Italian).
14. Vasoli C. Profetie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina (*Prophecy and prophets in religious and political life of Florence*) // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Convegno polacco-italiano, Varsavia: 25–27 settembre 1972. Wroclaw, Warszawa etc. 1974, 1974. P. 16–29. (In Italian).
15. Weinstein D. Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970. VIII. 399 p. (In Italian).

УДК 94(479.25)

В. А. Тер-Гевондян

ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И КИЛИКИЙСКАЯ АРМЕНИЯ

В данной статье рассматривается политическая позиция Киликийской Армении (1190 г.) в условиях противостояния участников третьего крестового похода и Аййюбидского султаната. Благодаря гибкой политике, которую вели князь Левон II (в 1198 г. был коронован как царь Левон I) и католикос Григор IV Отрок, им удалось не только избежать столкновений с двумя мощными противоборствующими силами, но и расширить территорию Киликии. Решающую роль в этом вопросе сыграли письма католикоса Григора IV, посланные Фридри-

ху Барбароссе и Салах ал-Дину. В статье дается сравнительный обзор различных подходов исследователей истории Киликии к данной переписке, а также приводится исследование и сравнительный анализ арабских первоисточников.

Ключевые слова: Крестовый поход, Киликия, Рубениды, католикос Григор IV Отрок, князь Левон II, царь Левон I, Фридрих Барбаросса, Салах ал-Дин, Аййюбидский султанат, Папа Луций III, Папа Климент III, Акра, Сис, Ромкла, Палестина, Иерусалим.

V. A. Ter-Ghevondian

THE THIRD CRUSADE AND CILICIAN ARMENIA

The article covers the political position of Cilician Armenia in the state of confrontation of the Third Crusade participants and the Ayyubid sultanate (1190). Due to the flexible policy, that was held by the Prince Levon II (in 1198 he was crowned as king Levon I) and catholicos Gregory IV, they succeeded not only to evade clashes with those two strong powers, but also enlarged the territory of the Armenian principedom. A crucial role in that situation played the letters of catholicos Gregory IV sent to Frederick I

Barbarossa and to Salah al-Din. In this article a comparative overview of different approaches of the scholars is made regarding that correspondence, as well as the investigation and comparative analysis of Arab medieval sources is presented.

Key words: Crusade, Cilicia, Rubenids, Catholicos Gregory IV, Prince Levon II, king Levon I, Frederick I Barbarossa, Salah al-Din, Ayyubid sultanate, Pope Lucius III, Pope Clement III, Akra, Sis, Hromkla, Palestine, Jerusalem.

Падение столицы армянского царства Багратидов – Ани (1045 г.) и, в особенности, разрушительные нашествия сельджуков и поражение Византии в битве при Манцикерте (1071 г.) стали причиной переселения части армянского населения из Великой Армении в Малую Азию, Сирию и Верхнюю Месопотамию. Вследствие чего на этих территориях, в основном – в Каппадокии, Киликии и в Приевфратской области появился ряд армянских княжеств. Наиболее жизнеспособным из них оказалось княжество Рубенидов. Благодаря этому княжеству (в конце XII в. превратившемуся в царство) на северо-восточном берегу Средиземного моря образовалось новое армянское государство, которое просуществовало три столетия (1080–1375).

В период с конца XI в. и в первой половине XII в. княжество Рубенидов в основном располагалось на территории Горной Киликии. Постепенно заведая и Равнинной Киликией с ее крупными городами, каковыми являлись

Тарс, Адана, Маместия и т.д., княжество Рубенидов стало важным политическим фактором в регионе, а в последние десятилетия XII в. включало в себя уже всю Киликию.

Для внешней политики Киликийской Армении в этот период, в условиях противостояния мусульман и крестоносцев, самой сложной задачей было обеспечение безопасности страны, а также, при возможности, расширение армянского государства. Переломным моментом этого противоборства стал 1187 г., когда в битве при Хаттине крестоносцы понесли серьезное поражение и Аййюбидский султан Салах ал-Дин (1171–1193) занял Иерусалим и большую часть Палестины.

Весть о падении Иерусалима произвела гнетущее впечатление на Западную Европу и послужила поводом для Третьего крестового похода (1189–1192). Поход возглавили трое европейских монархов: владыка священной Римской империи Фридрих I Барбаросса

(1155–1190), король Франции Филлип II Огюст (1180–1223) и король Англии Ричард I Львиное сердце (1189–1199).

Войска под предводительством королей Англии и Франции переправились в Палестину на кораблях и осадили Акру, в то время как многочисленное войско Фридриха Барбароссы двинулось к той же цели сухопутным путем. Преодолев большие трудности и понеся ощутимые потери, войско императора дошло до Иконии [24; 20] – столицы Сельджукского султаната.

К тому моменту, когда войско Фридриха Барбароссы находилось на подступах к Киликии, княжество Рубенидов уже было готово провозгласить себя царством. Это дало бы возможность Рубенидам не только узаконить свое господство над фактически уже подвластными им владениями, но и выйти за пределы Киликии. Завоевания Салах ал-Дина привели к тому, что ближневосточные государства крестоносцев перестали быть важным военно-политическим фактором, в то время как княжество Рубенидов (которому, в основном, удалось избежать столкновений с Аййюбидами), имело возможность взять на себя важную роль опорного пункта для крестовых походов. Все это прекрасно понимал как Папа римский, так и Фридрих I Барбаросса. Последние к концу 1180 г. вели активную переписку с Левонем II ((1187–1198), был коронован как Левон I (1198 по 1219)) и с католиком Григором IV Отроком, всячески стремясь сделать Киликийское армянское княжество участником очередного крестового похода.

Следует отметить, что армяно-латинские церковные связи заметно активизировались еще в середине 1180-х, что подтверждается письмом (1184) [5, р. 134] Григора IV Отрока, адресованном Папе Луцию III (1181–1185). В том же году было получено ответное письмо Папы. А уже в 1189 г. инициатором возобновления переписки стал Климент III (1187–1191), целью которой, вне всякого сомнения, было заручение поддержкой армян для обеспечения содействия крестоносцам во время уже начавшегося крестового похода.

Такова была предыстория сложившейся ситуации на тот момент когда Фридрих Барбаросса со своей армией дошел до границ Киликии и армянские духовные и светские предводители должны были быстро уточнить свои позиции по отношению к крестоносцам.

Спешащий в Иерусалим Фридрих Барбаросса должен был пройти через Киликию, посему он, находясь в Иконии, посылает письма Левону II и Григору IV Отроку. Историк Вардан Арелвци свидетельствует об этом следующими

строками: «И три раза отправил [он] своих послов к Левону и не смог донести до него [свои послания], а когда вышел из Иконии, дошло до него письмо от патриарха Григория о том, что «Дошли мы до города Сис и здесь тебя ожидаем» [5, р. 136]». Эта запись прежде всего говорит о том, что католикос, по всей вероятности по приглашению князя Левона, поспешил из престольной Ромклы в столицу Сис – чтобы посоветоваться о дальнейших шагах. Показательно также, что послы, трижды отправленные императором так и не дошли (или не смогли встретиться) с Левонем. Это доказывает, что вначале князь избегал личных встреч. Также не исключается, что именно Левон предложил прибывшему в Сис католику ответить на письмо императора, для того чтобы смягчить возможный гнев или месть последнего.

Историк Вардан далее пишет, что письмо католика было воспринято императором с большим воодушевлением «И тогда король (имеется в виду император), собрав всех своих вельмож, дал им прочитать [письмо] и заплакали они от радости» [5, р. 136]. В ответном письме император сообщает о своем желании передать католику находящуюся у него корону для того, чтобы патриарх смог бы короновать того кандидата, которого он предпочитает [5, р. 136]. Понятно, что корона предназначалась для Левона II. Совершенно очевидно, что в письмах, отправленных ранее в Европу (ответные письма Клименту III), католикос или князь (или оба вместе) развивали мысль о признании независимости Киликии и коронации Левона.

Письмо Фридриха создает такое впечатление, что он уже везет с собой готовые корону и царские одеяния специально для Левона, в то время как все это, по-видимому, было способом задобрить армян, учитывая незавидное положение крестоносцев и осторожность, проявляемую армянским князем, что, несомненно, было замечено императором. Это подтверждается и тем фактом, что после того как Фридрих неожиданно утонул в реке Селевкия, которая являлась границей между Исаврией и Киликией (или Сельджукским султанатом и армянским княжеством Рубенидов), его сын, возглавивший армию, воздержался от коронации Левона, что наводит на мысль, что предложение Фридриха было добавлено в письмо в последний момент и что, по-видимому, никакой короны и одеяний не было и в помине.

Впрочем, то, что Фридрих и его сын по-разному подходили к этому вопросу, могло иметь и весьма простое объяснение. При Фридрихе-отце крестоносцы еще не вошли в Киликию,

и не знали, какого приема они удостоятся, армия была уставшей и голодной, нечем было кормить животных и воины были вынуждены питаться мясом своих коней. При сыне же императора, войско уже преодолело Исаврию и большую часть Киликии, и Левон II предоставил им кров, обеспечил провиантом и кормом для скота [7, р. 275]. Вот почему коронация Левона II потеряла свою актуальность, в обратном случае он был бы коронован еще в 1190 г. Фридрих Младший стал во главе войска и, перейдя через Маместию и Тарс дошел до Антиохии, где и был захоронен Барбаросса. Затем немецкие крестоносцы продолжили свой путь, присоединившись к осаждавшим Акру, хотя жители Антиохии были против того, чтобы они покинули город. Надо сказать, что к этому времени войско сильно поубавилось, их осталось всего несколько тысяч человек [16, р. 43]. В Акре умер также и Фридрих Младший.

В изложении всех этих событий сведения разноязычных историков в основном либо совпадают, либо дополняют друг друга. Основным спорным вопросом, относительно которого в последние 200 лет различаются мнения исследователей, является письмо (или письма) католика Григора IV Отрока, посланное Салах ал-Дину в 1190 г. О них упоминают лишь арабские источники, среди которых выделяется известный судья XII–XIII вв. Баха ал-Дин Ибн Шаддад с подробными сведениями [12, р. 182–186], приведенными в его книге «Биография Салах ал-Дина Аййюбидского».

В письме католика, которое приводится в этом труде, описывается продвижение армии Фридриха Барбароссы в сторону Киликии, их стычки с византийцами, туркменами и сельджуками Иконии. Григор Отрок всячески старается показать себя и Левона II другом и союзником Салах ал-Дина. Католик пишет, что после получения письма Фридриха, к нему посылают некоего Хатима в сопровождении других высокопоставленных лиц из Киликии. Они везли с собой ответное письмо армян, в котором «советовали алманскому» (немецкому) императору вернуться в страну иконийского султана Кылыч Арслана (1156–1192) [4, р. 294–297]. Далее католик сообщает, что после смерти Фридриха его сын возглавил войско и вошел в Киликию. Левон вначале укрепился в одной из своих крепостей, однако «сын короля алманов» пригрозил ему захватом страны в случае его неповиновения. Как бы пытаясь оправдать Левона, Григор Отрок добавляет: «Ибн Левон (арабские историки часто называли Рубенидов «Ибн Левон» – *прим. автора*)

был вынужден уступить и выйти навстречу королю. И вправду тот (Фридрих Барбаросса) стоял во главе многочисленного войска, которое собрал для похода. Войско состояло из сорока тысяч всадников и бесчисленной пехоты, собранной из разных стран...» [4, р. 294–297]. В конце своего письма Григор Отрок выражает готовность информировать Салах ал-Дина в случае получения новых сведений.

Арабист Гагик Даниелян считает, что вышеприведенное письмо первым из арабских авторов упоминает Имад ал-Дин ал-Исфахани – придворный секретарь Салах ал-Дина. В труде последнего имеются следующие красочные выражения: «Дошло письмо от Каяхикуса – владыки Ромкы, в котором он соблазнял и утешал, метал гром и молнии, подтверждал и перечислял, угождал и угрожал, показывал якобы дает [честный] совет» [14, р. 262; 6]. Затем, передавая содержание письма католика, придворный секретарь добавляет: «когда дошли эти сведения, взволновалась страна, ужасом были объаты плоскогорья и пещеры. Говорили – больше невозможно противостоять [врагу] с этой стороны и в какую бы сторону он не направился, нигде не встретил бы преград. Не было сомнений, что он направлялся вглубь Сирии, пересекая границы [стран] ислама» [14, р. 264; 6].

Используя труд Ибн Шаддада, Ибн Васил [13, р. 320–322] также воспроизвел письмо Григора IV Отрока с небольшими изменениями. Это письмо практически точно приводится в «Истории» [11, р. 216–219] египетского историка XIV в. Ибн ал-Фурата, а дамаский историк XIII в. Абу Шама в своем труде «Книга двух садов» [10, р. 150] сжато пересказывает текст письма католика.

Вне всякого сомнения, Ибн Шаддад передает весьма интересные сведения, проливающие определенный свет на взаимоотношения Киликии с крестоносцами и Киликии с Аййюбидами, а само письмо может считаться уникальным образчиком средневековой дипломатии. Однако в научной литературе относительно письма были высказаны самые разные мнения.

Часть исследователей сочла письмо подделкой, выдумкой, решив, что имя настоящего автора письма было перепутано с именем католика, а другая часть, считая письмо подлинным, высказала различные предположения о том, каковы были мотивы написания этого послания.

Попробуем разобраться в том, чем объясняется такое количество мнений. В течение долгого периода (с конца XVIII в. до начала XX в.)

в Европе преобладала тенденция идеализации военного союза армян и крестоносцев, что, несомненно, повлияло и на исследователей истории Киликийской Армении. Гевонд Алишан, Франсуа Турнебиз, частично – Рене Груссе [19, р. 59–60; 2] и другие в той или иной степени воздали дань этой теории «восхваления», часто попросту следуя примеру друг друга. Их мнения, в основном, основаны на следующих подходах:

- Армяне Киликии сами множество раз обращались к Папе римскому и воодушевляли его на организацию крестовых походов;

- Они без всяких оговорок, всецело и самоотверженно поддерживали крестоносцев;

- С оружием и своим войском (возможно и под предводительством Левона II) участвовали в освобождении Акры (Палестина) и в походе на Кипр.

На самом деле, источниками подтверждается лишь ничтожная часть вышеперечисленного. Прежде всего, за 90 лет (1098–1190) протекших между первым и третьим крестовыми походами, отношение армян к крестоносцам значительно изменилось, и воодушевление, царившее во время первого похода сменилось на сдержанную и осторожную позицию.

Что касается писем, направленных Папе римскому князем и католикосом, то их целью было получение короны, а не призыв к организации крестового похода. Источники умалчивают об участии армян в третьем крестовом походе. Однако некоторые исследователи, приводя в доказательство произведение одного средневекового немецкого поэта, считают этот союз возможным. Названный источник, в числе королей, занявших Акру (Акка) упоминает и имя Левона: «Левон, король Убии, а также Армении» [18, р. 21; 3, р. 449]. Речь идет об эпической поэме XIV в. неизвестного автора, посвященной ландграфу Тюрингии Людвигу III – участнику осады Акры.

На наш взгляд это упоминание не дает оснований для далеко идущих выводов. Оно приводится в художественном произведении, и не исключено, что князь, принявший в Киликии крестоносцев, мог «превратиться» в покоряющего Акру отважного христианского монарха. Отрицающий подлинность письма Гевонд Алишан почти с яростью говорит о тексте [3, р. 447], по его мнению приписываемой Григору IV. Алишан был уверен, что все это было настолько чуждо идеям и перу католикоса Григора IV и князя Левона II, что даже представить себе невозможно, что они были способны написать такое «предательское» письмо [15, р. 425].

Даже в случае рассмотрения вопроса с позиций религиозной солидарности, подобная точка зрения не имеет достаточных обоснований, хотя бы потому, что именно в эти дни Византийская империя в лице Исаака Ангела (1185–1195, 1203–1204), находилась в весьма близких отношениях с султанатом, постоянно обменивалась подарками и делегациями с Салах ал-Дином и фактически являлась союзником Аййюбидов. Трудно сказать, использовал ли Алишан арабский первоисточник или его не очень точный перевод, но в приведенном им отрывке присутствует определенная путаница. Арабский историк, по мнению Алишана, называет Григора Отрока «Гагик» [3, р. 447]. Ибн Шаддад нигде не использует имя Гагик (или Гайгвус, Кайкус, Кайкос), а приведенное им имя «Кахикос» переводчик интерпретировал как «Гагик», в то время как оно означает «Католикос». Арабский историк прекрасно был осведомлен об истинном значении этого слова, кроме того, им также с точностью было указано и призвище католикоса – «Отрок». Процитировав письмо, Ибн Шаддад пишет: «Это письмо католикоса и это слово означает халиф: его зовут Бар Грикур ибн Басил», т.е. «Григор Отрок сын Васила» [4, р. 297].

Франсуа Турнебиз, вслед за Гевондом Алишаном, пробуя еще больше обосновать его точку зрения, написал: «Это следствие тяжелого обвинения против Григора IV и Левона II. В то время как они оба воодушевляли Папу Климента III и Папу Целестина III на организацию крестового похода, а Григор вместе с Нерсесом Ламбронати и другими послами Левона шли навстречу Фридриху Барбароссе, этот же католикос написал раболопное письмо Салах ал-Дину, сообщив ему о положении и планах императора» [25, р. 185].

В этом случае к уже имеющемуся одностороннему подходу добавляется еще и мысль, что якобы Григор IV Отрок и князь Левон II воодушевляли Пап римских на организацию крестовых походов – точка зрения, лишенная каких бы то ни было оснований.

Из обращавшихся к вышеназванному письму авторов, Рене Груссе, не подвергая сомнению подлинность сведений арабского источника об авторе и адресате письма, выдвигает абсолютно другую версию о мотивах этого послания. «Армянский князь Левон II вместе со своим католикосом уже отправили ко двору Салахеддина искусно изложенные письма, которые, под предлогом извещения о ситуации, на самом деле должны были оказать на него моральное давление и заставить его отчаяться в предверии войны» [19, р. 15–16; 9, р. 284].

Это предположение неубедительно, поскольку если бы единственной целью католикоса было увидеть разгром армии Салах ал-Дина, то было бы логично, чтобы он поступил ровно наоборот, т.е., либо ничего не сообщил бы мусульманам, либо, для того, чтобы ввести их в заблуждение, написал бы, что крестоносцы малочисленны и слабы.

Между тем, согласно другому арабскому историку – Абу Шама, письмо католикоса сыграло роль тревожного сигнала для Салах ал-Дина. Абу Шама пишет: «Когда этот слух дошел и стало известно, что ситуация опасна, люди переполошились... . В страну Рум отправлены были разведчики (в оригинале – глаза), и шпионы, и послы – с просьбой о помощи» [10, р. 150].

И наконец, католикос, описывая армию крестоносцев как внушающую ужас, а ее воинов – как суровых и фанатичных солдат, ставил целью оправдать позицию, которую занял Левон перед этой огромной силой, оказав, хоть и неохотно, помощь крестоносцам. Этот факт заметил также А. Кюрдян [8, р. 177].

Высказанное в приведенных выше исследованиях предположение о том, что было желание довести Салах ал-Дина до отчаяния неубедительно, в особенности при ознакомлении с продолжением сведений, приводимых Ибн Шаддадом: «В это время от имени католикоса пришла вторая делегация к султану, и передала сведения о том, что их число огромно, но они очень ослаблены и мало у них лошадей и провианта, а большую часть своего имущества они переносят на ишаках». Далее он пишет: «Я встал на мост, по которому они должны были пройти, чтобы увидеть их: увидел, что лишь немногие из них имели оружие или копье и когда спросил их, что было тому причиной, ответили, что после того, как многие дни провели в нездоровом месте без пищи и огня, многие умерли от крайнего истощения, и они вынуждены были резать лошадей чтоб есть, и сжигали копья и древки оружия, а те, которые были в авангарде и дошли до Антиохии – умерли» [4, р. 299].

Первым исследователем, который продемонстрировал новый, в корне отличающийся от предыдущих, подход к этому вопросу был армянский советский историк Григор Микаелян, который в своей монографии «История Киликийского армянского государства» (1952) [1, с. 145–147] впервые без всяких предубеждений комментирует письмо Григора Отрока, квалифицируя его как подлинный документ. В последние десятилетия работы, изданные на тему истории Киликийской Армении и крестовых походов, как

в Армении так и вне ее, в основном проявляют сбалансированный, объективный подход к вопросу о позиции Киликии в условиях противостояния крестоносцев и мусульман. В этом ключе следует отметить работы А.Кюрдяна, Клода (Армена) Мутафяна и Левона Тер-Петросяна. Эти исследователи считают совершенно беспочвенными сомнения в подлинности письма (или писем) Григора IV Отрока [23, р. 68; 9, р. 447–449].

Тем не менее, справедливости ради надо отметить, что в целом крестовые походы были благоприятны для Киликийской Армении. Особенно значимой была роль третьего крестового похода, в период которого Киликийская Армения являлась более мощным и обширным княжеством, и могла сыграть определенную роль в противостоянии крестоносцев и мусульман. Учитывая вышесказанное, письма, которые с ведома Левона II были посланы Салах ал-Дину Григором Отроком, абсолютно не кажутся странными, в особенности при имеющемся множестве свидетельств об осмотрительности и осторожности, с которой Левон II относился к Фридриху Барбароссе и его армии.

Интересно, что после своей коронации, Левон II не только совершенно не избегал связей с Аййубидским султанатом, но и сам стал инициатором их упрочения.

Сравнивая сведения историков, попытаемся воссоздать наиболее целостную картину относительно этого вопроса.

Вне всяких сомнений Левон II и Григор IV продумали совместную программу, следуя которой постарались вывести Киликию из создавшейся опасной ситуации с наименьшими потерями. Предоставив помощь крестоносцам, но не принимая участия в их походах, киликийские власти сохранили дружественные связи с латинянами. Они предпочли занять нейтральную позицию между двумя мощными силами, чтобы в дальнейшем избежать возможного ответного удара со стороны Салах ал-Дина. Более того, в создавшейся ситуации Левон II удалось не только сохранить позиции своего княжества, но и занять новые земли. В частности, в 1191г. он завладел покинутую армией Салах ал-Дина крепостью Баграс (Гастон), которая имела очень важную стратегическую позицию [22, р. 44; 17, р. 417–418].

В то время как Левон II расширял свои владения и укреплял их границы, участники третьего крестового похода упорно сражались против Салах ал-Дина за прибрежную территорию Палестины, в основном – за Акру. В конце концов, после двухлетней войны, 2-го сентября

1192г. в Рамле между предводителями третьего крестового похода и Салах ал-Дином был подписан мирный договор, согласно которому крестоносцам была возвращена прибрежная

территория между Акрой и Яффа, но главная задача крестоносцев – возврат Иерусалима, так и не была выполнена. Следовательно, в целом поход был неудачным [21, p. 211].

Источники и литература / References

На русском языке / In Russian

1. Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван: АН АССР, 1952. 536 с.
- Mikaelyan G. G. Istoriya Kilikiiskogo armyanskogo gosudarstva (*History of the Armenian state of Cilicia*). Erevan, 1952. 536 p. (In Russian).
2. Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов, латинская хронография XI–XII вв. М.: Наука, 1966. 381 с.
- Zaborov M. A. Vvedenie v istoriografiyu krestovykh pokhodov, latinskaya khronografiya XI–XII vv. (*Introduction to the history of the Crusades, Latin Chronicals of XI–XII c.*). Moscow, 1966. 381 p. (In Russian).

На армянском языке / In Armenian

3. Алишан Г., Сисван. Венеция, остров Св. Лазаря, [б.м.] 1885, 592с. (На арм.).
- Alishan G. Sisvan (*Sisvan*). Venetsiya, St. Lazarus Island, 1885, 592 p.
4. Арабские источники об Армении и соседних странах, Якут ал-Хамави, Абул-Фида, Ибн Шаддад / сост. А. Налбандян. Ереван: АН АССР, 1965. 365 с. (На арм.).
- Arabskie istochniki ob Armenii i sosednikh stranakh (*Arab sources on Armenia and neighboring countries*). Yakut al-Khamavi, Abul-Fida, Ibn Shaddad / ed. by' Akop Nalbandyan. Erevan, 1965. 365 p.
5. Вардан Вардапет. История. Венеция, остров Св. Лазаря, [б.м.] 1862. 184 с. (На арм.).
- Vardan Vardapet. Istoriya (*History*). Venetsiya, 1862. 184 p.
6. Даниелян Г. Арабские первоисточники об истории патриаршего престола Ромкы // Киликийская Армения в восприятии граничащих с ней государственных единиц. Ереван: НАН Армении, 2016. С. 200–287. (На арм.).
- Danielyan G. Arabskie pervoistochniki ob istorii patriarshego prestola Romkly (*Arab sources on the history of Patriarcal see of Hromkla*) // Kilikiiskaya Armeniya v vospriyatii granichashchikh s nei gosudarstvennykh edinits (Cilician Armenia in the perception of neighboring state units). Erevan, 2016, P. 200–287.
7. Иноязычные источники об Армении и армянах, 11, Арабские источники 2, Ибн ал-Асир, перевод с оригинала / пред. и прим. А. Тер-Гевондяна. Ереван: АН Арм. ССР, 1981. 443 с. (На арм.).
- Inoyazychnye istochniki ob Armenii i armyanakh (*Foreign sources on Armenia and Armenians*). 11, Arabskie istochniki 2, Ibn al-Asir, translated by A. Ter-Gevondyan. Erevan, 1981. 443 p.
8. Кюрдян А. Григор Отрок и Салах эд-Дин // Базмавеп. 1975. №.1–2. С. 160–180. (На арм.).
- Kyurdyan A. Grigor Otrok i Salakh ed-Din (*Grigor Tgha and Salah al-Din*). «Bazmavep», Venetsiya, 1975, No. 1–2. P. 160–180.
9. Тер-Петросян Л. Крестоносцы и армяне. Т. I. Ереван: Принтинфо, 2005. 549 с. (На арм.).
- Ter-Petrosyan L. Krestonostsy i armyane (*Crusaders and Armenians*). Vol. I. Erevan, 2005. 549 p.

На арабском языке / In Arabic

10. Abu Shama. Abū al-Šāma Tarāğim al-riğāl al-qarnayn al-sādis wa-l-sābi' (Ḍayl 'alā al-rawḍatayn). T. II, Dār al-Ġīl, Bayrūt, 1974.
11. Ibn al-Furāt. Tarīkh al-Duwal wa l-Mulūk. V. 4.1 / edited by Ḥasan Muḥammad Šammā', Baṣra, 1967, P. 216–219.
12. Ibn Šaddād. Bahā' al-Dīn, Kitāb al-Nawādir al-sultāniyya wa-mahasin al-Yūsufiyya. Dimašq, 1979. 382 p.
13. Ibn Wāsil. Mufarriğ al-kurūb fī aḥbār banī Ayyūb, v. II, edited by Ġamāl al-Dīn al-Šayyāl, al-Qāhira, 1957. 535 p.
14. 'Imād al-Dīn al-Isfahānī. Kitāb al-Fath al-Qussī fī al-fath al-Qudsī ('Imād ed-dīn el-kātib el-iṣfahānī, Conquête de la Syrie et de La Palestine par Šalāḥ ed-dīn, publié par le comte Carlo de Landbeerg, E. J. Brill, Leide, 1888). 504 p.

На английском, французском и немецком языках / In English, in French, in German

15. Cahen Cl. La Syrie du Nord et la principauté franque d'Antioche. Paris: Institut Francais de Damas, Geuthner, 1940. 768 p.
16. Eddé A.-M. Saladin / translated by Jane Marie Todd. Massachusetts & London, England: Cambridge, 2014. 660 p.
17. Edwards R. W. Bağras and Armenian Cilicia: A reassessment, "Revue des Etudes Arméniennes". T. XVII, 1983. P. 415–455.
18. Friedrich Heinrich von der Hagen (Hg.). Des Landgrafen Ludwig's des Frommen Kreuzfahrt: Heldengedicht der Belagerung von Akkon am Ende des zwölften Jahrhunderts. Leipzig, 1854. 300 p.
19. Grousset R. Histoire des Croisades et du royaume franc de Jerusalem, ed. Perrin, Paris. T.III. 1188 – 1291, L'anarchie franque, 1936. 901 p.
20. Johnson E. N. The Crusades of Frederick Barbarossa and Henry VI // A History of the Crusades, London, Madison, 2005. P. 87–122.
21. Lane-Poole S. History of Egypt in the Middle Ages, London, 1901. 382 p.
22. Lawrence. Castle of Baghras, "The Cilician Kingdom of Armenia" / ed. by T.S.R. Boase, Scottish Academic Press, Edinburgh & London, 1978. P. 34–83.
23. Mutaftian C. La diplomatie arménienne au Levant à l'époque des croisades XII-XIV siècle. Thèse de doctorat, Université Paris I, Pantheon-Sorbonne, Juin, 2002. 158 p.
24. Painter S. The Third Crusade: Richard the Lionhearted and Philip Augustus, A History of the Crusades, vol II (The Later Crusades, 1189–1311), University of Wisconsin Press, 1969. P. 45–85.
25. Tournebize F. Histoire politique et religieuse de l'Arménie, Paris, 1900. 872 p.

УДК 94(47).084.5

Е. В. Шандулин

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В 1920-е гг. В СССР
КАК ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Статья посвящена процессам трансформации Ростовского (Донского, позже Северо-Кавказского) университета в 1920-е годы. Рассматриваются вопросы изменения системы управления высшим образованием в СССР на основе архивных материалов. В статье на примере Донского университета оцениваются такие сложные процессы в управлении образованием в этот период, как введение платного образования, расширение набора студентов, сокращение сроков обучения, рост централизации управления университетом. Выделяются

некоторые тенденции в развитии университета в период НЭПа, особенности учебного процесса в сопоставлении с дореволюционным периодом. Дается оценка результатов реализации университетом властных установок, и выделяются специфические особенности развития университета в этот период.

Ключевые слова: Донской университет (Северо-Кавказский Государственный университет), реформа высшего образования в СССР в 20-е годы, история высшего образования в России, образовательные реформы в СССР.

E. V. Shandulin

**UNIVERSITY TRANSFORMATION IN THE SOVIET UNION IN 1920s
AS A REFLECTION OF STATE POLICY OF REFORMING THE SYSTEM
OF HIGHER EDUCATION (ON THE MATERIALS OF THE DON UNIVERSITY)**

The article is devoted to transformation processes of Rostov (Don, later North Caucasus) University in 1920s. It deals with the issues of change in higher education management in the USSR on the basis of archival materials. By the example of the Don University such complex processes in education management of those times as the introduction of free education, expanding enrolment, reduction of training time, increase in centralization of University management are evaluated. The article highlights some trends in the development of the University

during NEP period, peculiarities of educational process in comparison with the pre-revolutionary period. It is evaluated how the University implemented power prescriptions and specific features of the development of the University during the relevant period are highlighted.

Key words: the Don University (North-Caucasus State University), reform of higher education in the USSR in 1920s, the history of higher education in Russia, educational reform in the Soviet Union.

Актуальность тематики модернизации образования может быть поделена на социальную и научную составляющую. Изменения в современном образовании и трансформация университетских структур в последние годы неизбежно ставят вопросы о социальном значении предшествующего исторического опыта переходных периодов. В научном аспекте, учитывая изученность развития общего хода реформ образования в годы НЭПа, остаются малоизученными некоторые аспекты работы региональных университетов в этот период. Цель работы, дать оценку влияния общих тенденций государственных реформ на работу Донского универ-

ситета в 20-е годы в СССР с учетом региональных особенностей его работы.

В период 1920–1929 гг. Донской (Северо-Кавказский с 1925 г.) Университет оказался в совершенно уникальной ситуации. Выехав из Варшавы, Университет сменил не только географическое местоположение, что само по себе было колоссальной проблемой для нормальной работы, но и оказался в совершенно новом государстве, развитие в котором было сопряжено с большими изменениями в учебном процессе.

Идея классического университета в эти годы преобразовывалась в совершенно иную

образовательную модель, главной целью которой становится следование потребностям народного хозяйства, экономическим и политическим потребностям нового советского общества. Однако ряд действий правительства в этот период являлись абсолютно неожиданными и свидетельствовали об отсутствии единой стратегии развития образования в этот период. В историографии уже предпринят ряд попыток комплексной оценки работы университета в этот период, где отмечается противоречивость проводимых реформ [10].

В 20-е годы были предприняты ряд неоднозначных решений в области образования, которые привели к заметному снижению качества работы Университета в начале 20-х годов. В стране в этот период вводилось платное образование и Донской университет так же ввёл оплату за обучение студентов в 1922 г. [11, р. 32], хотя это формально противоречило базовым принципам образования, сформированным Советом Народных Комиссаров (СНК) в 1918 г. Пятый пункт «Правил приема в высшие учебные заведения» от 2 августа 1918 года гласил об отмене платы за обучение в РСФСР.

Следует отметить, что плата вводилась дифференцировано. Она касалась не всех категорий обучающихся и не всех специальностей. В Письме СНК в Совет по делам ВУЗов от 16.11.1922 г. говорилось, что «С 1922/23 учебного года вводится плата за обучение для всех, кроме педагогических и социально-экономических специальностей» [4, р. 5]. Устанавливалась плата в 100 млн руб. в год в провинции для живущих на нетрудовые доходы плата в 200 млн руб. После денежной реформы осени 1922 года вернулись тысячи вместо миллионов, и оплата в год составила 50 тыс. рублей [4, р. 23], что было достаточно большой суммой в условиях подорванной экономики после гражданской войны.

В Донском университете в этот период сохранялось много представителей духовенства, казачества и городских слоев населения. Платное образование в полной мере коснулось именно этих социальных групп студентов и стало одним из механизмов обновления студенческого состава. Следует отметить, что в университетских документах не приводилось четкого определения о нетрудовых доходах, зато четко оговаривались группы студентов, освобожденных от оплаты. С другой стороны, в Варшавском университете ранее активно использовалась практика взимания платы с «вольных слушателей» на университетских лекциях. В начале 20-х годов этот механизм был свернут.

От оплаты за обучение освобождались студенты рабфаковцы, члены РКРП, РКСМ, командированные профсоюзами, дети преподавателей ВУЗов, студенты, состоящие на военной службе [4, р. 5]. Таким образом, освобождение от оплаты проводилось не только по политическому и классовому признаку. Учитывались потребности государства специалистов определенного профиля, которые оказались в дефиците. В 1925 году использование системы оплаты за обучение будет прекращено вместе с выходом новой редакции «положения о ВУЗах в РСФСР», где содержалась формулировка, что «обучение в ВУЗ бесплатное» [6, р. 327].

Другой особенностью работы Донского университета в начале 20-х годов стало массовое увеличение набора студентов. В университете в 1920 году начал применяться декрет СНК от 6 августа 1918 года, согласно которому Высшие учебные заведения (ВУЗы) РСФСР являются открытыми для всех желающих заниматься в этих учреждениях при условии достижения 16 летнего возраста [2, р. 297]. Были внесены предложения о проведении «параллельных курсов», то есть курсов, читаемых сразу на несколько потоков и направлений обучения.

По этому декрету прием студентов в университет был объявлен возможным в течение всего года, и ограничением на прием студентов выступала только техническая невозможность принять всех желающих. Это была настоящая попытка кавалерийской пролетаризации университета, когда двери были открыты всем и сразу.

Историко-филологический факультет в 1922 году объявил о возможном наборе на первый курс 200 человек, физико-математический факультет о наборе на естественное отделение 400 студентов, а математическое отделение физмата заявило о приеме дополнительно ещё 200 студентов [2, р. 303], что было очень много при общей численности студентов университета немногим более 2 тыс. человек. Резкое увеличение набора обеспечило почти двукратный рост численности принимаемых студентов. Количество студентов Донского университета в 1924 году составит почти 5 тыс. человек [3, р. 33]. Несмотря на то, что открытие дверей университета было частично ограничено введенным платным образованием для некоторых групп населения, аудитории были переполнены желающими учиться.

Ошибочность этих нововведений стала ясна к концу 1923 года, когда резкий численный рост набора на факультеты и, как следствие, перегрузка преподавателей и площадей обер-

нулись нехваткой средств. Вследствие этого СНК (Совет Народных Комиссаров) стал требовать сокращения расходов. Началась активная работа по приведению в соответствие «наличествующего контингента» студентов преподавательскому составу и слиянию многих подразделений под формулировкой «недостаточно эффективных».

В 1924 году была проведена массовая академическая проверка всех студентов университета, которая показательна с точки зрения политики государства в политической плоскости. В результате проведенной массовой проверки численность студентов была сокращена более чем на одну тысячу человек, из которых 192 человека были отчислены с формулировками, не имевшими отношения к академическим принципам: «социально чуждый элемент», «чуждый трудовой элемент» [8, р. 58–65]. Много отчисленных по политическим и социальным мотивам были студентами медицинского факультета, который традиционно не участвовал в процессе модернизации структуры Донского университета, так как был на особом «милитаристском» положении как особо важный для государства. В списке отчисленных можно видеть еврейские фамилии, представителей казачества, отметки о политической неблагонадежности.

Изменение университетской структуры привело к тому, что в 1925 году Донской университет работал только с четырьмя факультетами: медфак, педфак, рабфак, экономфак. В отчетах университета о своей работе содержалось общее описание сложностей положения университета, но не отражались проблемы, вызванные действиями новых административных властей. Все сложности списывались на последствия гражданской войны и «хозяйственную разруху» [12, р. 298]. В результате слияния подразделений и сокращения штатной численности преподавателей, часть студентов централизовано переводилась на обучение в другие университеты.

Для уменьшения расходов в условиях роста численности студентов в университете велась работа по сокращению срока обучения. Учебный год был разделен на три периода (триместра) [1, р. 84, 105]. Триместры по календарю располагались следующим образом: 15 сентября – 15 декабря, 15 января – 15 апреля, 2 мая – 31 июля [1, р. 24]. Цель триместровой системы состояла в повышении доступности образования и понижении его стоимости. Что бы обеспечить такое сокращение аудиторной нагрузки предполагалось в дальнейшем со-

кратить число предметов. По окончании каждого триместра предполагалось проводить подробные отчеты научными работниками о проделанной работе по сокращению нагрузки [1, р. 24]. Триместровая система оказалась неоднозначным решением, продиктованным экономическими, а не учебными или научными задачами.

Научная составляющая в работе университета в начале 20-х годов оказалась значительно сокращена в пользу просветительской функции, что пагубно сказалось впоследствии на общем качестве образования в Донском университете. Это впечатление было усилено масштабом работы рабочего факультета, который дублировал специальности общеуниверситетских факультетов, обслуживался преподавателями университета, но имел низкий уровень подготовки студентов.

Подлинная революция в образовании наступила с публикацией в 1925 году нового положения о работе высших учебных заведений в стране [1, р. 27–29]. Начиналась новая веха в истории университетов по всей стране. В «Положении об управлении ВУЗ в РСФСР» все административные нововведения в управлении университетом были закреплены централизованно для всех учебных заведений в стране [1, р. 30]. После выхода этого документа словосочетание ВУЗ становится не только популярным в выступлениях, но и официальным определением для Университета. Постепенно оно закрепится на законодательном уровне как более общий синоним слова «университет».

Самая характерная особенность этого документа состояла в том, что ректор теперь официально являлся председателем правления университета и назначался Главпрофобром [1, р. 30], то есть государственным органом. Совет университета состоял из членов правления, президиума, представителей профсоюзов, членов президиумов факультетов, представителя Губсовнархоза, Губисполкома [1, р. 30]. Такой состав означал потерю автономности академической среды и был разбавлен представителями революционного студенчества. Что характерно, сам процесс обучения именовался ушедшим впоследствии из употребления понятием «учебная повинность» [1, р. 59–60].

Учитывая тот факт, что «всероссийская система конкурсов на замещение кафедр в ВУЗах» с 1918 года была уже централизована [1, р. 37], то становится очевидным, что государство в первые годы советской власти формировало управляемую сверху образовательную систему. Даже приглашение специалиста на чтение лекций требовало согласования центра [1, р. 37].

Тем не менее, растущая централизация управления университетом не останавливала учебный и научный процесс.росло число командировок профессоров, ассигнования на печать трудов преподавателей [2, р. 98], начинают издаваться «Известия ДГУ». Однако достижения университета этого периода базируются в первую очередь на дореволюционном научном багаже и отчасти сохранении прежней модели внутренней работы факультетов и кафедр [2, р. 123].

Революционным начинанием в преподавании в университете стали новые предметы, обязательные для чтения на всех специальностях в 1921 году. Согласно постановлению Совета народных комиссаров и подписанному лично В.И. Лениным «об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех Высших учебных заведениях РСФСР» вводился «исторический материализм», «история пролетарской революции», «политический строй РСФСР» и др. [1, р. 6]. Этот минимум читался на всех отделениях всех высших школ. В меньшем объеме это касалось естественнонаучных направлений [12, р. 307], однако свидетельствовало о начале пересмотра предметов, читаемых на факультетах под определенным углом зрения.

Эти нововведения не только меняли подход к формированию учебных планов [1, р. 102], но и закладывали новые принципы и традиции. В это время сформировалась точная расстановка рабочей недели на 36 и 18 часов, принцип специализации со второго курса, написание выпускной дипломной работы, комплектование государственной аттестационной комиссии и др. [1, р. 250]. Важно то, что при формировании предметов предпочтение отдавалось не только прикладным предметам вместо общетеоретических, но и требовалось объединение близких курсов, продвижение «более глубокой но узкой» специализации предметов [1, р. 102]. При формировании плана теперь требовалось наличие производственной базы, экономических условий для развития специальности, что сужало возможности для гуманитарных направлений и открывало дорогу практической и технической направленности науки.

Эти тенденции станут ведущими в жизни университета во второй половине 20-х годов и выдвинут на первый план ученых естественников, тогда как Варшавский университет был силен еще и специалистами - юристами, филологами. В состав университета постепенно войдет много новых преподавателей советского воспитания и образа мысли.

Эти изменения привели к росту статуса университета в регионе. Главпрофобр, согласно постановлению правления Донского университета утвердил почетным членом Совета командарма С. М. Буденного [12, р. 308]. Этот факт имел в советской системе того времени немаловажный символический смысл. В 1925 году ДГУ был переименован в Северо-Кавказский Государственный университет в связи с новым районированием региона и такое название сохранил до конца 20-х годов.

Еще одним неоднозначным действием стало создание во второй половине 20-х годов системы научно-исследовательских институтов. В 1925 году по инициативе научной части университета при Крайисполкоме началось создание ассоциации научно-исследовательских институтов Северо-Кавказского края [9, р. 62], которая значительную часть научных исследований из университета перевела к себе. В результате появились институт математики и естествознания, местной экономики и культуры, экспериментальной и клинической медицины. Показательно, что подготовка преподавателей по общественным дисциплинам еще осенью 1923 года была изъята из ВУЗа и передавалась профильным научно-исследовательским институтам [5, р. 139], функции и значение которых постепенно росли, что для Донского университета оказалось серьезным испытанием. Преподаватели университета стали сосредотачивать свою научную работу за пределами университета, понижая его интеллектуальный потенциал.

Идея создания институтов имела по мысли реформаторов свои практические основы. Указывалось, что университет не в состоянии самостоятельно выполнять научные и образовательные задачи одновременно. В письме в правление Донского университета от Наркомпроса 19.06.1923 указывалось: «Чисто научная работа и подготовка будущих ученых, являясь существенной задачей ВУЗ, имеет своими организационными центрами Научно-исследовательские институты» [6, р. 74].

Наиболее точное представление о новом этапе реформы университетов можно составить со слов председателя научно-технической секции ГУСа (Государственного Ученого Совета), выдающегося русского и советского ученого О. Ю. Шмидта: «Целью реформы ВУЗ является «пересмотр учебных планов в смысле уничтожения многопредметности, достижения более определенной специализации и общего сокращения длительности курса» [6, р. 28]. Далее делался важный акцент на направленности работы университета: «в то же

время преподавание должно стать более практическим, связь с практической деятельностью, к которой ВУЗ готовит, должна начинаться первого курса, а преподавание общих предметов строго согласовываться с потребностями специальных (имеется в виду «предметов». – *курсив авт.*)» [6, р. 28].

Одним из таких шагов по формированию практико-ориентированного образования стало формирование системы централизованного распределения студентов на работу и проведения практик, а распределение по рабочим местам присылал Главпрофобр [6, р. 304]. В первые годы система централизованного распределения не работала в полную силу, так как распределение студентов было изначально возложено на сотрудников Университета, что дополнительно увеличило преподавательскую нагрузку.

Новое положение о ВУЗах уточнило и дополнило базовые элементы образовательного процесса в университете и цели университета. Теперь положением определялось, что «высшие учебные заведения имеют целью: а) создавать кадры специалистов, необходимые для различных отраслей социалистического строительства, б) готовить научных работников для обслуживания высших учебных заведений..., распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых должны стоять на первом плане» [6, р. 152].

Второй задачей нового положения стал переход на новые штаты и их расширение. Все «лица, занятые в вузах научной работой, какой-либо работой являются научными работниками..., преподавателями зовутся те, кто работает под руководством одного из профессоров». Отмечалось, что научные сотрудники не занимаются наукой, а лишь помогают профессорам и преподавателям» [7, р. 11]. Статус Донского (Северо-Кавказского) университета в середине 20-х годов оставался высоким для региона, однако сам университет постепенно трансформировался в образовательное учреждение, утрачивая свои научно-исследовательские принципы.

По итогам этих мероприятий к 1927 году ректор с полной уверенностью мог заявить, что СКГУ стал «вполне советским университетом» [12, р. 11]. Но именно оговорка «вполне» была показательна, как косвенное признание сложности процесса «советизации» университета. Относительно устойчивая работа университета о второй половине 20-х годов даст возможность постепенно восстанавливать общий

потенциал университета, но общая картина качества работы была неоднозначная.

При первоначальном анализе университетской отчетности второй половины 20-х годов, картина работы университета выглядит достаточно красочно и рисует интересные перспективы развития. Однако ситуация по многим параметрам оказалась очень непростой. Очевидным был прогресс в хозяйственной, материально-технической и управленческой деятельности. Вместе с тем в наиболее уязвимом положении оказались фундаментальные научные исследования и сам образовательный процесс. В этой области в работе обнаруживалась целая группа негативных тенденций.

В отчете университета от 1925 года отмечалось: «Университет работает по плану, выработанному ГУСом. «Планы страдают многопредметностью, устарелостью и неопределенностью. Студентов часто планы не устраивают». «Методы преподавания преобладают лекционные», которые занимают 75 % времени. Это происходит по причине того, что «лекция это дешево», «не хватает преподавателей», есть «перегруз студенчеством», присутствует «костность в методах преподавательского состава» [7, р. 44].

Так же в этом отчете, который в черновом варианте еще не был откорректирован для печати, была отмечена «перегруженность преподавателей». Причинами перегрузки были указаны: «нехватка научных сил, есть вакансии», «многопредметность учебных планов» и «материальная необеспеченность работников». Результатом перегруженности является: «Низкая интенсивность труда, падение квалификации, понижение продуктивности преподавания, прогрессирующая отсталость в науке, падение уровня подготовки студента» [7, р. 45]. Это замечания носили системный характер и показывали общие тенденции в образовательном процессе.

Отмечался низкий уровень успеваемости студентов: «Успешных 25 %, нормально работающих – 40 %, отстающих – 35 %». Причинами неуспеваемости в отчете были указаны: «материальная необеспеченность», «низкая подготовка», «техническая неграмотность», «перекомплект студенчества», «неопределенность требования по учебным планам ГУС», «лекционная система преподавания и неподготовленность к ней главным образом рабфаковцев» [7, р. 45].

Так же отмечен низкий уровень академической подготовки: «По отзыву специалистов, по данным различных союзов, уровень академи-

ческой подготовки студентов весьма низок и не удовлетворяет запросам учреждений... уровень подготовки колеблется на уровне 25–50 % от довоенного уровня» [7, р. 45].

Перегруженность преподавателей сочеталась с нехваткой специалистов по некоторым специальностям. В Университете в этот период имелись пустующие кафедры: «литературы, зоологии, исторического материализма, детских болезней, физики... не хватает историков марксистов, философов и экономистов» [7, р. 46].

Подобные факты из неопубликованных отчетов университета обрисовывают достаточно сложную картину положения университета в второй половине 20-х годов и свидетельству-

ют о медленном восстановлении Донского университета и появлении новых проблем и вызовов в его работе. Сложности в восстановлении университета были связаны не только с последствиями войны, разрухой, но и непосредственными действиями новых органов управления в стране. Университет за десятилетие послереволюционного развития, несмотря на определенные успехи, не преодолел своего «вторичного состояния» по отношению к Варшавскому университету, планку развития которого достичь в условиях 20-х годов было достаточно трудно. Университет ожидал новых социальных перемен.

Источники и литература

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 8.
3. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 11.
4. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 73.
5. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 94.
6. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 152.
7. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 173.
8. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 179.
9. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 201.
10. Курепин А. А. Власть и наука. 1917–1937 гг. (На материалах Петрограда-Ленинграда): дис. ... д-ра ист. наук, СПб.: СПбГУ, 2004. 549 с.
11. Пушкаренко А. Летопись университетской жизни. В 4-х чч. Ч.2. Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. 116 с.
12. Ростовский государственный университет. 1915 – 1965. Статьи, воспоминания, документы. Ростов-на-Дону: РГУ. 1965. 356 с.

References

1. State archive of the Rostov oblast (GARO). F.R. 46. Inv. 1. D. 1.
2. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 8.
3. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 11.
4. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 73.
5. GARO. F. R. 46. Inv. 1. D. 94.
6. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 152.
7. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 173.
8. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 179.
9. GARO. F.R. 46. Inv. 1. D. 201.
10. Kurepin A. A. Vlast' i nauka. 1917–1937 gg. (Na materialah Petrograda-Leningrada) (*Power and science. 1917–1937 gg. (On the materials of Petrograd-Leningrad)*: thesis. St.Petersburg: SPbSU publ., 2004. 549 p.
11. Pushkarenko A. Letopis' universitetskoj zhizni (*The Chronicle of University life*). In 4 vols. Vol. 2. Rostov-on-Don: Publ. RSU, 2003. 116 p.
12. Rostovskij gosudarstvennyj universitet. 1915–1965 (*Rostov state University. 1915–1965*). Articles, memoirs, documents. Rostov-on-Don: Publ. RSU, 1965. 356 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340/12

Е. Н. Атарщикова, Е. Г. Пономарев

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье рассматривается проблема изучения формирования юридической антропологии как самостоятельного направления правоведения, которая вызывает интерес современных зарубежных и отечественных ученых. Процесс интеграции философии, социологии, истории, этнологии и других наук в предмет антропологии права является ответом на объективные потребности развития юриспруденции на определенном этапе развития общества и государства.

Отобраны, по мнению авторов, персоналии европейских и североамериканских ученых, внес-

ших наиболее значительный вклад в формирование юридической антропологии. Дан краткий анализ фундаментальных трудов мыслителей, в которых сформулированы основные положения, определившие развитие разных аспектов антропологии права.

Ключевые слова: теория государства и права, юридическая антропология, история права, обычное право, естественное право, этнография, социальная общность, закон.

E. N. Atarschikova, E. G. Ponomarev

HISTORY OF ORIGIN AND ESTABLISHMENT OF LEGAL ANTHROPOLOGY

The article examines the problem of studying the process of establishment of legal anthropology as an independent direction of jurisprudence, which is of interest for present-day foreign and national scientists. The process of integrating philosophy, sociology, history, ethnology and other sciences in the subject of legal anthropology meets the demands of jurisprudence development at a certain stage of society and state development.

The personalities of European and North American scientists, who in the author's view made

the most significant contribution to the establishment of legal anthropology, have been selected. The article provides a brief analysis of fundamental philosophic works containing basic provisions, which determined the development of different aspects of anthropology.

Key words: theory of the state and right, legal anthropology, history of right, customary right, absolute law, ethnography, social community, law.

Антропология права, или юридическая антропология, что, на наш взгляд, синонимично, как направление в рамках юридической науки начало формироваться в эпоху Возрождения. Это произошло в наиболее развитых европейских странах. Среди них, в первую очередь, стоит назвать Германию, Италию, Англию и Францию. В названных странах, наряду с серьезным экономическим ростом и модернизацией промышленности, происходят глубокие изменения в общественных отношениях, культуре, науке и других сферах.

В средневековой Европе XVI–XVII вв. происходила активная перестройка общества в контексте либерализма и идеализации идей гуманизма. Человек с его нравственными идеалами добра и справедливости начинает занимать главную, ключевую позицию в литературных произведениях писателей, научных трактатах философов, ученых без исключения всех отраслей гуманитарных наук.

Естественно и закономерно правоведение, развиваясь в ногу со временем, не могло не включиться в процесс пересмотра роли чело-

века в современном мире, его отношений с государством и обществом.

Представители истории права, сравнительного правоведения начали проявлять значительно больший интерес к архаичным формам права, принципам древнего римского законодательства, особенностям обычного права и т.д.

Колоссальным импульсом в зарождении юридической антропологии стали великие географические открытия. Этнографы увидели и начали изучать все многообразие человеческого сообщества, проживающего на разных континентах, стадиях экономического и социального развития. Эти процессы, конечно, не могли не заинтересовать правоведов с позиций познания формирующихся принципов юридической антропологии. Организация родовых общин, используя современную терминологию, на стадии чифдома, или протогосударства, вызвали живой интерес историков и теоретиков права. Практическое значение для познания тенденций развития правовых норм имел опыт регулирования социальных отношений этносами на основе традиций, обычаев, табу, табу, мифов.

Анализ процесса зарождения естественного обычного права, роли и места в нем человеческой личности позволил европейским ученым глубже понимать логику и закономерность изменений правовой основы средневековых государств.

Наряду с объективными тенденциями в рамках естественного прогресса, способствовавшими зарождению антропологического направления, в праве необходимо выделить субъективный человеческий фактор выдающихся мыслителей, намного опередивших свое время в развитии науки о государстве и праве.

Среди них одним из первых мы можем назвать английского философа-материалиста **Томаса Гоббса** (1588–1679). Именно он в рамках естественного закона в работах «О гражданине» (1642) [5], «О человеке» (1658) [5] и др. обратил внимание на то, что человеку свойственно стремление удовлетворению своих потребностей, но при этом, соблюдая принцип самосохранения и способность отказаться от своих прав в интересах достижения мира и согласия. Эти утверждения позволили Гоббсу стать одним из основоположников общественного договора. Учение Томаса Гоббса стало далекой предтечей юридической антропологии, содержание которой еще не было сформулировано, но в праве ясно и отчетливо проявилась роль человека с его правами и обязанностями.

Голландский юрист и государственный деятель, философ **Гуго Гроций** или *Гуго де Гроут* (1583–1645) в своем трактате «О праве вой-

ны и мира» (1625) [6] сформулировал основные принципы естественного права, которые, освободившись от религиозных ограничений, позволили рассматривать насущные потребности человека в рамках действующего правового поля. В юридическую антропологию был заложен краеугольный камень.

Немецкий правовед-международник, философ, историк и теоретик права **Самюэль (Самуэль) фон Пуфендорф** (1632–1684) в работе «Право природы и людей» (1672) [24] развил идею естественного права, утверждая, что человек является субъектом права. Его интересы формируются законами природы, а права наделяются с рождения, но и налагают на него обязанности физического и духовного самосовершенствования.

Можно согласиться с утверждением тех исследователей, которые считают, что фундамент юридической антропологии как самостоятельного направления права заложил выдающийся французский мыслитель, философ, юрист, «вождь законодательной Европы», наряду с Франсуа-Мари Аруэ Вольтером (1694–1778), родоначальник французского Просвещения **Шарль-Луи Монтескье** (*Шарль Луи Секонда Монтескье, барон де Ла Бред*) (1689–1755). Его гениальный труд «О духе законов» (1748) [17] дал возможность его последователям, ученым права, взглянуть на предмет совершенно по-новому. Монтескье утверждал, что право как элемент общественно государственной системы является производной двух основных факторов. С одной стороны, это суверенная личность, отстаивающая свои интересы и берущая на себя всю полноту ответственности. С другой стороны, это объективные условия развития государства, социально-экономического быта населения, климатические условия проживания и многие другие компоненты.

Французский философ-просветитель, социолог, эстетик, юрист, писатель, педагог политолог **Жан-Жак Руссо** (1712–1778) сумел творчески объединить конструктивные идеи своих предшественников и вывести антропологию на качественно иной уровень. Антропологическое направление в праве на основе его работ приобретает достаточно четкие рамки предмета своего исследования, опираясь на научные методологические принципы [25]. Фундаментальный труд Руссо «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) [26] теоретиками права оценивается как первое научное исследование по антропологии. Автор считает, что «от природы люди так же равны, как и звери».

Отказ от субъективных представлений человека о самом себе, по мнению Руссо, позволяет ему посредством изучения других людей познать и собственно «Я». По этому же принципу можно сделать правильный анализ других общественных и культурных систем при условии, что авторы не будут стараться принудительно отождествлять их с собственными. Идеи, заложенные Руссо, многие современники называли революционными. Именно этот период можно считать началом оформления правовой науки как самостоятельного направления [15].

Классическая немецкая философия [7] подняла право, в том числе и вопрос о правовых характеристиках человека, на принципиально новый уровень.

Важный вклад в решение этой проблемы внес основоположник классической немецкой философии **Иммануил Кант** (1724–1804). В поисках объективного вывода он прошел через несколько этапов, отразившихся в его трудах: «Критика чистого разума» (1781) [12], «Критика практического разума» (1788) [10], «Критика способности суждения» (1790) [11].

Базовой основой философского содержания права стала идея И. Канта о том, что человек свободен в своем нравственном выборе [1]. Находясь в социуме, он как его составная часть имеет право противостоять любому насилию над собой, включая ограничения, введенные в закон. Исходя из этой позиции, человек сам волен определять закон и его право исполнение, уровень и рамки дозволенного, независимо от действующего права [27].

Но и сам «человек моральный» должен формироваться под влиянием традиций, норм и табу, существующих в обществе. Именно И. Кант первым сформулировал принцип, повторенный К. Марксом: «Моя свобода и право заканчиваются там, где начинаются права и свободы других» [23].

В силу этого обстоятельства человек должен учитывать интересы окружающих, живущих в правовом поле, что является показателем цивилизованности развития личности, общества, государства и права.

XIX в. с позиций нашей темы можно назвать временем утверждения и развития юридической антропологии. На смену гениальным одиночкам пришла целая плеяда теоретиков права, которые не только расширили границы завоевавшего популярность и ставшего самостоятельным направлением науки учения о праве, но и углубили его содержание новыми идеями.

Особенно активной стала вторая половина столетия. Европейские ученые, как и прежде,

являлись лидерами в развитии теории права. Швейцарский этнограф, юрист **Иоганн Якоб Бахофен** (1815–1887) издает свой капитальный труд «Теория материнского права» (1861) [2]. В нем он дает обоснование роли женщины в период матриархата первобытного общества, когда потомство с полной достоверностью можно было определить только по материнской линии, так как господствовали полигамные связи. Этот фактор был ключевым для обеспечения единства родовой общины. Сегодня эту работу можно было бы назвать основополагающей семейного права, семейно-родственных отношений.

В этом же антропологическом направлении работал английский ученый **Джон Фергюсон Мак-Леннан** (1827–1881). Он издает в 1865 году трактат «Первобытный брак» [15], в котором квалифицировал степень родства. Ему же принадлежит авторство терминов *эндогамия* (запрет брачных отношений между членами родственного или локального коллектива), *экзогамия* (табу на кровосмешение внутри родовой общины), *полиандрия* (многомужество), *левират* (вдова имеет право вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа) и др.

Одну из ведущих ролей в развитии и пропаганде юридической антропологии этого периода играл его земляк, английский юрист, антрополог, историк и социолог права, шотландец по происхождению, **Генри Джеймс Самнер Мэн** (1822–1888) с его работами «Древнее право» (1861) [20], «Древнейшая история учреждений» (1875) [21] и «Древний закон и обычай. Исследование по истории древнего права» (1884) [22]. Дж. Самнер-Мэн новаторски использовал историко-правовой метод при анализе правового поля в разных социокультурных условиях. «Древнее право» – это блестящая книга, в которой автор прослеживает эволюцию права и, что особенно важно, эволюцию представлений человека о праве.

В своих научных поисках Генри Мэн, используя метод сравнительного анализа разных правовых культур в их исторической ретроспективе, германскую, славянскую, индусскую и др., стремился воссоздать единое представление о зарождении и формировании права на всеобщих объективных закономерностях развития человеческой цивилизации. Новаторские подходы к изучению права, глубина обобщений и обширный исторический материал, привлекаемый для анализа процесса, создали заслуженный авторитет Мэну и выдвинули его в число основоположников нового научного направления.

Американский учёный, этнолог и антрополог, этнограф и археолог, социолог и историк

Льюис Гэбриел Морган (1818–1881) объединил и развил идеи своих коллег в книге «Системы родства и свойства человеческой семьи» (1870) [18]. Его выводы об эволюционном развитии человечества от дикости к цивилизации легли в основу марксизма как учения о зарождении государства и права в единстве с производственными и родоплеменными отношениями.

Именно учение об эволюции стимулировало дальнейший прогресс исторической науки, социологии и антропологии права. Морган на протяжении всей своей научной жизни изучал первобытнообщинное общество и семейно-брачные отношения, что, в конечном итоге, было обобщено им в труде «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877, русский перевод – 1933), который он готовил около 40 лет [19; 20]. Эта книга стала его научным завещанием.

Марксизм как революционная теория, а политический вождь мирового пролетариата экономист, социолог, философ **Карл Генрих Маркс** (1818–1883) и его соратник немецкий философ и историк **Фридрих Энгельс** (1820–1895) в качестве ее основоположников заслуженно считаются важнейшим фактором развития юридической антропологии. Классовая борьба как источник социального развития и экономика как фундамент общества и государства составляли базовый элемент учения о единстве государства и права [16]. В контексте данной статьи считаем целесообразным из всего многообразия теоретического наследия классиков мировой социально-политической науки обратить внимание лишь на одну работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) [28]. В ней автор ярко и убедительно прослеживает, опираясь на научно-материалистическую методологию, эволюцию становления государства,

формирующегося на основе развития производства, получения избыточного продукта, что привело к социальной дифференциации родовой общины. Для истории и антропологии права это была одна из знаковых ступеней вверх по пути познания процессов развития человеческого прогресса.

Конец XIX – начало XX вв. знаменуется значительным увеличением числа ученых-правоведов, развивающих новые направления антропологии и смежных с ней научных дисциплин. Среди наиболее известных стоит назвать американского этнографа и этнолога немецкого происхождения **Франца Боаса** (1858–1942). Его с полным основанием считают «отцом американской антропологии», родоначальником школы психологической антропологии [4]. Для изучения и понимания норм права в разных национальных формированиях совершенно незаменим инструмент познания, выработанный в рамках этнопсихологии и этнологии [3].

Французский социальный философ **Давид Эмиль Дюркгейм** (1858–1917) открыл синдром дивергентности, который неизбежно сопровождает развитие общества. С учетом этого фактора социум должен четко обозначать границы дозволенного посредством позитивного права и моральных критериев [8; 9].

В начале XX в. существенное влияние на развитие юридической антропологии влияли более активно прогрессирующие социальная антропология (М. Вебер, О. Конт, М. Мосс, Г. Лукаш, П. Бурдьё, Р. Редфил) и психоаналитическая (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм, В. Рейх и др.).

С этого периода антропология права заняла достойное место среди философско-теоретических наук международного и национального права, наращивая свое влияние на отраслевые науки, правотворчество и правоприменение.

Источники и литература

1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Высшая школа, 2005. 439 с.
2. Баховен И. Я. Материнское право // Классики мирового религиоведения. М.: Канон, 1996. С. 239–247.
3. Боас Ф. У. Методы этнологии / пер. Ю. С. Терентьева // Антология исследований культуры. Т.1. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 519–527.
4. Боас Ф. У. Ум первобытного человека / пер. с англ. А. М. Водена. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. 153 с.
5. Гоббс Т. Философская трилогия «Основы философии»: «О теле» (1655); «О человеке» (1658); «О гражданине» (1642). Избранные произведения. Т.1–2 (Философское наследие. Т. 7, 8). М.: Мысль, 1964.
6. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 6–38.
7. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1998. 332 с.
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998. 432 с.
9. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб.: Н. П. Карбасникова. 1912. 399 с.
10. Кант И. Критика практического разума и основоположение к метафизике нравов // Научное обозрение. 1902. №8. С. 23–110.
11. Кант И. Критика способности суждения / пер. Н. М. Соколова. М.: Искусство, 1994. 390 с.
12. Кант И. Критика чистого разума / пер. с немец. Н. Лосского. Серия Философское наследие. Т.118. М.: Мысль. 1994. 574 с.

13. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. Т.4. Ч.2. М.: Мысль, 1965. С.107–438.
14. Мак-Леннан Д. Ф. Первобытный брак URL: <http://knigi.link/etnografiya-etnologiya-uchebnik/primechanie-pervobyitnyiy-brak-mak-30512.html> (Дата обращения: 02.06.2016).
15. Мальцев Г.В. Права личности: юридическая норма и социальная действительность // Конституция СССР и правовое положение личности. М.: Прометей, 1999. С. 50.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х томах. Т.3. М.: Политиздат, 1986. 639 с.
17. Монтескье Ш. О духе законов. Пер. с англ. А. Матешука. М.: Мысль, 1999. 674 с.
18. Морган Л. Г Системы родства и свойства человеческой семьи // Советская этнография. 1968. №6. М.: Наука, 1968. С. 3–74.
19. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Издательство народов севера. 1935. 350 с.
20. Мэйн Г. Древнее право: Его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. М.: Крассанд, 2012. 318 с.
21. Мэйн Г. Древнейшая история учреждений: Лекции. М.: Крассанд, 2011. 320 с.
22. Мэйн Г. Древний закон и обычай: Исследования по истории древнего права. М.: Крассанд, 2011. 320 с.
23. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. 216 с.
24. Пуфендорф С. О праве по природе и рождению. СПб.: Лингвистическое издание, 1726.
25. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании. Педагогические сочинения в 2 томах. Т.1. М.: Педагогика, 2002. 540 с.
26. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми (трактат Ж.-Ж. Руссо). М.: Наука, 1969. 287 с.
27. Суслова Л.А. Философия Иммануила Канта. М.: Просвещение, 1988. 224 с.
28. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства М.: Директ Медиа, 2012. 337 с.

References

1. Asmus V. F. Immanuel Kant (*Immanuel Kant*). Moscow: Hight school, 2005. 439 p. (In Russian).
2. Bahoven I. Ja. Materinskoe pravo (*Maternal right*) // Klassiki mirovogo religiovedeniya (Classics of world religious studies). Moscow: Kanon +, 1996. P. 239–247. (In Russian).
3. Boas F. U. Metody jetnologii (*Methods of ethnology*) / translated by Ju. S. Terent'ev // Atnologiya issledovanij kul'tury. (*Anthology of researches of culture*) Vol.1. St.Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997. P. 519–527. (In Russian).
4. Boas F. U. Um pervobytnogo cheloveka (*The mind of a primitive man*) / translated by A. M. Voden. Moscow – Leningrad: Gosudrstvennoe izdatelstvo, 1926. 153 p. (In Russian).
5. Gobbs T. Filosofskaya trilogiya "Osnovy filosofii": "O tele" (1655); "O cheloveke" (1658); "O grazhdanine" (1642). (*Philosophical trilogy «Elements of Philosophy»: «Concerning body» (1655); «Concerning man» (1658); «Concerning the citizen» (1642)*). Moscow: Mysl', 1964. (In Russian).
6. Grotius H. O prave vojny i mira (*On the law of war and peace*). M.: Ladomir, 1994. P. 6–38. (In Russian).
7. Gulyga A. V. Nemeckaya klassicheskaya filosofiya (*German classical philosophy*). Moscow: Mysl', 1998. 332 p. (In Russian).
8. Durkheim E. Jelementarnye formy religioznoj zhizni. Totemisticheskaya sistema v Avstralii. (Vvedenie, Glava 1.) (*The elementary forms of religious life. Totem system in Australia. (Introduction, Chapter 1)*) // Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. Moscow: Kanon +, 1998. 432 p. (In Russian).
9. Durkheim E. Samoubijstvo. Sociologicheskij jetud (*Suicide: Sociological etude*). St. Petersburg: N. P. Karbasnikov publ. 1912. 399 p. (In Russian).
10. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma I Osnovopolozhenie k metafizike нравов (*Critique of Practical Reason and Groundwork of the Metaphysics of Morals*) // Nauchnoe obozrenie. 1902. No. 8. P. 23–110. (In Russian).
11. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya (*Critique of judgment*) / translated by N. M. Sokolov. Moscow: Iskusstvo, 1994. 390 p. (In Russian).
12. Kant I. Kritika chistogo razuma (*Critique of pure reason*). Moscow: Mysl'. 1994. 574 p. (In Russian).
13. Kant I. Metafizika нравов (*Metaphysics of Morals*) // Compositions. Vol. 4. Part 1. Moscow: Mysl', 1965. P. 107–438. (In Russian).
14. Mak-Lennan D. F. Pervobytnyj brak (*Primitive marriage*). URL: <http://knigi.link/etnografiya-etnologiya-uchebnik/primechanie-pervobyitnyiy-brak-mak-30512.html> (Accessed: 06.02.2016). (In Russian).
15. Mal'cev G. V. Prava lichnosti: juridicheskaya norma I social'naya dejstvitel'nost' (*Rights of the personality: legal regulation and social reality*) // Konstituciya SSSR I pravovoe polozhenie lichnosti // Constitution of the USSR and legal status of the personality). Moscow: Prometey, 1999. P. 50. (In Russian).
16. Marx K., Engels F. Izbrannye proizvedeniya v 3-x tomah. (*Selected works*). In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Politizdat, 1986. 639 p. (In Russian).
17. Montesquieu Ch. O duhe zakonov (*The spirit of laws*) / translated by A. Mateshuka. Moscow: Mysl', 1999. 674 p. (In Russian).
18. Morgan L. G. Sistemy rodstva I svojstva chelovecheskoj sem'i (*Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*) // Sovetskaya jetnologiya. 1968. No. 6. P. 3–74. (In Russian).
19. Morgan L. G. Drevnee obshchestvo ili issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii (*Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization*). Leningrad: Izdatel'stvo narodov severa. 1935. 350 p. (In Russian).
20. Maine H. Drevnee pravo: Ego svyaz' s drevnej istoriej obzhhestva i ego otnoshenie k novejsim ideyam (*Ancient Law, its connection with the early history of society and its relation to modern ideas*). Moscow: Krasand, 2012. 318 p. (In Russian).
21. Maine H. Drevnejshaya istoriya uchrezhdenij: Lekcii (*Lectures on the Early History of Institutions*). Moscow: Krasand, 2011. 320 p. (In Russian).
22. Maine H. Drevniy zakon i obyčaj: Issledovaniya po istorii drevnego prava (*Early Law and Custom: Researches on history of the ancient right*). Moscow: 2013. 320 p. (In Russian).

23. Novgorodcev P. I. Kant i Gegel' v ix ucheniyah o prave i gosudarstve (*Kant and Hegel in their doctrines about the right and the state*). SPb.: Aletejya, 2000. S. 216. (In Russian).
24. Pufendorf S. O prave po prirode i rozhdeniju (*The Law of Nature and of Nations*). St. Petersburg: Lengvisticheskoe izdanie, 1726. (In Russian).
25. Russo Zh.-Zh. Jemil', ili o vospitanii (*Emile, or on education*). Vol.1. Moscow: Pedagogika, 2002. 540 p. (In Russian).
26. Russo Zh.-Zh. Rassuzhdenie o proishozhdenii i osnovaniyah neravenstva mezhdud ljud'mi (traktat Zh.-Zh. Russo) (*Discourse on the Origin and Basis of Inequality Among Men* (Zh.-Zh. Russo's treatise). Moscow: Nauka, 1969. 287 p. (In Russian).
27. Suslova L. A. Filosofiya Immanuila Kanta (*The Philosophy of Immanuel Kant*). Moscow: Prosveshchenie, 1988. 224 p. (In Russian).
28. Engels F. Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva (*The Origin of the Family, Private Property, and the State*). Moscow: Direkt Media, 2012. 337 p. (In Russian).

УДК 34(470)

С. И. Атмачёв

О ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Автор рассматривает современную ситуацию с официальной теорией права в Российской Федерации, проводит в связи с этим компаративистский анализ основных концепций права, складывавшихся на протяжении последних двухсот лет, и делает выводы о нормативно-правовых положениях Конституции Российской Федерации, отражающих сегодняшние правовые взгляды и духовные ценности политических элит, уделяя

определенное внимание развитию понятия правового государства и его принципов, а также о тех нормах российской Конституции, которые нацелены на будущие перспективы развития нашего государства.

Ключевые слова: Государство, правопонимание, организация общества, нормативные ценности, правопорядок, формы демократии, народное представительство.

S. I. Atmachiov

ON LEGAL VALUES IN MODERN RUSSIAN STATE

The author examines the current situation with the official theory of law in the Russian Federation, makes a comparative analysis of basic law concepts, which have evolved over the past two hundred years, and draws conclusions about the legal and regulatory provisions of the Constitution, reflecting today's legal views and spiritual values of political elites. Special attention is paid to the development

of legal state and its principles concepts, as well as the norms of the Russian Constitution and the provisions, which are aimed at the prospects for the development of our state.

Key words: State, legal thinking, organization of society, normative values, the rule of law, forms of democracy, people's representation.

Позитивистская концепция правопонимания, господствующая на протяжении десятилетий в советской юриспруденции, постепенно уступает позиции новым осмыслениям таких феноменов как право, справедливость, государство, свобода. Сегодня право на существование получили и такие концепции как либертарно-юридическая [9, 16], интегративная [3, 5, 6], синергетическая [10, 17], аксиологический (ценностный) подход в праве [1, 4, 8] и др.

Переход от догосударственных форм организации общества привел к появлению новых

ценностей для всех членов общества, главными из которых являлись право и государство. В современном отечественном государствоведении укоренилась точка зрения, что оба этих явления появились одновременно, коренным образом изменив (и улучшив) жизнь членов общества. Иными словами, система ценностей, установленная в государственно-организованном обществе, выразилась, в том числе и в праве.

Нет абстрактного политического состояния, которое рассматривается в науке теории права

и государства. Государство – это люди, наделенные свободной волей, и они в любом историческом контексте способны к созданию моральных, религиозных, национальных и иных сообществ в разные исторические периоды.

Очевидно, что право не сразу завоевало господствующие позиции в обществе. Оно стало ещё одним из существующих социальных регуляторов нормативного характера наряду с моралью, обычаями, традициями и т.п., регулируя поведение, как индивидов, так и различных социальных общностей. Постепенно право изменило систему ценностей жителей, проживающих на территории созданных государств и придерживающихся определенной культуры быта и поведения. Общественные идеалы стали подменяться идеалом правовым. Правовой идеал частично обобщил идеалы общественной и духовной жизни такие, как справедливость, свобода, добро выражающие истинно человеческие качества мировосприятия и придающие индивидуально правосознанию эмоциональную окраску. Неизбежно, при этом, субъективный интерес перекрывался интересами объективными.

Одним из признаков права признается его гарантированность государством, т.е. право подкреплено мерами государственного принуждения. Установление наиболее выгодного правопорядка обеспечивается принудительной силой государства через систему органов принуждения. Таким образом, правопорядок в обществе – следствие действия права, которое основывается на принудительной силе государства. Как известно, понятия «право» и «сила» могут соотноситься только двояким способом: «право силы» или «сила права». Первый считается характерным для недемократических государств, второй – для демократических, правовых. Однако и те, и другие используют как либеральные, так и насильственные методы управления. Разница лишь в пропорциях.

Как отмечал в 1905 г. Иоанн Восторгов, право само по себе не имеет никакого внутреннего содержания, и поэтому всегда «вырождается в силу». Очень часто беспредел, находящийся за пределами права, признается государством за право. «Право не устраняет гнев и ненависть. Основная причина трансформации жизни дает не право, однако, Бог. Истинность юридического права должна быть проверена силой морали» [2, с. 417–422].

В России право всегда соотносилось и продолжает соотноситься с силой, и лишь угроза применения силы и страх перед возможными негативными последствиями заставляют зна-

чительное количество населения государства действовать в соответствии с правом и законом.

Современную российскую систему ценностей, своеобразные правовые идеалы, определяет, во многом действующая Конституция Российской Федерации [7, с. 22]. Под идеалом следует понимать то, к чему стремится духовно и культурно развитая личность – нормативно-ценностный образец должного и обязанного в наиболее совершенной форме. Основной формой правовых ценностей выработанных общественным и правовым сознанием является их существование в виде присущих индивиду категорий: обобщенных представлений о свободе, равенстве, справедливости, должном, сущем.

Как писал И. Л. Солоневич, термин «конституция... имеет два не очень сходных значения: а) основные законы страны вообще и б) основные законы, ограничивающие власть главы правительства, – монарха или президента – это все равно.... Основные законы России, существовавшие до 1905 г., ограничивали монарха в вопросах вероисповедания и престолонаследия. Основные законы после 1905 г. ограничивали власть монарха и в законодательной области. Говоря иначе, и те, и другие были конституцией» [11, с. 104].

Вывод, который делает И. Л. Солоневич, на первый взгляд, кажется несколько неожиданным: это не конституция, но совершенно разные факторы, которые делают конкретным письменный или неписанный закон эффективным, особенно потому, что само понятие конституции имеет много неопределенностей и неясностей. Дело, следовательно, не в формальной и содержательной стороне: а в том, чьи интересы проводятся той или иной политикой, и как они регулируются государственными органами.

Как известно, нормы Конституции России в большинстве своем – нормы-принципы, нормы-цели, нормы-задачи. Конституция, как пишет В. И. Фадеев, не претендует на завершенность правового регулирования: очень многие общественные отношения на основе конституционных норм должны быть конкретизированы законодателем [14].

Система ценностных ориентаций Конституции сформулирована, в основном, в первой главе, определившей основные принципы взаимоотношений государства и его органов с обществом и оказывающей регулирующее воздействие на всю государственную и общественную жизнь.

К их числу следует отнести такие как правовое государство, демократия, права и свободы человека, суверенная государственность, ре-

спубликанскую форму правления, федерализм, социальное государство, светское государство, собственность, осуществление государственной власти путем разделения на три ветви, идеологическое и политическое многообразие, признание приоритета общепризнанных принципов и норм международного права перед внутренним законодательством и пр.

Рассмотрим некоторые из них, декларированные в качестве новелл отечественной Конституции. Так, например, как отмечает В. М. Сырых, в процессе формирования правового государства в России не отмечено какого-либо значительного прогресса. Напротив, в стране значительно увеличились количественно и качественно явления и процессы, которые противоречат целям правового государства [13].

О правовом государстве было много статей и мнений, обсуждаемых в дореволюционной и послереволюционной русской эмигрантской литературе. Начало века характеризовалось отчаянной попыткой российских либералов провозгласить и внедрить в практику идею верховенства закона.

Так, известный либерал С. Л. Франк писал в 1905 г.: «Старая античная идея полного поглощения личности государством, растворения без остатка всех духовных сил и помышлений в механизме государственной власти – это идея, следы которой еще так сильны и в наших учреждениях, и в наших умах, – противоречит современному нравственному сознанию и должна быть отвергнута решительно и безусловно.

Личность стоит выше государства, и никакое государство не может смотреть на нее только как на свое орудие.

Право должно служить обеспечению свободы, и всякий порядок, убивающий свободу, противоправен и незаконен» [15, с. 69–70].

У многочисленных приверженцев концепции правового государства в основе её лежит идея примата права. Современная концепция правового государства рассматривает такое в качестве установленного государственно-правового строя, в котором существующие ценности-нормы не могут быть отменены решением государства (суверена, верховной власти) и этим нормам-ценностям должны соответствовать все вытекающие из их смысла и предписаний правовые нормы. Контроль над соблюдением и соответствием существующих правовых норм и действий органов власти нормам-принципам возлагается на органы конституционного контроля. Но что может помешать государству пересмотреть статус этих норм-ценностей, если в ч. 3 ст. 55 Конституции

России закрепляется положение, в соответствии с которым «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»? Каковы основания такой необходимости? Сегодня ответ прост – политическая воля.

В рассуждениях сторонников правового государства наблюдается существенное противоречие: игнорируется факт, что тезис о необходимости или неизбежности перерастания государства в правовое есть лозунг, волеизъявление определенной политической группы. Это в известной степени императив, выдвинутый вполне произвольно, а не сама неизбежная и фатальная необходимость. Поэтому принятие или отрицание правового государства, либо вообще принятие или отрицание определенной модели государства должны быть сопоставлены с волей того конкретного народа или государства, к которому эти предложения или волеизъявления обращены.

Теория Ш.-Л. Монтескье и Дж. Локка о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную, сформировалась в эпоху буржуазных революций и рассматривалась в качестве средства ограничения всевластия монарха и защиты интересов нарождающейся буржуазии. С тех пор данная концепция претерпела значительные изменения. Ст. 10 Конституции России прямо закрепила термин «государственная власть», которая осуществляется на основе разделения. Таким образом, само понятие «разделение властей» представляется некорректным, но употребляющимся в качестве общепринятого, традиционного. Речь может идти только о ветвях единой государственной власти осуществляемой органами государственной власти – главой государства, парламентом, правительством и судами Российской Федерации. При этом, в качестве основного способа разделения власти ч. 3 ст. 11 Конституции России называет разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

О разделении власти в России говорил и И. Л. Солоневич, отмечая, что «русская конституция (кроме 1905 года) есть симфония власти: Царской, Церковной и Земской. Все три вида власти ограничивали самих себя, и ни одна не пыталась вторгаться в соседнюю ей область» [11, с. 105].

Принцип демократического государства, рассматриваемый как народовластие, закрепляется ст. 3 Конституции России и может быть реализован в двух основных формах – непосредственной и представительной. Демократическая идея, по Г. Кельзену, требует свободы для всех и без всяких исключений и с теми лишь исключениями, которые вытекают из условий общежития [18].

Приходится констатировать, что современное понимание термина «демократия» выхолощено до предела. Власть народа в России реализуется либо в масштабе местного самоуправления на сходах граждан, либо весьма незначительной частью народа, осуществляющей свое право на свободные выборы. В абсолютном большинстве государств мира власть осуществляется от имени народа. Возрождение институтов непосредственной демократии (и, в первую очередь, через широкое использование референдумов) краеугольный камень российской государственности.

Вместе с тем, не можем согласиться с мнением В. М. Сырых о необходимости предоставить «каждому ведущему социальному слою право направлять в эти органы своих представителей в пропорции, соответствующей доле этого социального слоя в гражданском обществе России» [13], которое, фактически, является возвратом к сословному представительству, а не народовластию. Но высказанная мысль вполне перекликается с мнением И. Л. Солоневича, считавшего представительство народа, состоящего из людей, и главным источником суверенитета, то есть, то, что пыталась так неудачно повторить Европа под брендом корпоративного народного представительства [12, с. 316].

Таким образом, значительная часть нормативных установок, закрепленных первой главой Конституции России и провозглашенных в качестве основных правовых ценностей современной российской государственности, имеет ярко выраженный целевой характер, т.е. они являются, по своей сути, обобщенной отдаленной перспективой, к которой нужно стремиться.

Источники и литература

1. Балаянц М. С. Сущность ценностного подхода к праву // История государства и права. 2007. №3. С. 14.
2. Восторгов И. Полное собрание сочинений. Т.3. СПб.: Царское дело, 1995. 793 с.
3. Евдеева Н. В. Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород: ННГУ, 2005. 26 с.
4. Ерофеев А. А. Ценностный подход в конституционном праве // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №19 (234). С. 43–46.
5. Залоило М. В., Черкашина-Шмидт О. В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. №4. С. 42–44.
6. Карнаушенко Л. В. Интегративное правопонимание: особенности, возможности, возражения // История государства и права. 2013. №21. С. 50–51.
7. Конституция в XXI в.: Сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Юрайт, 2011. 655 с.
8. Мишина И. Д. Нравственные ценности в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮА, 1999. 27 с.
9. Нерсисянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. №3. С. 101.
10. Сигалов К. Е. Синергетическая организация права: теория и реальность // История государства и права. 2011. №19. С. 76.
11. Солоневич И. Л. Белая империя. М: Молодая гвардия, 1997. 368 с.
12. Солоневич И. Л. Народная монархия. М: Молодая гвардия, 1997. 512 с.
13. Сырых В. М. Правовое государство как идеал развития русской государственности // Российский юридический журнал. 2013. №2. С. 121–124.
14. Фадеев В. И. Конституция Российской Федерации: проблемы развития и стабильности // Lex russica. 2013. №12. С. 97.
15. Франк С. Л. Сочинения. М.: Юрлитиздат, 1990. 608 с.
16. Четвернин В. А. Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. 2007. №1. С. 88–89.
17. Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: НА МВД России, 2007. 35 с.
18. Kelsen H. Vom Wesen und Wert der Demokratie. Tübingen, 1920. P. 123.

References

1. Balayants M. S. Sushnost cennostnogo podhoda k pravu (*The essence of the value approach to the right*) // History of State and Law. 2007. No.3. P. 14. (In Russian).
2. Vostorgov I. Polnoe sobranie sochinenii (*Full. cit.*) Op. 3. St. Petersburg: Royal affair, 1994. 793 p. (In Russian).
3. Evdeeva N. V. Integrativnye teorii pravoponimaniya v sovremennoi Rossii (*Integrative Theory of law in modern Russia*): abstract of thesis. Nizhny Novgorod: NNsU Publ., 2005. 26 p. (In Russian).
4. Erofeev A. A. Tcennostnyi podhod v konstitucionnom prave (*The value approach in constitutional law*) // Herald of the Chelyabinsk State University. 2011. No.19 (234). P. 43–46. (In Russian).
5. Zaloilo M. V., Cherkashina-Schmidt O. V. Integrativnoe pravopopnimanie: novyi podhod (*Integrative legal thinking: a new approach*) // Journal of Russian law. 2014. No.4. P. 42–44. (In Russian).
6. Karnaushenko L. V. Integrativnoe pravopopnimanie: osobennosti, vozmozhnosti, vozrazheniya (*Integrative legal understanding: features, opportunities, objections*) // History of State and Law. 2013. No.21. P. 50–51. (In Russian).

7. Konstituciya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie (*The constitution in the XXI century: The comparative legal research*) / ed. by V.E. Chirkin. M., 2011. P. 22. (In Russian).
8. Mishina I. D. Nravstvennye cennosti v prave (*Moral values in law*): absrtact of thesis: UsLA Publ., 1999. 27 p. (In Russian).
9. Nersesyants V. S. Philosophia prava: libertarno-iuridicheskaja koncepcija (*Philosophy of Law: libertarian legal concept*) // Problems of Philosophy. 2002. No.3. P. 101. (In Russian).
10. Sigalov K. E. Sinergeticheskaja organizaciya prava (*Synergistic Law Organization: Theory and Reality*) // History of State and Law. 2011. No.19. P. 76. (In Russian).
11. Solonevich I. L. Belaia Imperia (*White Empire*). M.: Molodaya gvardia, 1997. 368 p. (In Russian).
12. Solonevich I. L. Narodnaia Monarhia (*The monarchy of people*). M.: Molodaya gvardia, 1991. 512 p. (In Russian).
13. Syryh V. M. Pravovoe gosudarstvo kak ideal pazvitiia russkoi gosudarstvennosti (*The rule of law as an ideal development of Russian statehood*) // The Russian legal magazine. 2013. No.2. P. 121–124. (In Russian).
14. Fadeev V. I. Konstitucia Rossijskoi Federacii: problemy razvitiia i stabilnosti (*The Constitution of the Russian Federation: problems of development and stability*) // Lex russica. 2013. No.12. P. 97. (In Russian).
15. Frank S. L. Sochinenia (*Works*). M.: Yurilitizdat, 1990. 608 p. (In Russian).
16. Chetvernin V. A. Sovremennaja libertarno-uridicheskaja teorija (*Modern libertarian legal theory*) // Yearbook of libertarian legal theory. 2007. No.1. P. 88–89. (In Russian).
17. Shishkin V. V. Sinergeticheskij podhod v tvorii prava (*Synergetic approach to the theory of law*): abstract of thesis. Nizhny Novgorod: NA of the MIA of Russia, 2007. 35 p. (In Russian).
18. Kelsen H. Vom Wesen und Wert der Demokratie (*The nature and value of democracy*). Tubingen, 1920. 123 p. (In German).

УДК 347.2

М. А. Бычко, М. П. Мельникова

МАШИНО-МЕСТО КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Российский законодатель, наконец, определил правовую природу машино-места, пойдя по пути упрощения его гражданско-правового оборота. С 1 января 2017 года в Гражданском кодексе Российской Федерации оно значится как самостоятельный объект недвижимого имущества. Изменениям подверглись нормы Градостроительного кодекса РФ, законодательства о кадастровом учете,

о государственной регистрации недвижимости, вступили в силу акты Минэкономразвития РФ, закрепляющие, конкретизирующие и уточняющие понятие и правовой режим машино-мест.

Ключевые слова: машино-место, парковочное место, недвижимость, кадастровый учет, государственная регистрация недвижимости.

M. A. Bychko, M. P. Melnikova

PARKING SPACE AS A NEW OBJECT OF REAL ESTATE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

The Russian legislator has finally determined the legal nature of a parking lot by means of simplification of its civil law circulation. Since 1 January 2017 the Civil Code of the Russian Federation defines it as an independent object of real estate. The changes affected the norms of the Town Planning Code, the cadastre law, state registration of real estate

law. The acts of the Russian Federation Ministry of Economic Development, which codify, specify and clarify the concept and the legal regime of a parking lot, have come into force.

Key words: parking space, parking lot, real estate, cadastral registration, state registration of real estate.

Теоретики и практики давно пытались прийти к единому пониманию и выработать единые правила для оборота машино-мест, но это не удавалось. Мнения уполномоченных органов, осуществляющих государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и судов по

этому вопросу разделились, что привело к противоречивой правоприменительной практике в разных регионах. Причины крылись в самом понимании недвижимости, определении признаков и круга объектов, которые допустимо называть недвижимыми вещами. Закон не дал

исчерпывающего перечня недвижимых вещей и не выработал безусловных признаков отнесения вещи к недвижимой. Поэтому ряд теоретиков и судебная практика нередко, используя аналогию, признавали машино-места объектами недвижимости со всеми вытекающими из этого последствиями [8]. Не мало примеров, когда судебная практика относительно машино-мест позволяет их наследовать, накладывать на них арест и т.п. Чаще всего, говоря о машино-месте, речь шла о части недвижимой вещи. Сегодня можно вслед за законодателем машино-место назвать самостоятельным объектом недвижимости. Но не все цивилисты согласны с таким положением вещей.

Так, например, по мнению Е. А. Суханова [1], недвижимостью правильно признавать только земельные участки, как это принято в германском праве. Все что расположено на земельных участках это их составные части. Например, здание на земельном участке – это составная часть земельного участка. Так закреплено в Европе, подобное правило было заложено в классическом римском праве. С этим согласен и В. В. Витрянский. Сложившийся в России подход к недвижимости В. В. Витрянский, стоявший у истоков создания современного Гражданского кодекса Российской Федерации, объясняет обстановкой, историческими условиями, складывавшимися в 1990-е гг., когда создавался Гражданский кодекс России. В то время надо было обеспечить оборот зданий и сооружений. Они уже в результате активно шедших приватизационных процессов, имели конкретных собственников, а все земельные участки были в собственности государства. Пришлось перевернуть давно заложенную правом схему и ввести принцип единства судьбы земельного участка и расположенной на нем недвижимости. Именно тогда было закреплено, что земля следует за недвижимостью, а не наоборот, как это установлено в других правовых порядках. И уже тогда стал вопрос и о жилых помещениях. Что это самостоятельный объект недвижимости или нет? Разумно было сказать, что нет, но возникал следующий вопрос, что тогда приватизировали граждане, собственниками чего становились? 1/1000 доли в праве собственности на жилой дом? Это выглядело неразумно. И только сегодня, отмечает В. В. Витрянский, когда формируются рыночные отношения, появляются собственники земельных участков, исторические условия позволяют следовать германской и иным моделям и признавать единую судьбу вещи, где земельный участок и стоящее на нем здание, сооружение – это единая

недвижимая вещь [1]. В этом направлении сегодня идет процесс совершенствования гражданского законодательства.

Р. С. Бевзенко [1], анализирует две условно существующие модели организации оборота недвижимости – Западно-Европейскую, где земля – недвижимая вещь, а стоящие на ней здания ее составные части, и модель, присущую арабским государствам, странам Залива, Таиланду и т.п., где вся земля изъята из оборота, нет частной собственности на землю. Это собственность короля, шейхов. Это же положение присуще англо-американскому праву. В Англии вся земля принадлежит короне, в США тоже нет частной собственности на землю. Есть частная собственность на здания, а на землю под ними имеются иные права – права застройки, аренды. Наша юрисдикция была близка ко второй модели.

Что касается режима машино-мест, то по мнению Е. А. Суханова [1], он зависит от их расположения. Так, если машино-место расположено на асфальтовом покрытии с расчерченными границами надо говорить о земельном участке и праве на земельный участок, предназначенный для размещения автомобилей. Если речь идет об отдельно стоящем гараже на 2, 5, 10 и т.д. машино-мест, то речь идет об одном объекте недвижимости, находящемся в долевой собственности, где есть собственники 1/10, 1/20 этого объекта недвижимости в долю которого входит место для машины. В эту же долю входят стены, крыша, цоколь и т.п., которые надо содержать и обслуживать. При таком режиме у собственников не возникает вопрос, почему я должен содержать стены, крышу и т.п. Если же управляющая компания пускает их в оборот и извлекает из этого доход, то это, по мнению Е. А. Суханова, уже злоупотребление. Когда речь идет о «народном гараже», многоэтажных стоянках, то возможно не только применять режим долевой собственности, но и создавать гаражный кооператив. Это нормальный юридический путь, а отступления от него – злоупотребления, которыми занимаются управляющие компании.

Но на практике мы видим отсутствие единства в понимании статуса машино-места. Разные подходы сложились в российских регионах. Так в Москве уже с 2006 года «кусочки» пола регистрировали как объекты недвижимости, описывали их как помещения, ставили на кадастровый учет и регистрировали право собственности на самостоятельные объекты недвижимости. Р. С. Бевзенко этот подход кажется неправильным. Он это обосновывает

следующим образом [1]. Если представить, что помещение, парковочный зал разделить на парковочные места – машино-места и зарегистрировать на эти прямоугольники право собственности как объекты недвижимости, то возникает вопрос, а чьи стены, проезды, потолок, опорные колонны, ворота? В этой модели нет идеи общего имущества парковочного зала собственников машино-мест мест. Этому же пути, по свидетельству Б. М. Гонгало [1], последовал Екатеринбург. В Ставрополе и ряде других городов эта модель тоже была воспринята как основная, но не единственная.

В Санкт-Петербурге была принята иная модель. Росреестр всегда регистрировал права на долю собственности в парковочном зале: доля 1/15, 1/30 и т.п. Но здесь тоже есть недостатки – нет идеи записи в реестре какое машино-место закреплено за собственником доли. Есть доля, но она не выделена в натуре. При продаже доли не ясно, какое место продается. Самый большой минус этой модели заключается в необходимости применять правила режима общей долевой собственности при отчуждении машино-места, а именно соблюдать правила о преимущественном праве покупки всех остальных участников права общей долевой собственности. Таких сособственников могло быть и 20, 50 и более. В случае привлечения нотариуса к такой продаже, а это стало обязательным со 2 июня 2016 г. [11], рассылка нотариусом уведомлений всем сособственникам обходится в «копеечку». Кроме того, продавцы нередко сталкивались с ситуацией требования «отступных», от сособственников, прежде чем они дадут отказ от преимущественного права покупки. Если сособственников много, то процедура становилась очень затратной и продажа превращалась в бессмысленную. Естественно появились схемы обхода этих неудобств – а именно вместо заключения договоров купли-продажи, заключались договоры дарения. Как отмечал нотариус А. Комаров, «чуть ли не 99 % сделок на вторичном рынке машино-мест недействительны, так как для обхода прав преимущественной покупки по статье 250 ГК РФ заключаются дарением» [6].

Неоднозначность подходов на практике создала ситуацию, когда на вопрос адресованный регистратору Свердловской области он ответил: «как бумаги принесут так и регистрируем: если принесут расчерченный участок машино-место – и просят зарегистрировать право собственности – регистрируем, если нет, регистрируем право общей долевой собственности» [1].

Наконец сегодня законодатель определился со статусом машино-места, принял практику

Москвы за наиболее разумную и определил машино-место в качестве объекта недвижимости.

Статья 130 ГК РФ дополнена абзацем: «К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке» [12]. Из данного положения сразу мы видим, что речь идет все же о «частях зданий или сооружений». То есть, законодатель в ГК РФ не закрепил в качестве машино-мест расчерченные открытые парковки возле домов и т.п. Их статус и режим использования так и остается не понятен. По всей видимости, в случаях обустройства парковки на территории, прилегающей к жилому дому, следует как и прежде руководствоваться нормами Жилищного кодекса РФ, говоря об общей долевой собственности собственников помещений в многоквартирном доме. В случае нехватки парковочных мест для всех собственников жилого дома, что бывает очень часто, проблема вновь будет решаться на усмотрение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, ведь именно оно правомочно согласно п. 2 ч. 2 статьи 44 ЖК РФ принимать решение относительно использования земельного участка, на котором расположен дом. А здесь сложно исключить злоупотребления.

Кроме того, ввиду законодательного закрепления термина «машино-место» в Гражданском кодексе РФ и Градостроительном кодексе РФ, где пункт 29 статьи 1 дает следующую трактовку «машино-место – предназначенная исключительно для размещения транспортного средства индивидуально-определенная часть здания или сооружения, которая не ограничена либо частично ограничена строительной или иной ограждающей конструкцией и границы которой описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке» [10], уже нельзя говорить о синонимичности понятий машино-место и парковочное место, что неоднократно предлагалось ранее [4]. Градостроительный кодекс теперь содержит два понятия и понятие «парковка (парковочное место)» и понятие «машино-место». Анализ этих понятий, на наш взгляд, не позволяет отнести парковку возле жилого дома ни к одному из них. Ведь парковочное место это «специально обозначенное ... место, являющееся в том числе частью автомобильной

дороги и (или) примыкающее к проезжей части и или тротуару, обочине, эстакаде или мосту либо являющееся частью подэстакадных или подмостовых пространств, площадей или иных объектов улично-дорожной сети и предназначенное для организованной стоянки транспортных средств...» [10]. Мы вновь сталкиваемся с отсутствием регулирования парковок возле домов и появления третьей категории, помимо законодательно закрепленных. На сегодняшний день имеется машино-место, парковочное место (парковка) и нечто третье – что не имеет специального регулирования, но реально существует на практике – парковки на земельных участках, прилегающих к жилым домам.

По всей видимости, об этом говорил В. В. Витрянский в ходе круглого стола «Особенности правового регулирования объектов недвижимости» [1] заявляя, что ввели машино-места как новый объект недвижимости, но позитивного регулирования нет. Хотя бы подумали, что машино-места надо дифференцировать, правовой режим машино-мест зависит от того, где они расположены: одно дело – на автостоянке, другое дело в народных гаражах, совсем другое дело – в подвале жилых домов, где при проектировке это было заложено.

По этому же поводу высказывался П. Крашенинников, анализируя внесенный в Госдуму проект нового закона «Закон о гаражах и гаражных объединениях», автором которого он является. Предметом законопроекта он видит машино-места, гаражи, а по поводу стоянок на земельном участке говорит: «... на земле – это отдельная история. Дело в том, что стоянки на земле на придомовой территории не могут быть в собственности граждан. Потому что придомовая территория входит в общее имущество многоквартирного дома наряду с другим общим имуществом, как лестничные клетки, подвалы или крыша – это все является общей собственностью дома. В том числе и те места, что нарезают и очерчивают, они тоже являются общей собственностью и могут выделяться только в пользование. Это касается стоянок, которые на придомовой территории» [5]. В данном контексте не безынтересно привести опыт Германии. Там подобные места для парковок имеют конкретные номера и переданы в аренду владельцам. Никто другой не имеет права занять это парковочное место под страхом солидного штрафа, накладываемого полицией при обращении владельца-арендатора [2]. Что касается передачи машино-места в собственность, то в Германии это возможно

только при условии возможности обособить его при помощи долгосрочной маркировки. Например, возведя деревянное, каменное, бетонное ограждение. Простой покраски контуров недостаточно, так как она стирается в процессе проезда [8]. Наш законодатель в этой части максимально упростил возможность выделения машино-места как объекта собственности. По смыслу нового законодательства машино-место достаточно обозначить путем нанесения краской на поверхность пола разметки или путем использования наклеек и иными способами.

Несмотря на то, что закон принят, многие юристы считают, что он не решает всех нюансов вопроса. Например, до каких пределов распространяется право на машино-место в помещении: иными словами, это лишь прямоугольник на полу или соответствующая фигура тянется до потолка? Кто будет собственником проездов и проходов к машино-местам и кто станет отвечать за их состояние?

Р. С. Бевзенко по этому поводу говорит, что законодатель пошел по пути московского подхода, хотя питерский более юридически верный. Его надо было немного подкорректировать, написав в Законе о регистрации всего несколько фраз, а именно: «При регистрации долевой собственности на парковочный зал делается отметка о том кто пользуется каким машино-местом». Или нечто подобное. Реформа прошла. Никто не написал о режиме общего имущества собственников парковочного зала. Будут вечные споры – обвалился кусок потолка над машино-местом, собственник этого машино-места обратится к другим владельцам, предложив сделать ремонт, на что получит отрицательный ответ. Они не являются собственниками стен. Эта же проблема возникает при ремонте системы вентиляции, ворот и т.п. Т.е. идея выделения машино-мест как объектов недвижимости с точки зрения Р.С. Бевзенко глубоко не правильная, порочная. При этом Р. С. Бевзенко обращает внимание на тот факт, называя его «смешным», что в переходных положениях закона, вводящего нормы о машино-местах есть одна норма, которая гласит, что если вы ранее были собственником доли в парковочном зале (т.е. как регистрировали в Петербурге) то вы можете трансформировать ее в собственность на конкретное машино-место, и при этом у вас возникает право общей долевой собственности на имущество паркинга. Это свидетельствует о том, что правильную, юридически грамотную модель закрепил

законодатель, но в качестве исключения, переходной нормы. Эту норму предложил Минюст РФ [1]. Получается сегодня на практике, чтобы сделать правильно, надо зарегистрировать долевую собственность, потом трансформировать ее в собственность на машино-места.

Отсюда следует, чтобы ввести машино-место в полный гражданский и экономический оборот, необходимо разработать механизм его переоформления из долевой собственности в индивидуальную. Предполагается, что при наличии регистрации общей долевой собственности на помещение каждый собственник получает право выделить свою долю и оформить свое машино-место. Но как это будет происходить конкретно, пока до конца не ясно. Благо, нет необходимости заниматься переоформлением там, где машино-места уже зарегистрированы как самостоятельные объекты недвижимости, даже несмотря на принятый Минэкономразвития РФ приказ от 7.12.2016 г. [7], установивший с 1.01.2017 г. минимально и максимально допустимые размеры машино-места. Собственникам уже зарегистрированных машино-мест как объектов недвижимости переоформлять правоустанавливающие документы не надо, даже если их машино-места не соответствуют установленным максимально и минимально допустимым размерам.

И еще один практически важный для собственников машино-мест аспект – налоговый. Если ранее оформленные как недвижимость машино-места расценивались как нежилые помещения с вытекающей отсюда налоговой ставкой до 0,5 и невозможностью применения налоговых вычетов, то сегодня согласно информации ФНС России от 08.12.2016 г. в связи с четким законодательным определением машино-места при «расчете налога на имущество физических лиц за машино-место исходя из кадастровой стоимости применяется налоговая ставка не более 0,3 %» [3]. В связи с этим ФНС дает следующие разъяснения: «если в

свидетельстве о государственной регистрации права собственности указано наименование объекта – машино-место, то такой собственник может обратиться в налоговую инспекцию за перерасчетом налога либо предоставлением налоговой льготы. Если же в свидетельстве о собственности не указано, что объект является машино-местом, однако фактически он отвечает требованиям, предъявляемым законодательством к машино-местам, то для изменения наименования объекта собственник может обратиться с заявлением в органы Росреестра, начиная с 2017 г. После этого информация поступит в налоговые органы для расчета налога на имущество физических лиц» [3]. К сожалению, в указанном документе ФНС, по видимому ошибочно исключив дефис из слова «машино-место» применила еще один термин «машиноместо», взяв его в кавычки якобы из ФЗ №315 от 03.07.2016 г. В указанном Законе написание термина иное – «машино-место». Надеемся, что указанное недоразумение не повлечет правовых последствий на практике. А вот что касается требования наличия указанного термина в Свидетельстве о собственности, здесь ситуация посложнее. Выходит, все кто имеет свидетельства на долю в праве, как это практиковалось в Санкт-Петербурге и ряде других городов, должны в целях сокращения налогообложения пройти заново всю процедуру оформления права на машино-место. Ведь если наличие соответствующего действующему законодательству документа не всегда важно для граждан, то размер ежегодных налоговых платежей имеет существенное значение для всех. Как органы Росреестра будут справляться с наплывом подобных обращений граждан, выработают ли упрощенный механизм перерегистрации пока не известно. Да и обидно, что пострадают именно те регионы, которые при отсутствии ясности оформления машино-мест избрали более юридически верный подход.

Источники и литература

1. Всероссийский спутниковый онлайн-семинар «Круглый стол «Особенности правового регулирования объектов недвижимости» URL: <http://www.aero.garant.ru/seminars/> (Дата обращения: 09.01.2017).
2. Госрегистрация недвижимости по новым правилам с 2017 года // КонсультантПлюс. 2015.
3. Информация ФНС от 08.12.2016 «О налогообложении принадлежащих физическим лицам машиномест» URL: <https://www.nalog.ru> (Дата обращения: 09.01.2017).
4. Майборода В. А. Парковочное место в гражданском обороте в качестве объекта недвижимости // Правовые вопросы недвижимости. 2016. №2. // КонсультантПлюс. 2016.
5. Машине – место // Российская газета. 2016. №6977.
6. Машиноместо станет недвижимостью: делимся подробностями URL: <http://www.finance.rambler.ru/news/2016-07-22/mashinomesto-stanet-nedvizhimostyu> (Дата обращения: 05.01.2017).
7. Приказ Минэкономразвития России от 07.12.2016 №792 «Об установлении минимально и максимально допустимых размеров машино-мест // КонсультантПлюс. 2017.

8. Старцева Ю. В. Покупка места на парковке. Когда суд признает такой объект недвижимым // Арбитражная практика. 2015. №2. С.76–80.
9. Федеральный закон №156-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» от 17.07.2015 // Российская газета. 2015. №156.
10. Федеральный закон №190-ФЗ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 // Российская газета. 2004. №290.
11. Федеральный закон №172-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.06.2016 // Российская газета. 2016. №121.
12. Федеральный закон №315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.07.2016 // Российская газета. 2016. №149.

References

1. Vserossiiskij sputnikovyj onlajn-seminar «Kruglyj stol «Osobennosti pravovogo regulirovaniya ob'ektov nedvizhimosti» (All-Russian satellite online seminar «A round table «Peculiarities of legal regulation of real estate objects»)). URL: <http://www.aero.garant.ru/seminars/> (Accessed: 09.01.2017). (In Russian).
2. Gosregistracija nedvizhimosti po novym pravilam s 2017 goda (State registration of the real estate by new rules since 2017) // Konsul'tantPljus. 2015. (In Russian).
3. Informacija FNS ot 08.12.2016 «O nalogooblozhenii prinadlezhashhih fizicheskim licam mashinomest» (Information of FTS of 12/8/2016 «On taxation of parking lots belonging to natural persons»). URL: <https://www.nalog.ru> (Accessed: 09.01.2017). (In Russian).
4. Majboroda V. A. Parkovochnoe mesto v grazhdanskom oborote v kachestve ob'ekta nedvizhimosti (The parking lot in civil circulation as a real estate object) // Pravovye voprosy nedvizhimosti. 2016. No. 2. (In Russian).
5. Mashine – mesto (A place for the car) // Rossijskaja gazeta. 2016. No. 6977.
6. Mashinomesto stanet nedvizhimost'ju: delimsja podrobnostjami (The parking place will become the real estate: we share details). URL: <http://www.finance.rambler.ru/news/2016-07-22/mashinomesto-stanet-edvizhimostyu> (Accessed: 05.01.2017). (In Russian).
7. Prikaz Minjekonomrazvitija Rossii № 792 «Ob ustanovlenii minimal'no i maksimal'no dopustimyh razmerov mashinomest» ot 07.12.2016 (On establishing minimum and maximum admissible sizes of parking places) // Konsul'tantPljus. 2016. (In Russian).
8. Starceva Ju. V. Poкупка mesta na parkovke. Kogda sud priznaet takoj ob'ekt nedvizhimym (Purchase of a parking lot. When will the court recognize it as a real estate object) // Arbitrazhnaja praktika. 2015. No. 2. (In Russian).
9. Federal'nyj zakon № 156-FZ «O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti» ot 17.07.2015 («On state registration of real estate») // Rossijskaja gazeta. 2015. No. 156. (In Russian).
10. Federal'nyj zakon ot 29.12.2004 № 190-FZ «Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» («The town-planning code of the Russian Federation») // Rossijskaja gazeta. 2004. No. 290. (In Russian).
11. Federal'nyj zakon ot 02.06.2016 № 172-FZ «O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» («On introduction of amendments to certain legal acts of the Russian Federation») // Rossijskaja gazeta. 2016. No.121. (In Russian).
12. Federal'nyj zakon ot 03.07.2016 N 315-FZ «O vnesenii izmenenij v chast' pervuju Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» («On introduction of changes into part one of the Civil code of the Russian Federation and certain acts of the Russian Federation») // Rossijskaja gazeta. 2016. No.149. (In Russian).

УДК 347.191.11

Д. М. Дзутцева, А. Т. Кабалоева

ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В данной статье рассмотрены проблемы современного регулирования ответственности за нарушение прав участников корпоративных отношений направленных на защиту интересов корпоративного юридического лица и его участников от негативных последствий, вызванных нарушением их корпоративных прав. В статье анализируются особенности ответственности, применяемой к субъектам корпоративных пра-

воотношений. Авторами предпринята попытка обосновать особенности корпоративной ответственности, позволяющие характеризовать ее в качестве самостоятельного института корпоративного права.

Ключевые слова: корпоративная ответственность, юридическая ответственность, юридические лица, акционерные общества.

D. M. Dzutseva, A. T. Kabaloeva

FEATURES OF CORPORATE RESPONSIBILITY

The article describes the problems of modern regulation of responsibility for violation of the rights of participants of corporate relations to protect the interests of the corporate entity and its participants from negative consequences caused by the violation of their corporate rights. The article analyzes the peculiarities of liability that applies to the subjects

of corporate relations. The authors attempt to justify the peculiarities of corporate responsibility, allowing to characterize it as independent of the Institute of corporate law.

Key words: corporate responsibility, legal responsibility, legal entity, joint-stock companies.

Ответственность, применяемая к субъектам корпоративных правоотношений, являясь разновидностью юридической ответственности, имеет свои особенности. Наличие таких особенностей корпоративной ответственности связано со спецификой самих корпоративных отношений, отнесенных к предмету регулирования гражданского законодательства, но имеющих в арсенале охранительных мер меры публично-правового воздействия.

Некоторые авторы особенности корпоративной ответственности выводят из ее целей, субъектного состава, источников установления ответственности, а также отдельных особенностей основания и условий ответственности [19, с. 13].

Рассмотрим подробнее особенности корпоративной ответственности, позволяющие характеризовать ее в качестве самостоятельного института корпоративного права.

Прежде всего, к особенностям ответственности в корпоративных отношениях следует отнести источники ее установления. Так источником норм о корпоративной ответственности могут выступать не только нормы российско-

го законодательства, а также уставы, учредительные договоры, заключенные учредителями хозяйственных товариществ, внутренние документы корпоративных юридических лиц, соглашения.

Устав юридического лица должен содержать сведения о наименовании юридического лица, его организационно-правовой форме, месте его нахождения, порядке управления деятельностью юридического лица, а также другие сведения, предусмотренные законом для юридических лиц соответствующих организационно-правовой формы и вида ст. 52 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [2].

По акционерному соглашению (договор об осуществлении прав, удостоверенных акциями, и (или) об особенностях осуществления прав на акции) [17] представленные в нем стороны обязаны осуществлять определенным образом права, удостоверенные акциями, и (или) права на акции и (или) воздерживаться (отказываться) от осуществления указанных прав, кроме этого могут выделяться и способы обеспечения исполнения обязательств,

предусмотренные соглашением, а так же меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязательств.

В качестве мер ответственности в акционерном соглашении могут предусматриваться возмещение причиненных нарушением соглашения убытков, взыскание неустойки (штрафа, пеней), выплата компенсации (твердой денежной суммы или суммы, подлежащей определению в порядке, указанном в акционерном соглашении) и иные меры ответственности в связи с нарушением акционерного соглашения.

Д. И. Степанов указывает, что ни законодательство, ни практика его применения не вносят ясности в вопрос о пределах определения санкция за нарушение акционерных соглашений, за создание неразрешимых конфликтных ситуаций, могут или такие меры быть направлены на поражение в корпоративных правах вплоть до принудительного выкупа акций (доли) виновного участника [11, с. 471].

При этом автор справедливо полагает, что свобода договора может выступать основой для негативных имущественных санкций, вплоть до лишения прав участия в корпорации.

Важным моментом является то, что статьей 32.1 Закона об акционерных обществах не только устанавливается новый источник норм о корпоративной ответственности, но и закрепляется новая мера такой ответственности – компенсация за неисполнение (ненадлежащее исполнение) акционерного (корпоративного) соглашения. Данное обстоятельство отмечает в своей работе Ю. П. Праслов [10, с. 11].

Существенной особенностью корпоративной ответственности является то, что к ней могут привлекаться только участники корпоративных правоотношений. Такая особенность корпоративной ответственности соответствует основному предназначению юридической ответственности выступать средством обеспечения исполнения обязанности. Меры корпоративной ответственности направлены на обеспечение исполнения обязанностей, возложенных на субъектов корпоративных правоотношений.

Следующей особенностью корпоративной ответственности является то, что к субъектам корпоративных правоотношений, неисполняющим свои обязанности надлежащим образом, могут применяться меры ответственности, предусмотренные различными отраслями права. Законодательством предусмотрено привлечение субъектов корпоративных правоотношений к имущественной, дисциплинарной

материальной, административной и уголовной ответственности. Корпоративная ответственность состоит в применении санкций, предусмотренных различными отраслями права, в том числе законодательными актами, регулирующими исключительно корпоративные правоотношения.

Так, гражданским правом предусмотрена ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица (ст. ст. 15, 53.1 ГК РФ).

Статья 71 Закона об акционерных обществах предусматривает ответственность, управляющей организации или управляющего перед обществом за причиненные ему убытки их виновными действиями.

Статья 44 Федерального закона от 08.02.1998 №14 – ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [18] (далее – Закон об ООО) устанавливает ответственность членов совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнительного органа общества, членов коллегиального исполнительного органа общества и управляющего за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием).

Нормы специальных законов в приведенных примерах дублируют положения общих норм, содержащихся в ГК РФ, предусматривающих применение имущественной ответственности, направленной на восстановление положения существовавшего до нарушения права.

Так, Трудовой кодекс Российской Федерации (далее ТК РФ) [15] предусматривает статьи привлечения субъектов корпоративных правоотношений к дисциплинарной ответственности.

Нарушение требований корпоративного законодательства участниками корпоративных правоотношений образует состав некоторых административных правонарушений, предусмотренных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее КоАП РФ) [5]. К таким правонарушениям, в частности, относятся: нарушение требований законодательства, касающихся представления и раскрытия информации на финансовых рынках (ст. 15.19 КоАП РФ) и другие (ст. 15.22, ст. 15.23.1 КоАП РФ).

Ну и наконец, примером привлечения участника корпоративного отношения к уголовной ответственности выступает ст. 185.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [16], устанавливающая ответственность

за злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах, либо предоставление заведомо неполной или ложной информации, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Возможность привлечения субъектов корпоративных правоотношений к ответственности различных видов (имущественной, дисциплинарной материальной, административной и уголовной ответственности) обуславливает еще одну специфическую черту ответственности корпоративной ответственности – за одно и то же нарушение корпоративных обязанностей к виновному лицу могут быть применены меры наказания, предусмотренные различными отраслями права. Причем особенностью корпоративной ответственности является возможность одновременного применения к правонарушителю нескольких видов ответственности за одно и то же деяние. Данное свойство корпоративной ответственности В. А. Захаров объясняет тем обстоятельством, что предусмотренная нормами публичных отраслей права ответственность, имеющая карательно-штрафную функцию, допускает применение за одно правонарушение и гражданско-правовой (имущественной) ответственности, выполняющей компенсационно-восстановительную функцию [3, с. 171].

Рассматриваемая особенность корпоративной ответственности может быть продемонстрирована на примере ответственности руководителя акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью, виновного в нарушении требований законодательства о порядке подготовки и проведения общих собраний акционеров или участников общества. Приведенное в качестве примера действие (бездействие) руководителя корпоративного юридического лица, нарушает права его участников и образует состав административного и гражданского правонарушения. В этом случае должностное лицо корпорации может быть привлечено к административной ответственности в виде наложения на него штрафа (ст. 15.23.1 КоАП РФ). Если это же действие (бездействие) лица, уполномоченного выступать от имени общества, привело к причинению этому обществу убытков, то оно, при условии доказанности недобросовестности и неразумности таких действий, обязано возместить причиненные убытки (ст. 53. 1 ГК РФ).

Другим примером одновременного применения различных видов ответственности в рамках корпоративных отношений можно назвать случае выявления нарушений требований законодательства о раскрытии или предоставлении информации о ценных бумагах. Так руководитель корпоративного юридического лица может быть привлечен либо к административной ответственности, предусмотренной ст. 15.19 КоАП РФ, либо в случае выявления злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах, либо предоставление заведомо неполной или ложной информации, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству, к уголовной ответственности в соответствии со ст. 185.1 УК РФ. Одновременно с этим такой руководитель может быть привлечен к имущественной ответственности в форме взыскания причиненных юридическому лицу убытков.

Отнесение к субъектам корпоративных отношений самих корпораций обуславливает еще одну специфику корпоративной ответственности. К ним применяются не все меры корпоративной ответственности, предусмотренные различными отраслями права. Такая особенность связана со спецификой некоторых отраслей права. Речь, прежде всего, идет об уголовном праве России, так УК РФ не рассматривает в качестве субъекта уголовной ответственности юридические лица (ст. 19 УК РФ), данное правило подтверждается и определением Верховного Суда РФ [8]. Поэтому за преступление, предусмотренное ст. 185.1 УК РФ, к ответственности привлекаются только физические лица. В ситуации, когда полномочия единоличного исполнительного органа акционерного общества переданы по договору коммерческой организации (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющему), к уголовной ответственности может быть привлечен только управляющий – индивидуальный предприниматель или сотрудники управляющей организации.

В теории отечественного уголовного права встречаются предложения рассматривать в качестве субъектов уголовной ответственности и юридические лица. Следует отметить, что такая правовая конструкция существует в праве некоторых зарубежных государств [4, с. 110–111, 13, с. 73–74]. Отечественные правоведы видят возможным предусмотреть случаи уго-

ловной ответственности юридических лиц за действия физического лица. Такая ответственность, по мнению Б. В. Волженкина, может применяться при совокупности определенных условий совершения преступного деяния, которым автор относит совершение действия с разрешения юридического лица или его уведомления, совершение действия в интересах юридического лица, совершение действия лицом, имеющим полномочия выступать от имени юридического лица [1, с. 109].

Возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц предусмотрена Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции, [7] принятой в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (вступила в силу для России 8 июня 2006 г.).

В качестве альтернативы привлечения организаций к уголовной ответственности в уголовном праве России Н. Щедрин, А. Востоков предлагают предусмотреть «меры уголовно-правового характера в отношении организаций» [20, с. 58–61].

К особенностям корпоративной ответственности следует отнести то, что данная ответственность не является ответственностью, связанной с предпринимательской деятельностью, вне зависимости возникли и осуществляются ли корпоративные отношения в связи с участием и управлением в коммерческой корпоративной организации или в некоммерческой корпоративной организации, что находит свое подтверждение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 №3 [9].

К числу особенностей корпоративной ответственности следует отнести и принцип ограниченной ответственности корпораций.

Разделение ответственности организаций от ответственности их участников и всех иных лиц признается основополагающим принципом российского гражданского права. В общем виде данный принцип закреплен в п. 2 ст. 56 ГК РФ, согласно которой как участник, учредитель или собственник имущества юридического лица не отвечает по его обязательствам, так и юридическое лицо не отвечает по обязательствам перечисленных лиц. В отношении корпораций созданных в форме хозяйственных товариществ или обществ принцип ограниченной ответственности конкретизируется в абз. 1 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ, ограничивающим по аналогичной системе ответственность дочерних обществ и основных хозяйственных товариществ

или обществ. Кроме того данный принцип дублируется в п. 2 ст. 3 Закона об акционерных обществах и в п. 2 ст. 3 Закона об ООО.

Принцип ограниченной ответственности лежит в основе теории «самостоятельной юридической личности» (entitytheory), являющейся общепризнанной в цивилистической науке.

Еще И. Т. Тарасов в конце 19 столетия утверждал, что естественным следствием полного отделения акционерного капитала от личного хозяйства акционеров является ограничение имущественной ответственности [14, с. 73].

Уже в наше время Е. А. Суханов видит в юридическом лице не столько организованный коллектив людей, сколько в индивидуализированное имущество, внесенное его членами для самостоятельной коммерческой деятельности, обособленное от иного принадлежащего учредителям или другим участникам имущества [12, с. 347–348].

Инструментом «отграничения (обособления) имущества, производимого в целях ограничения риска его утраты в процессе определенной деятельности лица реального, стоящего за лицом юридическим (учредители юридического лица)» считает юридическое лицо А. Ю. Тарасенко [13, с. 269].

Таким образом, к особенностям ответственности в корпоративных отношениях следует отнести источники ее установления. Так источником норм о корпоративной ответственности могут выступать не только нормы российского законодательства, а также уставы, учредительные договоры.

Существенной особенностью корпоративной ответственности является то, что к ней могут привлекаться только участники корпоративных правоотношений.

Особенностью корпоративной ответственности является также то, что к субъектам корпоративных правоотношений, неисполняющим свои обязанности надлежащим образом, могут применяться меры ответственности, предусмотренные различными отраслями права. Причем за одно и то же нарушение корпоративных обязанностей к виновному лицу могут быть применены меры наказания, предусмотренные различными отраслями права.

К числу особенностей корпоративной ответственности следует отнести и принцип ограниченной ответственности корпораций. Разделение ответственности организаций от ответственности их участников и всех иных лиц признается основополагающим принципом российского гражданского права.

Источники и литература

1. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 641 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016) // Российская газета. 1994. №238-239.
3. Захаров В. А. Создание юридических лиц: правовые вопросы. М. Норма, 2002. 208 с.
4. Кибенко Е. Р. Корпоративное право Великобритании. Законодательство. Прецеденты. Киев: Юстиниан, 2003. 386 с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. №1. Ч.1.
6. Колотушкина О. Е. Основы корпоративного права США. Нижний Новгород: [б.и.], 2000. 298 с.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2006. №10. С. 7–54.
8. Определение Верховного Суда РФ от 14.06.2007 №58-Дп 07-9 // КонсультантПлюс.2007.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 №3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства РФ. 2004. №9. Ст. 830.
10. Праслов Ю. П. О некоторых вопросах ответственности за нарушение корпоративных соглашений // Безопасность бизнеса. 2013. №1. С. 11–13.
11. Степанов Д. И. Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность: сборник статей, посвященный памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко. М.: ИНФА-М, 2013. С. 471–474.
12. Суханов Е. А. Гражданское право России – частное право / отв. ред. В. С. Ем. М.: Статут, 2008. С. 347–349.
13. Тарасенко А. Ю. Юридическое лицо: проблема производной личности // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. профессора В. А. Белова. Том 1. М.: Норма, 2015. 670 с.
14. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. 666 р.
15. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. №1. Ч.1.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
17. Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 1.
18. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. №7. Ст. 785.
19. Шиткина И. С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. 2015. №6. С.13–15.
20. Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. 2009. №1. С. 58–61.

References

1. Volzhenkin B. V. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti (ekonomicheskie prestupleniya) (*Crimes in the sphere of economic activities (economic crimes)*). St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2002. 641 p. (In Russian).
2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 №51-FZ (red. ot 03.07.2016) (s izm. i dop., vstup. v silu s 02.10.2016) (*The civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 №51-FL (as amended of 03.07.2016)*) // Rossiiskaya gazeta. 1994. No.238–239. (In Russian).
3. Zakharov V. A. Sozdanie yuridicheskikh lits: pravovye voprosy (*The Creation of legal entities: legal issues*). Moscow: Norma, 2002. 208 p. (In Russian).
4. Kibenko E. R. Korporativnoe pravo Velikobritanii. Zakonodatel'stvo. Pretsedenty (*Corporate Law in Great Britain. Legislature. Precedents*). Kiev: Yustinian, 2003. 386 p. (In Russian).
5. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 №195-FZ (*Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (30.12.2001) №195-FL*) (ed. 06.07.2016) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2002. No.1. Part 1. (In Russian).
6. Kolotushkina O. E. Osnovy korporativnogo prava SSHA (*Corporate law in the USA*). Nizhnii Novgorod, 2000. 298 p. (In Russian).
7. Konventsiya Organizatsii Ob'edinennykh Natsii protiv korruptsii (prinyata v g. N'yu-lorke 31.10.2003 Rezolyutsiei 58/4 na 51-om plenarnom zasedanii 58-oi sessii General'noi Assamblei UN) (*The Convention of United Nations against corruption (adopted in new York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of 58th session of the UN General Assembly)*) // Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov. 2006. No.10. P. 7–54. (In Russian).
8. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 14.06.2007 №58-Dp 07-9 (*The determination of the Supreme Court*) // Konsul'tantPlyus.2007. (In Russian).
9. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.02.2004 №3-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozhenii statei 74 i 77 Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh», reguliruyushchikh poriyadok konsolidatsii

razmeshchennykh aktsii aktsionernogo obshchestva i vykupa drobnnykh aktsii, v svyazi s zhalobami grazhdan, kompanii «Kadet Isteblishment» i zaprosom Oktyabr'skogo raionnogo suda goroda Penzy» (*The decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 24.02.2004 No. 3-P «on case about check of constitutionality of separate provisions of articles 74 and 77 of the Federal law «On joint stock companies», regulating the procedure of consolidation of issued shares of joint stock company and redemption of fractional shares, in connection with complaints of citizens, the company «Cadet establishment» and the request of the Oktyabrsky district court of Penza city»*) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2004. No. 9. Art. 830. (In Russian).

10. Praslov Yu. P. O nekotorykh voprosakh otvetstvennosti za narushenie korporativnykh soglashenii (*Some questions of liability for breach of corporate agreements*) // *Bezopasnost' biznesa*. 2013. No. 1. P. 11–13. (In Russian).

11. Stepanov D. I. Svoboda dogovora i korporativnoe pravo (*Freedom of contract and corporate law*) // *Grazhdanskoe pravo i sovremennost': sbornik statei, posvyashchennyi pamyati M. I. Braginskogo (Civil law and modernity: collection of articles dedicated to the memory of M. I. Braginsky)* / ed. by V. N. Litovkin, K. B. Yaroshenko. Moscow: INFA-M, 2013. P. 471–474. (In Russian).

12. Sukhanov E. A. Grazhdanskoe pravo Rossii – chastnoe pravo (*Civil law of Russia – private law*) / ed. by V. S. Em. Moscow: Statut, 2008. P. 347–349. (In Russian)

13. Tarasenko A. Yu. Yuridicheskoe litso: problema proizvodnoi lichnosti // *Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki (Civil law. Actual problems of theory and practice)* / ed. by V. A. Belov. Vol. 1. Moscow: Norma, 2015. 670 p. (In Russian).

14. Tarasov I. T. Uchenie ob aktsionernykh kompaniyakh (*The study of joint-stock companies*). Moscow: Statut, 2000. 666 p. (In Russian)

15. Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FL (red. ot 03.07.2016) (*The labour code of the Russian Federation from 30.12.2001 №197-FZ* (ed. on 03.07.2016)) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2002. No.1. Part.1. (In Russian).

16. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 06.07.2016) (*Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 №63-FL* (ed. on 06.07.2016)) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1996. No.25. Art. 2954. (In Russian).

17. Federal'nyi zakon ot 26.12.1995 №208-FZ (red. ot 03.07.2016) «Ob aktsionernykh obshchestvakh» (*Federal law dated 26.12.1995 No. 208-FL* (ed. from 03.07.2016) «On joint stock companies»)) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1996. No.1. Art.1. (In Russian).

18. Federal'nyi zakon ot 08.02.1998 №14-FL (red. ot 03.07.2016) «Ob obshchestvakh s ogranichennoi otvetstvennost'yu» (*The Federal law of 08.02.1998 №14-FL* (ed. on 03.07.2016) «On limited liability companies»)) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1998. No. 7. Art. 785. (In Russian).

19. Shitkina I. S. Imushchestvennaya otvetstvennost' v korporativnykh pravootnosheniyakh (*Property responsibility in corporate relations*) // *Khozyaistvo i pravo*. 2015. No. 6. P. 13–15. (In Russian).

20. Shchedrin N., Vostokov A. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits ili inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera v otnoshenii organizatsii (*Criminal liability of legal persons or other measures of criminal-legal character in respect of organizations*) // *Ugolovnoe pravo*. 2009. No.1. P. 58–61. (In Russian).

УДК 347.965

В. В. Заборовский

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА УКРАИНСКОЙ АДВОКАТУРЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В АСПЕКТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОНИМАНИЯ ТЕРМИНОВ «АДВОКАТ» И «АДВОКАТУРА»

В статье автором исследуется этап развития института украинской адвокатуры в 1917–1992 гг., который получил в юридической литературе название «советский» («послереволюционный») период. Делается вывод о том, что данный период характеризуется значительным количеством событий, которые влияли на развитие института отечественной адвокатуры. В статье отмечается, что в этот период в нормативно-правовых ак-

тах впервые применяются термины «адвокат» и «адвокатура», и фактически впервые дается легальное определение дефиниции «адвокатура». Обращается внимание на то, что в этот период адвокатура также впервые официально признавалась конституционным органом.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, коллегия правозаступников, коллегия защитников, коллегия адвокатов.

V. V. Zaborovsky

DEVELOPMENT OF UKRAINIAN INSTITUTE OF ADVOCACY IN THE SOVIET PERIOD IN THE ASPECT OF UNDERSTANDING THE EVOLUTION OF THE TERMS «LAWYER» AND «ADVOCACY»

The author explores the stage of development of Ukrainian institute of advocacy in 1917–1992, which was given the name of «Soviet» («post-revolutionary») period in the legal literature. The conclusion is that this period is characterized by a significant number of events which influenced the development of the national Institute of the Bar Association. The article notes that this period features the first reference to

terms «lawyer» and «advocacy» in the legal acts, and the first cases to provide a legal definition of «advocacy». It is pointed out that during the period the legal profession was officially recognized by a constitutional body for the first time.

Key words: lawyer, advocacy, board of law deputies, board of defenders, board of lawyers.

В правовом государстве для обеспечения реальной возможности защиты прав, свобод и законных интересов человека существует институт адвокатуры. Данный институт является основной ключевой фигурой в предоставлении правовой помощи всем без исключения лицам. А уровень развития адвокатуры рассматривается как индикатор развития демократии в цивилизованном обществе. Одним из дискуссионных и актуальных вопросов в сфере деятельности такого института остается вопрос об этапах развития адвокатуры. В данном аспекте не менее актуальным остается и вопрос о развитии института украинской адвокатуры в «советский» («послереволюционный») период, характеризующийся значительным количеством событий, которые влияли на ее развитие.

Проблема определения этапа развития института адвокатуры в «советский» (послереволюционный) период (1917–1992 гг.) была

предметом исследований ряда ученых. Среди ученых, которые исследовали отдельные аспекты данной проблемы, целесообразно выделить труды М. Ю. Барщевского, О. В. Баулина, Т. В. Варфоломеевой, С. Ф. Сафулько, А. Д. Святоцкого, Д. П. Фиолевського, О. Г. Яновської и других.

Целью данной статьи является анализ этапа развития института украинской адвокатуры в «советский» («послереволюционный») период (1917–1992 гг.). Основными задачами автор ставит перед собой: исследовать подэтапы развития института отечественной адвокатуры в период 1917–1992 гг.; проанализировать основные нормативные акты этого периода, касающиеся деятельности адвокатуры, в частности в аспекте закрепления терминов «адвокатура» и «адвокат»; и на основе проведенного анализа установить основные принципы развития института адвокатуры в этот период

и выяснить моменты нормативного закрепления как терминов, так и понятий «адвокатура» и «адвокат».

В одной из наших предыдущих работ мы отмечали, что институт украинской адвокатуры зародился еще во времена Киевской Руси, тем не менее, зарождения профессиональной адвокатуры в Украине происходит на более позднем этапе ее становления, а именно в период польско-литовского правления [6]. Однако с момента зарождения профессиональной адвокатуры в Украине и до нового (современного) периода ее развития, она прошла еще несколько этапов своего развития. Одним из таких этапов развития института украинской адвокатуры является этап, который в юридической литературе получил различные наименования («послереволюционный период» [24, с. 21], «советский период» [14, с. 210, 27, с. 18] и т.д.). Данный этап характеризуется большим количеством событий, которые влияли на развитие отечественной адвокатуры, что давало возможность ученым распределять данный период на ряд самостоятельных этапов. Так, Р. А. Чайка и П. В. Кучевский выделяют два следующие этапы [26, с. 9; 10, с. 8], в то время как составители Энциклопедического справочника будущего адвоката выделяют шесть таких этапов [23].

На развитие института украинской адвокатуры этого этапа существенно повлияли революционные события 1917 г. Так, 4 января 1918 г. Народный Секретариат принял постановление «О введении народного суда», которым было отменено присяжную и частную адвокатуру. Данное Постановление, которое было «аналогичным» [21, с. 28] по содержанию с положениями Декрета №1 «О судах» 1917 г., в части 3 которого отмечалось, что Совет Народных Комиссаров постановлял отменить до сих пор существующие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а также и институты присяжной и частной адвокатуры. Также в этой же части указывалось на то, что в роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам – поверенными, допускаются все не опорооченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами [13]. В данном случае следует отметить то, что это фактически первый нормативный акт, в котором, хотя и формально, но упоминается термин «адвокатура».

После указанных революционные события «власть в Украине определенное время оставалась в Центральной Рады, которая частично реформировала судебную систему царской

России» [23, с. 26], при этом «оставила присяжную адвокатуру без изменений» [2, с. 11]. 14 февраля 1919 г. был принят декрет СНК УССР «О суде» и утверждено Временное положение о народных судах и революционных трибуналах УССР [3, с. 10], которыми было второй раз ликвидировано восстановленную Центральной Радой присяжную и частную адвокатуру. Для осуществления функции защиты создавались коллегии правозащитников, которые стали «жалким подобием института присяжных поверенных» [4, с. 91]. Как утверждает О.В. Россильна «отрицательной особенностью послереволюционного периода была и замена деятельности представителей формой трудовой повинности. Правовой основой этому служили Декрет СНК РСФСР от 16 апреля 1919 г. «О трудовой повинности специалистов по судебной части» и Постановление СНК «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием» от 11 мая 1920 г.» [22, с. 209]. В данном случае заслуживает внимания и утверждение А. Д. Святоцкого и М. М. Михеенко о том, что «о значительном огосударствлении адвокатуры, ограничения профессиональной свободы и независимости представителей свидетельствует тот факт, что все правозащитников находились на государственной службе и получали заработную плату» [24, с. 27].

26 октября 1920 г. было принято Положение о народном суде УССР, согласно которому члены коллегии правозащитников обязательно привлекались как защитники обвиняемых по уголовным делам, которые рассматривались с участием шести народных заседателей. Защитниками и представителями, кроме таких правозащитников сторон могли быть также близкие родственники, работники государственных учреждений, члены общественных организаций. Также заслуживает внимание и замечание В. Пожар о том, что «впервые этим Положением была создана возможность осуществления правоспособности юридических лиц в суде с помощью юрисконсультов» [15, с. 235].

Дальнейший этап развития отечественной адвокатуры связан с ведением в УССР новой экономической политики. 2 октября 1922 г. Всеукраинским Центральным Исполнительным Комитетом было принято Положение «Об адвокату» [19, с. 761–763]. В данном случае нужно отметить то, что хотя в наименовании данного акта и был указан термин «адвокатура», все же в его содержании применяется термин «коллегия оборонцев». Следует обратить внимание на то, что в юридической литературе достаточно часто используется также

термин «коллегия защитников». То есть в это время адвокаты фактически именовались оборонцами (защитниками), а адвокатура в свою очередь называлась коллегия оборонцев (защитников). Учитывая, что данное Положение устанавливало только общие принципы создания коллегии оборонцев (защитников) «Народный комиссариат юстиции 5 июля 1922 г. принимает Положение «О коллегии защитников», согласно которому эти коллегии создавались в каждой губернии при губернских судах, а надзор за их деятельностью полагался на суд, исполком и прокуратуру» [23, с. 15]. Заслуживает внимание мнение Д. П. Фиолевського, который характеризуя данные Положения указывает на то, что «после десятков неудачных попыток придумать что-то новое большевики вернулись к форме организации адвокатуры, созданной реформой 1864 г.

Разница оказалась лишь в том, что новой власти адвокатура была нужна еще меньше, чем царскому режиму. Но она была вынуждена ее терпеть в целях придания своим действиям видимость законности. Поэтому, вернувшись к разрушенной дореволюционной модели, большевики ввели для адвокатуры тройной государственный надзор» [25, с. 45].

Следующий этап развития адвокатуры связан с принятием 12 сентября 1928 г. Коллегией НКЮ УССР постановления «О реорганизации коллегии защитников», в котором указывалось на целесообразность перехода на коллективную форму организации деятельности (работы) оборонцев (защитников), включавшую ликвидацию частных кабинетов. На основании данного Постановления как отмечает О. Г. Яновская «20 октября 1929 г. НКЮ УССР утвердил Положение про коллективные формы работы защитников окружных коллегий. В пределах округа организовывался единый коллектив защитников, куда входили все члены коллегии защитников данного округа. Юридическая помощь предоставлялась только через консультации. [...] Защиту в суде член коллегии защитников мог осуществлять только по ордеру юридической консультации или президиума коллегии» [27, с. 21–22]. Она также отмечает, что именно с этого момента и до принятия Закона Украины «Об адвокатуре» была установлена монополия коллегий адвокатов на оказание юридической помощи. В этом случае заслуживает внимания мнение А. В. Коршенко: «Благодаря коллективным методам деятельности коллегий защитников был расширен круг граждан, которым оказывалась юридическая помощь, сконцентрировано работу государ-

ственных учреждений и организаций по правовому обслуживанию граждан. Фактически такая система действовала до 90-х гг. XX века» [9, с. 23]. Учитывая указанное, и несмотря на то, что «деятельность этой коллегии определялась как профессиональная. Понятие «адвокатура» не предпринималось» [10, с. 16].

Дальнейшее развитие украинского института адвокатуры связано с принятием 30 января 1937 г. Конституции (Основного Закона) УССР [7], которой, в частности путем закрепления права обвиняемого на защиту (ст. 110) и права на неприкосновенность личности (ст. 126), была расширена деятельность адвокатуры. 22 декабря 1938 г. НКЮ СССР издал директиву «О работе коллегий защитников», которая как отмечает А. В. Баулин «была направлена на огосударствление адвокатуры» [2, с. 14]. Впоследствии Советом народных комиссаров СССР было утверждено положение «Об адвокатуре» от 16 августа 1939 г. [16], на основании которого коллегии адвокатов создавались в республиках и областях, то есть фактически произошла централизация адвокатуры. Такие коллегии адвокатов в соответствии с ч. 4 Раздела 1 пользовались правами юридического лица. Положительным моментом, в аспекте нашего исследования является то, что в данном Положении отсутствуют термины «защитники», «оборонцы», а уже используется термин «адвокат». Как отмечает М. Ю. Барщевский термин «адвокат» появился в юридическом словаре России в 1864 г., но до 1939 г. не употреблялся в нормативных актах [1, с. 8]. Однако вместо использования термина «адвокатура», Положение 1939 применяет термин «коллегия адвокатов». Следует отметить, что большинство ученых того времени оказались «решительными сторонниками названия «адвокатура» и «адвокат» [5, с. 56].

В период войны численный состав адвокатуры сократился (за первые два года войны на 55 %) [11, с. 41]. В то время на нее возлагалась одна из основных функций по предоставлению бесплатной правовой помощи инвалидам, военнослужащим и членам их семей. 25 сентября 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Положение об адвокатуре. Как отмечают составители Энциклопедического справочника будущего адвоката «определение понятия «адвокатура» в Указе не предоставлялись» [23, с. 17]. Понятие «адвокатуры» отождествлялось с такой формой профессионального объединения адвокатов как коллегия адвокатов. Положительной чертой данного Положения является то, что в нем

фактически предоставлялось определение понятия «коллегии адвокатов», по которому она понималась как добровольное объединение лиц, занимающихся адвокатской деятельностью, и которые действуют на основании настоящего Положения. Коллегии адвокатов создавались с целью осуществления защиты на предварительном следствии и в суде, представительства по гражданским делам в суде и арбитраже, а также предоставление другой юридической помощи гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям и колхозам.

Следующий этап развития института отечественной адвокатуры связан с принятием 20 апреля 1978 г. Конституции УССР [8], которая была принята на основе Конституции СССР от 7 октября 1977 г. В ч. 1 ст. 159 Конституции УССР содержалось положение, согласно которому для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов. В случаях, предусмотренных законодательством, юридическая помощь оказывается бесплатно. Такое правовое регулирование свидетельствует о том, что «адвокатура впервые официально признавалась конституционным органом» [12, с. 21]. Такое конституционное признание статуса адвокатуры способствовало и принятию «первого и единственного в СССР Закона «Об адвокатуре в СССР» от 30 ноября 1979 г.» [2, с. 11]. Этот Закон стал основой уже для принятия Закона УССР «Об утверждении Положения об адвокатуре Украинской ССР» [20] от 31 октября 1980 г. № 1050-X. В данном Законе, как еще и в упоминавшемся Положении 1962 г. шла речь о том, что коллегии адвокатов являются добровольными объединениями лиц, занимающихся адвокатской деятельностью (ч. 1 ст. 3). Хотя к тому времени, фактически законодатель еще выходил из отождествления понятия «адвокатуры» и понятие «коллегии адвокатов», мы считаем, что положительным моментом данного Закона является норма ч. 2 ст. 1 Закона, по которому адвокатура Украинской ССР способствует охране прав и законных интересов граждан и организаций, осуществлению правосудия, соблюдению и укреплению социалистической законности, воспитанию граждан в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к народному добру, соблюдения дисциплины труда, уважения к прав, чести и достоинства других лиц, к правилам социалистического общежития. Закрепляя такой нормой задачи адвокатуры, по нашему мнению, законодатель фактически в описательной форме впервые дает определение понятия «адвокатура».

Вышеуказанный Закон УССР «Об утверждении Положения об адвокатуре Украинской ССР» 1980 г. действовал до принятия Закона Украины «Об адвокатуре» от 15 декабря 1992 г. [18], который и воплощает современный новейший этап создания института независимой отечественной адвокатуры. В свою очередь указанный Закон Украины «Об адвокатуре» в 1992 г. утратил силу в связи с принятием Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [17]. Особенностью предыдущего Закона Украины «Об адвокатуре» было то, что в нем впервые на законодательном уровне было закреплено полноценное понятие «адвокатура» (ст. 1 Закона). Такая дефиниция давала возможность воспринимать адвокатуру и в качестве добровольного, профессионального объединения, и в качестве института гражданского общества. В данном случае следует отметить и то, что определение понятия «адвокатура» получило свое закрепление и в положениях действующего Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» (ст. 2). Относительно понятия «адвокат», то в предыдущем Законе Украины «Об адвокатуре» фактически отсутствовала четкая дефиниция понятия «адвокат», только анализ положений ст. 2 Закона («Адвокат») свидетельствовал об использовании законодателем описательной формы представления данной дефиниции, которой закреплялась статусная сторона такого понятия (в ней регулировались только требования к лицу, которое могло стать адвокатом).

Одним из этапов развития института украинской адвокатуры, который характеризуется значительным количеством событий, которые влияли на ее развитие является этап, который получил в юридической литературе название «советский период» («послереволюционный период») (1917–1992 гг.). В частности, в 1917 г. был принят Декрет №1 «О судах», которым был ликвидирован институт присяжных и частной адвокатуры. Данный Декрет стал фактически первым нормативным актом, в котором, хотя и формально, но упоминается термин «адвокатура». Впоследствии Центральной Радой был восстановлен институт присяжной и частной адвокатуры, но в 1919 г. Декретом СНК УССР этот институт был второй раз ликвидирован, а для осуществления функции защиты создавались коллегии правозащитников. В 1922 г. ВЦИК было принято Положение «Об адвокатуре», в наименовании которого хотя и используется термин «адвокатура», однако в смысле применяется другой термин – «коллегия защитников». В этот период институт адвокату-

ры, к сожалению, только создавал видимость законности и был обложен тройным контролем со стороны государства. В 1939 г. было принято новое Положение «Об адвокатуре», положительным моментом которого стало первое использование в нормативных актах термина «адвокат», однако для воспроизведения сущности именно института адвокатуры применяется термин «коллегия адвокатов».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 1962 г. было утверждено Положение об адвокатуре, в котором понятие «адвокатура» отождествлялось с такой формой профессионального объединения адвокатов как коллегия адвокатов, и предоставлялось определения

последней. В 1978 г. была принята Конституция УССР, в соответствии с которой адвокатура впервые официально признавалась конституционным органом. Закон УССР «Об утверждении Положения об адвокатуре Украинской ССР» 1980 г. в описательной форме фактически впервые дает определение понятия «адвокатура». Данный Закон действовал до принятия Закона Украины «Об адвокатуре» от 15 декабря 1992 г., который и воплощает современный новейший этап создания института независимой отечественной адвокатуры, особенностью которого было то, что в нем впервые на законодательном уровне было закреплено полноценное понятие «адвокатура» (ст. 1 Закона).

Источники и литература

1. Барщевский М. Ю. Проблемы российской адвокатуры: автореф. ... дис. докт. юрид. наук. М.: Московский юридический институт, 1997. 51 с.
2. Баулін О. В. Адвокатський іспит. Підготовчий курс: навч. посіб. / О. В. Баулін, В. І. Лебідь, П. С. Матвеев, М. А. Пожидаєва. Київ: Алерта, 2013. 735 с.
3. Бурак О. В. Організаційно-правові засади діяльності спеціалізованих судів в контексті європейських стандартів: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Київ: Акад. адвокатури Укр., 2010. 18 с.
4. Гусева В. П. Щодо питання проведення чисток серед представників адвокатури в УСРР у 1919–1929 роках // Вісник Академії адвокатури України. 2013. Число 2. С. 91–96.
5. Дубровский М. К вопросу о советской адвокатуре // Социалистическая законность. 1937. №1. С. 56–58.
6. Заборовський В. В. Зародження інституту української адвокатури (IX–XVIII ст.) // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Право. 2015. Вип. 35. Ч.1., Т. 3. С. 139–142.
7. Конституція (Основний Закон) УСРР від 30 січня 1937 року URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/istoriya/1937.html> (Дата обращения: 25.11.2016).
8. Конституція УСРР від 20 квітня 1978 року // Відомості Верховної Ради УСРР. 1978. №18. Ст. 268.
9. Коршенко А. В. Генеза права на правову допомогу // Юридичний вісник. Повітряне і космічне право. 2013. №4. С. 21–25.
10. Кучевський П. В. Діяльність адвоката у кримінальному процесі: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. К, 2011. 18 с.
11. Ляпина Д. Р. Развитие конституционно-правовых норм об адвокатуре в советский период с 1917 года до начала 90-х годов XX века // Бизнес в законе. 2010. №3. С.40–42.
12. Мхитарян С. О. Конституционно-правовое регулирование института публичных корпораций в Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2010. 27 с.
13. О суде: Декрет № 1 Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 ноября (5 декабря) 1917 года // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Госполитиздат, 1957. 625 с.
14. Павлова Г. А. Статус адвокатуры в Российской Федерации на современном этапе ее развития: дис. ... кандидата юрид. наук. М.: МГУ, 2005. 245 с.
15. Пожар В. Г. Генеза та деякі перспективи розвитку інституту представництва у кримінальному судочинстві України // Актуальні проблеми держави і права. 2011. Вип. 60. С. 231–240.
16. Положение об адвокатуре СССР, утверждено Постановлением СНК СССР от 16 августа 1939 года № 1219 // Собрание постановлений правительства СССР. 1939. № 49. Ст. 394.
17. Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України від 5 липня 2012 р. №5076-VI // Офіційний вісник України. 2012. №62. Ст. 17.
18. Про адвокатуру: Закон України від 19 грудня 1992 року № 2887-XII (втратив чинність) // Відомості Верховної Ради України. 1993. №9. Ст. 62.
19. Про адвокатуру: Положення Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету від 2 жовтня 1922 року // Збірник постанов та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1922–1923 рр. Харків: Літо-друкарня «Книгоспілки», 1922. 1147 с.
20. Про затвердження Положення про адвокатуру Української РСР: Закон УСРР від 31 жовтня 1980 року № 1050-X. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T801050.html (Дата обращения: 25.11.2016).
21. Рогатюк І. В. Обвинувачення у кримінальному процесі України. К.: Атіка, 2007. 160 с.
22. Россильна О. В. Особливості представництва в господарському процесі в XIX–XX століттях // Часопис Київського університету права. 2013. №3. С. 208–211.
23. Сафулько С. Ф. Енциклопедичний довідник майбутнього адвоката: у 2 ч. / [О.Д. Святоцький, Т.Г. Захарченко, С.Ф. Сафулько та ін.]; за заг. ред. С. Ф. Сафулька. Ч.1. К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2008. 616 с.
24. Святоцький О. Д. Адвокатура України: навч. посіб.. Київ: Ін Юре, 1997. 224 с.
25. Фіолевський Д. П. Адвокатура: підручник. Київ: Алерта, 2014. 624 с.
26. Чайка Р. А. Участь захисника на досудовому слідстві: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Харків, 1998. 18 с.
27. Яновська О. Г. Адвокатура України: навч. посіб. Київ: Юрінком Інтер, 2007. 280 с.

References

1. Barshhevskij M. Ju. Problemy rossijskoj advokatury (*Problems of the Russian legal profession*): Moscow: Moscow Institut of Law publ., 1997. 51 p. (In Russian).
2. Baulin O. V. Advokats'kyj ispyt. Pidgotovchyy kurs : navch. posib. (*Bar examination. Preparatory Course: tutorial*). Kiev: Alerta, 2013. 735 p. (In Ukrainian).
3. Burak O. V. Organizacijno-pravovi zasady dijal'nosti specializovanyh sudiv v konteksti jevropejs'kyh standartiv (*Organizational and legal bases of specialized courts in the context of European standards*). Kiev: Ukrainian Academy of public defender's office publ., 2010. 18 p. (In Ukrainian).
4. Gusjeva V. P. Shhodo pytannja provedennja chystok sered predstavnykiv advokatury v USRR u 1919–1929 rokah (*On the question of purges among the legal profession in the USSR in 1919–1929*) // Visnyk Akademii' advokatury Ukrai'ny. 2013. No. 2. P. 91–96. (In Ukrainian).
5. Dubrovskij M. K voprosu o sovetskoj advokature (*On Soviet legal profession*) // Socialisticheskaja zakonnost'. 1937. No. 1. P. 56–58. (In Russian).
6. Zaborovs'kyj V. V. Zarozhennja instytutu ukrai'ns'koi' advokatury (IX–XVIII st.) (*The origin of the Ukrainian Institute of Advocacy (IX–XVIII century)*) // Naukovyj visnyk Uzhgorods'kogo nacional'nogo universytetu. Series: Pravo. 2015. Issue 35. Part 1. Vol. 3. P. 139–142. (In Ukrainian).
7. Konstytucija (Osnovnyj Zakon) URSR vid 30 sichnja 1937 roku (*The Constitution (Fundamental Law) of the USSR of January 30, 1937*). URL: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/istoriya/1937.html> (Accessed: 25.11.2016). (In Ukrainian).
8. Konstytucija URSR vid 20 kvitnja 1978 roku (*The Constitution of the USSR of April 20, 1978*) // Vidomosti Verhovnoi' Rady URSR. 1978. No. 18. Art. 268. (In Ukrainian).
9. Korshenko A. V. Geneza prava na pravovu dopomogu (*Genesis right to legal aid*) // Jurydychnyj visnyk. Povitrjane i kosmichne pravo. 2013. No. 4. P. 21–25. (In Ukrainian).
10. Kuchevs'kyj P. V. Dijal'nist' advokata u kryminal'nomu procesi (*Lawyer's activity in criminal proceedings*). Kiev, 2011. 18 p. (In Ukrainian).
11. Ljapina D. R. Razvitie konstitucionno-pravovyh norm ob advokature v sovetskij period s 1917 goda do nachala 90-h godov XX veka (*The development of constitutional and legal provisions on the legal profession in the Soviet period from 1917 until the early 90-s of XX century*) // Biznes v zakone. 2010. No. 3. P. 40–42. (In Russian).
12. Mhitarjan S. O. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie instituta publicnyh korporacij v Rossijskoj Federacii (*Constitutional and legal regulation of the institute of public corporations in the Russian Federation*). Moscow: MSU publ., 2010. 27 p. (In Russian).
13. O sude: Dekret № 1 Soveta Narodnyh Komissarov RSFSR ot 22 nojabrja (5 dekabrja) 1917 goda (*On court: Decree № 1 of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 22 November (5 December), 1917*) // Dekrety Sovetskoj vlasti. Vol. I. Moscow: Gos. Izd vo polit. literatury, 1957. 625 p. (In Russian).
14. Pavlova G. A. Status advokatury v Rossijskoj Federacii na sovremennom jetape ee razvitija (*Status of Advocacy in the Russian Federation at the current stage of its development*). Moscow: MSU publ., 2005. 245 p. (In Russian).
15. Pozhar V. G. Geneza ta dejaki perspektivy rozvytku instytutu predstavnytva u kryminal'nomu sudochynstvi Ukrai'ny (*Genesis and some prospects for development of the institution of representation in criminal proceedings Ukraine*) // Aktual'ni problemy derzhavy i prava. 2011. Issue 60. P. 231–240. (In Ukrainian).
16. Polozhenie ob advokature SSSR, utverzhdeno Postanovleniem SNK SSSR ot 16 avgusta 1939 goda № 1219 (*Regulation of the legal profession of the USSR, approved by Decree SNK on August 16, 1939 № 1219*) // SP SSSR. 1939. No. 49. Art. 394. (In Russian).
17. Pro advokaturu ta advokats'ku dijal'nist': Zakon Ukrai'ny vid 5 lypnja 2012 r. № 5076-VI (*On Advocacy and legal practice: Law of Ukraine on July 5, 2012 r. №5076-VI*) // Oficijnyj visnyk Ukrai'ny. 2012. No. 62. Art. 17. (In Ukrainian).
18. Pro advokaturu: Zakon Ukrai'ny vid 19 grudnja 1992 roku № 2887-XII (vtratyv chynnist') (*On Advocacy: Law of Ukraine on December 19, 1992 № 2887-XII (repealed)*) // Vidomosti Verhovnoi' Rady Ukrai'ny. 1993. No. 9. Art. 62. (In Ukrainian).
19. Pro advokaturu: Polozhennja Vseukrai'ns'kogo Central'nogo Vykonavchogo Komitetu vid 2 zhovtnja 1922 roku (*On Advocacy: Position Ukrainian Central Executive Committee on October 2, 1922*) // Zbirnyk postanov ta rozporjadzen' robitnyche-seljans'kogo urjadu Ukrai'ny za 1922–1923 rr. Kharkov: Lito-drukarnja «Knygospilky», 1922. 1147 p. (In Ukrainian).
20. Pro zatverdzhennja Polozhennja pro advokaturu Ukrai'ns'koi' RSR: Zakon URSR vid 31 zhovtnja 1980 roku № 1050-H (*On approval of the Advocacy of the Ukrainian SSR, the USSR law of October 31, 1980 № 1050-H*). URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T801050.html (Accessed: 25.11.2016). (In Ukrainian).
21. Rogatjuk I. V. Obvynuvachennja u kryminal'nomu procesi Ukrai'ny: monografija (*The prosecution in the criminal process Ukraine: monograph*). Kiev: Atika, 2007. 160 p. (In Ukrainian).
22. Rossyl'na O. V. Osoblyvosti predstavnytva v gospodars'komu procesi v XIX–XX stolittjah (*Features of representation in the economic process in XIX–XX centuries*) // Chasopys Kyi'vs'kogo universytetu prava. 2013. No. 3. P. 208–211. (In Ukrainian).
23. Saful'ko S. F. Encyklopedychnyj dovidnyk majbutn'ogo advokata: u 2 ch. (*Encyclopedic guide of a lawyer to be: in 2 parts*) / [O. D. Svjatoc'kyj, T. G. Zaharchenko, S. F. Saful'ko ta in.]; za zag. red. S. F. Saful'ka. Kiev: Vydavnychyy Dim «In Jure», 2008. Ch. 1. 616 p. (In Ukrainian).
24. Svjatoc'kyj O. D. Advokatura Ukrai'ny: navch. posib. (*The Advocacy in Ukraine: Tutorial*) / O. D. Svjatoc'kyj, M. M. Myhejenko. Kiev: In Jure, 1997. 224 p. (In Ukrainian).
25. Fiolevs'kyj D. P. Advokatura: pidruchnyk (*The Advocacy: textbook*) / D. P. Fiolevs'kyj. 3-tje vyd., vypr. i dop. K.: Alerta, 2014. 624 p. (In Ukrainian).
26. Chajka R. A. Uchast' zahysnyka na dosudovomu slidstvi (*A lawyer in pretrial investigation*). Kharkov, 1998. 18 p. (In Ukrainian).
27. Janovs'ka O. G. Advokatura Ukrai'ny: navch. posib. (*The Advocacy in Ukraine: Tutorial*) / O. G. Janovs'ka. Kiev: Jurinkom Inter, 2007. 280 p. (In Ukrainian).

УДК 342.4(470)

И. В. Мухачев, Е. В. Демьянов

ПОНЯТИЕ И СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье раскрываются понятия правового и конституционно-правового статуса избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации на основе анализа, подходов в определении конституционно-правового статуса субъектов конституционно-правовых отношений, учитывая особенности построения системы избирательных комиссий в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации. Также в статье выявляются основные элементы и свойства

статуса комиссий, гарантии в их деятельности, права, обязанности и ответственность избирательных комиссий. Избирательные комиссии рассматриваются авторами как субъекты конституционно-правовых отношений, правовой статус которых характеризуется как статус органов публичной власти с особым статусом.

Ключевые слова: избирательные комиссии, статус избирательных комиссий, выборы, избирательные права, избирательное законодательство.

I. V. Mukhachov, E. V. Demyanov

CONCEPT AND COMPONENTS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF ELECTION COMMISSIONS IN RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS

The article describes the concept of the legal and constitutional and legal status of election commissions on the basis of the analysis, approaches to determining the constitutional and legal status of the subjects of the constitutional-legal relations, taking into account the peculiarities of the construction of the system of election commissions of the Russian Federation. The study specifies the main elements and properties of the status of commissions, guarantees of their

activities, rights, duties and responsibilities. The election commission are considered as the subjects of the constitutional-legal relations, the legal status of which is characterized as public status authorities with a special status.

Key words: election commissions, the status of the election commissions, election, election law, election law.

Понятие «статус» используется в праве достаточно широко. В конституционном праве данное понятие означает правовое положение субъекта конституционно-правовых отношений [23, с. 593].

Статус избирательных комиссий исследовался многими авторами. При этом существуют работы, которые посвящены исследованию как правового статуса избирательных комиссий, так и исследованию конституционно-правового статуса избирательных комиссий.

Так, Т. Т. Алиев, И. М. Аничкин под правовым статусом избирательных комиссий понимают установленные законодательно их полномочия, а также совокупность взаимоотношений избирательных комиссий с органами власти, гражданами, организациями [14, с. 61–65].

Отдельные авторы, исследуя правовой статус избирательных комиссий при организации

и проведении выборов и референдумов местного уровня, дают свои определения правового статуса избирательных комиссий. При этом необходимо отметить, что значительное количество исследований посвящено изучению организации выборов именно местного уровня. Так, В. Н. Сучилин, исследуя вопросы, связанные с правовым статусом избирательной комиссии муниципального образования пришел к выводу о том, что данное правовое понятие включает в себя связанные между собой элементы, к которым относятся механизм формирования, компетенция, нормативные установления, ответственность и с помощью которых возможно отождествить рассматриваемый орган публичной власти от иных участников правоотношений [26]. При исследовании правового статуса избирательных комиссий муниципальных образований М. С. Белявская

отмечает, что к элементам правового статуса, при чем не только избирательных комиссий муниципальных образований, но и избирательных комиссий иных уровней возможно отнести как порядок формирования, законодательно закрепленные полномочия, гарантии реализации данных полномочий, ответственность, так и особенности их правовой природы [16].

Необходимо отметить, что в процессе исследования правового статуса различных органов, должностных лиц, выявляются различные подходы как в определении самого их правового статуса, так и элементов, составляющих внутреннее содержание правового статуса, а также, отдельные авторы, исследуя внутреннюю составляющую правового статуса, выделяют также и систему правового статуса.

Так, при исследовании правового статуса депутатов представительных органов местного самоуправления, И. А. Алексеев отмечает, что их правовой статус включает в себя такие элементы как мандат депутата, его функции, права и обязанности, гарантии депутатской деятельности, ответственность за нарушения законодательства. И. А. Алексеев также выделяет систему правового статуса депутатов, в которую по его мнению входят функции депутатов, императивность депутатского мандата, права и обязанности народных представителей, гарантии их деятельности, ответственность. Необходимо отметить, что как и многие другие авторы, И. А. Алексеев указывает на то, что наряду с правосубъектностью депутата местного уровня публичной власти, в структуру его правового статуса в обязательном порядке необходимо включать и гарантии его депутатской деятельности [13].

Отдельными авторами исследуется конституционно-правовой статус избирательной комиссии субъекта Российской Федерации как субъекта конституционно-правовых отношений. Так, в процессе исследования конституционно-правового статуса избирательной комиссии сложноустроенного субъекта Российской Федерации (на примере Тюменской области), Д. В. Прокопьев определил его как совокупность прав, обязанностей и ответственности избирательных комиссий [25].

Е. И. Колюшин отмечает, что статус избирательных комиссий различного уровня определяется нормами федерального законодательства, а именно – Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] (его статьями 21, с. 23–27). Так, статусом

государственного органа федерального уровня наделена Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, а также территориальные избирательные комиссии, обладают статусом государственного органа субъекта Российской Федерации, избирательные комиссии муниципальных образований обладают статусом муниципального органа, который не входит в структуру органов местного самоуправления [21, с. 118].

По мнению Н. А. Богдановой, статус избирательных комиссий, который обеспечивает их организацию и деятельность по проведению выборов и референдумов может быть только конституционно-правовым [17, с. 52].

Вместе с тем, конституционно-правовой статус обладает определёнными свойствами, такими как устойчивость, относительное постоянство, внутренняя согласованность и системообразующая значимость [17, с. 52].

Рассматривая конституционно-правовой статус избирательных комиссий возможно отметить, что все указанные свойства конституционно-правового статуса присущи избирательным комиссиям как субъектам конституционно-правовых отношений. В частности, такое свойство конституционно-правового статуса как устойчивость выражается в формализации в конституционно-правовых нормах. Так, к примеру, в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] присутствует норма – статья 20, которая называется «Система и статус избирательных комиссий, комиссий референдума», которая закрепляет вопросы статуса избирательных комиссий всех уровней.

Достаточно распространенной стала точка зрения, исходя из которой правовой статус избирательных комиссий характеризуется как государственные или муниципальные органы с особым статусом [15, с. 135].

А. Е. Постников при рассмотрении правового статуса Центральной избирательной комиссии и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, отмечает, что они представляют собой отдельные государственные органы, которые осуществляют свою деятельность коллегиально [24, с. 36–37].

По мнению А. А. Макарецва, в связи с тем, что избирательные комиссии наделены статусом государственных органов или муниципальных органов вносит неопределённость относительно их положения в системе разделения властей [23, с. 52].

Исследуя вопрос о статусе избирательных комиссий А. Ю. Бузин отмечает, что избирательным комиссиям свойственны признаки муниципальных органов, либо государственных органов, вместе с тем, они обладают особенной спецификой, которая не присуща другим органам государства [18, с. 69].

С таким подходом согласны Т. Т. Алиев и И. М. Аничкин [14, с. 61–65]. Очень активно обсуждается вопрос о том, к каким органам отнести избирательные комиссии, являются ли они государственными, либо общественными органами.

Так, С. А. Авакьян отмечает, что в соответствии с законодательством Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации являются государственными органами, избирательная комиссия муниципального образования определена как муниципальный орган, не входящий в структуру органов местного самоуправления. Положение территориальных избирательных комиссий в системе государственных органов определяется в соответствии с федеральным законодательством, законом субъекта Российской Федерации, из чего можно сделать вывод, о том, что эти избирательные комиссии являются государственными органами. Что касается природы окружных и участковых избирательных комиссий, законодательство четко не осуществляет правовое регулирование данных вопросов, по видимому, указанные избирательные комиссии возможно отнести к общественным органам. Вместе с тем, С. А. Авакьян считает, что всем видам избирательных комиссий свойственны общественные начала ввиду того, что в их формировании и работе принимают активное участие политические партии, а на местном уровне – и другие общественные объединения, так же, необходимо принимать во внимание публичный характер деятельности избирательных комиссий [12, с. 327].

С позиции Т. Т. Алиева, И. М. Аничкина, рассуждения о том, к каким органам отнести избирательные комиссии – к государственным или общественным, по своей сути, не являются корректными, в связи с тем, что понятие «общественный орган» расплывчато и не определено [14, с. 61–65].

В противовес приведенному мнению, возможно привести такой аргумент, что если понятие расплывчато и юридически неопределенно, то разрешить данный вопрос возможно путем законодательного регулирования.

По нашему мнению, законодательно возможно и наиболее приемлемо определить

статус территориальных и участковых избирательных комиссий как государственно-общественных органов. В связи с этим, чтобы орган был именно государственно-общественным, необходимо изменить порядок формирования территориальной избирательной комиссии: половина его состава должна формироваться государственным органом – избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, другая половина – представительным органом муниципального района, городского округа с участием политических партий, иных субъектов выдвижения кандидатур в составы избирательных комиссий, определенных в федеральном законодательстве. Также, в законодательстве возможно определить правовой статус государственно-общественных органов и для участковых избирательных комиссий, учитывая, что именно они проводят выборы в органы власти всех уровней, при чем это может происходить одновременно при совмещении избирательных кампаний федерального, регионального и местного уровней.

Е. И. Колюшин считает, что правовое регулирование статуса избирательных комиссий продвигается в направлении увеличения влияния публично-властных начал, при этом общественные начала так же присутствуют в данном правовом регулировании [22, с. 197].

А. В. Иванченко отмечает, что избирательные комиссии возможно рассматривать с позиции самоорганизации избирателей [20, с. 50].

А. А. Макарецв отмечает, что избирательным комиссиям присуща двойственная природа, так как в них присутствуют как общественные начала, так и необходимо учитывать тот факт, что избирательные комиссии относятся к органам публичной власти [23, с. 52].

Таким образом, исходя из анализа вышеизложенных позиций, возможно прийти к следующему.

Правовой статус ЦИК России достаточно подробно исследован в научной литературе. Что касается правового статуса избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, то на наш взгляд в законодательстве справедливо данный орган определен как государственный орган субъекта Российской Федерации, что соответствует конституционному принципу федерализма.

По нашему мнению, все избирательные комиссии относятся к органам публичной власти с особым статусом, с помощью которых реализуется конституционный принцип народовластия в целях обеспечения волеизъявления народа в ходе выборов и референдума. Особый

статус избирательных комиссий проявляется в особом порядке их формирования с участием как государственных органов, так и институтов гражданского общества, особым порядком правового регулирования их организации и деятельности по реализации полномочий по проведению избирательных кампаний различных уровней. В данном случае, необходимо брать во внимание присутствие общественной составляющей в организации и деятельности избирательных комиссий, которая в большей степени проявляется на уровне участковых избирательных комиссий.

В законодательстве субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа существуют различные подходы к правовому регулированию статуса избирательных комиссий.

Так, в Законе Ставропольского края от 19 ноября 2003 г. № 42-кз «О системе избирательных комиссий в Ставропольском крае» о статусе избирательных комиссий говорится в преамбуле данного Закона, а содержание указанного статуса раскрывается в его статье 1 «Система и статус избирательных комиссий, комиссий референдума» [10]. Аналогичные подходы закреплены в законодательстве Республики Северная Осетия-Алания [7], [8], [9], в законодательстве Чеченской Республики [11], в законодательстве Республики Дагестан [6], в законодательстве Карачаево-Черкесской Республики [4], [5].

В законодательстве Кабардино-Балкарской Республики вопросы организации и деятельности избирательных комиссий регулируют два закона: закон определяющий вопросы организации и деятельности Избирательной комиссии Кабардино-Балкарской Республики [3] и отдельный закон, определяющий вопросы организации и деятельности территориальных избирательных комиссий [2]. Вместе с тем, необходимо отметить, что вопросы о статусе урегулированы только в отношении территориальных избирательных комиссий в Кабардино-Балкарской Республике.

Таким образом, в законодательстве субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа, отсутствует единообразный подход к правовому регулированию статуса избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации.

При рассмотрении структуры и содержания конституционно-правового статуса, необходимо отметить наличие различных подходов относительно их определения. Что касается структу-

ры конституционно-правового статуса, то одни авторы являются сторонниками узкого подхода и относят к нему лишь права и обязанности, а также компетенцию субъектов конституционно-правовых отношений [17, с. 64]. Конструкция конституционно-правового статуса государственных органов представляется более сложной, в которую многие авторы включают более широкий круг элементов [19, с. 10–11].

На наш взгляд, особенность конституционно-правового статуса избирательных комиссий заключается в наличии между ними внутрисистемных взаимоотношений.

Во главе с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации образована единая система избирательных комиссий в Российской Федерации. Данная система избирательных комиссий в нашей стране в связи с федеративным устройством российского государства состоит из 85 подсистем избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации. Каждая из них, в свою очередь, сама имеет системное строение, т.е. образует систему.

Порядок формирования избирательных комиссий закреплён как федеральным законодательством, так и законодательством регионального уровня (сроки начала приёма предложений в новые составы избирательных комиссий, порядок и сроки рассмотрения кандидатур в новые составы комиссий, сроки начала работы сформированных избирательных комиссий новых составов и т.п.).

Права и обязанности избирательных комиссий определяются нормами как федерального законодательства, так и нормами законодательства субъектов Российской Федерации. При этом, указанные права и обязанности установлены как в период проведения избирательных кампаний (кампаний референдума) различного уровня, так и в период между избирательными кампаниями (кампаниями референдума).

Что касается ответственности избирательных комиссий, то она выражается в возможности их расформирования. Расформирование избирательных комиссий осуществляется в порядке, определенном федеральным законом [1]. Указанные вопросы регулируются исключительно федеральным законодательством. В законодательстве субъектов Российской Федерации нормы о расформировании избирательных комиссий носят, как правило, отсылочный характер, либо отсутствуют.

Ключевой нормой обеспечения гарантий обеспечения работы избирательных комиссий являются также положения федерального

законодательства [1], определяющие независимость избирательных комиссий в пределах их компетенции от органов государственной власти и органов местного самоуправления; обязательность решений, иных актов комиссий (принятых в пределах их компетенции) для органов публичной власти, участников избирательного (референдумного) процесса; обязанность органов публичной власти оказывать комиссиям содействие в реализации их полномочий в соответствии с законодательством.

Немаловажное значение как с практической, так и с теоретической точек зрения, при рассмотрении конституционно-правового статуса избирательных комиссий имеет выделение принципов (как общих, так и специальных) и функций (как общих, так и специальных) организации и деятельности избирательных

комиссий в субъектах Российской Федерации (входящих в единую систему избирательных комиссий Российской Федерации).

Таким образом, на основе проведенного анализа подходов в определении конституционно-правового статуса субъектов конституционно-правовых отношений, учитывая особенности построения системы избирательных комиссий в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации, под конституционно-правовым статусом избирательных комиссий в субъектах Российской Федерации понимается закрепленная в нормах избирательного права совокупность порядка формирования, прав, обязанностей, ответственности, гарантий деятельности, принципов, функций, основ взаимоотношений (системной взаимосвязи) между собой.

Источники и литература

1. Федеральный закон №67-ФЗ от 12.06.2002 (ред. от 28.12.2016) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №24. Ст. 2253.
2. Закон Кабардино-Балкарской Республики № 1-рз «О территориальных избирательных комиссиях в Кабардино-Балкарской Республике» от 8 января 2003 г. // Кабардино-Балкарская правда. 2003. №10–12.
3. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 18 февраля 2003 г. № 23-рз «Об Избирательной комиссии Кабардино-Балкарской Республики» // Кабардино-Балкарская правда. 2003. №54–56.
4. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 10 июня 2003 г. № 29-рз «О территориальной избирательной комиссии города, района Карачаево-Черкесской Республики» // День Республики. 2003. №76–77(16279).
5. Закон Карачаево-Черкесской Республики №18-рз «Об Избирательной комиссии Карачаево-Черкесской Республики» от 29 июля 2004 г. // День Республики. 2004. №128–129(16523).
6. Закон Республики Дагестан от 12 марта 2004 г. № 7 «Об избирательных комиссиях в Республике Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2004. №3. Ст. 224.
7. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 27 декабря 2000 г. № 27-рз «О Центральной избирательной комиссии Республики Северная Осетия-Алания» // Северная Осетия. 2001. №9(23316).
8. Закон Республики Северная Осетия-Алания № 23-рз «Об участковых комиссиях в Республике Северная Осетия-Алания» от 6 июня 2013 г. URL: <http://n-osset-alania.izbirkom.ru/way/950237/sx/art/950327/cp/1/br/950311.html>. (Дата обращения: 21.09.2016).
9. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 2 декабря 2002 г. № 24-рз «О территориальных избирательных комиссиях в Республике Северная Осетия – Алания» URL: <http://n-osset-alania.izbirkom.ru/way/950237/sx/art/950329/cp/1/br/950311.html>. (Дата обращения: 21.09.2016).
10. Закон Ставропольского края №42-кз «О системе избирательных комиссий в Ставропольском крае» от 19 ноября 2003 г. // «Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края». 2003. №24(126). Ст.3291.
11. Закон Чеченской Республики от 26 марта 2013 г. № 6-рз «О системе избирательных комиссий в Чеченской Республике» URL: <http://www.chechen.izbirkom.ru/> (Дата обращения: 21.09.2016).
12. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ. 2015. 327 с.
13. Алексеев И. А. Правовой статус депутатов представительных органов местного самоуправления Южного Федерального Округа. Ставрополь: [б.и.], 2002. 210 с.
14. Алиев Т. Т., Аничкин И. М. Правовой статус избирательных комиссий в Российской Федерации // Современное право. 2012. №5. С. 61–65.
15. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 1998. 784 с.
16. Белявская М. С. Конституционно-правовой статус избирательных комиссий, осуществляющих подготовку и проведение муниципальных выборов в Российской Федерации: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Ставрополь: СГУ. 2009. 240 с.
17. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М.: Юристъ. 2001. 256 с.
18. Бузин А. Ю. Проблемы правового статуса избирательных комиссий в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М.: РУДН, 2004. 166 с.
19. Габричидзе Б. Н. Конституционный статус органов Советского государства. М.: Юридическая литература, 1982. 184 с.
20. Иванченко А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М.: Весь мир. 1996. 304 с.

21. Колюшин Е. И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. М.: Норма: ИНФРА-М. 2012. 384 с.
22. Колюшин Е. И. Конституционное право России: курс лекций. М.: Норма, 2015. 415 с.
23. Макаревич А. А. Организационно-правовой режим избирательных комиссий в Российской Федерации: проблемы реализации правового статуса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 52.
24. Постников А. Е. Избирательное право России. М.: Норма: Инфра-М, 1996. 224 с.
25. Прокопьев Д. В. Конституционно-правовой статус избирательной комиссии сложноустроенного субъекта Российской Федерации (На примере Тюменской области): автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Сургут: СГУ, 2003. 207 с.
26. Сучилин В. Н. Правовой статус избирательных комиссий муниципальных образований в Российской Федерации: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Тюмень: ТГУ 2015. 31 с.

References

1. The Federal Law No. 67-FL (red. ot 28.12.2016) «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoi Federatsii» («On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation») (12.06.2002) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2006. No. 24. Art. 2253. (In Russian).
2. The Law of the Republic of Kabardino-Balkaria No.1-rl «O territorial'nykh izbiratel'nykh komissiyakh v Kabardino-Balkarskoi Respublike» («On the territorial election commissions in the Kabardino-Balkar Republic») (08.01.2003) // Kabardino-Balkarskaya Pravda. 2003. No.10–12. (In Russian).
3. The Law of the Republic of Kabardino-Balkaria No 23-rl «Ob Izbiratel'noi komissii Kabardino-Balkarskoi Respubliki» («On the Election Commission of the Republic of Kabardino-Balkaria») (18.02.2003) // Kabardino-Balkarskaya Pravda. 2003. №54–56. (In Russian).
4. The Law of the Republic of Karachay-Cherkessia No 29-rl «O territorial'noi izbiratel'noi komissii goroda, raiona Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki» («On the territorial election commission of the city, District Karachay-Cherkess Republic») (10.06.2003) // Den' Respubliki. 2003. No.76–77(16279). (In Russian).
5. The Law of the Republic of Karachay-Cherkessia No 18-rl «Ob Izbiratel'noi komissii Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki» («On the Election Commission of the Republic of Karachay-Cherkessia») (29.07.2004) // Den' Respubliki. 2004. №128–129(16523). (In Russian).
6. Law of the Republic of Dagestan No 7 «Ob izbiratel'nykh komissiyakh v Respublike Dagestan» («On the electoral commissions in the Republic of Dagestan») // Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Dagestan. 2004. No. 3. Art. 224. (In Russian).
7. Law of the Republic of North Ossetia-Alania No 27-rl «O Tsentral'noi izbiratel'noi komissii Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya» («On the Central Election Commission of the Republic of North Ossetia-Alania») (27.12.2000) // Severnaya Osetiya. 2001. №9 (23316). (In Russian).
8. Law of the Republic of North Ossetia-Alania No 23-rl «Ob uchastkovykh komissiyakh v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya» («On election commissions in the Republic of North Ossetia-Alania») (06.06.2013) URL: <http://n-osset-alania.izbirkom.ru/way/950237/sx/art/950327/cp/1/br/950311.html>. (Accessed: 21.09.2016). (In Russian).
9. On election commissions in the Republic of North Ossetia-Alania No 24-rl «O territorial'nykh izbiratel'nykh komissiyakh v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya» (02.12.2002) («On the territorial election commissions in the Republic of North Ossetia – Alania»). URL: <http://n-osset-alania.izbirkom.ru/way/950237/sx/art/950329/cp/1/br/950311.html>. (Accessed: 21.09.2016). (In Russian).
10. Law of Stavropol Territory No 42-kl «O sisteme izbiratel'nykh komissii v Stavropol'skom krae» («On the system of election commissions in Stavropol Krai») (19.11.2003) // Sbornik zakonov i drugikh pravovykh aktov Stavropol'skogo kraia. 2003. No. 24 (126). Art. 3291. (In Russian).
11. The law of the Chechen Republic No 6-rl «O sisteme izbiratel'nykh komissii v Chechenskoi Respublike» («On the system of election commissions in the Chechen Republic») (26.03.2013) URL: <http://www.chechen.izbirkom.ru/>. (Accessed: 21.09.2016). (In Russian).
12. Avak'yan S. A. Konstitutsionnyi leksikon: Gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar' (Constitutional lexicon: state-legal terminology dictionary). Moscow: Yustitsinform. 2015. 327 p. (In Russian).
13. Alekseev I. A. Pravovoi status deputatov predstavitel'nykh organov mestnogo samoupravleniya Yuzhnogo federal'nogo okruga (The legal status of deputies of representative bodies of local self-government of the Southern Federal District). Stavropol, 2002. 210 p. (In Russian).
14. Aliev T. T., Anichkin I. M. Pravovoi status izbiratel'nykh komissii v Rossiiskoi Federatsii (The legal status of election commissions in the Russian Federation) // Sovremennoe pravo. 2012. No. 5. P. 61–65. (In Russian).
15. Baglai M. V. Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii (Constitutional Law of the Russian Federation). M.: Norma, 1998. 784 p. (In Russian).
16. Belyavskaya M. S. Konstitutsionno-pravovoi status izbiratel'nykh komissii, osushchestvlyayushchikh podgotovku i provedenie munitsipal'nykh vyborov v Rossiiskoi Federatsii (Constitutional and legal status of election commissions for the preparation and conduct of the municipal elections in the Russian Federation): abstract of thesis. Stavropol': SSU publ., 2009. 240 p. (In Russian).
17. Bogdanova N. A. Sistema nauki konstitutsionnogo prava (Constitutional law science system). Moscow: Yurist. 2001. 256 p. (In Russian).
18. Buzin A. Yu. Problemy pravovogo statusa izbiratel'nykh komissii v Rossiiskoi Federatsii (The problems of the legal status of election commissions in the Russian Federation): abstract of thesis. Moscow: RUPP publ., 2004. 166 p.
19. Gabrichidze B. N. Konstitutsionnyi status organov Sovetskogo gosudarstva (Constitutional status of the organs of the Soviet state). Moscow: Yudicheskaya literature, 1982. 184 p. (In Russian).

20. Ivanchenko A. V. Izbiratel'nye komissii v Rossiiskoi Federatsii: istoriya, teoriya, praktika (*Election Commission of the Russian Federation: history, theory, practice*). Moscow: Ves' mir, 1996. 304 p. (In Russian).
21. Kolyushin E. I. Vyборы i izbiratel'noe pravo v zerkale sudebnykh reshenii (*The elections and the right to vote in the mirror of court judgments*). Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. 384 p. (In Russian).
22. Kolyushin E. I. Konstitutsionnoe pravo Rossii: kurs lektsii (*Constitutional Law of Russia: a course of lectures*). Moscow: Norma. 2015. 415 p. (In Russian).
23. Makartsev A. A. Organizatsionno-pravovoi rezhim izbiratel'nykh komissii v Rossiiskoi Federatsii: problemy realizatsii pravovogo statusa (*Organizational-legal status of election commissions of the Russian Federation: problems of implementation of the legal status*) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2014. No. 3(13). P. 52. (In Russian).
24. Postnikov A. E. Izbiratel'noe pravo Rossii (*Election law of Russia*). Moscow: Norma: Infra-M, 1996. 224 p. (In Russian).
25. Prokop'ev D. V. Konstitutsionno-pravovoi status izbiratel'noi komissii slozhnoustroennogo sub»ekta Rossiiskoi Federatsii (Na primere Tyumenskoi oblasti). (*Constitutional and legal status of the Electoral Commission of the Russian Federation, the subject of a multi-structured subject in the Russian Federation (In the Tyumen region)*): abstract of thesis. Surgut: SSU publ. 2003. 207 p. (In Russian).
26. Suchilin V. N. Pravovoi status izbiratel'nykh komissii munitsipal'nykh obrazovaniy v Rossiiskoi Federatsii (*The legal status of election commissions of municipalities in the Russian Federation*): abstract of thesis. Tyumen': TSU publ. 2015. 31 p. (In Russian).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.112.22

С. В. Аликова, О. С. Шибкова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению стилистических особенностей фразеологизмов в публицистике политико-экономического характера, коррелирующих с их экспрессивным потенциалом. В ходе исследования производится классификация фразеологизмов, релевантная для немецкого публицистического стиля, рассматриваются апории стилистической окраски фразеологизмов и проблема включения во фразеологический

фонд устойчивых сочетаний нефразеологического типа. Авторы подчеркивают целесообразность применения междисциплинарного подхода в дальнейших исследованиях фразеологизмов.

Ключевые слова: устойчивые сочетания нефразеологического типа, фразеологизм, классификация фразеологизмов, междисциплинарный подход.

S. V. Alikova, O. S. Shibkova

PHRASEOLOGICAL UNITS IN GERMAN JOURNALISM AS OBJECT OF INTERDISCIPLINARY APPROACH

The article is devoted to the stylistic features of phraseology in politic-economic journalism, correlating with their expressive potential. The theoretical analysis and taxonomic method allow to characterize the journalistic style in modern times and identify the phraseological classification whereas the main classifying features are the

meaning and structure. The authors emphasize the appropriateness of the multidisciplinary approach in further studies of phraseology.

Key words: set expressions of nonphraseological type, phraseological unit, phraseological classification, interdisciplinary approach.

Исходя из широты предмета исследования, которым являются фразеологизмы, и, учитывая опыт предшествующих исследований, к основным признакам устойчивых выражений мы причисляем воспроизводимость, относительную устойчивость, идиоматичность разной степени для идиом и связанное значение для устойчивых выражений других типов [1, с. 211]. Устойчивые сочетания нефразеологического типа также являются объектом нашего исследования. В немецком языке во многих случаях полнозначный глагол заменяем словосочетанием глагола с именной частью речи соответствующего значения. Многие исследователи немецкой фразеологии называют их фразеологизованными образованиями. К ним причисляют номинализации, где один из ком-

понентов с переносным значением вступает в соединение с абстрактными существительными определенной семантической группы: *j-m Besichtigung, Achtung, Bewunderung, Teilnahme, Anerkennung, Dank zollen; j-n einer Prüfung, einem Verhör unterziehen*. Считается, что данные словосочетания наиболее тесно приближаются к фразеологизмам, поскольку отличаются не единичной, а серийной сочетаемостью и структурой семантики. Развернутые номинализации являются универсальными моделями, так как представлены в языках разных типов, часто употребляются во всех функциональных стилях языка. При этом они решают ряд коммуникативных задач: наличие отглагольного существительного делает возможным использовать имя прилагательное, что обогащает

характеристику действия; глагол в словосочетании может уточнять модальные, видовые и другие характеристики действия. В большинстве своем подобные фразеологические единицы являются единственным средством в языке, передающим соответствующее понятие, они не имеют однословных синонимов и не нуждаются в толковании.

Среди огромного количества классификаций фразеологизмов, представленных во фразеологии как части лингвистики, считаем необходимым остановиться на немногих, удобных для использования в исследованиях прикладного характера. Большинство лингвистов, как отечественных, так и немецких, взяли за основу классификацию В. В. Виноградова, пытаясь ее расширить или дополнить. В основе данной классификации лежит семантический принцип. Исследователь выделяет три основных типа фразеологических единиц, свойственных общей языковой системе. Это фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Однако не все лингвисты поддерживают классификацию В. В. Виноградова, поскольку многие из них максимально-объективным считают контексто-логический анализ. [4, с. 276]. Одной из главных причин такого утверждения является зыбкость границ между выделенными группами устойчивых сочетаний.

Традиционная классификация известна как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Согласно этой классификации, фразеологизмы подразделяются на четыре группы: устойчивые пары, идиомы, крылатые выражения, пословицы [7, с. 180]. Необходимо отметить высокую практическую ценность данной классификации, которая позволила авторам и их последователям разграничить и описать фразеологические единицы с разными этимологиями и временем возникновения. В. Л. Архангельский при анализе русской фразеологии использовал систему зависимостей Л. Ельмслева, которая включает взаимозависимость (интердепенденция), при которой один член предполагает существование другого, и наоборот; односторонние зависимости, при которых один член предполагает существование другого, но не наоборот (детерминация). Более свободные зависимости, в которых оба члена являются совместимыми, но ни один не предполагает существования другого – констелляции [2, с. 151].

Приемлемая для практических исследований классификация, применяемая нами в более ранних исследованиях фразеологизмов в языке немецкой молодежи, базируется на

структурно-семантическом принципе, метод сплошной выборки для изучения фразеологических единиц в публицистическом стиле используется в отношении известного немецкого канала, имеющего все доступные в современное время форматы: теле-, радио- и интернет-версия. Основными таксономическими дифференциалами являются структура и семантика, свойственные фразеологизмам публицистического стиля. Идиомы являются самой многочисленной группой *den ersten Knacks bekommen* (дать трещину). Обычно они выполняют функцию предиката в широком смысле этого слова и потому достаточно близко стоят к предикатным словам, способным входить, по традиционной классификации, в разные функциональные классы. В порядке убывания представлены устойчивые предложения: *Sonst sägen sie an dem Ast, auf dem sie sitzen* (В таком случае, они пилят сук, на котором сидят), устойчивые сравнения: *ausgenommen werden wie Weihnachtsgänse* (вынимать из духовки как рождественского гуся) и устойчивые пары: *Schutz und Schirm* (надежная защита).

Фразеологизмы, представленные в СМИ, вызывают большой интерес, поскольку в последнее время роль законодателя в создании норм словоупотребления принадлежит средствам массовой информации и публицистическому стилю, характеризующемуся непосредственной близостью к разговорной речи. Тексты СМИ носят вторичный характер в связи с тем, что нового знания в массовой информации не возникает, оно излагается и интерпретируется в доступной форме. Коммуникативная установка и направленность на разнородную аудиторию предполагает структуру, которая связана с использованием готовых стандартов, речевых штампов, различной фразеологии. Преимущественно это фразеологические выражения, известные всем носителям языка. Эта стандартность, в отличие от штампа – средства воспроизведения, дающего негативный эффект, не исключает элемента творчества, которое заключается в свободном и умелом варьировании и комбинировании речевых форм, не несет в себе ничего предосудительного и является отражением исторического опыта, показателем богатства и шлифованности языка.

В газетно-публицистическом стиле сосуществуют и борются противоположные тенденции – тяготение к стабильности (воспроизведение готовых формул, словосочетаний и конструкций) и стремление к экспрессии, которое порождает поимки новых средств воздействия на читате-

ля. Одна из особенностей современной прессы – высокая степень прецедентной плотности текста. Здесь ведущая роль принадлежит фразеологическому фонду языка, что делает его объектом исследования лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

В процессе изучения и употребления фразеологизмов немаловажным является вопрос об их стилистической принадлежности, как ни парадоксально, даже в пределах публицистики, где, по определению и назначению, должна господствовать общепринятая литературная норма. Фразеологические средства языка, как и лексика, находят применение в различных функциональных стилях и, соответственно, имеют ту или иную стилистическую окраску. Самый большой стилистический пласт составляет разговорная фразеология, она используется преимущественно в устной форме общения и в художественной речи. Как справедливо замечает Т. В. Филипенко, многие идиомы обиходно-разговорной речи часто употребляются в письменных текстах, например, газетных статьях [6, с. 46]. К разговорной фразеологии близка просторечная, более стилистически сниженная: *чесать языком*. Другой стилистический пласт образует книжная фразеология, которая употребляется в книжных стилях, преимущественно в письменной речи. В составе книжной фразеологии можно выделить научную: *щитовидная железа*, публицистическую: *прямой эфир*, *черный вторник*, официально-деловую: *минимальная зарплата*, *давать показания*. Помимо этого, выделяется слой общеупотребительной фразеологии (нем.: *stereotype Sprechakte*, *Routineformeln*), которая находит применение как в книжной, так и в разговорной речи: *время от времени*, *сдержанное слово*. Зачастую они лишены эмоционально-экспрессивной окраски и употребляются строго в номинативной функции. Среди таких фразеологизмов много составных терминов: *валютные операции*, *знаки препинания*. Как и все термины, они характеризуются однозначностью, образующие их слова выступают в прямых значениях [5]. Следует подчеркнуть, что чем чаще употребляется номинация, чем, собственно, и является фразеологизм как означивание объекта действительности, воспроизводясь в последующих текстах, тем содержательно беднее она становится. Она отражает содержание не одного, а множества текстов, соответственно, становится более абстрактной. Рассматривая семантику языка в гносеологическом аспекте, нельзя не согласиться с Г. В. Колшанским в том, что между предметом и

знаком не существует прямого отношения, процесс номинации подлежит интерпретации не в плане отношения вещи и слова, а в форме презентации в знаке какого-то отвлеченного свойства предмета, вещи. И, повторно подчеркивая необходимость междисциплинарного подхода к процессу номинации, обращаем внимание на то, что онтология, гносеология, логика, языковая семантика и грамматика составляют те дисциплины, которые должны принимать совместное участие в выявлении как общих закономерностей мыслительного контента в языке, так и системы формальных средств, задействованных в коммуникативном процессе [3, с. 13]. Поскольку средства массовой информации стремятся привлечь максимально широкую аудиторию, возникает необходимость использовать ссылки и на явления и выражения, которые знают все, «и стар и млад». Естественно, источником самых популярных и употребительных словосочетаний является фразеология. Как правило, это крылатые слова из мифологии или обозначения важных политических и экономических вех в мировой или национальной истории. Зачастую они подвергаются лексическим или фонетическим изменениям посредством игры слов, контаминации. Современная немецкая пресса очень часто вызывает интерес читателей при помощи заголовков, привлекая внимание к злободневным темам, одновременно оценивая их. Очень часто заголовки «обыгрывают» темы долгов Греции Евросоюзу и военных действий в Украине: *Griechenland ist unser Tor nach Europa* (Греция – наши ворота в Европу) (H. Ankenbrand, FAZ 3.02.2015). Здесь мы имеем дело с положительной оценкой, выражающей оправдание кредитования Греции. А в следующих примерах присутствует ярко выраженная пейоративная оценка: *EZB zieht Zügel an* (ЕЦБ прибегает к более жестким мерам) (dpa 4.02.2015), *die EZB nimmt uns die Luft zum Atmen* (ЕЦБ перекрывает нам кислород) (Reuters/AFP 12.03.2015); *Will Moskau in der Ukraine-Krise einen Keil in die EU treiben?* (Москва хочет посредством кризиса на Украине внести раздор в Европу?) (B. Triebe, FAZ 02.02.2015). В последнем примере используется устойчивое выражение из военного жаргона, где *Keil* – боевой порядок углом вверх, так называемый клин. Очевидно, данное выражение подчеркивает якобы воинственные и агрессивные действия Москвы. А в следующем заголовке используется автором метонимия способствует созданию яркой образности, броскости и комического эффекта: *Alexander Dibelius verlässt Thomas Mann* (Александр Ди-

белиус покидает Томаса Манна). Александр Дибелиус – известный врач и финансовый менеджер, продает принадлежащий ему особняк, бывший когда-то во владении Томаса Манна. Используя данный стилистический прием, автор статьи стремится показать, что и «богатые тоже плачут».

Следующие примеры представляют собой терминологические фразеологизмы, поскольку пришли из области техники. Следует отметить, что устойчивые единицы терминологического происхождения редко имеют низкую стилистическую маркированность, т.е. в отличие от фразеологизмов разговорной речи, имеющих в некоторых случаях вульгарный характер, могут найти широкое применение в публицистических произведениях, не снижая их литературной и эстетической ценности. *Auch dieses Spiel könnte ewig dauern, denn es braucht eine Zweidrittelmehrheit im EZB-Rat, um den Geldhahn zuzudrehen.* (Эта игра может длиться вечно, так как для приостановления финансирования требуется две трети голосов управляющего совета ЦБ) (дра 8.02.2015). Автор использует выражение закрыть кран, что повышает образность и эмоциональность высказывания, не понижая его стилистической окраски. *So könnte in Athen das süße Leben auf Pump weitergehen* (Итак, сладкая жизнь в Афинах благодаря денежному насосу может продолжаться дальше) (там же). Выражение из технической и нефтедобывающей сферы очень метко подчеркивает мас-

штабы финансирования Греции Евросоюзом. Узнаваемые форма и содержание достигают поставленной цели – привлечь внимание широкого круга зрителей и читателей. Учитывая вышесказанное, становится очевидным, что внутри публицистического стиля наблюдается ярко выраженная неоднородность стилистической окраски представленных фразеологических выражений.

Итак, фразеологизмы не могут быть отнесены к исключительно лингвистическому объекту исследования. Целесообразность применения междисциплинарного подхода при дальнейшем изучении фразеологизмов в публицистическом стиле не вызывает сомнения. Одна из особенностей современной прессы – высокая степень прецедентной плотности текста. Здесь ведущая роль принадлежит фразеологическому фонду языка, что делает его объектом исследования лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Также представленные примеры свидетельствуют о том, что лишь незначительная часть фразеологических единиц в современной публицистике экономической и политической тематики носит эпистемогенезисный характер. Самый большой стилистический пласт, как выяснилось в рамках исследования, составляет разговорная фразеология. В качестве исследовательской перспективы выдвигаются вопросы стилистической принадлежности выявленных примеров, их роли в изотопии текста и расширении синонимического ряда.

Источники и литература

1. Аликова С. В., Шибкова О. С. Об универсальности фразеологических признаков в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. С. 211–213.
2. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном английском языке. Ростов-н/Д: Издательство Ростовского университета, 1964. 315 с.
3. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований / отв. ред. Ярцева В.Н. М.: Наука, 1976. С. 5–31.
4. Кунин А. В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970. 343 с.
5. Орфограммка. Веб-сервис проверки правописания. URL: orfogrammka.ru/стилистика (Дата обращения: 05.10.2014).
6. Filipenko T. V. Beschreibung der Idiome in einem zweisprachigen Idiomatik-Wörterbuch (Deutsch-Russisch) // Germanistisches Jahrbuch der GUS "Das Wort". 2002. S.43–62.
7. Iskos A., Lenkova A. Lexikologie der deutschen Sprache. Moskau, 1970. 296 s.
8. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 02. 03.2015.

References

1. Alikova S. V. Shibkova O.S. Ob universal'nosti frazeologicheskikh priznakov v nemeckom jazyke (*On universality of phraseological signs in the German language*) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. P. 211–213. (In Russian).
2. Arhangel'skij V. L. Ustojchivye frazy v sovremennom anglijskom jazyke (*Sustained phrases in modern English*). Rostov-on-Don: RSU publ., 1964. 315 p. (In Russian).
3. Kolshanskij G. V. Nekotorye voprosy semantiki jazyka v gnoseologicheskom aspekte (*Some aspects of language semantics in the epistemological aspect*) // Principy i metody semanticheskikh issledovanij / ed. by Jarceva V. N. Moscow: Nauka, 1976. P. 5–31. (In Russian).
4. Kunin A. V. Anglijskaja frazeologija (*English phraseology*). Moscow: Vysshaja shkola, 1970. 343 p. (In Russian).
5. Orfogrammka. Veb-servis proverki pravopisanija (*Orfogrammka. Web Service Proofing*). URL: orfogrammka.ru/stilistika (Accessed: 05.10.2014). (In Russian).

6. Filipenko T. V. Beschreibung der Idiome in einem zweisprachigen Idiomatik-Woerterbuch (Deutsch-Russisch) (*Description of the idioms in a bilingual idioms dictionary*) // Germanistisches Jahrbuch der GUS "Das Wort" 2002 (Germanistic Yearbook of the CIS, "The word" 2002). P. 43-62. (In Russian).

7. Iskos A., Lenkova A. Lexikologie der deutschen Sprache (*Lexicology of the German language*). Moscow, 1970. 296 p. (In Russian).

8. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 02. 03.2015. (In Russian).

УДК 81-11

В. А. Бабаянц, В. В. Бабаянц

ЛИНГВОПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ СПОРТИВНОЙ ТЕМАТИКИ

В настоящей статье авторами рассмотрены некоторые аспекты обеспечения коммуникативной эквивалентности перевода. В частности, предложена точка зрения, в фокусе которой находятся фоновые знания переводчика, причем данная категория знания рассматривается как один из ключевых факторов, способных повлиять на верную интерпретацию сообщения, что, в свою очередь, является залогом потенциально достоверного отражения сути описанного в сообщении, но уже на языке перевода. В качестве практического материала авторами использован аутентичный англо-

язычный газетный текст, освещающий события в мире смешанных боевых искусств – направления, которое в последние годы получает все большее освещение в СМИ, а значит, что такие тексты неизбежно оказываются в центре внимания и российских любителей данного спортивного направления, что обуславливает потребность в соответствующем переводе.

Ключевые слова: перевод, коммуникативная эквивалентность, фоновые знания переводчика, перевод спортивных текстов.

V. A. Babayants, V. V. Babayants

LINGUISTIC AND TRANSLATION ISSUES IN INTERPRETING NEWSPAPER ITEMS COVERING SPORTS EVENTS

The authors dwell on certain aspects of communicative equivalence in translation, namely, the role of the translator's background awareness is viewed as a key factor that may have an impact on proper interpretation of the original message at perceiving, which, in turn, would allow offering a duly composed translation in the target language to the end recipient. The examples are taken from an authentic English text from a newspaper that

highlights MMA events which have been getting more and more coverage in the recent years, thus suggesting that such texts are attracting more and more attention from the Russian fans and this, respectively, shall need more of translation.

Key words: translation, communicative equivalence, translator's background knowledge, translation of sport texts.

Перевод спортивных текстов непосредственно связан с теми особенностями, которые выделяют его среди иных типов текста. Поскольку спортивный текст имеет целью предоставление описания событий, относящихся исключительно к спорту, логичным будет полагать, что спортивный текст принадлежит к специальным. Поскольку основной функцией спортивного текста является описание реальных событий, можно предположить, что эмоциональное либо эстетическое воздействие

на реципиента не должно приниматься во внимание или, по меньшей мере, не может играть более или менее существенной роли.

Тем не менее, к спортивным текстам вряд ли можно применить исключительно такие требования, как информативность и последовательная логичность структуры, а также объективность. Более того, говоря о переводе специализированного текста, необходимо соблюдение на уровне коммуникативной функции такого требования, как эквивалентность в

отношении исходного текста. При этом адекватное восприятие возможно лишь в случае наличия присутствия «базовой тематической компетентности реципиента» [1].

Если говорить о коммуникативной эквивалентности создаваемого текста (то есть текста перевода) по отношению к оригиналу, то речь, прежде всего, должна идти о соблюдении таких требований, как максимальная полнота объема, позволяющая передать содержание оригинала, соответствие нормам языка перевода, а также стремление к созданию текста, сопоставимого по объему с оригиналом [3].

Когда речь идет об адекватности восприятия текста, переводчик традиционно воспринимается как всего лишь посредник, некоторая среда, проходя через которую сообщение, выраженное посредством знаков одного языка «просто» преобразуется и становится доступным реципиенту. В данном случае, как мы полагаем, восприятие процесса обеспечения перевода как минимум упускает из виду исключительно важную деталь – личность самого переводчика. Тем не менее, ни у кого не вызывает сомнений тот факт и, соответственно утверждение, что именно от переводчика зависит то, насколько верно будет воспринято сообщение конечным его получателем.

Это позволяет нам заключить, что, поскольку от переводчика зависит нечто, значит, его роль сводится к чему-то большему, чем «малоинтеллектуальная» передача сообщения, сводящаяся к механической декодировке того, что уже заложено автором сообщения на ИЯ. Такому некорректному восприятию деятельности переводчика способствует также распространенное стереотипное представление о «хорошем переводчике», способном «перевести слово в слово, ничего не придумав». Проблема перевода, на наш взгляд, заключается не только в том, чтобы правильно перевести, но, что еще более важно, правильно понять, то есть исключительно верно декодировать смысл, изначально заложенный автором, и только потом перевести его, выразив посредством знакомых реципиенту знаков ПЯ. В таком случае переводчик предстает уже не как посредник, а как конечный получатель в рамках общения «адресант – переводчик». Иными словами, переводчик становится адресатом. После этого переводчик, воспринявший текст оригинала должен стать адресантом, для чего ему необходимо, пропустив текст исходного сообщения сквозь призму собственных ценностей и знаний, передать его уже конечному реципиенту, который и есть адресат в рамках

акта коммуникации в целом. Вышеописанное видение роли переводчика позволяет назвать его автором текста перевода, что будет вполне обоснованным.

Если говорить о сложностях перевода спортивных текстов, то в первую очередь необходимо отметить принадлежность их к группе газетно-журнальных текстов, когда характерные особенности «стиля этих текстов подчиняются законам речевого жанра газетно-журнальной публицистики и создаются в рамках определенных конвенций» [1]. Публицистические тексты, в свою очередь, направлены на самую широкую аудиторию, а потому переводчику необходимо выбрать такой путь «передачи исходной информации, который приводит к переводному тексту с адекватным воздействием на получателя» [4]. В этом смысле спортивные тексты вряд ли можно рассматривать наравне с другими специальными текстами, где целевая аудитория, как правило, ограничивается относительно узким кругом лиц, обладающих сугубо специальным знанием. Еще одной особенностью именно спортивных текстов будет их некоторая близость к рекламным. Спорт – явление исключительно распространенное, и аудитория в данном случае не может быть слишком большой, поскольку сама идея необходимости популяризации спорта не вызывает никаких сомнений. Более того, в настоящее время спорт (в частности профессиональный) стал исключительно коммерциализирован, а значит, заинтересованные лица будут прибегать к любым методам для привлечения внимания максимально широкой аудитории.

Воспринимая спортивное событие, описанное посредством символов некоторого языка, переводчик вынужден воссоздавать в своем сознании целый ряд образов и микроконтекстов, причем вовлечены не только те части его сознания, которые отвечают за формальное когнитивное восприятие, но также эмоции. До передачи сообщения, то есть до осуществления его перевода, сознание переводчика проходит чрез ряд процедур, среди которых необходимо выделить такие, как категоризация и концептуализация. Категоризация в таком случае обозначает способность «ума классифицировать представления и выражать их в слове» [2], а концептуализация подразумевает создание образов со всеми их ассоциативными связями, которые не всегда осознаются в полной мере, но неизбежно влияют на конечный продукт – сформулированное и вербализованное переводчиком сообщение.

Переводчику спортивного текста, помимо знания специальной терминологии, таким об-

разом, необходимо уметь должным образом распознать референцию адресанта в отношении определенных событий. И чем лучше он будет осведомлен о том, что именно произошло, тем более успешным будет его восприятие, а соответственно, и передача сообщения. Но даже после того, как сообщение было воспринято, оно не может подлежать механическому воспроизведению на языке перевода, поскольку перед переводчиком стоит задача отбора соответствующих языковых единиц, которые позволят ему наилучшим образом вербализовать тот набор микроконтекстов, которые кристаллизовались у него в сознании.

Ниже нами приведены примеры, демонстрирующие роль фоновых знаний переводчика в обеспечении коммуникативной эквивалентности текста перевода.

1) *«Conor McGregor stuns Jose Aldo in 13 seconds to take UFC featherweight title»*

Отмечая присутствие специальной спортивной терминологии в данном отрезке текста (*feather weight*), нами все же сделан вывод о том, что это не является единственной сложностью при переводе. Не менее сложным будет передача сообщения в таких единицах и посредством таких переводческих трансформаций, которые бы в полной мере отражали суть самого события, а не исключительно того, что было выражено автором. Применимо к указанному предложению стоит отметить следующее: Конор МакГрегор – это боец, чемпион в легком весе, чье появление в мире смешанных боевых искусств принесло оживление, привлекая внимание все новых поклонников. Это было обеспечено не только за счет его феноменальных физических данных, но и его поведения, которое отличается показным высокомерием и полным отсутствием уважения к своим соперникам вне ринга. Одним из таких эпизодов стало противостояние Конора МакГрегора и Жозе Альдо – бразильского бойца, у которого МакГрегор отобрал титул чемпиона. До того боя МакГрегор многократно оскорблял своего противника, причем делал это в самой неприятной форме и не стеснялся в выражениях. Альдо, напротив, был известен как весьма сдержанный и скромный боец, который не проиграл ни одного боя до встречи с МакГрегором. Такая противоположность личностных особенностей послужили причиной огромного внимания к предстоящему бою, причем большинство поклонников были убеждены, что МакГрегору придется поплатиться за свое неуважительное поведение. Тем не менее, последний победил нокаутом, причем сделал это настолько

быстро и зрелищно, что это стало более, чем неожиданным. Именно поэтому нам видится возможным такой перевод вышеуказанного предложения: *«Конор МакГрегор сенсационно нокаутировал Жозе Альдо за 13 секунд, и стал новым чемпионом UFC в легком весе»*.

В данном случае конкретизация (*stuns – нокаутировал*) видится нам вполне обоснованной. Более того, добавление (сенсационно) так же вполне логично, поскольку для большинства, если не для всех поклонников мира боевых искусств победа ирландского бойца стала абсолютно неожиданной.

2) *«In the moments prior to the left hand that shook up the MMA world, Aldo essentially ignored McGregor, who improved his record to 18-2»*

В данном случае сложностью для перевода является сочетание *«the left hand»*, требующее от переводчика не просто знания языка, позволяющего осуществлять перевод в форме замены конструкций ИЯ аналогичными на языке ПЯ с соблюдением лексико-грамматических норм, а осведомленность в плане произошедшего, то есть наличие фоновых знаний: *«the left hand»* – это не просто левая рука, а удар, нанесенный МакГрегором в челюсть Альдо, который стал решающим в их схватке, привлечшей внимание миллионов людей по всему миру, и окончившейся победой МакГрегора. Как уже было указано в примере 1, МакГрегор известен своими оскорбительными выпадами в отношении своих потенциальных противников, а потому его победа стала полной неожиданностью. Именно это позволяет нам перевести данное предложение как *«Вплоть до того самого удара левой, потрясшего мир смешанных боевых искусств, Альдо практически игнорировал МакГрегора, в чьем активе уже 18 побед при тех же 2 поражениях»*.

3) *«I threw a punch and he came back with a cross. We need a rematch» Aldo said. «It wasn't a fight so we needed to get back in there»*

В данном случае перевод специальных терминов (*punch, cross, rematch*) не могут представлять сложности, так как в отношении них существуют установившиеся общепринятые эквиваленты (*удар, кросс, матч-реванш*). Однако фраза Альдо *«It wasn't a fight»* может представлять немалую сложность в случае, если переводчик не имеет представления о том, что происходило ранее между двумя бойцами, о которых идет речь в тексте. Дело в том, что Альдо полагает, что поражение, нанесенное ему МакГрегором в рекордно короткое время, стало результатом всего лишь случайного удара, полученного им от ирландца. Именно ис-

ходя из такой пресуппозиции коммуникативно эквивалентным вариантом перевода указанного предложения будет не «*Это был не бой, поэтому нам нужно снова туда вернуться*», а «*Боя, по сути, и не было, и нам надо было снова встретиться в клетке*». Смысловое развитие в данном случае – это тоже результат фоновых знаний переводчика, которые позволяют ему перевести фразу «*so we needed to get back in there*» как «*и нам надо было снова встретиться в клетке*», поскольку восьмиугольное подобие ринга, в котором проводятся бои без правил, называют клеткой за особенности стенок, выполненных из металлической сетки.

Спортивные тексты, несмотря на их принадлежность к специальным, требуют особого подхода, ибо уже на этапе восприятия текста оригинала понятно, что текст потребует от переводчика фоновых знаний, и этот фактор становится ключевым в обеспечении коммуникативной

эквивалентности перевода. Особенности жанра спортивного текста – это следствие того, что одной из его функций является привлечение внимания максимально широкой целевой аудитории. Воздействие на реципиента является одной из основных прагматических задач спортивных текстов. В силу этого такой текст, с одной стороны, не должен быть сложным для восприятия, при этом, будучи насыщенным всевозможными стилистическими приемами с другой.

На переводчика это налагает дополнительную ответственность и требует умения не просто достоверно интерпретировать и воспроизводить вербализованное автором сообщение, но и выступить в качестве транслятора, способного обеспечить доведение до конечного реципиента сообщения таким образом и с потенциальным возникновением таких эмоций и ассоциаций, которые должны были возникнуть у самого переводчика на этапе его восприятия.

Источники и литература

1. Алексеева И. С. Письменный перевод. Немецкий язык. СПб: Союз, 2006. 368 с.
2. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики: Из университетских чтений. М.: КомКнига, 2015. 576 с.
3. Кабаченко И. Л., Игнатова Н. Н. Национальный горный университет, г. Днепропетровск. URL: http://www.rusnauka.com/13_NPT_2008/Philologia/31596.doc.htm (Дата обращения: 21.09.2016).
4. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English – Russian. СПб: Союз, 2000. 320 с.
5. Conor McGregor Stuns Jose Aldo in 13 Seconds to Take UFC Featherweight Title URL: <https://www.theguardian.com/sport/2015/dec/13/conor-mcgregor-stuns-jose-aldo-in-13-seconds-to-take-ufc-featherweight-title> (Дата обращения: 21.09.2016).

References

1. Alekseeva I. S. Pis'mennyy perevod. Nemetskiy yazyk. (Written translation. German language). St. Petersburg: SOYuZ, 2006. 368 p.
2. Bogoroditskiy V. A. Obshchiy kurs russkoy grammatiki: Iz universitetskikh chteniy. (General Course into Russian Grammar: university readings). Moscow: ComKniga, 2015. 576 p.
3. Kabachenko I. L., Ignatova N. N. Natsional'nyy gornyy universitet (National mining university). g. Dnepropetrovsk. URL: http://www.rusnauka.com/13_NPT_2008/Philologia/31596.doc.htm (Accessed: 21.09.2016).
4. Kazakova T. A. Prakticheskie osnovy perevoda. (Translation techniques). English – Russian. St. Petersburg: SOYuZ, 2006. 320 p.
5. Conor McGregor Stuns Jose Aldo in 13 Seconds to Take UFC Featherweight Title URL: <https://www.theguardian.com/sport/2015/dec/13/conor-mcgregor-stuns-jose-aldo-in-13-seconds-to-take-ufc-featherweight-title> (Accessed: 21.09.2016).

УДК 81-11

С. Н. Бредихин

**КРИТЕРИИ ОБЪЕМА ОПЕРАТИВНОЙ ПАМЯТИ И ОСЛОЖНЕННОСТИ
СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕЦЕПЦИИ ТЕКСТА:
К ИСТОРИИ ВОПРОСА**

В данной статье рассмотрены общие структурные особенности высказывания, играющие определяющую роль при рецепции и декодировании текстовой информации, и наиболее эффективно реализующие перлокутивный эффект. Рассматриваются различные модели и методы определения индивидуального объема памяти в качестве одного из ключевых критериев определения степени зависимости когнитивного процесса восприятия и декодирования графического текста от характеристик рефлексивной реальности. На

основе данного исследования мы попытались установить возможности использования критерия индивидуального объема оперативной памяти в процессе определения уровня понимания высказываний в графической репрезентации текста.

Ключевые слова: объем оперативной памяти, предложения с придаточными конструкциями, осложненность восприятия и декодирования, структура высказывания, центральная исполнительная система в обработке информации.

S. N. Bredikhin

**CRITERIA OF OPERATIVE MEMORY VOLUME AND THE COMPLEXITY
OF UTTERANCE STRUCTURE IN THE LIGHT OF TEXT COMPREHENSION:
HISTORICAL OVERVIEW**

The article studies general structural peculiarities of the utterance, which play the leading role in comprehension and decoding of text information and realize the perlocution effect most effectively. Different models and methods of assessing individual memory volume capacity are viewed as the key criterion to specify the degree of dependency of the cognitive process of perception and decoding of the graphic text on reflexive reality characteristics. The

study features an attempt to reveal the opportunities for application of individual memory volume capacity in the process of defining the level of utterance comprehension in graphic text representation.

Key words: operative memory volume, sentences with subordinate clauses, complexity of comprehension and decoding, utterance structure, central information processing actuator.

В последнее время все чаще возникает вопрос функционирования ментальных ресурсов в рамках когнитивной основы восприятия текста. В качестве доказательства чрезвычайной сложности и зависимости от характеристик рефлексивной реальности самого когнитивного процесса восприятия и декодирования графического текста используется метод определения индивидуального объема памяти, а также выдвигаются определенные требования при решении различных задач [15]. В работах большинства ученых при первичной оценке объема оперативной памяти (ОП), которая выступает в качестве модели ограниченных ресурсов [14], отсутствовали необходимые разработанные требования к формам воспринимаемого текста [11], однако необходимо отметить, что лю-

бая попытка ограничения предметной области воспринимаемой и декодируемой информации должна характеризоваться определенной синтаксической сложностью.

Модель Фрейзера представляет наиболее разработанный на сегодняшний день алгоритм выявления данной зависимости [7]. Данная модель учитывает количество операций, необходимое при обработке нескольких высказываний. Операции, предлагаемые в ней, к тому же, являются основной синтаксической величиной на базе внеконтекстуальной программы синтаксического анализа.

Фрейзер включает в свою модель ограниченные системы рабочего объема по восприятию некоторой последовательности. Количество операций, совершаемых за определённый промежуток времени, объясняется нагрузкой

на включаемый в процесс обработки текста объем оперативной памяти.

Разработки Фрейзера стали импульсом для дальнейшей разработки и усовершенствования предыдущих моделей [10]. Однако адекватность данной модели в рамках современных когнитивных исследований, с нашей точки зрения, отнюдь не гарантирована. В одном из объяснений своей модели Фрейзер отказывается от использования тех лексических характеристик, которые были разработаны представителями лексико-функциональной грамматики [5] и не принимает во внимание ни семантическую, ни структурную характеристику (валентность и феномен порядка слов) [13]. Следующая проблема заключается в постулировании гетерогенности процессов как способе определения объема памяти при синтаксической обработке текстов. Ставится вопрос об универсальной применимости данной гетерогенности (прослеживается минимальная связь этого параметра с ОП, а также определенная задержка реакции) на основе существующих исследований [9].

Альтернативный способ установления синтаксической усложненности воспринимаемых и декодируемых высказываний основывается на исследовании синтагматических связей. Сложные высказывания чаще всего состоят из нескольких простых высказываний, при этом они могут выступать в качестве высказываний, вербализующих как сочинительные, так и подчинительные отношения. Например, сложные высказывания с вербализацией подчинительной временной связи показывают, что виды связей могут существенно повлиять на результат восприятия и декодирования текстов. Помимо семантических критериев, таких как «картина мира» (например, в последовательности мышления), особую роль играют коммуникативные структурные особенности высказывания. Мы принимаем во внимание тот факт, что множество аспектов архитектурной структуры высказывания определяют результаты восприятия и понимания.

Мы выделили следующие структурные особенности, имеющие перлокутивный эффект:

- количество связанных между собой придаточных;
- координация как тип связи в сложном высказывании и, соответственно, способ подчинения придаточных;
- формы придаточных (инфинитивные конструкции, дополнительные, пояснительные и относительные предложения);
- постпозиция и, соответственно, препозиция конструкций главных и придаточных;

– системность последовательности придаточных предложений (при множественной координации и подчинения).

Системность последовательности к тому же означает, что высказывание, которое начинается с констатирующей, главной части и заканчивается придаточной, соответственно, ранжирует придаточные согласно определенной иерархии.

В качестве теоретической основы понимания объема оперативной памяти можно использовать модель Бэддели и Хитча [3]. Исходя из функционального исследования краткосрочной памяти, авторы описывают оперативную память как систему, состоящую из трех компонентов: наблюдательного органа, центральной исполнительной системы, языковой вспомогательной памяти (фонологического круга, а также пространственно-визуальной памяти).

Бэддели определяет центральную исполнительную систему как систему восприятия ограниченного объема информации с функциями активирования и управления отдельными подсистемами, а также как выбор действий в рамках их дальнейшего функционирования в процессе декодирования. Он ссылается на модель восприятия Нормана и Шаллис [12], которая в общих чертах повторяет попытку интеграции концепта (ОП) на основе модели регулирования внимания [8].

Следующей спорной и обсуждаемой проблемой является сам процесс доказательства зависимости процессов восприятия и декодирования от ресурсов оперативной памяти, индивидуальных характеристик рефлексивной реальности. Метод двойных задач, который в своей работе использовал Бэддели, все еще остается достаточно спорным, ведь так и не решены вопросы проявления интерференции в качестве альтернативы при переработке информации [4].

Ценность исследования объема оперативной памяти (установление общего объема ОП, изучение процесса сохранения и переработки информации) уже оправдала себя, но для данного исследования (исследования эффективности центральной исполнительной системы, когда детерминанта когнитивного результата является объектом исследования) должны быть установлены определенные рамки. Для достижения цели мы выбрали задание, ориентированное на верификацию парадигмы предложения [16].

На основе комплексного анализа зависимостей с привлечением критериев объема оперативной памяти и усложненности и структуры

высказывания представляется возможность проверить детерминанты синтаксической сложности, а также описать их, основываясь на критерии ограниченного объема когнитивных способностей, в рамках данного подхода устанавливается синтаксическая осложненность предложения, то есть анализируются возможные параметры сложности предложения на уровне использования придаточных конструкций.

Результаты эмпирических наблюдений подтверждают влияние на восприятие и декодирование различных факторов, таких как величина предложения (определенная количеством придаточных предложений), систематичность связей доминант с множеством подчинений, таких как последовательность и порядок главных и придаточных предложений. Материал исследования позволил получить весьма универсальные результаты при прочтении предложения в рамках очного опроса реципиентов (среднее время чтения слова в придаточных предложениях) и заочные опосредованные результаты при ответе на вопросы (время ответа на поставленные вопросы). Влияние синтаксической осложненности предложения проявляется в заочных результатах, что вызывает вопрос: какие именно процессы переработки являются базовыми при восприятии и декодировании высказывания. Если испытуемые после прочтения предложения могли создать полное, когерентное представление о прочитанном, то они могли сравнить сложные семантические макроструктуры с содержанием поставленных перед ними вопросов. Предложение с объемным семантическим содержанием приводит к длительному процессу сравнения и выстраивания ассоциативных рядов со стереотипными ситуациями в рефлексивной реальности реципиента, что многократно увеличивает время ответа. Возможно, данный феномен временного провала может быть объяснен влиянием структурной осложненности и длины предложения, критерий же порядка следования придаточных предложений (рассмотренный выше) не будет играть в языках активного строя значительной роли. Альтернативное объяснение этому: испытуемые создавали образ предложений, чего было недостаточно для ответа на поставленные в поствосприятии текста вопросы. Таким образом, очевидным становится необходимость включения в комплексный анализ восприятия высказывания в аудиальной форме на основе фонологической репрезентации предложения, в котором фонологический код рассматривается как необязательная вспо-

могательная функция. При проверке данного предположения, было выявлено нарушение фонологического круга, т.е. части восприятия, ответственной за подготовку фонологической репрезентации информации, этот феномен на основе концепции модели лексического ожидания кратко рассматривался в статье «Субъектно-объектная асимметрия при распознавании речи»: «Интегральная модель лексического ожидания (включающая базовые прогностические стратегии) дает возможность объяснить все исследуемые случаи структурно-неоднозначных высказываний и снимает проблему амфиболичности в параллельном применении гипотезы «проекции ядерного элемента» и анализе функциональных категорий» [2, с. 114].

Дальнейший анализ позволил прояснить следующий вопрос: на каком уровне процесс переработки языка являлся эффективным при анализе последовательности главных и придаточных предложений. Можно с уверенностью отметить, что важными факторами восприятия и декодирования являются как знания об окружающей действительности, так и семантические аспекты. «Главными условиями порождения смысла в текстовой реальности и соотнесенности его с объективной реальностью являются ситуативность, субъективность, нозматичность, модальность и интенциональность, которые также выступают в качестве особых структурных связей в метаединицах смыслопорождения и смыслодекодирования (как особые алгоритмические модели)» [1, с. 54]. Однако вопрос влияния последовательности ГП-ПП на восприятие предложений все еще остается открытым.

В предпринятых различными учеными экспериментах устанавливается связь между временем при ответе на вопросы и объемом оперативной памяти [6]. Задания по верификации предложений, использованные в проведенных исследованиях, показали определенную структурную схожесть с работой восприятия и декодирования при прочтении предложений. Возникает проблема с выявлением объема оперативной памяти при включении различных типов рефлексии (феноменологической и нозматической) в процессе прочтения графически репрезентированных высказываний предложений. Рассматривая данные задания, нельзя с должной долей уверенности привести доказательства существования специфической оперативной памяти при чтении, но можно обратиться к концепции работы оперативной памяти: препятствие, искусственно созданное в наших экспериментах по выявлению облег-

чения восприятия и декодирования высказывания и роли в данном процессе логической последовательности причины и следствия, в отличие от их обратной последовательности делает возможным получить результат с помощью теоретически обоснованной переменной. Чтобы проверить, влияет ли последовательность придаточных предложений на семантический или синтаксический механизм переработки информации, проводится сравнение данных, полученные на основе исследования

времени прочтения задания и ответов (при прочтении придаточных предложений причины и условия), что влияет на увеличения мощности центральной исполнительной системы. Так как задание не включает в себя критерий осознания материала, то можно говорить об установленных связях между препятствием и результатом понимания данной структуры. Дальнейшие исследования требуют разъяснений по функциональным связям между препятствием и процессами понимания предложений.

Литература / References

1. Бредихин С. Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. №3(44). С. 54–58.
2. Бредихин С. Н., Серебрякова С. В. Субъектно-объектная асимметрия при распознавании речи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №4(49). С. 114–121.
3. Bredikhin S. N., Serebryakova S. V. Sub'ektno-ob'ektnaya asimmetriya pri raspoznavanii rechi (*Subject-object asymmetry in speech recognition*) // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2016. No.4(49). P. 114–121.
4. Baddeley A. D., Hitch G. J. Working memory // The psychology of learning and motivation. New York: Academic Press, 1974. P. 47–90.
5. Brainerd C. J., Reyna V. F. Output-interference theory of dual-task deficits in memory development // Journal of Experimental Child Psychology. 1989. №47. P. 1–18.
6. Bresnan J. W., Kaplan R. M. Lexical-Functional Grammar: A formal system for grammatical representation // The Mental Representation of Grammatical Relations. Cambridge: MIT Press, 1982. P. 173–281.
7. Daneman M., Tardif T. Working memory and reading skill re-examined // Attention and Performance XII. (The Psychology of Reading) / ed. M. Coltheart. Hillsdale, NJ.: Erlbaum, 1987. P. 491–508.
8. Frazier L. The study of linguistic complexity // Linguistic complexity and text comprehension: Readability issues reconsidered / Eds. A. Davison & G. M. Green. Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. P. 23–53.
9. Kinchla R. A. Attention // Annual Reviews in Psychology. 1992. No.43. P. 711–742.
10. Konieczny L., Hemforth B., Strube G. Psychologisch fundierte Prinzipien der Satzverarbeitung jenseits von Minimal Attachment // Kognitionswissenschaft. 1991. №1. S. 58–70.
11. Miller G. A., Chomsky N. Finitary models of language users // Handbook of mathematical psychology / eds. R.D. Luce, R. Bush & E. Galanter, Vol. 2. New York: Wiley, 1963. P. 419–491.
12. Mispelkamp H. Theoriegeleitete Sprachtestkonstruktion: Phil. Diss. (Unpublished doctoral dissertation). Universität Düsseldorf, 1984.
13. Norman D. A., Shallice T. Attention to Action: Willed and automatic control of behavior // Consciousness and self-regulation. Advances in research and theory. Bd.4 / eds. R.J. Davidson, G.E. Schwartz, D. Shapiro. New York: Plenum Press, 1986. P. 1–18.
14. Rohrer C., Schwarze C. Eine Grammatiktheorie für die prozedurale Linguistik: Die Lexikalisch-Funktionale Grammatik (LFG) // Sprache im Mensch und Computer / Hrsg. H. Schnelle & G. Rickheit. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1988. P. 9–62.
15. Salthouse T. A. The role of processing resources in cognitive aging // Cognitive development in adulthood: Progress in cognitive development research / Eds. M.L. Howe & C.J. Brainerd. New York: Springer, 1988. P. 185–239.
16. Schumann-Hengsteler R. Arbeitsgedächtnis und multiple Bildvergleiche: Ein Beitrag zur Diskussion um den kognitiven Stil Impulsivität/Reflexivität // Zeitschrift für Entwicklungs- und Pädagogische Psychologie. 1990. No.22. S. 225–246.
17. Wason P. C. Response to affirmative and negative binary statements // British Journal of Psychology. 1961. No. 2. P. 133–142.

УДК 821.161.1.0

В. М. Головки

РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «ДОМ С МЕЗОНИНОМ» В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Я. В. АБРАМОВА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Статья-рецензия «Малые и великие дела» выдающегося общественно-литературного деятеля эпохи «второго хождения в народ», одного из идеологов «культурнического» течения в легальном народничестве 1880-х – 1890-х гг. Я. В. Абрамова (1858–1906), посвящённая рассказу А. П. Чехова «Дом с мезонином», до сих пор не привлекала внимание исследователей, хотя является методологически обоснованной и научно достоверной интерпретацией нравственно-эстетической позиции автора, воплощённой в данном произведении. Жанровый синтез литературно-критического и публицистического начал, характерный для статьи Я. В. Абрамова, обусловлен стремлением рецензента к репрезентации программы мирного постепенного прогресса России во имя освобождения народа от материальной нужды и его духовного просветления. Суть программы, содержание которой не может быть маркировано термином «абрамовщина», раскрывается в процессе анализа диалогической природы художественной трактовки автором «Дома с мезонином» теории и практики «малых дел». Занимая особую пози-

цию в реформаторском народничестве и актуализируя идеи демократического просветительства, Я. В. Абрамов рассматривает «скромную деятельность» сторонников «малых дел» не как универсальное средство социокультурного прогресса, а как исторически обусловленную форму общественно-полезной деятельности. Она, как показано в статье «Малые и великие дела», связана с реализацией основных целей «великой культурной работы» и направлена на изменение всего «строя жизни», на достижение идеалов гуманизма, свободы личности и социальной справедливости. Будучи феноменом интеллектуальной истории, идейное наследие Я. В. Абрамова, мыслителя и писателя, приобретает особую актуальность в условиях современной России.

Ключевые слова: литературная критика, социология литературы, история и литература, социальный эволюционизм, народничество, теория «малых дел», «постепеновство снизу», нравственно-эстетическая позиция писателя, формы выражения авторского сознания в литературе и критике.

V. M. Golovko

ANTON CHEKHOV'S STORY «HOUSE WITH A MEZZANINE» IN THE LITERARY-CRITICAL INTERPRETATION OF YA. V. ABRAMOV: REPRESENTATION OF IDEAS OF SOCIAL EVOLUTIONISM

Review article «Small and great things» by an outstanding social and literary figure of the era of «the second going to the people», one of the ideologists of «cultural» course in legal populism of 1880s–1890s, Ya. V. Abramov (1858–1906), which is dedicated to Anton Chekhov's story «House with a mezzanine», has not yet attracted the attention of researchers, although it represents methodologically sound and scientifically credible interpretation of the moral and aesthetic position of the author, embodied in this work. Genre synthesis of literary criticism and journalistic principles, characteristic of the article by Y. Abramov, is due to the desire of the reviewer to represent the peaceful program of gradual progress of Russia in the name of the liberation of the people from the material needs and spiritual enlightenment. The essence of the program, the contents of which

can not be labeled with the term «abramovschina», is revealed during the analysis of the dialogical nature of the artistic interpretation of the author of «House with a mezzanine», the theory and practice of «small deeds». Occupying a special position in the reformist populism and actualizing the idea of democratic enlightenment, Ya. V. Abramov sees «modest activity» of supporters of the «small deeds» not as universal means of social and cultural progress, but as historically determined form of socially useful activity. It is, as shown in the «Small and great things» article, associated with the implementation of the main goals of «great cultural work» and aims to change the entire «order of life», to achieve the ideals of humanism, individual liberty and social justice. As the phenomenon of intellectual history, the ideological legacy of Y. Abramov, a thinker and writer, is particularly relevant in today's Russia.

Key words: literary criticism, sociology of literature, history and literature, social evolutionism, populism, the theory of «small deeds», «gradual

changes from below», moral and aesthetic stance of the writer, expressions of the author's consciousness in literature and criticism.

Феномен выдающегося общественно-литературного деятеля двух последних десятилетий XIX – начала XX века, просветителя, философа-социолога, публициста, прозаика, литературного критика, ещё до недавнего времени «опального мыслителя», убеждённого оппонента русских «последовательных марксистов» [1, с. 77] – Я. В. Абрамова в наши дни привлекает пристальное внимание учёных разных специальностей, деятелей культуры, читателей во многих странах мира. Переиздаются художественные произведения Я. В. Абрамова, созданные им в начале 1890-х гг. книги из серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), у истоков которой стоял сам писатель; его идейное и эстетическое наследие стало объектом изучения учёных самых разных направлений – историков, филологов, культурологов, специалистов по теории, истории журналистики и социальной философии, библиотечковедов, педагогов и т. д.

Вместе с тем до сих пор не стали предметом системного научного изучения социологические и художественные концепции Я. В. Абрамова, в мировоззрении которого (несмотря на сближения в отдельные моменты его гражданской биографии с лево-радикальными силами) определяющей была идея эволюционного развития общества. Как один из крупных народнических идеологов периода «второго хождения в народ» этот публицист-просветитель в парадигме «работы в народе», в свете концепции «великой культурной работы» интерпретировал и творчески развивал традиции демократического просветительства 1840-х – начала 1880-х гг., идеи эволюционистов круга «постепеновца снизу» И. С. Тургенева [4, с. 55–86]. Связи между идеями И. С. Тургенева, называвшего себя в 1880-м г. «постепеновцем», а если и «либералом», то «либералом старого покроя», то есть эпохи 1840-х г., когда демократизм был определяющим началом в мировоззренческих концепциях единомышленников писателя [9, с. 184–185], и Я. В. Абрамова, деятеля «культурнического» течения в легальном народничестве 1880-х – 1890-х гг., по своему характеру являются *типологическими*. (Заметим: типологическая, родовая общность с концепцией «постепеновства снизу» И. С. Тургенева, Л. А. Полонского и др. проявляется даже на уровне концептосферы абрамовских текстов).

О преемственном восприятии традиций демократического просветительства в этом смысле можно говорить, имея в виду фоновые факторы, то есть источники информации общекультурного исторического контекста.

Философско-социологическая прогностика мыслителей и писателей, пропагандировавших программу «постепеновства снизу», «скромной деятельности» «полезных... народных слуг» [9, П., т. 10, с. 296], в историко-функциональном аспекте может восприниматься сегодня как продуктивная идея социального переустройства России, в своё время дискредитированная хранителями «наследства» шестидесятников, некоторыми представителями революционного народничества, марксистскими теоретиками. Идея радикализма была противопоставлена альтернатива – концепция постепенного мирного прогресса. Это было реальным выражением философии социального эволюционизма, репрезентации открытого для всех идейного течения, которое не боялось сравнения с другими точками зрения и не избегало духовной, идеологической, партийной конкуренции.

Хотя русская история не предоставила «партии» «постепеновцев снизу» [9, П., т. 13, кн. 1, с. 68] шанса для реализации её программы, но философско-социологическое и художественное наследие представителей течения демократического просветительства, в том числе и в его народническом варианте, является феноменом отечественной интеллектуальной истории, который необычайно актуализируется в условиях современной России.

Соприкосновения с идеологией демократического просветительства 1840-х – начала 1880-х гг. обусловило особую позицию, которую занимал Я. В. Абрамов в народническом лагере. Непосредственное окружение в редакциях и общая идейная атмосфера тех петербургских журналов и газет 1880-х – 1890-х гг., в которых работал и сотрудничал писатель, а также контекст философско-социологических исканий литераторов и публицистов этих изданий («Отечественные записки», «Устои», «Неделя», «Северный вестник», «Русский курьер», «Московский телеграф», «Новое слово», «Русская школа», «Новое обозрение», «Экономический журнал», «Сын Отечества» и др.) способствовали его укреплению на позициях реформа-

торского народничества. Однако общественно-политические и эстетические взгляды Я. В. Абрамова далеко не во всём совпадали с методологическими основами народнического мировоззрения. В его художественной прозе мы не найдём радикальных выводов в духе идеологов «русского социализма», революционного народничества, выражения веры в особый уклад, в общинный строй русской жизни, которая в 1880-е – 1890-е гг. особенно настойчиво пропагандировалась легальными народниками «почвеннической» ориентации. В ней нет идеализации «деревни» и самой крестьянской общины. Более того, с иронией говорил писатель-просветитель о тех, кто «идеализировал» «боготворимый народ» или «восхищался всем строем деревенской жизни» (повесть «В степи», 1882 г.). Нет в его произведениях и проповеди идей субъективной социологии, субъективных теорий общественного прогресса.

В отличие от народников-почвенников Я. В. Абрамов сосредоточил внимание не на критике интеллигенции как носительнице «идей» насильственного вмешательства в жизнь народа (его суждения о недопустимости навязывания народу чуждых ему форм быта в большей мере сближаются с высказываниями И. С. Тургенева, Л. А. Полонского, К. Д. Кавелина, чем И. И. Каблиц (Юзов), В. П. Воронцова и др.), а на художественном анализе трансформации всего прежнего уклада народной (крестьянской) жизни и укреплении буржуазных отношений в «переворотившейся» (Л. Н. Толстой) России пореформенного времени.

Придавая большое значение «великой культурной работе», идеальным факторам в развитии личности и общества, Я. В. Абрамов, призывавший к практической «работе в народе», ставил перед демократически настроенной молодёжью второй половины 1880-х – первой половины 1890-х гг. конкретные задачи – «поднять производительность народного труда» («Малые и великие дела», 1896 г.), помочь народу выбиться из материальной нужды, приблизиться к достижениям цивилизации.

Эпоха «второго хождения в народ», чаще всего маркируемая теорией и практикой «малых дел», нашла широкое освещение в художественной литературе последних десятилетий XIX – начала XX века, в частности, в таких произведениях А. П. Чехова, как «Дом с мезонином» и «Моя жизнь», написанных в 1896 г. В отечественной историографии имя Я. В. Абрамова до недавнего времени традиционно связывалось с социальными программами «либерального» народничества,

с создателями теории «малых дел». Но в современных исследованиях учёных-историков уже в качестве дискуссионного рассматривается вопрос о том, правомерна ли маркировка теории «малых дел» именем Я. В. Абрамова, есть ли основания для того, чтобы называть её – с пейоративным оттенком – «абрамовщиной»? В. В. Зверев справедливо относит Я. В. Абрамова к числу народников-реформаторов, в полной мере осознававших необходимость модернизации России, показывает, что его общественная практика выходила далеко за пределы традиционных программ теоретиков и практиков «малых дел» [5, с. 363–365]. Г. Н. Мокшин говорит о необоснованности употребления самого термина «абрамовщина», поскольку Я. В. Абрамов не был создателем этой теории [8]. И это тоже справедливо: уже давно известно (благодаря работам литературоведа Г. А. Бялого и историка В. И. Харламова), что родоначальником культурнического течения в народничестве был П. П. Червинский, а ведущим создателем теории «малых дел» – И. И. Каблиц (Юзов), с работами которых Я. В. Абрамов был, конечно, хорошо знаком. Благодаря тому, что у Я. В. Абрамова была своя оригинальная позиция, перспективное видение тенденций модернизации России, он и стал в эпоху «второго хождения в народ» «властителем дум» целого поколения русской интеллигенции, прежде всего – молодёжи, думающей о «лучшей будущности России» (И. С. Тургенев).

Нет сомнений в том, что Я. В. Абрамов как мыслитель в постановке и решении многих общественно значимых проблем и задач перекликался с адептами теории «малых дел» (И. И. Каблицом (Юзовым), С. Н. Южаковым, С. Н. Кривенко и др.), особенно при определении тактики действий во имя мирного, прогрессивного развития России. Но по основополагающим вопросам он расходился с ними, прежде всего – в представлениях о неслучайности капитализма, о социально-исторической роли крестьянской общины, в трактовках отношений интеллигенции с народом.

Когда на страницах четвертого номера журнала «Русская мысль» за 1896 г. появился рассказ А. П. Чехова «Дом с мезонином», то он привлёк внимание читателей и критиков прежде всего художественным анализом теории и практики «малых дел», постановкой актуальных вопросов «о народном образовании и об отношении интеллигенции к широким демократическим массам» [6, с. 114; см. также: 11, с. 493–496]. Особенно значимой среди всех критических откликов на это произведение

представляется литературно-публицистическая статья Я. В. Абрамова «Малые и великие дела», написанная в Ставрополе и напечатанная в 1896 г. в седьмом номере петербургского журнала «Книжки «Недели»» [2]. В отличие от других критиков при анализе рассказа «Дом с мезонином» её автор сосредоточил внимание на «ужасе того положения вещей, при котором «миллиарды людей хуже животных»», и как следствие – на проблеме формирования нового типа человека, характеризующегося «свободой проявления его духовных способностей».

Поскольку содержание чеховского рассказа непосредственно связано с изображением «работы в народе», к которой в 1885–1890-х гг. призывал своё поколение Я. В. Абрамов со страниц самой популярной в то время газеты «Неделя», то его анализ нравственно-эстетической позиции автора, воплощённой в «Доме с мезонином», имеет принципиальное значение. Статья не случайно называется «Малые и великие дела»: здесь Я. В. Абрамов выразил своё отношение к практике «малых дел», связывая её с задачами принципиального обновления в России всего «строения жизни».

Основная линия диалога в этом произведении (художник – Лида Волчанинова) касается разного понимания «необходимости работать в народе», о которой писал Г. И. Успенский в письме к Я. В. Абрамову ещё за десять лет до создания «Дома с мезонином» [10, с. 400]. Рассматривая точки зрения персонажей в этом диалоге, критик, признававший историческую неизбежность и даже необходимость в социальной ситуации пореформенных десятилетий «малых дел», был в то же время далёк от апологетики подобных форм деятельности героини чеховского рассказа, подчёркивая лишь тот факт, что её «работа на пользу ближних» приносит конкретные результаты.

Анализ корреляции и взаимосемантизации субъектных форм выражения авторского сознания в рассказе А. П. Чехова становится для Я. В. Абрамова средством выявления оценочного отношения писателя к изображаемым героям и ситуациям.

На первом плане в статье Я. В. Абрамова – «гонители малых дел». И это вполне объяснимо, поскольку практику «малых дел» критик рассматривал в аспекте теории эволюционизма, которую противопоставлял концепциям русских марксистов («Гамлеты – пара на грош»). «Высокая» риторика художника, утверждающего, что «не грамотность нужна, а свобода для широкого проявления духовных способностей», что «нужны не школы,

а университеты» (о «народных университетах» как цели культурного развития думал и сам А. П. Чехов [6, с. 114]), не без оснований вызывает риторический вопрос: «Почему “свободе проявления духовных способностей” может помешать, а не содействовать грамотность, и каким образом университеты могут возникнуть там, где нет начальных школ?».

В то же время в статье Я. В. Абрамова практика «малых дел» не утверждается в качестве единственного, универсального способа реализации основных, кардинальных целей «великой культурной работы», задач «освобождения его от ужасного состояния» во имя «расчищения ему пути к “духовной деятельности”». Анализируя позицию автора в чеховском рассказе, Я. В. Абрамов прежде всего указывал на то, в чём он усматривал основной порок тех, кто выступал против «малых дел»: «Обыкновенно, когда кто-нибудь выступает с осуждением “малых дел”, мы не видим самой фигуры говорящего. Очень естественно требовать, чтобы тот, кто понял всю бесполезность и даже вредность “малых дел”, кто с таким презрением относится к проповедникам и исполнителям “малых дел”, – чтобы такой господин делал сам что-нибудь покрепче этих “малых дел”. <...> ...Мы всё не видим тех великих дел, которые должны бы совершаться этим сортом людей», – писал Я. В. Абрамов. «Чужое слово» («бесполезность», «вредность “малых дел”») используется критиком для создания того иронического контекста, в котором осуществляется внутренняя полемика с «гонителями “малых дел”», позиции которых репрезентированы в слове художника – главного оппонента Лиды Волчаниновой. Сопоставляя «прожигателя жизни», не способного «ни к какой вере», но «обставляющего свою праздность какими-нибудь красивыми словами» (художник), и «человека, отдающего себя работе на пользу ближних» (Лида Волчанинова), Абрамов акцентировал внимание на «замечательно удачной» характеристике Чеховым, с одной стороны, тех «гонителей “малых дел”», которые «делом» не могут показать, «что же нужно вместо “аптечек и библиотечек”, а с другой – «людей, занимающихся устройством “аптечек и библиотечек”, «работающих над обращением человека из “хищного и нечистоплотного животного” в более высокий тип».

То, что Я. В. Абрамов поддерживал практику «малых дел», хотя и отчётливо представлял себе реальные масштабы «узкого круга» такой «скромной деятельности», объясняется особенностями общественно-исторической жизни

России того времени, когда «народная жизнь переживала, — по словам И. С. Тургенева, — воспитательный период внутреннего хорового развития, разложения и сложения», когда ей нужны были «помощники», а «не вожаки» [9, П., т. 10, с. 296]. Автор «Отцов и детей» в 1875 г. писал А. П. Философовой: «Пора у нас в России бросить мысль о “сдвигании гор с места” — о крупных, громких и красивых результатах; более, чем когда-либо и где-либо, следует у нас удовлетворяться малым, назначить себе тесный круг действия: мы умрём — и ничего громадного не увидим. С этим надо примириться...» [9, П., т. 11, с. 33]. «Скромная деятельность», как считал И. С. Тургенев (как и вслед за ним Я. В. Абрамов), — не универсальное, а исторически обусловленное средство общественного развития. «Эпоха только полезных людей», «усердных тружеников» неизбежно пройдёт, подчёркивал он, «и лишь тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности», а в литературе — «красивые, пленительные Базаровы» [9, П., т. 10, с. 295–296]. Видение перспектив социально-исторического развития отличало программу Тургенева от теории «малых дел» и заурядного реформизма. По свидетельству идеолога революционного народничества Г. А. Лопатина (тоже ставропольца, с которым Я. В. Абрамов поддерживал дружеские отношения), писатель был глубоко убеждён в том, что для проведения в жизнь самых ярких и привлекательных идеалов требуется создание условий, необходимо, чтобы «созрели» «технические, экономические, моральные предпосылки», обеспечивающие прогрессивные перемены, чтобы к этому была «подготовлена... психика» и сформировалась «людская способность... жить сообща, общинно», без чего невозможен и недостижим «социализм» как «венец социального развития человечества» [7, с. 388–389].

Я. В. Абрамов в реальном отсутствии «громких дел» видел не только ущербность тех, кто «говорил с чрезвычайным озлоблением против “малых дел”», но и, подобно Тургеневу, характерную черту времени, общественно-исторической ситуации в России. Именно поэтому критике «малых дел» чеховского героя, в своей статье, казалось бы, не противопоставлял какую-либо перспективную, проектную альтернативу. Но это только на первый взгляд. В статье «Малые и великие дела» проводится совершенно определённая тенденция, утверждается мысль о важности постепенных преобразований в самом укладе жизни. Критик подчёркивал,

что «гонители “малых дел”» не «занимаются главным», более того, собственное «ничего-неделание» позиционируют как «нечто идейное», как «результат высших соображений». Этот вывод он сделал из анализа прямых и косвенных авторских характеристик чеховского персонажа. Я. В. Абрамов показывал, что А. П. Чехов «удачно передал характер громких и в то же время совершенно туманных... тирад», содержащих «мало смысла» и весьма далёких от призывов «работать для удовлетворения реальнейших нужд... народа». В изображении художника, в позиции которого интегрированы идеи «разных публицистов», «постоянно фигурирующих в нападках на “малые дела”», А. П. Чехов, по мнению Я. В. Абрамова, «оказался замечательно верен натуре».

Автор статьи «Малые и великие дела» упрекал «противников “малых дел”» за то, что они отказались от «исканий правды», что позиционированием своего «идейного» расхождения со сторонниками работы в «народно-просветительских учреждениях» лишь «прикрывают собственное убожество, собственную неспособность к чему бы то ни было».

Ещё раз подчеркнём: статье Я. В. Абрамова «скромная деятельность» не отождествляется со стратегией комплексной, системной работы, направленной на создание условий, которые обеспечат достижение «счастья человечества». Он даже соглашался с чеховским героем, утверждавшим, что надо людям «дать... возможность “подумать о душе”», реализовать «призвание каждого человека в духовной деятельности». Но на этом сближение их позиций и заканчивается. Именно целям «духовного просветления», с точки зрения критика, служат в данный момент люди, «работающие над просвещением народа». Это принципиально отличает их от художника, изображённого в «Доме с мезонином», «рассуждения» которого, как отметил Я. В. Абрамов, Чехов «только несколько окаррикурировал»: ведь художнику и подобным ему «нет решительно никакого дела до того, что люди страдают».

Как показывал Я. В. Абрамов, «скромная деятельность» обусловлена конкретно-историческими причинами и вовсе не является универсальной формой решения основной «задачи человеческой цивилизации», суть которой «в том и состоит, чтобы освободить человека от материальных условий существования и дать простор его духовным способностям». «Дело заключается в том, — конкретизировал свою позицию Я. В. Абрамов, — чтобы найти путь, каким всего вернее можно достичь этой цели».

Противники «малых дел» такого «верного пути» не знают и не видят.

Я. В. Абрамов подчеркивал, что в рассказе «Дом с мезонином» А. П. Чехов, погружённый в проблемы современности, дал «надлежащую характеристику и оценку» тем самоотверженным деятелям, людям «высоких качеств», которые обеспечивают «движение нашего народа вперёд», и одновременно «изобразил с замечательной рельефностью тип гонителя “малых дел”», «показал наглядно всю пустоту и бессмысленность этих модных нападков на то, что... должно вызывать к себе только глубокое уважение».

Вместе с тем, вслед за И. С. Тургеневым, усматривавшим в деятельности «постепеновцев снизу» конкретный ответ на вызовы времени, «когда всё перевернулось и только укладывалось» (Л. Н. Толстой), и не абсолютизовавшим такие формы общественного служения, Я. В. Абрамов тактику «малых дел» не трактовал как универсальное средство социального и культурного прогресса [см. об этом: 3, с. 130]. Его рецензию на рассказ «Дом с мезонином» можно рассматривать как своего рода ответ не только противникам «малых дел», но и таким идейным оппонентам, как Н. В. Шелгунов, который сводил программу Я. В. Абрамова к заурядной эмпирической работе. За год до появления в печати статьи «Малые и великие дела» вышли «Очерки русской жизни» Н. В. Шелгунова, где он причислял Я. В. Абрамова к «проповедникам» «малых дел», которые не занимаются «идейными вопросами», «учат тому, чтобы не думать и не глядеть дальше своего носа». Н. В. Шелгунов отказывал защитникам «малых дел» в «мышлении... при котором каждый, кроме своего маленького, делаемого им, дела, знает и понимает, какое место и оно, и он сам занимают в общем строе гражданской жизни» [12, с. 1092]. На самом же деле «скромная деятельность» «среднего человека» мыслилась Абрамовым как результат постепенного, мирного развития и совершенствования всех сторон народной жизни во имя достижения «правды» и «свободы».

«Источники взглядов художника» со всей определённой текстовыми и авторскими литературоведческими комментариями чеховского рассказа пока не установлены [см.: 11, с. 488–495]. Позиции каких общественных сил типизированы в декларациях героя «Дома с мезонином», сказать пока трудно. Очевидно лишь то, что эти позиции не адекватны оценкам теории «малых дел» и Чехова, и Абрамова. Вот почему в статье «Малые и великие дела» только в

положительном контексте освещается нравственно-эстетическая позиция автора, воплощённая в идейно-эстетической целостности рассказа «Дом с мезонином».

Но неадекватны позиции А. П. Чехова как автора рассказа и Я. В. Абрамова как автора статьи «Малые и великие дела» и позициям идейного оппонента художника – Лиды Волчаниновой. Нельзя сказать, что, признавая значимость «малых дел» того «земца», который «отдаёт себя всецело подъёму культурного состояния населения своего уголка», писатель и критик безусловно разделяют убеждения в «чудодейственности» (И. С. Тургенев) «скромной деятельности». Повесть А. П. Чехова «Моя жизнь», написанная в том же 1896 г., что и рассказ «Дом с мезонином», наглядно показывает, сколь неоднозначным было отношение автора к социально-философской идее «постепенности». Та особая позиция Я. В. Абрамова в народническом лагере, о которой говорилось выше, во многом была обусловлена его видением не только задач текущего дня, но и утверждением программы коренных социальных преобразований в перспективе эволюционного развития общества и на основе традиций демократического просветительства. Такие задачи не могли ставить и решать «скромные деятели», подобные Лиде Волчаниновой. Не случайно Я. В. Абрамов заметил, что в обрисовке Лиды Волчаниновой присутствует элемент авторского иронического отстранения: деятельность этой героини не противопоставляется бездействию её оппонента-художника в качестве абсолютной, оптимальной альтернативы. Однако программа-минимум земских тружеников, подобных Лиде Волчаниновой, связанная со «служением народу», является, с его точки зрения, частью «великой культурной работы», одной из форм «решения проблем народной жизни». Такая «тихая, мало-заметная, но великая по своим последствиям культурная работа», – считал Я. В. Абрамов, – связана с задачами «облегчения жизни... народа и просветления его сознания».

Анализируя формы выражения авторской позиции в процессе рассмотрения эстетических законов формирования содержания в произведении А. П. Чехова, Я. В. Абрамов акцентировал внимание на принципах компоновки и соотношений точек зрения субъектов речи и сознания в нём. Он дифференцировал на содержательном и формальном уровнях не только субъектную сферу первичного (художника) и вторичных носителей речи (другие персонажи), но и автора-повествователя как субъекта

речи и сознания, а также автора, позиция которого объективируется целостностью произведения. В этой целостности концепт «дела», как в концептосфере публицистики Я. В. Абрамова, играет системообразующую роль.

Социальной практике, при которой не имеются в виду законы развития общества, Я. В. Абрамов противопоставлял системную, «кропотливую работу» «в народе», которая обеспечивала бы прогрессивное развитие всех сторон обще-

ственной, народной жизни – экономики, нравственности, культуры, образования, техники, науки, социальной сферы, медицины, государственного устройства, законотворчества и т. д. «Строй общественных отношений» всегда оставался в центре художественного и социально-философского анализа действительности Я. В. Абрамова как теоретика социального эволюционизма, как мыслителя, прозаика, публициста и исторического деятеля.

Источники и литература

1. Абрамов Я. В. Гамлеты – пара на грош. (Из записок лежебока) // Устои. 1882. №12. С. 59–71.
2. Абрамов Я. В. Малые и великие дела // Книжки «Недели»: Ежемесячный литературный журнал. 1896. Июль. С. 214–227.
3. Головкин В. М. Забытый отклик на рассказ А. П. Чехова «Дом с мезонином» // Библиография. 2013. №4. С. 128–132.
4. Головкин В. М. Философский дискурс И. С. Тургенева как значимое целое: монография. М.: ФЛИНТА, 2015. 252 с.
5. Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М.: Уникум-Центр, 1997. 365 с.
6. Ладыхинский В. Н. Памяти А. П. Чехова // Современный мир. 1914. №6. С. 111–119. [Электронный ресурс]. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000022/st009.shtml> (Дата обращения: 21.07.2016).
7. Лопатин Г. А. Воспоминания о Тургеневе // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Т.1. М.: Художественная литература, 1983. С. 385–395.
8. Мокшин Г. Н. Что такое «абрамовщина»? (К истории одного мифа о Я. В. Абрамове) // НаукаПарк: научно-практический многопредметный журнал. 2015. №10(40). С. 24–28.
9. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. М.; Л.: Наука, 1960–1968. Ссылки даются по этому изданию с указанием в тексте статьи серии С. (Сочинения), П. (Письма), тома и страниц.
10. Успенский Г. И. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9 М.: Гослитиздат, 1957. 824 с.
11. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Соч. Т. 9. М.: Наука, 1977. 544 с.
12. Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни. СПб.: Издание О. Н. Поповой, 1895. 1098 с.

References

1. Abramov Ya. V. Gamlety – para na grosh. (Iz zapisok lezheboka) (*Gamlets – a cheap couple (lazy man's notes)*) // Ustoi. 1882. No.12. P. 59–71. (In Russian).
2. Abramov Ya. V. Malye i velikiye dela (*Small and great things*) // Knizhki "Nedeli": monthly literary journal. 1896. July. P. 214–227. (In Russian).
3. Golovko V. M. Zabytyy otklik na rasskaz A. P. Chehova «Dom s mezoninom» (*Forgotten response to A. P. Chekhov's story «House with a mezzanine»*) // Bibliografija. 2013. No. 4. P. 128–132. (In Russian).
4. Golovko V. M. Filosofskij diskurs I. S. Turgeneva kak znachimoe celoe: monography (*I. S. Tourgenev's philosophical discourse as a meaningful entity*). Moscow: FLINTA, 2015. (In Russian).
5. Zverev V. V. Reformatorskoe narodnichestvo i problema modernizacii Rossii. Ot sorokovyh k devjanostym godam XIX v. (*Reformist populism and the problem of modernization of Russia. From 40s to 90s of XIXth century*). Moscow: Unikum-Centr, 1997. P. 363–365. (In Russian).
6. Ladyzhenskij V. N. Pamjati A. P. Chehova (*Tribute to A. P. Chekhov*) // Sovremennyy mir. 1914. No. 6. P. 111–119. (In Russian).
7. Lopatin G. A. Vospominanija o Turgeneve (*Memoirs about Tourgenev*) // I. S. Turgenev v vospominanijah sovremennikov (*I. S. Tourgenev in the memoirs of his contemporaries*): in 2 vol. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1983. Vol. 1. P. 388–389. (In Russian).
8. Mokshin G. N. Chto takoe «abramovshchina»? (K istorii odnogo mifa o Ja.V.Abramove) (*What is «abramovschina»? (to the history of one myth about Ya. V. Abramov)*) // NaukaPark: multidisciplinary scientific and practical journal. 2015. No. 10 (40). P. 24–28. (In Russian).
9. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem (*Full collection of literary works and letters*): in 28 vol. Moscow; Leningrad: Nauka, 1960–1968. Further references to the collection contain indications «С» (literary works) or «П» (letters), volume numbers and pages. (In Russian).
10. Uspenskij G. I. Sobrahanie sochinenii (*Collection of works*): in 9 vol. Vol. 9. Moscow: Goslitizdat, 1957. 400 p. (In Russian).
11. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem (*Full collection of literary works and letters*): in 30 vol. Literary works. Vol. 9. Moscow: Nauka, 1977. P. 493–496. (In Russian).
12. Shelgunov N. V. Oчерки russkoj zhizni (*Sketches of Russian life*). St. Petersburg: O.N. Popova publ., 1895. 1098 p. (In Russian).

УДК 81. 373

В. М. Грязнова, А. Д. Мустапаева

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ ЧЕЧЕНЦЕВ-БИЛИНГВОВ

В статье описывается графическая интерференция в русской речи чеченцев-билингвов на материале такой номинации, как никнейм на форумах Интернет-сети. Автор описывает названные никнеймы по разным основаниям: по гендерному признаку, по принадлежности к словнику русского, чеченского и иных языков, по соотношению со словом, словосочетанием или предложением, по специфике графического оформления.

В лексико-графическом оформлении никнеймов чеченцев-билингвов автор выявляет активное контактирование и смешение прежде всего русской и чеченской, а также русской, английской и чеченской лингвокультур.

Ключевые слова: русская речь, графическая интерференция, чеченцы-билингвы, форумы Интернет-сети.

V. M. Gryaznova, A. D. Mustapaeva

LINGUOCULTURAL ASPECT OF GRAPHIC INTERFERENCE IN RUSSIAN SPEECH OF CHECHENS-BILINGUALS

The article describes graphic interference in Russian speech of the Chechens-bilinguals on the material of such a nomination, as the nickname in Internet forums. The author describes the named nicknames on different grounds: gender, belonging to the vocabulary of Russian, Chechen and other languages, in relation to the word, phrase, or a

sentence, according to the specifics of graphic design. The author identifies active contacting and mixing of Russian and Chechen, and Russian, English and Chechen cultures in lexico-graphic design of nicknames of Chechens-bilinguals.

Key words: Russian speech, graphic interference, Chechens-bilinguals, Internet forums.

Объект нашего исследования – факты взаимодействия чеченского языка, родного для наших респондентов, и русского языка, усвоенного позднее. Предмет исследования – специфика интерференции графических навыков в русской речи чеченца-билингва. Материалом нашего исследования явились тексты Интернет-коммуникации чеченцев-билингвов на форумах, существующих в Чеченской республике.

Взаимодействие людей при помощи компьютера и глобальной электронной сети создало особую коммуникативную среду, в которой зарождаются и закрепляются новые формы и виды общения, видоизменяющие культурный опыт социума. Основным языком общения в Сети первоначально являлся английский, в дальнейшем появился русскоязычный сегмент интернет-пространства. Развитие Интернет-коммуникации выдвинуло проблему взаимодействия русского языка и культуры с другими языками и культурами РФ в коммуникативном пространстве Сети. В нашем материале это взаимодействие в русской речи

чеченца-билингва прежде всего русского и чеченского языков, а также английского и арабского языков.

В речи билингва происходит взаимодействие языков, которыми он пользуется. Это взаимодействие касается как речи, так и языка, и может проявляться в любых языковых подсистемах: в фонетике, в морфологии, в лексике. Всякое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия относится к интерференции [1, р. 32]. Направление интерференции может быть различным. Наиболее частой является интерференция родного языка на второй, однако если второй язык становится основным, то и он может воздействовать на родной язык. В нашем случае мы рассматриваем воздействие родного языка (т.е., чеченского) на второй (т.е., на русский).

Проблема интерференции изучалась на материале чеченского языка рядом чеченских лингвистов. Существует ряд работ М. Р. Овхадова [3], К. З. Чокаева [4], А. И. Халидова [5], А. А. Яхьяевой [6], Т. В. Жеребило [2].

По этническому признаку Т. В. Жеребило выделяет в Чеченской республике: а) чеченско-русский, б) ингушско-русский, в) русско-чеченский билингвизм [2, р. 14]. Специфику русско-чеченского билингвизма ученый видит в следующем: «не только русские, живущие в Чеченской Республике, но и представители других национальностей, но и часть чеченской молодёжи, сначала овладевают русским языком, воспринимая его как родной язык, а затем овладевают языком, родным по этническому признаку. Так, в процессе выборочного анкетирования чеченской молодёжи в возрасте от 17 до 20 лет, постоянно проживающей на территории Чеченской Республики, 15 % указали, что в семейном общении они зачастую говорят на русском языке, хотя именно эта сфера всегда считалась сферой функционирования родного языка. Данный факт не связан с незнанием родного языка. Сами анкетированные так мотивируют употребление русского языка в устной речи в бытовой, семейной сфере: «Дома я разговариваю на русском и чеченском языках. С мамой обычно говорю на русском, так как она филолог и любит говорить на русском» (Д. И.); «Я разговариваю на чеченском и русском языках, так как это привычно для меня, и я не замечаю, как перехожу с чеченского на русский язык и наоборот» (Ю. Ф.)» [2, р. 14].

В процессе анализа взаимодействия регионального варианта русского языка и чеченского Т. В. Жеребило были определены зоны наибольшего взаимовлияния языков, прогнозирующие их постоянное взаимодействие в рамках непрерывного контактного континуума: «1) социально обусловленные зоны: разговорная речь носителей чеченско-русского билингвизма; художественные тексты, созданные писателями-билингвами; язык республиканских СМИ, представленный всеми формами бытования текстов: устной, письменной, печатной, электронной; 2) территориально обусловленные зоны: язык городов Чеченской Республики; язык населения пограничных зон, где длительное время компактно проживают представители разных народов, вовлечённых в языковое взаимодействие в республике» [2, р. 19].

Наш материал (тексты сообщений на Интернет-форумах Чеченской республики) выявляет пересечение социально обусловленной и территориально обусловленной зоны: 1) тексты Интернет-коммуникации относятся к социально обусловленным в силу того, что данный вид коммуникации свойствен определенной возрастной группе, имеющей образование (по данным анкетирования реже среднее, чаще среднее профессиональное, либо высшее); 2) по данным проведенного опроса авторы сообщений проживают в городах или поселках

городского типа, в которых живут представители различных народов РФ.

В целом анализ литературы по данной проблематике показал паритетность русского и чеченского языков, являющихся взаимосвязанными компонентами чеченско-русского двуязычия.

В нашей работе используется понимание интерференции как речевого явления, т.е. интерференции навыков, и изучаются факты отклонений от норм русского языка в русской речи чеченца-билингва. Исследуемый материал выявил наличие фактов лексической, морфологической, графической интерференции.

Покажем графический аспект интерференции на таком виде номинации в сети, как никнейм.

Никнеймы пользователей чеченской национальности на русскоязычных сайтах являются разнообразными как по своему графическому оформлению, так и по выбору знака в качестве ника.

Знаком никнейма может служить:

1) знаменательное нарицательное слово русского языка, написанное на кириллице, или на латинице, или одновременно на латинице и кириллице,

2) знаменательное нарицательное слово чеченского языка, написанное на кириллице, или на латинице, или одновременно на латинице и кириллице,

3) собственное имя, характерное для чеченского именика, реже для европейского или русского именика,

3) имя и фамилия, написанные на кириллице, или на латинице, или одновременно на латинице и кириллице,

4) знаменательное нарицательное слово или собственное имя, написанное на кириллице, или на латинице, или одновременно на латинице и кириллице, + диакритические знаки общего для разных культур характера,

5) диакритические знаки общего для разных культур характера.

Покажем названные разновидности подробнее. Никнеймы пользователей-женщин, выраженные знаменательными нарицательными словами, чаще всего относятся к русской лексической системе. Их графическое оформление может быть разнообразным:

а) на русском языке: Папина Доча, ~ Единственная ~, страница удалена, ПаЗиТиФФ-ФкА!, «Без», Я всегда права, Улыбнутая;

б) на латинице: «NeViDiMkA» ((«VIP»)), DIVA KAVKAZA, Milashka95, OpAsNa & PrEkRaSnA, Toska_po_Фирdaysy, Ne3naKomKa;

в) смешанно: русской и латинской графикой: Французенка.

Уместно отметить, что в составе этой группы никнеймов есть окказионализмы (ПаЗиТиФ-фФкА!, Улыбнутая), так называемые семейные слова, характерные для определенной группы родственников (Папина Доча), ники, являющиеся характеристиками приподнятого или возвышенного характера (DIVA KAVKAZA, OpAsNa & PrEkRaSnA).

Ряд никнеймов, выраженных знаменательными нарицательными словами, относится к словнику чеченского языка. В собранном нами материале подобные ники оформлены с помощью латинской графической системы: Zezag (в переводе с чеченского – «цветок»), DoGachka (в переводе с чеченского – «сердечко»). Необходимо отметить, что пользователи Интернет-форумов выбирают в качестве ников лексемы определенных лексико-тематических групп: это названия цветов, названия основных частей тела человека.

Ряд никнеймов, никнеймов, выраженных знаменательными нарицательными словами, относится к словнику английского языка. В собранном нами материале это такие никнеймы: One I such !!!, Diamond Ledi, Magic Women.

К этой группе примыкают ники, выраженные собственными чеченскими, реже европейскими, именами, которые сопровождаются той или иной английской лексемой: Samira love, MaRiShKa VaMp, Madina USA, Лолита muslim girl. Большинство подобных ников названы словами, являющимися знаками-штампами массовой, преимущественно американской культуры (One I such !!, Magic Women, Diamond Ledi, MaRiShKa VaMp). Графическое оформление чаще на латинице, но есть и на кириллице.

Некоторые никнеймы являются сочетанием знаменательных слов чеченского и английского языков: Джарадат nohciland (nohci в переводе с чеченского означает «чеченская») the Мадина, Мисс PalBu («мисс ерунда» в переводе с чеченского), Samira love, зайнап ди (на основе английского наименования «Леди Ди»). Графическое оформление чаще на латинице, реже на кириллице, но есть и смешанное, частично на кириллице, частично на латинице.

Единичные никнеймы по своему составу представляют собой сочетание знаменательных лексем русского и чеченского языков: Samayahaznig (Samaya – русское слово «самая», hazing – чеченское слово «красивая»). Графическое оформление на латинице.

Ники, являющиеся собственными существительными, чаще всего являются именами, входящими:

1) в мусульманскую культуру (SHAHADAT, Zezag ***** M@gin@)), 2) реже в европейскую (MONIKA *, Madlen),

3) редко в славянский именник (Larisa \$).

Никнейм-имя собственное может сопровождаться:

а) начальной буквой фамилии: Aisha B, IMANA. D. Dishka M – (Дишка – ласкательное от Диана), Тамила А., Тома М., Зарета И;

б) каким-либо символом: Amina, ZAREMA *, =ZaReta =, Малика, Хава... .., ((_°°°МэДи °°°_))) (от имени Мадина), Алика **, Лина*** **, дина, Мадлен, Забура **, в) цифрами: Medina 95.

Графическое оформление подобных никнеймов является разнообразным: как на кириллице, так и на латинице.

Никнеймы пользовательниц-женщин чеченского народа могут быть выражены только символами: *** **, _ _ _ _ _.

Наряду с описанными типами и видами никнеймов пользовательниц-женщин креативного характера, выявляющих богатое воображение, знание мировой массовой культуры, имеются ники официального характера. Это имя и фамилия пользовательницы, представленные либо в кириллической графической системе, либо в латинице:

а) ХАВА ЗАБУРАЕВА, АМИНА ТУШАЕВА, Разет Гучигова, Зарема Шахгереева, Заира Айсханова, Луиза Хадисова, Седа Алероева;

б) Aza Kurakaeva, Aminat Mustapaeva, diana dudaeva, Madina Alieva, Anu Umarova, malika dohtukaeva, zarema remove. Таких ников официального характера в нашем материале больше всего.

Охарактеризуем графическую специфику никнеймов русскоязычных пользователей-чеченцев мужского пола.

Никнеймы, выраженные знаменательными нарицательными словами, чаще всего относятся к русской лексической системе. Их графическое оформление может быть разнообразным:

1) русские нарицательные существительные на латинице: MbXolostyak-CheRap (Mb- «мобильный», Xolostyak – «холостяк», Che – «чеченский», Rap – «рэп»); Ferzъ (=ферзь); FELD MARSHAL (=фельдмаршал); Gladiator (=гладиатор), Hishnik (=хищник), малыi berkut (=малый беркут), SKITALE PO EVROPE (=скиталец по Европе); BlackPrizrak; KAVKAZ RULIT !

2) русские нарицательные существительные на кириллице: «ходи мимо», «Малахов Плюс», «Мальчик-КраСАвичик»; «Дамский Угодник», «Плохой Парень», «Единственный нормальный парень», «Честный ВРУН» «ЧеТкий Парень», Шпион США; «Артур. Король Коро-

лей», «горец - один такой»; самурай одинокий, ОХОТНИК НА ЗВЕРЯ, Волчье Сердце.

Ряд никнеймов, выраженных знаменательными нарицательными словами, относится к словнику чеченского языка. В собранном нами материале подобные ники оформлены с помощью кириллической графической системы:

1) чеченское нарицательное существительное на кириллице: абрек, абрек-абрек, Чечен; Вайнах; чеченские нарицательные и собственные имена на кириллице: абрек Зелимхан, абрек Зелимхан Харачоевский, абрек Вара.

Ряд никнеймов по своему составу представляют собой сочетание знаменательных лексем русского и чеченского языков: чеченские собственные и нарицательные существительные + русские слова на латинице – DISHNI K1ANT 95 REgION (Дишни – один из тейпов чеченского народа, к1ант на чеченском означает сын); VIP БЕЖИУ (БЕЖИУ – «на чеченском языке означает «пастух»); varvar amir. Графическое оформление на латинице.

Некоторые никнеймы относятся к словнику английского языка либо являются сочетанием знаменательных слов чеченского и английского языков: 1) silentkiller - в переводе с английского – тихий убийца; 2) чеченское собственное имя и английское нарицательное существительное: Sayasan boy; «boss-рамзан», «Mr Rahman», chechen boy, 2) европейское собственное имя + чеченское слово на латинице: artur gunoevski (gunoevski – гуноевский – гуной – один из тейпов чеченского народа). Графическое оформление на латинице.

Единичные никнеймы относятся к словнику испанского языка, либо являются сочетанием знаменательных слов испанского и английского языков: 1) испанское нарицательное существительное на латинице – Amigo ...; 2) словосочетание, состоящее из испанского слова и английского слова на латинице: Amigo_best (=лучший друг).

Некоторое число ников представляет собой сочетание знаменательных нарицательных слов или собственных имен и диакритических знаков общего для разных культур характера:

1) чеченские собственные имена на кириллице + значки-символы, знаки препинания в несвойственной им функции: Ламро ***** (Л амро – один из тейпов чеченского народа); =UMAR= NASHHO= (NASHHO – нашо – один из тейпов чеченского народа);

2) русские знаменательные слова на латинице или кириллице + значки-символы, знаки препинания в несвойственной им функции: \$\$\$~[KILLER] ~[MAN]~\$\$\$ (килермен), «VIP PERSONA_IZ 95-REGIONA» (т.е. вир-персона

из 95-го региона); РОМАН \$\$\$\$\$, ДеТОНАТОр !!! Графическое оформление и на кириллице, и на латинице.

Некоторое число ников представляет собой сочетание знаменательных нарицательных слов или собственных имен и цифр:

1) русское нарицательное существительное + цифры: Bandit 95, patriot_ 95 (Чеченская республика является 95-ым регионом РФ); 95 region !!!!!; «Агент_744 неважно»,

2) чеченские собственные имена + цифры + и русские слова - Амрудди 95region, sulambek_95. Графическое оформление на кириллице, или на латинице.

Ники, являющиеся собственными существительными, чаще всего являются именами, входящими:

1) в мусульманскую культуру: Ч1инхо (один из чеченских тейпов), DATA TUTASHKIA, Аллеро (Аллеро – один из тейпов чеченского народа); chinho chinhoev (chinho – чинхо – один из тейпов чеченского народа); идрис Гендаргно (Гендаргно – один из тейпов чеченского народа);

2) реже в европейскую культуру: Albert lider (=Альберт лидер);

3) редко в славянский именник: Олег Enk1alo (Enk1alo – один из тейпов чеченского народа). Графическое оформление и на кириллице, и на латинице.

Наряду с описанными типами и видами никнеймов пользователей-мужчин креативного характера имеются ники официального характера. Это имя и фамилия пользователя, представленные либо в кириллической графической системе (таких большинство), либо в латинице:

1) магамедибрагимов, Лема Ибрагимов, Асламбек Сайдулаев, Рашид Юсупов, Арби Алиев, Заур Сулейманов, Али закриев, Муса Магомадов, Ахмед Мачигов, Ибрагим Чупалаев, Умар Мовсаров, Тимур Газиханов, Ахмад Заудинович Дадашев, Бислан Джунидов, Лечи Касумов;

2) ruslan magamadov, Ruslan gadayev, Ramzan Yusupov, Ali Sukmadow, said isaev, MUSA KATAYAMAVSKIJ murad muradov.

Анализ собранного материала показывает, что в Интернет-сети русскоязычные пользователи чеченской мужского пола часто берут никнеймы, связанные с образом волка, сложившиеся в чеченской культуре.

В собранном нами материале никнеймы, связанные с образом волка, по графическому основанию можно разделить на две группы:

1) никнеймы на латинице, причем латинской графикой передаются и чеченские, и русские лексемы;

2) никнеймы на кириллице, при этом на кириллице передаются только русские слова. Количество указанных разных по своей графике никнеймов является примерно одинаковым. Наличие никнеймов на латинице отражает существующую в современном российском обществе экспансию англосаксонской и американской культуры.

Разновидности никнеймов на латинице таковы:

1) графическое оформление на латинице, первая буква прописная либо строчная: Borz, borz (в переводе с чеченского – «волк»);

2) графическое оформление на латинице, все буквы прописные: BORZ;

3) графическое оформление на латинице, прописные и строчные буквы чередуются: BoRz;

4) уменьшительно-ласкательная форма слова borz на латинице: borzik – в переводе с чеченского «волчонок»;

5) никнейм с аналогичным содержанием, выраженный на латинице лексемой-коррелятом русского языка: derskiy_volk;

6) графическое оформление на латинице, буквы строчные, одна из букв произвольно заменена: borss (логин borz – был занят и пользователь сменил букву z на ss);

7) никнеймы на латинице, сопровождающиеся чеченскими собственными именами: BORZ_DAUD, LECHI BORZ, NAIB BORZ, Nohcho Borz;

8) ник на латинице сопровождается дополнительными знаменательными словами на

русском языке: borz_odinochka. Аватар, репрезентирующий образ волка, это, прежде всего, рисунок или фото волка, нередко на фоне гор, ночного лунного пейзажа.

Разновидности никнеймов на кириллице таковы:

1) графическое оформление на кириллице, все буквы прописные: БОРЗ;

2) графическое оформление на кириллице, первая буква прописная либо строчная: Борз, борз;

3) графическое оформление на кириллице, ник написан дважды: Борз Борз; 4) графическое оформление на кириллице, ник сопровождается дополнительными графическими средствами: Борз!

5) графическое оформление на кириллице, ник сопровождается определенными цифрами: Борз 95 (Россия, Южный ФО, Чечня) Борз 30 января 1985 (день рождения), Борз 26 лет (возраст);

6) графическое оформление на кириллице, ник сопровождается дополнительными знаменательными словами: Борз Че (сокращенно «чеченец» – отзвучие с именем Че Гевара), Просто Борз.

В целом анализ лексико-графического оформления никнеймов чеченцев-билингвов на форумах Интернет-сети выявляет активное контактирование и смешение прежде всего русской и чеченской, а также русской, английской и чеченской лингвокультур.

Источники и литература

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 351 с.
2. Жеребило Т. В. Языковое состояние в условиях билингвизма. Назрань: Кеп, 2015. 194 с.
3. Овхадов М. Р. Социально-лингвистический анализ чеченско-русского двуязычия: автореф. ... дис. докт. филолог. наук. Грозный: ЧГУ, 2001. 40 с.
4. Халидов А. И. Интерференция в русской речи учащихся-чеченцев // Вестник Института проблем образования МОИ Н ЧР. 2006. №4. С. 37–62.
5. Чокаев К. З. Взаимодействие русского и чеченского языков в условиях многоязычия ЧИАССР: автореф. ... дисс. канд. филолог. наук. М., 1988. 25 с.
6. Яхьяева А. А. Чеченский язык в 90-е годы XX века: функции и структура: автореф. ... канд. филол. наук. Грозный: ЧГУ, 2007. 26 с.

References

1. Belikov V. I., Krysin L. P. Sociolinguistics (*Sociolinguistics*). Moscow: RHSU publ., 2001. 351 p. (In Russian).
2. Zherebilo T. V. Yazykovoe sostoyanie v usloviyakh bilingvizmu (*Linguistic status in the context of bilingualism*). Nazran: Kev, 2015. 194 p. (In Russian).
3. Ovkhadov M. R. Socialno-lingvisticheskiy analiz chechensko-russkogo dvuyazychiya (*Socio-linguistic analysis of Chechen-Russian bilingualism*): abstract of thesis. Grozny: ChSU publ., 2001. 40 p. (In Russian).
4. Khalidov A. I. Interferenciya v russkoy rechi uchashchikhsya-chechencev (*Interference in the Russian speech of pupils of the Chechens*) // Vestnik Instituta problem obrazovaniya MoiN ChR. 2006. No. 4. P. 37–62. (In Russian).
5. Chokhaev K. Z. Vzaimodeystvie russkogo i chechenskogo yazykov v usloviyakh mnogoyazychiya ChIASSR (*The interaction of Russian and Chechen languages in the multilingual environment of the Chechen-Ingush ASSR*): abstract of thesis. M., 1988. 25 p. (In Russian).
6. Yakhyayeva A. A. Chechenskiy yazyk v 90-e gody KhKh veka: funktsii i struktura (*The Chechen language in the 90s of the twentieth century: functions and structure*): abstract of thesis. Grozny: ChSU publ., 2007. 26 p. (In Russian).

УДК 81'42; 801.7

Е. А. Зверева

АВТОДЕСКРИПТИВНЫЙ ТЕКСТ И. Г. ЭРЕНБУРГА КАК ОБЪЕКТ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье представлены характеристики авто-
 дескриптивного текста И. Г. Эренбурга, анализ ко-
 торых позволяет разрешить проблему метода ис-
 следования такого текста средствами семиотики.
 Наблюдения и прозрения писателя, в том числе и
 в отношении лингвистических явлений, образуют
 семиотическую парадигму, а семиотический ана-
 лиз позволяет выявить авторский код и вскрыть

ряд закономерностей автодескриптивного текста.
 Этот текст рассматривается как сложная семио-
 тическая система, которая создается при четко
 определенной цели и функционирует в сложив-
 шихся коммуникативных условиях.

Ключевые слова: автодескриптивный, код,
 описание, семиотика, семиотический анализ,
 текст, эпистемический.

Е. А. Zvereva

AUTODESCRIPTIVE TEXT BY I.G. EHRENBURG AS AN OBJECT OF SEMIOTIC ANALYSIS

The article presents characteristics of auto-
 descriptive text by I. G. Ehrenburg, the analysis of
 which allows to solve the problem of a method of
 investigation of such text by means of semiotics.
 The observations and insights of the writer, including
 linguistic phenomena, form a semiotic paradigm,
 and semiotic analysis reveals the author's code and

outlines a number of laws of autodescriptive text. This
 text is considered as a complex semiotic system that
 is created with a well-defined objective and functions
 in the current communication conditions.

Key words: autodescriptive, code, description,
 semiotics, semiotic analysis, text, epistemic.

Исследование текста в современной линг-
 вистике опирается на его системное изучение
 как единицы языка и единицы речи. А. А. По-
 тебня утверждал, что речь – это реализован-
 ный фрагмент языка или контекст, достаточный
 для раскрытия необходимых по условию обще-
 ния возможностей употребляемых единиц, чем
 достигается относительно точное понимание
 мысли говорящего. Речь показывает, как реали-
 зуется язык в качестве общего у данного гово-
 рящего, в его различных речевых образованиях
 не вызывает сомнения реальность «общего» и
 «личного» языка. Слово существует тогда, ког-
 да произносится: «действительная жизнь слова
 <...> совершается в речи» [5, с. 42, 44].

На протяжении большей части XX в. в лингви-
 стике господствовала точка зрения Ф. де Соссюра,
 утверждавшего языковую систему истинным
 объектом лингвистики (в противоположность
 речи). Н. Хомский призывал абстрагироваться
 от вопросов употребления языка. В защиту та-
 ких научных подходов говорят многие факты.
 В то же время язык и речь, имея существенные
 различия в плане системности, нормативно-

сти, социальности, существенности, значи-
 вания и т.д., являются взаимообусловленными
 и взаимосвязанными между собой и не могут
 существовать друг без друга. В современной
 лингвистике язык и речь должны рассматри-
 ваться в единстве, но такое единство «не есть
 ни тождество, ни разрыв» [8, с. 11].

На основе данного подхода язык воспри-
 нимается не только как знаковая система, но
 и как средство коммуникации и мышления,
 а текст – как единица языка, единица речи и
 единица общения. Лингвистической теорией
 текста занимались В. Я. Пропп, К. Леви-Стросс,
 Р. Барт, Ц. Тодоров, А. Греймас, П. Хартманн,
 Р. Харвег, З. Шмидт, Т. Ванн Дейк, В. Дресслер,
 Я. Петефи, К. Гаузенблаз, П. Сгалл, И. Беллерт,
 Н. Энkvист, И. А. Фигуровский, Н. С. Поспелов,
 Н. Ю. Шведова, Т. Г. Винокур, Е. В. Падучева,
 Ю. С. Мартемьянов, Т. М. Николаева, С. И. Гин-
 дин, И. И. Ревзин, М. И. Откупщикова, Л. С. Бар-
 хударов, И. Р. Гальперин, В. Г. Гак, Б. А. Маслов,
 Б. М. Гаспаров, О. И. Москальская, З. Я. Тураева,
 Е. А. Реферовская, И. И. Ковтунова, В. А. Бух-
 биндер, Г. В. Ейгер, Ю. А. Здоровов, Г. В. Бон-

даренко, А. А. Леонтьев, Г. В. Колшанский и др. Исследуя основные вопросы лингвистики текста – о границах и единицах текста, о законах связности, о средствах реализации связности, статусе предложения и актуального членения и др. – ученые выходили на уровень широких обобщений, междисциплинарных связей, в том числе и с семиотикой.

В современной лингвистике термин *текст* не имеет однозначного толкования, видимо, по причине самоочевидности. Семиотика обратила внимание на текст как объект исследования вслед за Р. О. Jakobsonом, который указывал на объект изучения лингвистики – художественный текст. С точки зрения семиотики художественный текст рассматривается в трудах Ю. М. Лотмана, Ю. И. Левина, В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Б. А. Успенского и др. Включая в себя совокупность знаков, текст представляет собой для исследователя объект для наделения его новыми смыслами. Современная лингвистика делает акцент на исследовании текста как сложного семантического целого, включающего лингвистические и экстралингвистические параметры.

По мнению М. Н. Кожиной, для понимания текста недостаточно только языковых знаний: специфика целого текста состоит в том, что он не просто реализует языковые значения, он наделяет их индивидуальным смыслом интерпретатора. Смыслы творятся не только по законам языка, но и в зависимости от когнитивного, коммуникативного, социокультурного контекста. Это позволяет воспринимать текст как явление культуры [2].

Понимание текста как единицы языка, единицы речи и единицы общения становится востребованным в процессе исследования текстов, характеризующихся сложностью своей содержательной, структурной и коммуникативной организации. Анализ текста, содержащего описание другого текста, рефлексия по поводу собственного и чужого творчества, описание рецензий и авторецензий, выявление способов описания, позволяет установить знаковый характер авторской самоинтерпретации. Единицы текста, являющиеся результатом авторской рефлексии, могут быть представлены всеми уровнями языка.

Лингвистика текста все более пристальное внимание уделяет проблеме передачи смысла. Связано это с тем, что смысл реализуется на всех уровнях языка и сложно поддается формализации по причине субъективности и вариативности. Потребность в самоинтерпретации мотивирована намерением автора

устранить смысловую неточность, дать пояснение, то есть фактически повторно эксплицировать смысл сказанного ранее. Автор видит свою цель в том, чтобы читатель понял смысл текста так, как он сам его понимает. Для этого необходимо преодолеть не только собственно лингвистические проблемы (например, вербализацию смысла), но и экстралингвистические, связанные с понятиями *культуры, социума, идеологии, цензуры* и т. п.

Потребность отдельных авторов в самоинтерпретации реализуется в массиве текстов, соотносимых с их творчеством, а порой его превосходящих. В этой связи выступает фигура И. Г. Эренбурга, писателя, поэта, переводчика, публициста, литературного критика. Объяснение необходимости прояснения смыслов кроется в словах самого автора: *«Все знают, насколько **разноречивы рассказы очевидцев о том или ином событии. В конечном счете, как бы ни были добросовестны свидетели, в большинстве случаев судьи должны положиться на свою собственную прозрачность** <...> Иногда **разноречивость показаний диктуется несходством мыслей, чувствований, иногда она связана с самой обычной забывчивостью** <...> Люди (особенно писатели), рассказывающие **стройно и подробно** свою жизнь, обычно заполняют пробелы **догадками**; трудно отличить, где кончаются подлинные **воспоминания**, где начинается роман»* [15, с. 9–10] [Здесь и далее в цитатах выделено нами. – Е. З.].

Выбор автором конкретного собственного или чужого текста, всего творчества художника в качестве объекта исследования смещает акценты с объекта на систему творческих установок самого автора. В то же время писатель утверждает, что анализ чужого текста и творчества требует работы в рамках художественной системы первоисточника: *«Право же, я мог бы **выдумать**» еще один или два романа. Это, пожалуй, легче, чем **писать о чужом творчестве**. Автор романа или рассказа вправе изменить если не характер, то поведение своих героев. Чехов переделал развязку рассказа «Невеста», а когда я писал о Чехове, **я не мог ничего изменить ни в его природе, ни в его творчестве**»* [14, с. 821].

Описание своего или чужого текста в границах самоинтерпретации исследуется в категориях автодескриптивного текста. Многоаспектность такого текста формируется объективными данными, авторской интерпретацией, идеологическим контекстом. Таким образом, автодескриптивный текст представля-

ет собой результат воспроизведения автором фрагмента картины мира с той или иной степенью достоверности.

В структуре термина *автодескриптивный* часть *авто* [от греч. αὐτός – сам] – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению словам: свой, собственный или на основе само..., например, автобиография, автографюра [МАС]. Понятие *авто* имеет семы 'сам', 'свой', 'собственный', а также 'свойственный', 'характерный', 'личный', 'буквальный', 'находящийся в непосредственном ведении, распоряжении, подчинении'. «В древнегреческом ауто – приставка, обозначающая: 1) природное свойство, естественность; 2) подлинность, чистота; 3) внутренняя независимость, самоопределение; самопроизвольность; 4) совместность; 5) точность; 6) возвратность и взаимность действия» [11, с. 101].

И. Г. Эренбург, поясняя значение понятия самовыражение, рассуждает: *«Действительно, много слов, начинающихся с предлога «само», звучат скорее порицательно... Однако лирическая поэзия слишком часто является именно самовыражением или, если слово не нравится, дневником. В отличие от дневников, стихи могут быть связаны с одним часом или с долгими годами жизни, но они неизменно рассказывают о том, чем жил автор, об его мыслях и чувствах»* [14, с. 841].

В. В. Фещенко выделяет в понятии *ауто* следующие смыслы: мотив «естественности» в противоположность «искусственности»; мотив «подлинности, первоисточника» в противоположность «поддельности, декоративности, вспомогательности»; мотив «автономности, самоопределения» в противоположность «внешней заданности»; мотив «случайности, случая»; мотив «совместности, взаимности, согласованности» [11, с. 101–102]. Все вышеперечисленные значения понятия *авто* находят свое воплощение в той или иной функции автодескриптивного текста.

Собственно, *дескриптивный* (англ. descriptive) – описательный [МАС]. Понятие *дескриптивный*, по данным других словарей, имеет семы 'наблюдение', 'воспроизведение', 'точное описание характера и последовательности каких-либо событий, явлений' 'текущая языковая картина'.

По данным философского энциклопедического словаря, *дескрипция* – описательное определение (характеристика) единичных объектов посредством общих понятий (имен, свойств и отношений), выполняющих ту же функцию, что и название собственного име-

ни. Логическая дескрипция отличается от описательных форм выражений естественного языка определенностью экстенсимального контекста. Объект логической дескрипции обязательно существует и всегда единственен. Именно это и составляет, как правило, достаточное условие для введения дескрипции в язык той или иной формальной системы или исчисления, что обогащает их выразительные возможности. Возникающее при этом расширение систем (классических или интуиционистских) несущественно в силу того, что всегда возможно устранение дескрипции (дескриптивных выражений), введенных при этом условии [12].

Появление автодескриптивного текста связано с обстоятельствами, вызывающими диссонанс между событием и адекватной на него реакцией, противоречие между реальностью и представляемыми данными. Поскольку автор в своей оценке опирается на собственные представления о мире, взгляды, убеждения, знания, чувства и т.д., в автодескриптивном тексте объединяются дескриптивное описание и мнение автора. Автодескриптивный текст невозможно представить вне категорий оценки и предписания, так как автор воздействует на читателя в свете личных эстетических воззрений, эстетических идеалов.

Автодескриптивный текст включает в себя комментарий, дефиниции, элементы описания, самоописания, результаты анализа, исследования, наблюдения и т.д. Такой текст не является однородным и линейным. Он неразрывно связан с исходным текстом, мотивирован им и является его уточняющим продолжением. Его структура определяется системой смыслов, сосредоточенных в первичном тексте и трансформирующихся в образы-символы в автодескриптивном тексте. Определение понятия *автодескриптивный текст* неразрывно связано со значением его частей, однако эта характеристика не является достаточной и необходимой для полноценной дефиниции термина.

Автодескриптивный текст представляет собой диалог особого рода, неоднозначные взаимоотношения текста и контекста (вопрашающего, возражающего, сомневающегося, утверждающего и т.п.), содержащего оценивающую мысль интерпретатора. Это столкновение двух (в случае анализа авторецензии – трех) текстов, разных сознаний. Исследование характера взаимоотношений этих типов сознания представляет большой интерес и позволяет выявить особенности авторского мировидения и мировоспроизведения. М. М. Бахтин

отмечает: «Чисто лингвистическое (притом чисто дескриптивное) описание и определение разных стилей в пределах одного произведения не может раскрыть их смысловых (в том числе и художественных) взаимоотношений. Важно понять тотальный смысл этого диалога стилей с точки зрения автора (не как образа, а как функции)» [1, с. 307].

Автодескриптивный текст, вступая в диалог с исходным текстом, зачастую наделяет его способностью говорить о том, о чем в исходном тексте по тем или иным причинам сказать было невозможно. При этом автодескриптивный текст не выходит за границы определенных первичным текстом смыслов. Автор дескриптивного текста выступает в роли эксперта; автор автодескриптивного текста – в роли аналитика, интерпретатора и переводчика. Характерная черта автодескриптивного текста – наличие в тексте автокомментариев, замечаний, пояснений, основанных на собственных убеждениях, представлениях, подходах, творческих установках. Именно эта особенность связывает понятие *автодескриптивный текст* с понятиями *метатекст*, *метапоэтика* и *аутопоэтика*.

Понятие *метатекст* было введено А. Вежбицкой для обозначения комментария к собственному тексту, содержащего «метатекстовые нити», которые проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют его различные элементы, усиливают, скрепляют. Поскольку А. Вежбицка не дала определения понятия *метатекст*, то из предложенных позднее мы опираемся на следующее: «...метатекст (имплицитированный метапоэтический текст) – это система метаэлементов, представленная в самом поэтическом тексте, определяющая условия, условности, характер самого сообщения, а также комментарии к процессу написания данного текста, его жанру, к форме произведения» [13, с. 30].

Основополагающим в теории метапоэтики является определение, предложенное К. Э. Штайн: «Метапоэтика – это поэтика по данным метапоэтического текста, или код автора, имплицитированный или эксплицитированный в текстах о художественных текстах, «сильная» гетерогенная система систем, включающая частные метапоэтики, характеризующаяся антиномичным соотношением научных, философских и художественных посылок; объект ее исследования – словесное творчество, конкретная цель – работа над материалом, языком, выявление приемов, раскрытие тайны мастерства; характеризуется объективностью,

достоверностью, представляет собой сложную, исторически развивающуюся систему, являющуюся открытой, нелинейной, динамичной, постоянно взаимодействующей с разными областями знания» [10, с.9].

Определение аутопоэтики, предложенное В. В. Фещенко, стало результатом анализа оппозиции понятий *мета* и *ауто*: «...аутопоэтика – это творческое самоощущение художника, материализующееся в той или иной форме деятельности. Прежде всего, это: формы жизни – грамматика жизненного пути художника; затем формы искусства – конкретная художественная практика; и, в конечном счете, формы языка – те минимальные единицы художественного языка, которые определяют основные темы и творчества, и жизнетворчества творца. Все эти формы, взятые вместе, а не по отдельности, выявляют в художнике «внутреннего человека» [11, с. 108–109].

Общность этих понятий очевидна, как и очевидна их связь с автодескриптивным текстом. В то же время рассматриваемый текст И. Г. Эренбурга коррелирует с термином *автодескриптивный* в большей степени. Необходимо обращать внимание также на термины *автокомментарий*, *авторское повествование в повествовании*, *автометатекстуальность*, *автометаописание*, *автокомментарий*, *метаописание*, *метаописательный пласт текста*, *метаповествование*, *метарефлексия*, *метаповествование*, *саморефлексия*, а также *гипертекст*, *интертекст*, *интекст*, *текст-в-тексте*, *текст о тексте* и т.д.

Существование автодескриптивного текста вызывает потребность в разработке метода его исследования. Поскольку задача автора при создании автодескриптивного текста – описать событие, явление, факт с помощью характеристики, то необходимо выявить структурные элементы, единицы, определить взаимоотношения единиц внутри целого, определить восприятие явлений, сделать прогнозы. При этом необходимо помнить, что «текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо языке, а как сложное устройство, хранящее многообразие кода, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые; это информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [3, с. 135].

В концепции Ю. М. Лотмана реализуется семиотический подход к подобного рода текстам. Наличие адресата, адресанта, связывающего их канала и семиотического пространства – необходимые условия существования текста

о тексте. Ю. М. Лотман указывает на наличие элементов, «выявляющих рефлексивную составляющую художественного творчества», выделяет «автоповествование об авторском повествовании», которое «решительно меняет функцию авторского повествования» и в котором «объектом изображения становится само литературное изображение» [4]. По мысли Ю. М. Лотмана, текст по своей природе каким-либо образом закодирован, однако код (коды) адресату неизвестен – его предстоит реконструировать, опираясь на данный текст.

Рефлексия автора в автодескриптивном тексте трансформируется в систему вербальных и невербальных знаков. Единицы текста, являющиеся результатом авторской рефлексии, могут быть представлены всеми уровнями языка. Указанная реконструкция предполагает понимание посредством семиотического анализа и включение выявленного скрытого смысла текста в новый контекст. Эту функцию в числе других и выполняет автодескриптивный текст И. Г. Эренбурга, который не является простым описанием, пояснением исходного текста.

Смысл порождается интерпретацией текста, то есть зависит от ее стратегии. Интерпретация текста предполагает перевод синтаксической последовательности символов автодескриптивного текста в семантическую последовательность, следовательно, смысл формируется в синтаксической структуре. Интерпретатор в зависимости от цели, опираясь на возможность представления своего или чужого текста в границах любого доступного ему кода, может создать несколько автодескриптивных текстов. Вариативность в интерпретации обусловлена разнородными причинами: несовпадением авторских кодов и необходимостью перевода единиц одной художественной системы в другую, дистанцированностью исходного текста и автодескриптивного текста одного автора во времени, связанной с трансформацией авторского кода, а также экстралингвистическими факторами.

Стратегии интерпретации в конечном счете сводятся к двум подходам: первый связан с логико-семиотическим анализом, установлением связей с другими текстами в культурном пространстве, второй – с актуализацией в тексте определенных значений. Оба подхода способствуют формированию в автодескриптивном тексте целостного образа, определенной структуры символов. Автодескриптивный текст формируется в процессе коммуникации и, являясь единицей языка и речи, объединяет все элементы общностью целеполагания, задач,

условий коммуникации. Создавая исходный текст, формируя его пространство и моделируя мир, автор исходного текста сам определяет границы его интерпретации. Выходя за них, интерпретатор сознательно или нет порождает инородные новые смыслы.

Наша исследовательская стратегия ориентирована на вычленение автодескриптивного текста И. Г. Эренбурга, выявление авторского кода, требующего расшифровки с точки зрения и в категориях семиотики. Поскольку автодескриптивный текст нацелен на адекватную передачу информации, его исследование включено в контекст семиотических исследований и обращено к проблематике семантического синтаксиса, коммуникативной лингвистики. И. Г. Эренбург отчетливо осознает, что любая речевая деятельность (художественный текст, мемуары, публицистика, литературоведческая статья и т.д.) неизбежно реализуется сквозь призму авторского мировоззрения.

Своеобразие языковой личности И. Г. Эренбурга заключается в осознанном восприятии автором того факта, что сущность самой языковой личности проявляется в речевой деятельности, транслируется независимо от воли адресанта.

Показателен тот факт, что семиотические наблюдения И. Г. Эренбурга, его попытки осмыслить и объяснить быт разных народов, традиции, обычаи, особенности языка, речи, увлечение конструктивизмом, целенаправленное создание каталогов, перечней, циклов и т. п. становятся отправной точкой для исследователей семиотики в объяснении того или иного явления. Так, Ю. С. Степанов в книге «Семиотика» комментирует вопрос И. Г. Эренбурга о «формах жизни» (позах, жестах, манерах) как знаках «жизненного содержания» (чувств, переживаний, верований) и приходит к выводу: «...чувства, переживания, верования людей протекают в особых формах – позах, жестах, манерах; эти формы двойственны по своей сути: они одновременно и часть самого переживания, чувства, верования, но и до некоторой степени отчужденная его часть, ставшая чисто традиционной, его внешнее проявление, могущее быть его знаком» [9, с. 5].

В аннотации к книге Г. Г. Почепцова «История русской семиотики до и после 2017 года» указано, что автор в максимально «цитатной форме» знакомит читателя с наблюдениями и прозрениями ряда гениальных «научных еретиков», вхождение в семиотическую парадигму которых стало ясным лишь для потомков.

Г. Г. Почепцов представляет в качестве образца семиотического текста роман такого «научного еретика» И. Г. Эренбурга «Хулио Хуренито»: он как бы сконструирован, «достаточно структурен и системен», начинается с вполне семиотического абзаца: «я был настроен весьма мистически и прозревал в самых убогих явлениях некие знаки свыше». Кроме того, исследователь указывает на лингвистические наблюдения автора, его интерес к историческим изменениям в значении слова и резюмирует: «Перед нами все время возникает вторжение в жизнь определенной структурности. Это можно считать методом письма И. Эренбурга» [6].

Указанный Г. Г. Почепцовым «метод письма» в течение жизни писателя если и меняется, то весьма незначительно и характеризуется устойчивыми чертами, связанными с передачей главного смысла и достижением взаимопонимания с адресатом. Для прояснения того, как автодескриптивный текст И. Г. Эренбурга соотносится с жизнью (миром), необходима реконструкция процесса понимания какого-либо объекта жизни (мира) текста как знака. Установление характера отношений понятий *текст – жизнь (мир)* позволит средствами семиотического анализа решить задачу выявления метода письма автора.

Источники и литература

1. Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1986. С. 297–325.
2. Кожина М. Н. Интерпретация текста в функциональном аспекте // Stylistyka. 1992. №1. С. 39–50.
3. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра. 1992. С. 130–135.
4. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. С. 525–542.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Т.1–2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
6. Почепцов Г. Г. История русской семиотики до и после 1917 года, М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
7. Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984 [MAC].
8. Слюсарева Н. А. О заметках Ф. де Соссюра по общему языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 9–29.
9. Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 145 с.
10. Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: В 4-х т. Т. 4: Реализм. Соцреализм. Постмодернизм. Ставрополь: СГУ, 2006.
11. Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака: Очерки по лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 640 с.
12. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
13. Ходус В. П. Метапоэтика драматического текста А. П. Чехова. Ставрополь: СГУ, 2008. 416 с.
14. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Кн. VII. URL: www.litmir.co/br/?b=153308&p (Дата обращения: 15.12.2016).
15. Эренбург И. Г. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1962–1967.

References

1. Bahtin M. M. Problema teksta (*The problem of text*) // Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. Moscow: Iskusstvo. 1986. P. 297–325. (In Russian).
2. Kozhina M. N. Interpretacijateksta v funkcional'nomaspekte (*Text interpretation in functional aspect*) // Stylistyka. 1992. No. 1. P. 39–50. (In Russian).
3. Lotman Ju. M. Izbrannyestat'i v trehtomah. T. 1. Stat'iposemiotikeitipologii kul'tury (*Selected articles in three volumes. T. 1. Articles on semiotics and typology of culture*). Tallin: Aleksandra. 1992. P. 130–135. (In Russian).
4. Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. Mif – imja – kul'tura (*Myth – Name – Culture*) // Lotman Ju. M. Semiosfera (Semiosphere). St.Petersburg: Iskusstvo SPB, 2000. P. 525–542. (In Russian).
5. Potebnja A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike: in 4 vols. (*From the notes on Russian grammar*). Moscow: Uchpedgiz, 1958. Vol.1–2. 536 p. (In Russian).
6. Pohepcov G. G. Istorija russkoj semiotiki do iposle 1917 goda (*The history of the Russian semiotics before and after 1917*). Moscow: Labirint, 1998. 336 p. (In Russian).
7. Slovar' russkogoazyka: in 4 vols (*Dictionary of the Russian language*). Moscow: Russkij jazyk, 1981–1984 [MAC]. (In Russian).
8. Sljusareva N. A. O zametkah F. de Sossjura poobshhemujazykoznaniju (*On the notes of Ferdinand de Saussure on general linguistics*). Moscow: Progress, 1977. P. 9–29. (In Russian).
9. Stepanov Ju. S. Semiotika (*Semiotics*). Moscow: Nauka, 1971. 145 p. (In Russian).
10. Tri veka russkoj metapojetiki: Legitimacija diskursa. Antologija (*Three Centuries of Russian metapoetics: Legitimization of discourse. Anthology*): in 4 vols. Vol. 4: Realizm. Socrealizm. Postmodernizm: (Realism. Socialist realism. Postmodernism). Stavropol': SSU publ., 2006. (In Russian).
11. Feshhenko V. V., Koval' O. V. Sotvorenienaznaka: Oчерки po lingvojestetike I semiotike iskusstva (*Creation of the sign: Essays on lingvoaesthetics and semiotics of art*). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 640 p. (In Russian).
12. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' (*Philosophical Encyclopedic Dictionary*). Moscow: Sovetskajaj enciklopedija, 1983. 840 p. (In Russian).
13. Hodus V. P. Metapojetikadramaticheskogoteksta A. P. Chehova (*Metapoetics of a dramatic text by A. P. Chekhov*). Stavropol': SSU publ., 2008. 416 p. (In Russian).

14. Jerenburg I. G. Ljudi, gody, zhizn' (*People, years, life*). Book VII. URL: www.litmir.co/br/?b=153308&p (Accessed: 15.12.2016). (In Russian).

15. Jerenburg I. G. Sobraie sochinenij (*Collected Works*): in 9 vols. T. 8. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1962–1967. (In Russian).

УДК 81-11

Г. Э. Маркосян, Е. В. Савелло

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНЫХ И ЭМОТИВНЫХ ОБЕРТОНОВ СМЫСЛА В РЕЛЯТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

В данной статье исследуется проблема взаимодействия компонентов *RATIO* и *AFFECTIO* в мышлении при использовании релятивных конструкций сложной семантики, эксплицирующих эмотивно-аксиологический генерализованный смысл. Авторы выявляют общую когнитивную базу эмотивных обертонов смысла в рамках конкретной ситуации семиозиса и предлагают основные

принципы типизации релятивных конструкций с эмотивно-аксиологическими доминантными гранями смысла в различных речевых актах.

Ключевые слова: релятивные конструкции, ситуативно-психологический контекст, когнитивные факторы, эмотивная ситуация, рефлексия, смыслообразование.

G. E. Markosyan, E. V. Savello

INTERRELATIONS OF COGNITIVE AND EMOTIVE SENSE COMPONENTS IN RELATIVE CONSTRUCTIONS

The article studies the problem of interrelations of *RATIO* and *AFFECTIO* components in thinking process within complex semantic relative construction reliance explicating the generalized emotive-axiological sense. Authors discover the general cognitive basis of sense emotive components within the frames of concrete semiosis situations and

give the main principles of relative constructions with emotive-axiological dominant sense planes typification in different speech acts.

Key words: relative constructions, situational-psychological context, cognitive factors, emotive situation, reflection, sense derivation.

В настоящее время во многих когнитивистских исследованиях эмотивно-аксиологическая доминанта в структуре значения связывается с экспликацией индивидуально-эмоционального отношения субъекта речи к феноменам, предметам и явлениям объективной реальности, то есть неким сонмом психоэмоциональных реакций, вызываемых у рецептора объектом оценки и речи. Однако, мы полагаем, что подобная делимитация эмотивных компонентов значения без их связи с некоторыми объективными трудностями когниции как рефлексивной деятельности не вполне оправдана. В таком подходе абсолютно нивелируется валерная составляющая эмотивного смысла и возводится в абсолют их когнитивное начало, личностные и лингвокультурные обертона практически исчезают в генерализованном содержании, хотя в речи проявляются именно они.

Большинство эмотивных ситуаций реализуемых в речевой деятельности не аксиологичны (гнев, удивление и т.п.), они лишь эксплицируют внутреннее состояние безотносительно преломления в концептуально-валерной системе продуцента речи. Кроме того, не решенным остается вопрос о примате *RATIO* или *AFFECTIO* в природе релятивных конструкций сложной семантики. Множество как лингвистических, так и психологических исследований предполагают первичность аксиологического аспекта в формировании эмотивного компонента [3, с. 99; 7, с. 454–455]. Однако невозможно исключить и мнение о дифференциальном положении этих двух ипостасей когнитивной деятельности в процессе номинирования эмотивной ситуации, когда *RATIO* и *AFFECTIO* действуют параллельно [6, с. 376–

411]. Мы считаем, что примарность выявления того или иного компонента в рефлексивной деятельности можно проследить только в рамках функционально-прагматического анализа дискурсивного употребления релятивной конструкции, отождествление эмотивной ситуации, даже в номинантах генерализованного содержания с эмоциональными концептами конкретной лингвокультуры неправомерно, но в процессе их порождения и интерпретации корреляций с таковыми избежать невозможно, ведь обертона смысловых конструкций этих концептов реализуются в уже в структуре значения эмотива.

Шаги по порождению и интерпретации эмотивных смыслов в релятивной конструкции должны представлять некую иерархическую последовательность, обеспечивающую полное раскрытие эмотивных и когнитивных сторон генерализованного конструкта, а «невнимание к субъективному в когнитивном, что собственно и представляет из себя один из краеугольных камней понимания механизмов смыслопорождения и смыслодекодирования, влечёт за собой невозможность» [2, с. 374] адекватной рецепции всего речевого произведения. Шаги по рефлексии над смысловой конструкцией будут представлять следующую иерархию: 1) абстракция первого уровня над эмоциями в их онтологическом (наличествующем в рефлексивной, ментальной реальности) плане, 2) рефлексия над аксиологическими аспектами мотивации эмотивного компонента в структуре значения (что обеспечит адекватное восприятие всеми членами лингвокультурного сообщества), 3) учет ассоциативно-интерпретирующего потенциала этих аксиологических начал в экспликации отдельных обертонов смысла в речевой деятельности, 4) корреляцию этих аксиологических аспектов с концептуально-валерной системой продуцента/реципиента, а также определение их места в структуре личностных эмотивных концептов.

В рамках первого шага можно условно разграничить психоэмоциональное состояние коммуниканта при порождении/рецепции феноменов объективной действительности и его отношение к данному феномену. Сенсорность первого не вызывает сомнения как рефлексия неосознанная, рефлексорная, внутренне обусловленная психоэмоциональным состоянием [5, с. 392]. Второй же аспект гораздо более субъективен и аксиологичен в его соотношении с личностными ценностями продуцента/реципиента. «Ситуативность есть лишь наличие

некой сущности, внутри которой неким образом структурированы связи, и именно восстановление этих связей и есть рождение смысла, вне зависимости от направления движения. Ситуативность в тексте даётся в виде образа, реконструкция смысла же есть рефлексивно переживаемый образ, субъективно переживаемая форма» [2, с. 374].

В обоих аспектах имеются весьма существенные отличия, которые и определяют особенности актуализации в речевом акте тех или иных компонентов генерализованного значения. Экспликация эмоциональности в отражении явлений объективной реальности есть интуитивно переживаемый образ, он представляет собой не непосредственный номинант эмотивной ситуации, а аксиологическую интерпретацию психоэмоционального состояния. Лексическое оформление этого переживаемого образа базируется на экспириенциальной семантике, указании на чувство, которое сопровождает восприятие объективной реальности.

Эмотивно-аксиологический аспект связывается с прямым выражением этих эмоций и носит ситуативный характер, не имея, однако в своем компонентном составе непосредственного анализа отношения к самой номинации, что влечет за собой определенные трудности в типологизации этого отношения *RATIO* и *AFFECTIO* в структуре значения. Это значит, что лексикографическое описание и закрепление в качестве ядерного компонента генерализованного значения в релятивной единице затруднено. Речевая же экспликация этих отношений весьма разнообразна и представляет достаточно широкие возможности на фонетическом, морфологическом, лексическом и текстовом уровнях, при этом вовлечение паравербальных средств также играет немаловажную роль (просодика, ассоциативное описание мимики и кинесики). В рамках речевого произведения об эмотивном аспекте можно говорить лишь при наличии в иерархической структуре аксиологической интерпретации, качественной оценки события, квалификации его в рамках одобрительного или неодобрительного к нему отношения (приятия/неприятия). При этом мы переходим ко второму шагу в порождении и рецепции эмотивного смысла, ведь факт самого признания одобрительности или неодобрительности собственного отношения несет маркированность *RATIO*.

Одобрение или неодобрение в рамках этого когнитивного процесса оценивания происходит также по двум аспектам: 1) на втором этапе по

соотнесению с общей ценностной системой лингвокультурного сообщества, 2) на четвертом этапе в рамках соотнесения с собственной концептуально валерной системой. Первый аспект – это признание феномена реальной действительности допустимым, правильным или благим [4, с. 447].

Второй аспект отражает то, что можно назвать фигурой (в терминах когнитивной психологии), т.е. актуализируемый в речи субъективный критерий соответствия квалифицируемого вербализуемого объекта речи в ситуации семизиса и избираемый в соответствии с иллюкутивной целью высказывания «корректное образование смыслов, как и сама возможность их наличия связано с использованием правильных техник интендирования, пониманием самого продуцента смысла и рефлексией его не только на первом уровне абстракции, в отношении денотатов, но и на последующих уровнях при феноменологической филологической рефлексии над выраженным в знаках» [2, с. 374].

Анализ речевых фактов употребления релятивных конструкций свидетельствует о параллельной работе рациональных и когнитивных аспектов вербализации в экспликации эмотивного. Рассмотрим подробнее релевантные примеры.

Lord, lord, the snobbery of the English! thought Peter Walsh, standing in the corner [8, с. 144].

В вышеозначенном примере релятив широкой генерализованной семантики *Lord* реализует эмоционально-аксиологические обертона в ядерной зоне, однако на первый план выходят аксиологические оттенки неодобрения и ироничного высмеивания нравов высшего общества Англии, что адекватно может быть интерпретировано только в горизонтальном контексте с авторскими ремарками и в рамках вертикального контекста с учетом фоновых знаний об Англичанах как снобах и высокомерных индивидуумах, однако личностной аксиологической интерпретации недостаточно и потому в феноменологическую рефлексию вовлекаются стереотипные представления об английских нравах. Кроме того, этот эффект усиливается с помощью анафорического повтора указанного релятива и употребления восклицательного знака.

It was impossible that he should ever suffer again as Clarissa had made him suffer. For hours at a time (pray God that one might say these things without being overheard!), for hours and days he never thought of Daisy [8, с. 65].

В данном ближайшем контексте реализуется апеллятивно-эмоциональная функция

релятива. Выделенную конструкцию можно аксиологически интерпретировать в качестве риторического восклицания, выражающее в контексте желание героя не быть услышанным, на что в таком случае будет указывать безличная форма предложения. Однако в английском языке предложения с местоимением *one* могут являться и обобщенно-личными, актуализируя в таком случае апеллятивную коннотацию выражения *pray god* (дай Бог).

Оценка, эксплицируемая периферийными коннотативными значениями эмотивных лексем данного типа, строится на экспрессивно-рациональной базе, эмотивность и психологичность текста в рамках употребления релятива только усиливает степень аксиологичности формально-логичных компонентов в структуре генерализованного смысла, однако «функциональный приоритет доминантных нозм и нозм-культурных основ в ядерной зоне смысла заставляет как продуцента, так и реципиента при категоризации того или иного понятия, релевантного для понимания смысла всего текста или же для закрепления конструкта именно в конкретном значении, прибегать к феноменологической рефлексии над компонентами смысла» [1, с. 186]. Подобными способами усиливается и экспрессивность высказывания, реализуются потенциальные возможности приведения в соответствие иллюкутивной цели и перлокутивного эффекта высказывания. Автор интенсифицирует и перевыражает аксиологические компоненты выдвигает их на передний план, чем добивается от реципиента следования по тому же пути в интерпретации смысла, что проделал автор, он дает читателю возможность усвоить верные тактики интендирования. Каждая аксиологическая интерпретация должна следовать определенному пути, «герменевтические витки вовне- и вовнутрь-идущих лучей феноменологической рефлексии должны завершаться именно актами интендирования (приращением субъективности, модальности, значимости)» [2, с. 374].

Эмотивно-аксиологические обертона смысловой конструкции в речи в процессе взаимодействия когнитивных и эмотивных факторов могут наслаиваться практически на любые предметно-логические значения, усиливая при этом перлокутивные эффекты RATIO в рамках повышения экспрессивности. Наслоение первичной аксиологической интерпретации происходит в процессе осмысления номинанта как экспликатора эмотивной ситуации в объективной реальности с лингвокультурными осно-

ваниями ценностных ориентаций, что является собой ингерентную оценочность; вторичная аксиологическая интерпретация происходит уже в рамках сопоставления вербализатора с кон-

цептуально-валерной системой продуцента/реципиента, что является уже оценочностью адгерентной.

Источники и литература

1. Бредихин С. Н. Элементы смысла и когнция на пути к значению // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. №1 (40). С. 182–186.
2. Бредихин С. Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслорождающие механизмы) // Современные проблемы науки и образования. 2013. №1. С. 374.
3. Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл-Текст». М.-Вена: Школа «Языки русской культуры». Венский сла-вистический альманах, 1995. XXVIII. 682 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
5. Пиотровская Л. А. Когнитивный анализ эмоциональной и рациональной оценки в семантике эмотивных высказы-ваний // Вторая международная конференция по когнитивной науке (9 – 13 июня 2006 г.): тезисы докладов: в 2-х т. Т. 2. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 392–394.
6. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 639 с.
7. Трипольская Т. А. Когнитивные и языковые механизмы эмоциональной и оценочной интерпретации действитель-ности // Вторая международная конференция по когнитивной науке (9–13 июня 2006 г.): тезисы докладов: в 2-х т. Т. 2. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 454–456.
8. Woolf V. Mrs. Dalloway. Ware: Wordsworth Editions, 1996. 160 p.

References

1. Bredikhin S. N. Elementy smysla i kognitsiya na puti k znacheniyu (*Sense constituent and cognition: on the way toward meaning*) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2014. No. 1 (40). P. 182–186. (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Pintsipy i usloviya nalichiya i formirovaniya smysla (smysloporozhdayushchie mekhanizmy) (*Principles and conditions of sense existence and derivation (sense derivation mechanisms)*) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. No. 1. P. 374. (In Russian).
3. Mel'chuk I. A. Russkiy yazyk v modeli «Smysl-Tekst» (*The Russian language in the model "Sense-Text"*). Moscow–Vien: Yazyki russkoy kul'tur, 1995. XXVIII. 682 p. (In Russian).
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka (*Russian language Thesaurus*). Moscow: Azbukovnik, 1997. 944 p. (In Russian).
5. Piotrovskaya L. A. Kognitivnyy analiz emotsional'noy i ratsional'noy otsenki v semantike emotivnykh vyskazyvaniy (*Cognitive analysis of emotionality and rationality in the emotive utterance semantics*) // Vtoraya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke (*Second International Conference on Cognitive Science*) (9–13 June 2006). In 2 Vols. Vol. 2. St. Petersburg: SPbSU publ., 2006. P. 392–394. (In Russian).
6. Ryabtseva N. K. Yazyk i estestvennyy intellekt (*Language and natural intelligence*). Moscow: Academia, 2005. 639 p. (In Russian).
7. Tripol'skaya T. A. Kognitivnye i yazykovye mekhanizmy emotsional'noy i otsenochnoy interpretatsii deystvitel'nosti (*Cognitive and language mechanisms of emotional and estimative interpretation of reality*) // Vtoraya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke (*Second International Conference on Cognitive Science*) (9–13 June 2006). In 2 Vols. Vol. 2. St. Petersburg: SPbSU publ., 2006. P. 454–456. (In Russian).
8. Woolf V. Mrs. Dalloway. Ware: Wordsworth Editions, 1996. 160 p.

УДК 82.13

А. В. Останкович, Е. В. Бублик

ДИАЛЕКТИКА ТОЖДЕСТВА И РАЗЛИЧИЙ В ИСТОРИИ РУССКОГО ТРИОЛЕТА

Статья посвящена осмыслению основных тенденций развития триолета в русской поэзии XVIII–XX вв., связанных с диалектикой взаимодействия противоположностей: традиционного и новаторского, устойчивого и вариативного, симметрии и асимметрии, архитектоники и композиции, статики и динамики; в ней предложена классификация и описание основных моделей русского триолета,

в результате стиховедческого анализа триолетов М. Н. Муравьева, П. П. Сумарокова, Н. М. Карамзина, П. А. Пельского, Федора Сологуба, Игоря Северянина определен эстетический потенциал жанрово-строфической формы.

Ключевые слова: триолет, стих, строфа, рифма, ритм, лирический герой, рефрен, кульминация, сюжет, тема, повтор, вариация.

A. V. Ostankovich, E. V. Bublik

DIALECTIC OF IDENTITY AND DIFFERENCES IN THE HISTORY OF RUSSIAN TRIOOLET

The article features the reflection of the main development trends of Triolet in the Russian poetry of the XVIII–XX centuries, connected with dialectics the interaction of contrasts: traditional and innovative, stable and variable, symmetry and asymmetry, architectonic and composition, statics and dynamics; a classification and description of the main models of the Russian Triolet, poetic analysis of Triolets by

M. N. Murav'eva, P. P. Sumarokov, N. M. Karamzin, P. A. Belskogo, Feodor Sologub and Igor Severyanin results in specification of aesthetic potential of genre and strophic form.

Key words: triolet, verse, stanza, rhyme, rhythm, lyrical hero, refrain, culmination, plot, subject, repetition, variation.

Релевантность триолета, как других твёрдых форм строф и стиха, определяется системным наличием присущих ему устойчивых ритмико-строфических признаков. Искусство триолета состоит в том, чтобы рефренные повторы стихов (первый стих воспроизводится буквально в четвертом стихе, а первый и второй стихи, кроме того, повторяются без изменений в седьмом и восьмом стихах) воспринимались как естественные и необходимые, появлялись каждый раз с видоизменённым значением в обновленном контексте.

История триолета, как и большинства строфических форм европейского стиха, в русской поэзии начинается с XVIII в. Его инициаторами в ней стали М. Н. Муравьев и П. П. Сумароков, триолеты которых написаны в традиции альбомного любовного послания. Для них сюжетной точкой отсчета в развитии темы становится дата «исключительного» события: оба обыгрывают тему счастливой влюбленности лирического героя.

Триолет Муравьева написан в 1778 г. Считается, что он является переводом триолета неизвестного французского поэта. Триолет Сумарокова напечатан годом позже. Так что его вполне можно считать реакцией и откликом на первый в русской поэзии опыт создания.

Четыре первых стиха обоих триолетов содержат тезис и его обоснование, четыре заключительных объясняют счастье лирического героя разделенным чувством. При очевидной близости тематического развития триолеты имеют различный рифменный строй стихов: канонический триолет Муравьева с количественным соотношением рифм 5 к 3, чередующимися мужскими и женскими каталектиками **aBaaaBaB** стихов четырехстопного хорея; вольный триолет Сумарокова с количественным соотношением рифм 4 к 4, чередующимися мужскими и женскими каталектиками **aBaaBBaB** стихов четырехстопного ямба.

Кульминационный центр триолета Муравьева находится в пятом стихе:

*Мая первого числа
Был мой лучший день на свете.
Что за мысль мне в ум вошла
Мая первого числа?*

***Ты мне сделалась мила,
И коль ты склонна в ответе, –
Мая первого числа
Был мой лучший день на свете*** [2, с. 288].

Данный стих содержит ответ на вопрос 3–4 стихов, объясняет утверждение 1–2 стихов; в нем введением нового субъекта «ты» задано новое направление сюжетно-тематического развития; сформированный им контекст «предсказывает» счастливое разрешение любовного сюжета в рефренной развязке.

Триолет Сумарокова представляет собой развернутое в одном предложении стихотворное высказывание с актуализированными причинно-следственными связями частей. Он гармонизирован введением нового субъекта и установлением характера отношений к нему лирического героя тоже в пятом кульминационном стихе:

*Июля первое число
Я днем блаженнейшим считаю:
Меня на небо вознесло
Июля первое число;
**С тех пор я Хлою обожаю,
И зная, что тем ей угождаю,
Июля первое число
Я днем блаженнейшим считаю*** [5, с. 135].

В своем «Триолете Лизете» 1796 г. Н. М. Карамзин, как и Муравьев, предпочел форму рифмосочетаний стихов четырехстопного ямба классического триолета – **AbAAAbAb**. В нем он пародийно переосмыслил решение любовной темы в триолетах предшественников. Триолет Карамзина структурно основан на контекстуально-каламбурном извлечении значений слова «чудо» как сущности, которую невозможно ни определить, ни постичь, ни объяснить с помощью приемов рационального мышления. Пять стихов содержат обоснование первого впечатления: Лизета очень красива и исключительно умна – она чудо; заключительные три стиха объясняют противоположное утверждение – антитезис: Лизета очень зла, поэтому она – «чудо», своей исключительностью напоминающее нечто чудовищное.

Триолет Карамзина отличается от опытов предшественников более изысканной гармонической структурой, каламбурной составляющей и реализованной ироничной установкой автора. В нем вместо развития предложенного для утверждения тезиса неожиданно следует его превращение в свою противоположность – антитезис. При этом кульминационный центр

сместен в шестой стих, единственный содержащий констатацию некоего или неких неназванных событий, перевернувших оценки героя. Смещение кульминации свидетельствует об осложнении гармонической системы актуализацией конфликта между заданной традицией архитектурной и индивидуализированной композицией:

*«Лизета чудо в белом свете», –
Вздыхнув я сам себе сказал:
«Красой подобных нет Лизете;
Лизета чудо в белом свете;
Умом зрела в весеннем цвете».
Когда же злость ее узнал...
«Лизета чудо в белом свете!»
Вздыхнув я сам себе сказал* [1, с. 137].

Эксперименты с триолетом были вскоре поддержаны изысканиями другого поэта. «Так, в 1797 г. во 2-й книге «Аонид» было опубликовано стихотворение «Любовь и дружба» с жанрово-строфическим обозначением в подзаголовке «Триолеты». Его автором, укрывшимся за инициалами П. П., был поэт карамзинской ориентации Петр Афанасьевич Пельский. Пельский обратился к форме сдвоенного триолета на одну и ту же пару рифм и добился неплохого результата. Примером ему, возможно, послужили чтимые им французские образцы либо, скорее, соответствующие опыты его поэтического наставника. Карамзин обращался к триолету преимущественно в шуточных мадригалах салонного типа (Триолет Алете в тот день, как ей исполнилось 14 лет, 1795; Триолет Лизете, 1796)» [6, с. 174]. Сдвоенный триолет «Любовь и дружба» Пельского демонстрирует следующий рифменный строй стихов четырехстопного ямба **AbAAAbAb AbAAAbAb**:

*В любовь, коль дружба обратится,
Прости спокойство наших дней!
Тоскою жизнь вся отравится,
В любовь где дружба обратится;
Пусть всяк премены сей страшится –
Сердце союз опасен сей –
В любовь, где дружба обратится,
Прости спокойство наших дней!*

*Любовь, коль в дружбу обратится,
Прости утеха наших дней!
Унынье, томность поселится,
Любовь где в дружбу обратится;
Веселье скукой заменится,
Страшитесь премены сей!
Любовь, где в дружбу обратится,
Прости утеха наших дней!* [3, с. 24–25]

В новаторском опыте поэта использован вариативный повтор лексико-грамматического

состава рефренных стихов, который в дальнейшем получил широкое практическое применение в триолетах поэтов XX–XXI вв. Он призван оживить и разнообразить сюжетно-тематическое развитие. При осторожном использовании данный прием не разрушает, а эстетически активизирует узнаваемые признаки твердой формы. В данном случае его применение, на наш взгляд, объясняется сюжетной конкретикой авторского замысла, развивающего исходную мысль о предпочтении дружбы перед любовью, о диалектической невозможности и плачевных последствиях попытки их совмещения. Кроме предписанных традицией, Пельский использует межтекстовый вариативный повтор 5-ого стиха первого триолета в 6-ом стихе второго: «*Пусть всяк премены сей страшится!*» – «*Страшитесь премены сей!*», – для констатации невозможности перерастания одного чувства в другое. Ключевая мысль автора помещена в кульминационные центры триолетов: в 5-ый стих – первого триолета и в 6-ой стих – второго триолета. Их дистантное взаимодействие в текстовой вертикали в значительной мере определяет «двойчатку» триолетов как целое.

Вариативный повтор стихов в дальнейшей истории русского триолета стал вполне традиционным. Так, Игорь Северянин мастерски пользуется им для создания эротизированного цветового колорита:

Пойдем, Маруся, в парк; оденься в белый цвет

(Он так тебе идет! Ты в белом так красива!).

Безмолвно посидим на пляже у залива, –

Пойдем, Маруся, в парк; оденься в синий цвет.

И буду я с тобой – твой рыцарь, твой поэт,

И буду петь тебя восторженно-ревниво:

Пойдем, Маруся, в парк! Оденься в алый цвет:

Он так тебе к лицу! Ты в алом так красива! [4, с. 115]

(1915)

Смена цвета одежд девушки отражает гамму чувств героя: от белого, чистого, прохладного, абстрактного и неплотного, хранящего потенции любого развития, через синий, цвет небес и воды, столь важной стихии в поэзии Северянина, к эротичному алому. Колористические смены синхронны сюжетно-композиционному развитию. Предложению переместиться к заливу сопутствует перемена белого на синий, за появлением в кульминации образа героя – восторженно-ревнивый рыцарь и поэт – следу-

ет переодевание в красный, а герой усваивает атрибуции любовника.

Ранее в «Триолете» 1910 г. вариации Северянина в повторяющихся стихах еще радикальнее. Их целью является каламбурное обыгрывание антитез-олицетворений: я, ты – море; я – буря; ты – штиль. Основной стилистический прием триолета – инверсия. Канонический повтор 4-ого стиха разорван инверсированным стиховым переносом 4-ого стиха в 5-ый стих. Усеченный до двух стоп шестистопный ямб в последнем стихе средствами графики, имеющими в виду некоторую паузу при чтении, актуализирует инвариантную антитезу, которая из плана умозрительного и психологически абстрактного переходит в сферу конкретно-чувственного. О влечении героя рокочут волны, а море и вечерняя заря, окрашенные пурпуром, становятся субъектом речи и сжимают развернутость фразы двух первых стихов до реплик влюбленных.

Ты мне желанна, как морю – буря,

Тебе я дорог, как буре – штиль.

Нас любит море... И, каламбуря

С пурпурным небом: «как морю – буря,

Она желанна», – на сотни миль

Рокочут волны, хребты пурпура

Зарей вечерней: «...как морю – буря...

...Как буре – штиль...» [4, с. 96].

Впервые теоретически осмыслить и опробовать в поэтической практике возможности формально-содержательной системы триолета попытался поэт Иван Рукавишников. Им были выявлены и освоены основные модели классического русского триолета (abaaabab с чередованием мужских и женских рифм, abaaabab с чередованием мужских и дактилических рифм, bbbbbb на стихи с женскими рифмами, babbaba с чередованием женских и мужских рифм, aaaaaaaa на стихи с мужскими рифмами), созданы его экспериментальные модификации: безрифменный триолет – в нем рифму заменяет повтор одного и того же слова (кроме того, данный триолет «Тебя я помню. Ты рыдала / На Гревской площади, под виселицей» написан достаточно редким четвертым пэоном); триолет, стихи которого начинаются и оканчиваются на одни и те же звуковые сочетания («Омою словом и добром. / О! Мысли белые хоромы»). Замечателен его опыт тройного (тайного) триолета, читающегося как три самостоятельных: «Не иди в дом пира. Иди в дом плача...». Вполне вероятно, что Рукавишников учел как старофранцузскую традицию, так и традицию русского сонета XVIII в. Так, его предшественник в строфических поисках

А. А. Ржевский еще в 1761–1762 гг. оставил два образца тройного сонета, снабдив их примечаниями, в которых рекомендовал читать сперва весь по порядку, потом первые полустихия, а после другие полустихия – «Престанем рассуждать: добра во многом нет» и «Вовеки не пленюсь красавицей иной». Рукавишников, имея в виду опыт Ржевского, в отличие от него не отделил графически части своего тройного триолета, видимо, потому что не до конца реализовал задачу содержательного противопоставления частей. Отсюда и замена отрицательной частицы «не» в 1-ом стихе на противопоставительный союз «но» в 7-ом стихе.

Итак, в русском триолете вполне отчетливо выделяются две основных модели. Первая на два рифменных созвучия с числовым соотношением равным пропорции золотого сечения 5А к 3В.

а) **aBaaaBaB** (М. Н. Муравьев. «Мая первого числа / Был мой лучший день на свете»; М. Лохвицкая. «В моем аккорде три струны, / Но всех больше звучит вторая...») или **AbAAAbAb** (Н. М. Карамзин. «Лизета чудо в белом свете, – / Вдохнув, я сам себе сказал...», двойчатка триолетов П. А. Пельского «Любовь и дружба») и др.

б) **AbAAbAAb** (Игорь Северянин. «Ты мне желанна, как морю – буря, / Тебе я дорог, как буре – штиль» и др.). Вторая числовым соотношением двух созвучий 4А к 4В актуализирует идею симметричных соответствий.

а) **aBaaBBaB** (Панкратий Сумароков. «Июля первое число / Я днем блаженнейшим считаю» и др.).

б) **AbbAAbAb** (Федор Сологуб. «Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая и злая») или **aBBaaBaB** (Северянин. «Пойдем, Маруся, в парк; оденься в белый цвет / (Он так тебе идет! Ты в белом так красива)») и др.

Хотя в образцах всех моделей встречаются примеры вариативного повтора стихов, они однозначно идентифицируются как триолеты.

Кроме того, опыт «двойчатки» Пельского в истории русского триолета положил начало к его использованию в виде частей циклов различного объема и строф в рамках многообразных жанрово-тематических единств. К циклическим образованиям относятся «двойчатки» триолетов, например: «Как силуэт» В. Ходасевича, «Два триолета», «Триолеты о зайце» Северянина и др.; «тройчатки» триолетов: «Окна готический узор...» Д. А. Магулы, «В семнадцать лет душа ясна...» С. В. Ильяшенко и др.; цикл из четырех триолетов «Брызжет золотом заря» Е. А. Христиани; циклы триолетов Федора Сологуба «Вечера», «Цветы», «Личины» и др. в его книге стихов «Очарования Земли»; цикл триолетов Северянина «Вешний звон» и др. К жанрово-тематическим единствам восходят сказки в триолетах «Белая Лилия» и «Принцесса Мимоза», баллада в триолетах «Вина Балькис. Триоли», «Гирлянда триолетов» Игоря Северянина, «Цепочка триолетов» современного сетевого поэта с псевдонимом Планета триолетов и др.

Установка на гармонизирующую системность сформировала диалектически цельное гармоническое единство триолета, способное к самосохранению и самоорганизации. При нарушении какого-либо правила – количественное соотношение рифмующихся стихов (например, вариант количественного соотношения рифм 4 к 4); стихи на сплошные мужские или женские каталектики; вариативный, а не идентичный повтор лексико-грамматического состава рефренных стихов; употребление усеченных стихов; сохранение в качестве рефрена лишь рифмообразующих слов и пр. – не происходит разрушение гармонической системы триолета, так как сохранение ее идеи компенсируется актуализированным осуществлением в других уровнях текстовой материи. Кроме того, единичные индивидуальные новации воспринимаются на фоне строфической традиции триолета и, следовательно, укрепляют ее.

Источники и литература

1. Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Т. I. М.: Типография С. Селивановского, 1820.
2. Муравьев М. Н. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1967.
3. Пельский П. А. Моё кое-что. М.: Типография Платона Бекешова, 1803.
4. Северянин Игорь. Собрание поэм. Т. 2. СПб.: Земля, 1918.
5. Сумароков П. П. Стихотворения Панкратия Сумарокова. СПб: Типография Плюшара, 1832.
6. Федотов О. И. Триолет в русской поэзии XVIII–XX вв. // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Международная научная конференция (Казань, 11 – 13 декабря 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: [б.и.], 2001. Т. 2.

References

1. Karamzin N. M. Sochinenija Karamzina. Vol. I. (Works by Karamzin). Moscow: S. Selivanovskii's printing office, 1820. (In Russian).
2. Murav'jov M. N. Stihotvorenija (Poems). Leningrad: Sovetskij pisatel, 1967. (In Russian).

3. Pel'skij P. A. *Mojo koe-chto (My thing)*. Moscow: Platon Bekeshov's printing office, 1803. (In Russian).
4. Severjanin Igor'. *Sobranie poez. (Poetry collection)*. Vol. 2. St.Petersburg: Zemlja, 1918. (In Russian).
5. Sumarokov P. P. *Stihotvorenija Pankratija Sumarokova (Poems by Pancras Sumarokov)*. St.Petersburg: Pljushara printing office, 1832. (In Russian).
6. Fedotov O. I. *Triolet v russkoj poezii XVIII–XX vv. (Triolet in Russian poetry XVIII–XX centuries)* // Boduenovskie chteniya: Boduen de Kurtene i sovremennaya lingvistika: Mezhdunarodnaya nauchaya konferentsiya (Kazan', 11–13 dekabrya 2001 g.) (*Baudouin readings: Baudouin de Courtenay and modern linguistics: International Science Conference (Kazan, December 11–13, 2001)*). Vol. 2. / ed. by K. R. Galiullin, G. A. Nikolaev. Kazan', 2001. (In Russian).

УДК 81-11

С. В. Серебрякова

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассматриваются проблемы европейской идентичности как политического концепта, находящегося в становлении. Идентичность понимается как результат процесса социокультурного самопознания, отличающегося дискретностью и континуальностью. Анализ немецкоязычного научного дискурса идентичности, выявление ядерных и периферийных номинаций понятия европейской идентичности, привлечение данных немецкого газетного корпуса свидетельствуют о

многослойности концепта, о существовании наряду с европейской идентичностью целого ряда других идентичностей – персональной, коллективной, социальной, культурной, политической, региональной, национальной.

Ключевые слова: европейская идентичность, этнонациональная идентичность, социальная идентичность, индивидуализация, европейские ценности, дискурсивная реализация.

S. V. Serebriakova

SCIENTIFIC REFLECTION OF “EUROPEAN IDENTITY” PHENOMENON IN PRESENT-DAY GENERAL EUROPEAN CONTEXT

The article studies the challenges of European identity as apolitical concept at the stage of its establishment. Identity is viewed as the result of socio-cultural self-knowledge process, which is characterized by discreteness and continuity. The study of German scientific identity discourse, specification of nucleus and periphery nominations for European identity notion and the reference to

the data of German newspaper corpora reveal the multilayer character of the concept, as well as the fact that in line with European identity there is a number of other types, such as individual, collective, social, political, regional and national.

Key words: European identity, ethnonational identity, social identity, individualization, European values, discursive actualization.

Идентичность тем или иным образом коррелирует с такими понятиями, как «индивидуальность», «личностность», «саморавность», «самость», «самотождественность», которые осмысливаются как результат индивидуального и коллективного опыта познания себя в интеракции с другими. Категорией идентичности, соотносимой со становлением личности человека как индивидуума, оперируют науки гуманитарной парадигмы знания, используя ее «для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, "тождественных са-

мим себе" целостностей» [5, с. 78]. Антропоцентрический вектор современной гуманитарной науки акцентирует важность актов самопознания как многоаспектного коммуникативного процесса в пространстве социума и культуры. Важно отметить, что идентичность как результат определенного процесса, т.е. собственно идентификации, обладает «в силу своих феноменологических особенностей некоторой протяженностью во времени. Поэтому идентичности свойственны как дискретность, так и континуальность» [2, с. 157].

Э. Эриксон также считал, что идентичность одновременно обуславливается ощущением тождества самому себе и непрерывностью своего существования во времени и пространстве, подчеркивая тем самым процессуальный характер данного акта. Ученый оперирует понятием «эго-идентичность», которая, в его понимании, соотносится не столько с самим фактом существования, сколько с качеством существования, придаваемым ему этим «эго»: «В таком случае "эго-идентичность" в его субъективном аспекте – это осознание того, что синтезирование "эго" обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью и что стиль индивидуальности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое придается значимым другим в непосредственном отношении» [9, с. 59]. Э. Эриксон связывал идентичность с переживанием индивидом себя как целого, с ощущением своего внутреннего равенства с собой и собственными самопереживаниями.

В европейской философской традиции приоритетно постулируется идентичность личностная, персональная, предполагающая моделирование своей индивидуальности, а не этническая, национальная или культурная, причем личность ощущает себя таковой в пространстве intersubъектной диалогической коммуникации. М. Хайдеггер вводит понятие «человеко-самость», подчеркивая экзистенциальный характер самости и историчность присутствия в координатах «мир, бытие-в, самость»: «самость не может быть понята ни как субстанция ни как субъект, но коренится в экзистенции» [8, с.275]. Ю. Хабермас вкладывает в понятие идентичности индивидуализацию в соответствующем социально-историческом контексте, определяя ее как концепцию самого себя как автономно действующего и индивидуализированного существа, устойчивость которого обусловлена признанием окружающих, соответствующим прагматическим опытом пространства и времени [7, с. 102].

Особую остроту проблемы европейской идентичности и этнокультурной принадлежности приобретают в связи с глобализационными процессами, характерными, в первую очередь, для европейского континента. Существование Европейского Союза, расширение в последние десятилетия его состава, интеграционные процессы, отмена государственных границ при сохранении и даже укреплении этноментальных барьеров стали причиной острых дискуссий относительно постулируемого единства Европы, «европейскости», общих европейских ценностей и ориентиров. Евросоюз как развиваю-

щийся объединительный концепт находится в постоянном поиске модели общеевропейской идентичности, на основе которой страны, несмотря на различие языков и культур, могут быть объединены как культурно, социально, экономически, так и в какой-то мере ментально, идеологически. Осуществляется активный «поиск ответов на вопросы, связанные с преодолением этнических, конфессиональных, классовых, гендерных, статусных и многих других противоречий современного мирового сообщества» [6, с. 195].

Задача данной статьи – обосновать концептуальную значимость понятия «европейская идентичность» в плане реализации объединительных тенденций, установить ее представление в научном дискурсе с опорой на данные газетного корпуса немецкого языка. Материалом исследования послужило монографическое исследование Д. Лихтенштейна «Europäische Identitäten. Eine vergleichende Untersuchung der Medienöffentlichkeiten ost- und westeuropäischer EU-Länder» [10] («Европейские идентичности. Сравнительный анализ медиапространства восточно- и западноевропейских стран-членов ЕС»).

Не вызывает сомнения, что европейская идентичность во всех ее дискурсивных реализациях – это концептуальное понятие, отличающее европейцев от неевропейцев по таким аспектам, как мировидение, культура, право, социальные гарантии, экономический потенциал, демократические ценности. Приверженцы европейской идентичности стремятся, чтобы данное понятие в какой-то мере надстроилось над этнонациональной идентичностью, способствуя, по их убеждению, укреплению позиций единой Европы на мировой арене.

В современном европейском контексте идентичность осмысливается как индивидуализация посредством социализации в соответствующих социально-исторических условиях, которые оказывают влияние на саморефлексию человека. Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова проводят разграничение первичной социализации (в свою родную культуру) и вторичной социализации в чужую (другую) культуру или в другие субкультуры в пределах своей собственной культурного пространства [2, с. 157–158]. Выделение в структуре идентичности индивидуального и социального уровней свидетельствует о ее сложно организованной варьирующейся многослойности. «Если персональная идентичность представляет собой совокупность характеристик, сообщающих индивиду качество уникальности, то социальная идентичность – результат идентификации

(отождествления) индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды [5, с. 79].

В общем и целом, можно констатировать, что «европейская идентичность» в какой-то мере определяет общеевропейское мировоззрение людей, проживающих на территории ЕС. Это своего рода многокомпонентное коллективное сознание Европы, обусловленное многими факторами – географическими, культурными, социально-историческими, правовыми, экономическими, идеологическими, ценностными. Интерес представляет вопрос об истоках и основаниях европейской идентичности. С одной стороны, универсальность европейской культуры обусловлена культурно-историческим наследием европейцев, с другой, в качестве приоритета определяется общность политических принципов и институтов, что свидетельствует об отождествлении европейской идентичности с Европейским Союзом, который можно рассматривать «как вариант ответа на вызовы современности, поскольку в рамках объединенной Европы существует возможность для государств-участников решать ключевые проблемы социально-экономического, политического, культурного, экологического развития и вопросов внутренней и внешней безопасности» [4, с. 3].

Для современного этапа характерна множественность дискурсивно обусловленных интерпретаций понятия европейской идентичности и специфики ее формирования. Акцент при этом делается на «сложном мироощущении, в котором переплетаются противоречивые проявления энтузиазма и замкнутости, доверия и страха, интеллектуальной разносторонности и преувеличенного почитания традиций предков. <...> Европейская идентичность – это своеобразный призыв к углублению Европы, к большей интеграции, к принятию большего количества общих решений, призыв к защите модели европейской интеграции, против дробления стран-членов на сообщества и регионы» [3, с. 303].

Исходным пунктом формирования европейской идентичности являются интеграционные процессы в Европе, утверждение идеи общеевропейского единства как цели собственно европейской интеграции. В связи с этим активизировалась популяризация идеи универсальности европейской культуры, общего культурно-исторического наследия европейцев, возможной унификации соответствующих национальных идей в единую европейскую, что, однако, не подразумевает неприятие или даже отрицание оригинальности культурных традиций каждого народа. Как уже отмечалось, Европа как идея и европейская идентичность как цель представ-

ляют в своем взаимодействии концепт, который находится в развитии, в динамике, в поиске привлекательных общих ориентиров.

Политические, экономические, культурные, религиозные и многие другие факторы, характерные для европейского континента, в какой-то мере также призваны способствовать единению людей, независимо от страны проживания и языка как средства коммуникации, формированию объединяющего мировоззрения и сходного мировидения. «Европейская идентичность – объективная данность, она выступает как совокупность характеристик, отличающих европейцев от неевропейцев в традициях, культуре, образе жизни и системе мышления. Это европейское самосознание как осознание собственной принадлежности к Европе» [1, с. 113].

Представления о европейской идентичности – исторические, политические, социальные, правовые – находят отражение в различных дискурсивных практиках, эксплицирующих специфику ее восприятия и оценки в соответствующей лингвокультуре и формирующих нарратив идентичности. Показательным в данном плане можно считать название изучаемой монографии Д. Лихтенштейна «Europäische Identitäten. Eine vergleichende Untersuchung der Medienöffentlichkeiten ost- und westeuropäischer EU-Länder» («Европейские идентичности. Сравнительный анализ медиапространства восточно- и западноевропейских стран-членов ЕС»). Уже здесь, в сильной позиции научного текста, обозначен основной круг проблем: не одна, единая, а множество европейских идентичностей; акцент на специфику ее формирования восприятия в странах западной и восточной Европы (в новых членах ЕС); интерпретация изучаемых явлений в массмедиа европейских стран. Важно подчеркнуть, что автор рассматривает европейскую идентичность как политический концепт и основную цель европейской интеграционной политики, необходимое условие легитимности европейского администрирования и, в конечном итоге, как показатель успешно функционирующей общеевропейской политической системы [10, с. 18]. Европейская идентичность – это конечный продукт самосознания и самоопределения европейцев, внутреннего и внешнего восприятия Европы по отношению к остальному миру. Таким образом, на политическом и идеологическом уровнях задан вектор на наднациональный характер европейской идентичности в сегодняшних границах ЕС.

Полевой принцип систематизации эмпирического материала позволил определить в качестве базовой номинацию *europäische*

Identität (европейская идентичность), зафиксированную в 186 контекстах, реализующих в рассматриваемой монографии изучаемое концептуальное понятие. С опорой на параметры частотности и функциональной активности был сформирован ядерный сегмент концептуального поля посредством, в первую очередь, таких близких по смыслу номинаций, как: *Gleichheit* (равенство), *die Einheit* (единство), *die Integration* (интеграция), *Zugehörigkeit* (принадлежность), *Zusammengehörigkeit* (сопричастность), *Solidarität* (солидарность), *Konzept "Europa"* (концепт "Европа"), *westeuropäisches "Wir"* (западноевропейское "Мы", которым противопоставлен семантический ряд, реализующий семы уникальности и индивидуальности: *Selbigkeit* (самотождественность), *die Nämlichkeit* (идентичность), *die Einzigartigkeit* (уникальность), *Selbstverständnis* / *Selbstverständigung* (самовосприятие), *Selbst-Identifizierung* (самоидентификация), *die Persönlichkeit* (личность), *die Individualisation* (индивидуализация). Использование единиц английского языка, которые представлены как в цитатах, так и в авторских рассуждениях, дополняя данное понятие новыми нюансами, свидетельствует о его актуальности и в других странах ЕС: *Selfunderstanding* (самопонимание), *Groupness* (коллективность), *Connectedness* (взаимосвязанность), *Commonality* (общность).

Значительным прагматическим потенциалом обладают многочисленные атрибутивные сочетания с базовой номинацией поля, формирующие ближнюю периферию и задающие положительный оценочный вектор: *(west-)europäische Identität* (западно)европейская идентичность, *soziale Identität* (социальная идентичность), *kollektive europäische Identität* (коллективная европейская идентичность), *Wir-Identität* (мы-идентичность), *Gender-Identitäten* (гендерные идентичности), *ethnische und nationale Identität* (этническая и национальная идентичность), *die Gruppenidentität* (идентичность социальной группы), *gesellschaftliche Gruppenidentität* (идентичность общественной группы), *Corporate Identity* (корпоративная идентичность), *identitäre Verbundenheit* (идентичная связанность).

К периферии понятийного поля «европейская идентичность» были отнесены метафоричные переосмысления, антонимические контексты, а также следующие ассоциаты: *europäische Zivilisation* (европейская цивилизация), *europäisches Projekt* (европейский проект), *europäische Werte* (европейские ценности), *Demokratisierung* (демократизация), *Zusammenarbeit* (сотрудничество), *Loyalität*

(лояльность), *Zweckgemeinschaft* (взаимовыгодное сообщество), *Heterogenität* (гетерогенность), *kulturelle Komplexität* (культурная комплексность), *permissiver Konsens* (либеральный консенсус), *gemeinsame Verantwortung* (коллективная ответственность), *Gruppengeist* (коллективный дух), *gemeinsame Verschiedenheit* (общие различия).

Автор исследования отмечает востребованность данного концепта (*Identitätsbedarf*) как индикатора европейской общности, особенно в период охватившего практически всю Европу экономического кризиса. Подчеркивая размытость и неопределенность рассматриваемого концепта, его динамический характер, попытки его укрепления и углубления, автор использует следующие глагольные сочетания: *europäische Identität herausbilden* (формировать), *entwickeln* (развивать), *inhaltlich stärken* (усиливать содержательно), *schärfen* (отматчивать), *stabilisieren* (стабилизировать), *Identitätswürfe weiterentwickeln* (развивать идеи идентичности). Используемые когнитивные метафоры способствуют формированию образного представления о сложности и динамике формирования дефиниции идентичности как концептуально значимого общеевропейского достояния: *Vielmehr muss Identität als sich im Fluss befindend verstanden werden* [10, с. 12] (*Идентичность следует рассматривать как находящуюся в речном потоке...*); *Identität dient hier als wichtige Quelle für die notwendige moralische Orientierung und Kraft...* [10, с. 22] (*Идентичность служит здесь важным источником необходимых моральных ориентиров и силы...*).

Актуальность концепта «европейская идентичность» для европейского сообщества подтверждается количественными данными поисковой системы немецкого языка (DWDS.de), включающей в себя словари немецкого языка, а также газетные корпуса. Так, если в ядерном сегменте корпуса представлено только 8 контекстов с сочетанием *europäische Identität*, то в газетном корпусе их количество увеличивается на порядок – до 422. Прагматически отмеченными можно считать такие атрибутивные определения данного понятия, как *unsere*, *gemeinsame*, *neue*, *neu entdeckte*, *nationale*, *kollektive*, *wahre*, *kulturelle*, *starke*, *stärkere*, *klarere*, *schwache*, *postnationale*, *transnationale*, которые можно считать свидетельством многообразия мнений относительно данного понятия и его значения для каждой страны и Европы в целом. В следующем контексте раскрывается многослойность и противоречивость формирующегося общеевропейского концепта: *Sie wirbt*

für ein Sandwich-Modell, in dem wir regionale, nationale und europäische Identität übereinander schichten [11] (*Она аргументирует за модель наподобие сэндвича, когда наслаиваются друг на друга региональная, национальная и европейская идентичности*).

Не изменилось оценочное представление о европейской идентичности, степени ее сформированности и через 10 лет. Как свидетельствуют текстовые материалы корпуса, на сегодняшний момент вряд ли можно говорить о данной категории как о общеевропейском достоянии и общепризнанной общеевропейской ценности: *Eine europäische Identität gibt es genauso wenig wie den europäischen Demos, ein europäisches Staatsvolk oder eine europäische Nation* [12] (*Вряд ли есть европейская идентичность, так же, как и европейский демос, европейский народ или европейская нация*).

Во многих контекстах отмечается сосуществование нескольких видов идентичности как на уровне Европейского Союза, отдельного государства и личности – носителя родного языка, гражданина своей страны и европейца: *Europäische Identität löscht weder regionale noch nationale Identität, sie existiert neben diesen* [12] (*Европейская идентичность не отменяет ни региональной, ни национальной идентичности, она существует наряду с ними*).

Таким образом, интеграционные процессы в Европе, утверждение идеи общеевропейского единства актуализируют проблему формирования и укрепления европейской идентичности, что находит отражение в формировании нарратива европейской идентичности, в популяризации идеи европейской культуры, общего культурно-исторического наследия европейцев, в поиске общих ценностных ориентиров.

Источники и литература

1. Арапина С. В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты) // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. №29. Современная Россия и мир: альтернативы развития: сборник научных статей / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул: АЗБУКА, 2013. С. 113–118.
2. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2004. 424 с.
3. Казазюс Ж. Европейская идентичность // *Европейская интеграция: современное состояние и перспективы*. Минск: БелГУ, 2001. С. 301–304.
4. Казаринова Д. Б. Европейская интеграция: политико-институциональный и социокультурный аспекты: автореф. дис. ... полит. наук. М., 2006. 19 с.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 640 с.
6. Серебрякова С. В., Леглер А. А. Амбивалентный характер этноментальной идентичности Гюнтера Вальрафа: к проблеме личностной толерантности // *Когнитивная парадигма ментальности в этнолингвокультурном пространстве*. Майкоп: РИО АГУ, 2015. С. 195–206.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М.: Весь мир, 2008. 416 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.
9. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
10. Lichtenstein D. Europäische Identitäten. Eine vergleichende Untersuchung der Medienöffentlichkeiten ost- und westeuropäischer EU-Länder. München: UVK Verlagsgesellschaft, 2014. 374 s.
11. Danke, Donald // *Der Tagesspiegel* 27.01.2003 / Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/r?corpus=tagesspiegel;q=Europ%C3%A4ische%20Identit%C3%A4t>
12. Gaucks Europa-Rede im Wortlaut // *Die Zeit* 22.02.2013, №9. / Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/r?corpus=zeit;q=Europ%C3%A4ische%20Identit%C3%A4t>

References

1. Arapina S. V. Evropeyskaya identichnost': teoriya i praktika (nekotorye aspekty) (*European identity: theory and praxis (some aspects)*) // *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*. No. 29. Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativny razvitiya: sbornik nauchnykh statey / ed. by Yu. G. Chernyshov. Barnaul: AZBUKA, 2013. P. 113–118. (In Russian).
2. Grishaeva L. I., Tsurikova L. V. Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii (*Introduction to the theory of intercultural communication*). Voronezh: VSU publ., 2004. 424 p. (In Russian).
3. Kazazyus Zh. Evropeyskaya identichnost' (*European identity*) // *Evropeyskaya integratsiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy*. Minsk: BelSU publ., 2001. P. 301–304. (In Russian).
4. Kazarinova D. B. Evropeyskaya integratsiya: politiko-institutsional'nyy i sotsiokul'turnyy aspekty (*European integration: politic-institutional and sociocultural aspects*): abstract of thesis. M., 2006. 19 p. (In Russian).
5. Novaya filosofskaya entsiklopediya (*New encyclopaedia in philosophy*). In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl', 2010. 640 p. (In Russian).
6. Serebryakova S. V., Legler A. A. Ambivalentnyy kharakter etnomental'noy identichnosti Gyuntera Val'rafa: k probleme lichnostnoy tolerantnosti (*Ambivalent principles of ethnic mental identity of Günter Wallraff: to the problem of personal tolerance*) // *Kognitivnaya paradigma mental'nosti v etnolingvokul'turnom prostranstve*. Maykop: ASU publ., 2015. P. 195–206. (In Russian).
7. Habermas J. Filosofskiy diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektsiy (*The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*). Moscow: Ves' mir, 2008. 416 p. (In Russian).
8. Heidegger M. Bytie i vremya (*Being and Time*). Moscow: Ad Marginem, 1997. 503 p. (In Russian).

9. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis (*Identity: youth and crisis*) / ed. by AV. Tolstykh. Moscow: Progress, 1996. 344 p. (In Russian).
10. Lichtenstein D. Europäische Identitäten. Eine vergleichende Untersuchung der Medienöffentlichkeiten ost- und westeuropäischer EU-Länder (*European Identities. A comparative study of the media publications of East and West European EU countries*). Munich: UVK Verlagsgesellschaft, 2014. 374 p.
11. Danke, Donald (*Thank you, Donald*) // Der Tagesspiegel 27.01.2003 / Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/r?corpus=tagesspiegel;q=Europ%C3%A4ische%20Identit%C3%A4t> (Accessed: 21.09.1983). (In German).
12. Gaucks Europa-Rede im Wortlaut (*Gauck's speech in Europe*) // Die Zeit 22.02.2013. No. 9. / Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/r?corpus=zeit;q=Europ%C3%A4ische%20Identit%C3%A4t> (Accessed: 21.09.1983). (In German).

УДК 81-11

Е. В. Яковлева

НОМИНАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДОМЕТИЙ И РЕЛЯТИВОВ В ЭКСПЛИКАЦИИ ЭМОТИВНОЙ СИТУАЦИИ

В данной статье рассмотрены общие номинативные возможности междометных и релятивных конструкций в аспекте вербализации и экспликации эмотивных ситуаций в процессе порождения и рецепции текстов эмотивного типа. Многоуровневая иерархия смысла в рассматриваемых конструкциях, равно как и их номинативные способности могут быть реализованы по определенным «схемам действия» с учетом констант ситуативности, интенциональности, модальности и

фоновых знаний. Для достижения высокого перформативного эффекта при использовании в высказывании субъективно-авторских эмотивных, апеллятивных и других релятивных конструкций важнейшим условием является функциональное единство формальной организации текста в соответствии с представляемой эмотивной ситуацией.

Ключевые слова: междометия, релятивные конструкции, номинативные потенции, эмотивный текст, ситуативно-психологический контекст.

E. V. Yakovleva

NOMINATIVE POTENTIAL OF INTERJECTIONS AND RELATIVE CONSTRUCTIONS IN MAKING EXPLICIT AN EMOTIVE SITUATION

The article studies general peculiarities of nominative potential as regards interjection and relative constructions in verbalizing and making explicit emotive situations in the process of production and perception of emotive texts. Multilayer hierarchy of sense in constructions under consideration, as well as their nominative potential can be realized according to certain "action schemes" with the reference to such constants as situational

character, intentionality, modality and background knowledge. One of the key conditions to produce a highly performative effect by means of reference to subjective emotive, appealing and other relative constructions is the functional unity of formal text organization and the depicted emotive situation.

Key words: interjections, relative constructions, nominative potential, emotive text, situational-psychological context.

В настоящее время одной из наиболее перспективных парадигм в изучении языка является когнитивно-дискурсивная, в которой существует множество различных течений, одним из новейших выступает филологическая феноменологическая герменевтика, позволяющая последовательно анализировать иерархическую нозматическую структуру смысла и проясняющая возможности реализации язы-

ком всего арсенала средств для реализации коммуникативных функций. Одной из интегрирующих единиц коммуникативного акта является текст в качестве некоторого законченного отрезка или максимальной дискретной единицы, представляющей фрагмент определенного коммуникативного акта [7, с. 26]. Именно в рамках текста в широком смысле этого понятия должно проводиться вычленение специфи-

ки реализации различных языковых средств, соотносимых как с предметно-логическим базисом текстовой реальности, так и с индивидуально-субъективным планом, который включает интенциональность продуцента/реципиента и сложную систему взаимосвязанных субъективно-личностных смысловых структур, выстраиваемых на основе концептуально-валерных систем контркоммуникантов. Выяснение номинативных смысловых возможностей, валерности и «удельного веса» констант субъективности, ситуативности и интенциональности субъективного непосредственно связано с решением множества задач, в том числе и такой значимой, как выявление общих принципов функционирования эмотивно-значимых лексических единиц в речевой коммуникации. В этой связи особый интерес представляет собой изучение номинативных возможностей междометных и релятивных конструкций в тексте, ведь общепризнанным является диалектическое единство номинации и коммуникации в качестве основы структуры смыслопорождения в высказывании.

Закономерно предположить, что некоторый обобщенный смысл формируемый на базе имманентных нозм, актуализируемых в ситуации речевой коммуникации, присущий самостоятельным полнозначным частям речи, несколько в иной форме присутствует и у междометных и релятивных конструкций – эта форма не номинативна, но, безусловно, «экспрессивна». Под данным понятием мы имеем ввиду то, что рассматриваемые конструкции хотя и не называют, но вербально выражают этот обобщенный смысл. Междометия и большинство конструкций с релятивно-ситуативным значением не обладают четко выраженными грамматическими категориями, междометия, например, являются вообще не изменяемой частью речи. Чаще всего они не выступают ни членом предложения, ни являются опорной стержневой лексемой в высказывании, их сочетаемость абсолютно особого рода, однако в создании эмотивного фона высказывания и текста в целом они играют значительную роль. Совершенно неправильным было бы считать, что междометия не несут синтаксической нагрузки и выступают в высказывании изолированно, за его пределами, или же заменяют собой высказывание. Общий смысл междометных конструкций и является той основой, которая обуславливает их употребление в коммуникации в качестве общепринятых и предельно понятных языковых средств построения эмотивного высказывания. Как подчеркивает С. Н. Бредихин

в своих работах: «...алгоритмы действия со всеми элементами смысла, способ реагирования на все текстовые средства изменяются в процессе герменевтического акта понимания, данный процесс происходит при имманентном изменении статуса и компонентного состава метаядиниц...» [3, с. 458], а значит и общий смысл междометных и релятивных конструкций, равно как и их номинативные способности могут быть реализованы по определенным «схемам действия», но в нашем случае в данные схемы и алгоритмы включается составляющая эмотивной ситуации.

Но необходимо отметить, что смысловая организация рассматриваемых единиц отлична от лексики с денотативным значением, здесь проявления сугубо субъективные и ситуативные. Значение междометий и релятивных конструкций коннотативно, оно всегда предполагает субъективной выражение отношения продуцента речи к объективной или рефлексивной реальности, всегда реализует как эксплицитное, так и имплицитное присутствие в акте коммуникации говорящего и слушающего, характеризует проявления эмотивно-аксиологической, апеллятивно-интеллективной, хезитативной компонент реактивного речевого поведения в конкретных речевых ситуациях. Смыслы рождаются по-новому в конкретной речевой ситуации с конкретными эмотивными характеристиками и с опорой на интенционально-ситуативные факторы «...в данном случае уже от продуцента зависит выбор оптимальных стратегий порождения рефлексивных актов у реципиента, возможность дать ему с помощью определенных маркеров нужные «схемы действия», снабдить умением применять правильные акты интендирования, пробудить в нем способность к ... пониманию, которое и вскроет все смысловые грани декодируемого...» [4, с. 57–58].

При этом существует определенный ряд междометных конструкций, обладающих вполне определенным значением, при помощи подобных релятивов продуцент высказывания эксплицитно кроме общего эмотивного фона и непосредственное, но всегда субъективное, понятие о вербализуемой эмоции. Другой ряд междометий, обладающих неопределенным значением и возможностью быть соотносенным с практически любой эмотивной ситуацией, проходит процесс привязки к определенному эмоциональному состоянию декодируемому реципиентом в результате нозматической конкретизации в процессе восприятия речи.

Например, в высказывании:

*«With all those degrees, honours, lectureships between him and the scribblers he suspected instantly an atmosphere not favourable to his queer compound; his prodigious learning and timidity; his wintry charm without cordiality; his innocence blent with snobbery; he quivered if made conscious by a lady's unkempt hair, a youth's boots, of an underworld, very creditable doubtless, of rebels, of ardent young people; of would-be geniuses, and intimated with a little toss of the head, with a **sniff-Humph!** – the value of moderation; of some slight training in the classics in order to appreciate Milton. [9, с. 73] – При всех своих степенях, отличиях, курсах он привык мгновенно чутать в писаках то, что было враждебно удивительно сложному его составу; непомерной учености и робости; холодному, без доброты, обаянию; чистоте, замешанной на снобизме; он весь трясся, когда нечесанные волосы студентки, нечищенные башмаки юнца напоминали ему о мире – весьма завидном, бесспорно – деклассированных, мятежных, буйных, уверенных в собственной гениальности, – и легким подергиванием головы, **хмыканием – хм!** – он намекал на пользу умеренности; кое-каких познаний в области классики для понимания Мильтона» [5, с. 79].*

Несмотря на вариативность репрезентации интеллектуального эмоционального хезитатора, связанного, прежде всего с вторичностью эмотивных характеристик разговорных элементов в лексеме **sniff-Humph**, некоторые эмотивные смыслы достаточно четко могут распознаваться в качестве выраженных не только в лексической форме, как междометия и релятивные конструкции, но также в общей канве произведения, как и в форме композиционно-речевого построения. В данном случае четко прослеживается номинативный характер междометной конструкции с помощью частеречной транспозиции и введения в высказывание его в качестве субстантивированного дополнения. Определяя общую коммуникативную функцию данной конструкции, можно говорить о производном эмоциональном междометном субстантиве с аппелятивно-побудительной семантической компонентой, вербализованной в ближайшем горизонтальном контексте, и затемненной эмоционально-оценочной нозматической нагрузкой.

Необходимо подчеркнуть, что для достижения высокой степени прагматичности субъективно-авторских эмотивных, апеллятивных и других обертонов смысла важнейшим условием является функциональное единство фор-

мальной организации текста в соответствии с представляемой эмотивной ситуацией, что в эмотивном тексте чаще всего проявляется во взаимопроникновении и совместном функционировании разноструктурных составляющих целого ряда кодов, которые реализуются в повествовании в трех информационных рядах: «функциональную специфику этих образований в дискурсе можно сравнить с ролью паролей и кодировок в некоторых базах данных, разгадать которые у реципиента нет никакой возможности, а потому он должен из с помощью имеющегося у него кода «взломать»» [1, с. 118], а код реципиенту предоставляется самим автором, тем эмотивным фоном текста как целого, который имманентно присущ каждому произведению.

Из данного положения следует, что эмотивность в процессе интерпретации и вербализации эмотивной ситуации в тексте представлена во множестве форм универсалий текстового пространства, так и в способах стилевой адаптации разговорных нейтральных, инвективных и интеръекционных единиц. Оговоримся, что некоторые исследователи, определяя статус междометных конструкций и релятивов, выявляют типы эмоциогенных ситуаций и рассматривают их (ситуации) непосредственно как явления номинации [8, с. 8], однако на наш взгляд подобное рассмотрение слишком поверхностно. Коммуникативность эмоционального характера в каждом конкретном случае может быть расценена как центральное либо факультативное качество целостного текста, а эмотивность представлена в качестве некоей частной категории репрезентируемой в пределах общей коммуникативной канвы текстовой реальности и представляющей собой особую универсальную прагматическую доминанту в процессе рецепции и декодирования эмотивного текста.

Именно возможность распределечивания ситуативно-психологического экстралингвистического контекста в процессе восприятия высказывания с междометными и релятивными конструкциями дает анализируемым языковым единицам возможность реализовывать в широком смысле номинативную функцию, т.е. являться номинантом нерасчлененных ситуативных номинаций, которые в качестве референта имеют эмотивную микроситуацию. Подобные нерасчлененные контекстуально-ситуативные номинации можно рассматривать в качестве производных по отношению к ядерным номинациям полнозначных частей речи, они характеризуются наиболее высокой степенью связности и имманентной неспособ-

ностью к обозначению объектов высказывания вне рамок контекста или другого объекта, что, по сути, сближает их с десемантизированными существительными, которые в отличие от междометий все же имеют номинативные характеристики предметности. «многомерный смысл ... высказывания... имеет в качестве базовых интерпретативных характеристик вертикальный контекст и интенциональную амфиболию, для порождения из ограниченного набора нозм периферии, нозм-доминант и нозм-культурных-основ путем актуализации тех или иных узловых элементов абсолютно новых неузуальных понятий ...» [2, с. 170].

Интересен с точки зрения нетривиальной актуализации периферийных нозм следующий пример:

Hunted out of existence, maimed, frozen, the victims of cruelty and injustice (she had heard Richard say so over and over again)-no, she could feel nothing for the Albanians, or was it the Armenians? but she loved her roses (didn't that help the Armenians?) – the only flowers she could bear to see cut. But Richard was already at the House of Commons; at his Committee, having settled all her difficulties [9, с. 49]. – Гонимые, преследуемые, истязаемые, окоченелые, жертвы жестокости и несправедливости (Ричард сто раз говорил), нет, ей совершенно безразличны славяне – или армяне? Зато розы ей радуют сердце (ведь и для армян эдак лучше, не правда ли?) – единственные цветы, которые не противно видеть срезанными с куста [5, с. 61].

В данном примере релятивной конструкцией десемантизированной в контекстном употреблении вербализуется апеллятивно-интеллективная функция аллюзии к фоновым знаниям коммуникантов, а в более широком контексте и к читательской аудитории в плане развертывания эмотивной ситуации, для чего избрана

форма вставной конструкции *didn't that help the Armenians?* в форме риторического вопроса, при этом в ближайшем контексте достаточно четко эксплицируется и ситуативная константа смыслопорождения. В контексте эмотивной ситуации рассуждений сохраняется и форма спутанности и неопределенности мысли, как говорит сам автор оригинального текста, следует анализировать мельчайшие кванты мысли так, как они актуализируются в сознании, именно в том порядке, в каком происходит эта актуализация, необходимо пытаться выявить ту структуру, в рамках которой весь перцептивный опыт был запечатлен в сознании, несмотря на его кажущуюся разрозненность и бессвязность [6, с. 211].

Процесс вербализации, инкодирования и рецепции, декодирования и интерпретации эмоциональных смыслов, реализуемых в высказывании с использованием междометных и релятивных конструкций является специфической моделью, в которой на каждом конкретном этапе процесса восприятия, интерпретации и репрезентации эмотивной ситуации происходит трансформация структуры семного и нозмного состава исследуемых единиц, их номинативность представляет собой особую контекстуально-субъективно связанную категорию, рождающую предельно привязанный к эмотивной ситуации, но при этом в большинстве случаев универсально понятный и обладающий предельно выраженными возможностями к распрямлению смысла. В каждом конкретном случае при создании или воссоздании эмотивного высказывания реципиент и продуцент находятся в конкретном ситуативно-психологическом экстралингвистическом контексте и вынуждены вовлекать в сферу интерпретации возможности как общей языковой системы, так и личностную когнитивно-валерную систему.

Источники и литература

1. Бредихин С. Н. Смыслотворчество как определяющая трансформация суперструктуры смысла при рецепции философского дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 118–122.
2. Бредихин С. Н. Трансляционные возможности символа и языковой игры: интерпретативное смыслопорождение // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. №6. С. 167–170.
3. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. С. 458.
4. Бредихин С. Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. №3(44). С. 54–58.
5. Вульф В. Миссис Дэллоуэй. СПб.: Лениздат, Команда А, 2012. 224 с.
6. Вулф В. Избранное. М., Художественная литература, 1989. 560 с.
7. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.
8. Полищук Н. В. Номинативный статус междометных фразеологических единиц современного английского языка и особенности их контекстного употребления: автореф. ... дисс. канд филолог. наук. М.: Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. М. Топеза, 1988. 23 с.
9. Woolf V. Mrs. Dalloway. Ware: Wordsworth Editions, 1996. 160 p.

References

1. Bredikhin S. N. Smyslotvorchestvo kak opredelyayushchaya transformatsiya superstruktury smysla pri retseptsii filosofskogo diskursa (*Sense creation as determining sense structure transformation within philosophic discourse reception*) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. No. 3. P. 118–112. (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Translyatsionnye vozmozhnosti simvola i yazykovoy igry: interpretativnoe smysloporozhdenie (*Symbolic and language game translation possibilities: interpretative sense derivation*) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2013. No. 6. P. 167–170. (In Russian).
3. Bredikhin S. N. Skhemopostroyeniye v ramkakh metaedinits germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii (*Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation*) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. No. 4. P. 458. URL: www.science-education.ru/118-13920. (In Russian).
4. Bredikhin S. N. Konstanty intentsial'nosti, sub'ektivnosti i modal'nosti v germenevticheskom ponimanii smysla (*Constants of intentionality, subjectivity and modality in hermeneutical conception of sense*) // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015. No. 3 (44). P. 54–58. (In Russian).
5. Woolf V. Mrs. Dalloway. St. Petersburg: Lenizdat, Komanda A, 2012. 224 p. (In Russian).
6. Woolf V. Izbrannoe (*Selection*). Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 560 p. (In Russian).
7. Kolshanskiy G. V. Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka (*Communicative function and language structure*). Moscow: LKI publ., 2007. 176 p. (In Russian).
8. Polishchuk N. V. Nominativnyy status mezhdometnykh frazeologicheskikh edinit sovremennogo angliyskogo yazyka i osobennosti ikh kontekstnogo upotrebleniya (*Nominative status of the interjectional phraseological units in modern English and peculiar properties of their contextual performance*): abstract of thesis. Moscow, 1988. 23 p. (In Russian).
9. Woolf V. Mrs. Dalloway. Ware: Wordsworth Editions, 1996. 160 p.

РЕЦЕНЗИИ

Башиева С. К. Милостивая А. И. Прагматическая синергетика газетного нарратива / под ред. Р. С. Аликаева. Ставрополь: Параграф, 2016. 172 с.

В современной языковедческой парадигме к перспективным направлениям относятся комплексные исследования, опирающиеся на достижения лингвокультурологической, когнитивной и синергетической традиции. Научное мышление характеризуется при этом расширением диапазона лингвистических изысканий вплоть до уровня текста, дискурса и нарратива как высших реалий языка. То же самое относится и к изучению СМИ, которое также развивается в русле вышеуказанных традиций. Монография выполнена в рамках данных перспективных направлений в лингвистике, а потому ее проблематика является актуальной.

Монографическое исследование А. И. Милостивой, посвященное изучению актуальных проблем современной лингвистики – тексту, дискурсу и нарратива, выполнено с позиций современной лингвистической парадигмы, предполагающей комплексный подход к объекту исследования. На фоне достаточно большого количества работ по другим аспектам газетного текста автор обратил внимание на пока еще малоизученный прагматический потенциал нарратива СМИ, что определяет актуальность исследования.

Исследователь предпринимает попытку на основе комплексного структурно-когнитивного анализа выявить особенности нарративного текста в пространстве политического и экономического дискурса, которые на данном этапе являются одним из самых распространенных в современном социуме. Это обусловило научную новизну монографии.

Проблемы изучения синергетики и прагматики текста вряд ли когда-либо утратят свою актуальность, тем более в ракурсе исследования текстов СМИ. Большой исследовательский интерес представляет в этом плане проблема нарративности текста, диалектического единства симметрии и асимметрии. Являя собой единство противоположностей, категория симметрии / асимметрии приобретает статус текстовой категории, обеспечивая энергетический синтез текста и его синергетический потенциал.

Bashieva S. K. Milostivaya A. I. The Pragmasynergetics of Newspaper Narrative / edited by R. S. Alikaev. Stavropol: Paragraph-print, 2016. 172 p.

Эта проблематика чрезвычайно актуальна для анализа масс-медийного нарратива, так как единство компонентов данной бинарной оппозиции проявляется на уровне экспликации идеологической модальности сообщаемого. В этом плане обращение А. И. Милостивой к проблеме асимметрии в нарративе СМИ можно считать чрезвычайно актуальным и востребованным.

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением к анализу широкой палитры современных немецкоязычных надрегиональных и региональных газет. Авторская картотека, выделенная методом сплошной выборки, вполне репрезентативна, а представленные в работе интерпретации убедительны и валидны для анализа текстов газет. Репрезентативная эмпирика позволила автору прийти к достоверным и верифицируемым результатам анализа. В монографии А. И. Милостивой реализован один из наиболее плодотворных подходов к изучению нарратива – комплексный прагматический подход, предусматривающий исследование повествовательного текста в интегрированном поле двух областей языкознания – прагматической и синергетики языка. Рецензируемая монография посвящена исследованию возможностей представления в прагматической логике события, смысла и коммуникативного субъекта в нарратологической перспективе газетного дискурса.

В первой главе «Газетный нарратив как когнитивно-дискурсивное событие» исследователь фокусирует своё внимание на делимитации текста, дискурса и нарратива, типологизации систем тестового нарратива СМИ в аспекте их интеракции с социокультурной и пространственно-временной хронотопной средой, исследовании жанровой детерминации степени нарративности газетного текста и демаркации границ газетного нарратива. Для решения данных задач от автора потребовались языковая интуиция, умение фиксировать «живые» лингвистические процессы и делать обобщающие выводы.

Избрав объектом исследования газетный нарратив, а предметом – его прагматическо-энергетические особенности, прежде всего в плане изображения события, смыслопорождения как производных кооперативной деятельности различных субъектов СМИ, А. И. Милостивая определила совокупность исследовательских задач, решение которых позволило обобщить научные факты и прийти к конкретным выводам об особенностях языковых и когнитивных параметров газетного текста, рассматриваемого в рамках теории аутопойзиса.

Важной представляется мысль автора рецензируемой монографии о критериях различения ключевых лингвистических объектов в современной парадигме – текста, дискурса и нарратива, которые связываются в данной работе с соотношением материального и идеального начал в их структуре, семантике и языковой ткани (раздел 1.1).

Научный интерес представляют наблюдения и выводы автора монографии в отношении выделения трех основных типов нарративных структур в прессе с точки зрения их физической континуальной демаркации: серии текстов как газетного нарратива, текста как эквивалента газетного нарратива, текста как серии нарративов (описаний событий) (раздел 1.2).

Убедительно звучит вывод автора о существовании границ нарратива в СМИ, которые устанавливаются с помощью единого пространственно-временного континуума повествования и неделимого нарративообразующего событийного ядра (раздел 1.3).

Автор дает детальную характеристику жанровой детерминации степени нарративности газетного текста (раздел 1.4), выделяя нарративные характеристики информационных, аналитических и художественно-публицистических жанров прессы, причем эти нарративные маркеры более рельефно манифестируются в следствие доминирования «сериального» ряда среди газетных публикаций при освещении единого события, о котором повествуется в нарративном континууме масс-медиа.

Детальностью и интересными лингвистическими наблюдениями отличается раздел 1.5, посвященный анализу специфики нарративного построения текста в немецкой качественной и бульварной прессе. При этом сделан упор на соотношении денотативно-фактологических и эмоционально-оценочных повествовательных тактик в указанных выше типах периодических изданий.

Теоретический интерес с позиций лингвистической синергетики и нарратологии представляет раздел

1.6, где в фокус исследовательского интереса попадает пространственно-временная структура газетного нарратива и ее потенциал в изучении прагматики акциональных субъектов прессы. При этом предлагается методика анализа физических параметров нарратива, к примеру протяженности его хронотопа, как способов получения знания об аксиологических параметрах коммуникантов.

Детальностью и интересными наблюдениями отличается вторая глава «Событие, смысл и коммуникативный субъект в нарратологической перспективе: возможности представления в прагматическо-энергетической логике», посвященная рассмотрению и обоснованию возможности комплексного прагматическо-энергетического анализа газетного нарратива. Исходным пунктом рассуждений является определение специфики прагматической лингвистики, ее эпистемологической открытости как предпосылки для реализации принципа дополнительности. О личном вкладе автора в рассматриваемую проблему свидетельствует разработанная модель аутопойзисного строения нарратива СМИ. А. И. Милостивая хорошо ориентируется в фундаментальных работах зарубежных и отечественных лингвистов, критически осваивает их концепции в ракурсе проблематики собственного исследования.

При описании гетерогенности коммуникативных субъектов и необходимости линеаризации в тексте многомерных событийных планов А. И. Милостивая использует понятие «субъект повествования». Это дало ей возможность сделать интересные наблюдения и важные заключения об особенностях линеаризации нелинейных событий в газетном нарративе с учетом синергии языковых и социокультурных факторов, которые сосуществуют в разных параллельных и пересекающихся событийных континуумах (раздел 2.1).

Обращение автора монографии к проблеме сложности акторчевой манифестации в языке и речи представляется целесообразным и плодотворным (раздел 2.2), т.к. оно предоставило возможность обоснования необходимости междисциплинарного изучения данного феномена с привлечением данных структурализма, социолингвистики, герменевтики, когнитивной науки, синергетики.

Особо хотелось бы отметить научную и теоретическую ценность раздела 2.3 об эпистемологической открытости прагматической лингвистики как аттракторе идей синергетики в ее проблемное поле. При этом постулируется зонтичный характер синергетической методологии, которая отлич-

но заполняет методологический вакуум в современной прагмалингвистике.

Значимым для теории языка считаем постулат о прагматической энергетике как варианте приложения принципа дополнительности к теории текстового нарратива, который предоставляет возможность анализа сложного взаимодействия различных участников коммуникативного акта в прессе (раздел 2.4).

Автор монографии прав, утверждая, что мультисубъектность адресанта газетного нарратива (в форме коммуникативной цепочки «заказчик» информации – редактор – журналист – редактор) аутопоэзисна, т.к. имеет место смыслогенерирование на основе уже имеющихся журналистских техник представления материала и процедур информационной селекции (раздел 2.5).

А. И. Милостивая отмечает в итоге высокую степень релевантности взаимосвязи природных и социальных аспектов коммуникативного действия в пространстве газетного нарратива на примере анализа позиционно-комбинаторной симметрии/ асимметрии при оценке аксиологического потенциала газетной информации (раздел 2.6).

Следует отметить теоретическую значимость монографического исследования, которое способно внести определенный вклад в нарратологию, прагмалингвистику текста и лингвосинергетику. А. И. Милостивая продемонстрировала глубокую теоретико-методологическую основательность, широкий научный кругозор в области лингвистики текста, синергетики, когнитологии, прагмалингвистики, теории журналистики.

Отметим, что научное изложение насыщено богатым, грамотно подобранным иллюстратив-

ным материалом, интересными наблюдениями, свидетельствующими об умении автора преломлять существующие концепции в ракурсе своей проблематики и делать обобщающие выводы. Структура работы отвечает сформулированным целеустановкам, она строго соотносится с логичной по форме и содержанию системой проведенного исследования. Монография свидетельствует о строгом терминологическом подходе автора к исследуемым явлениям в контексте различных видов знания. Собран достаточно репрезентативный фактический материал из региональных и надрегиональных, качественных и бульварных СМИ, что является свидетельством высокой степени достоверности полученных выводов. Особо следует отметить удачную попытку классификации газетных нарративов в аспекте их корреляции с описываемыми когнитивно-дискурсивными событиями.

В целом можно отметить, что монография А. И. Милостивой представляет собой завершенное самостоятельное исследование, результаты которого, а также принципы и методы анализа могут быть использованы в научно-исследовательской практике, а также в дидактических целях как материал для лекций и семинаров по интерпретации текста, нарратологии, стилистике, общему языкознанию и теории журналистики.

Следует пожелать ее автору продолжить разработку столь актуальной в настоящее время темы, теоретические и практические аспекты которой могут найти свое отражение в обобщающих трудах по нарратологии в аспекте синергетики.

Дударев С. Л. Клычников Ю. Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (историко-политологические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.

Dudarev S. L. Klychnikov Yu. Yu. North Caucasus: old problems in a new dimension (historical and political science essays). Pyatigorsk: Publishing House of the Pyatigorsk State Linguistic University, 2016. 99 p.

Новая работа известного историка-кавказоведа, д-ра ист. наук, проф. Ю. Ю. Клычникова посвящена теме, которая является одной из наиболее острых в изучении северокавказской истории и одной из самых обсуждаемых в российском обществе. Причины этого широко известны. Федеральный Центр ряд лет пытается решить одну из главных проблем, доставшихся в наследство от прошлого – «Как нам обустроить Кавказ (Северный)?». Автор стремится затронуть целый ряд самых чувствительных точек в отношениях Большой России и Северного Кавказа, невзирая на их остроту и болезненность. Именно так ещё 10 лет назад сделали В. В. Дегоев и И. Ю. Ибрагимов, чья книга прозвучала едва ли не как манифест в отношении того, что же нужно делать российским властям на Северном Кавказе. Судя по тому, о чём речь идет в книге Ю. Ю. Клычникова, дело пока заметно не сдвинулось с прежней точки, хотя власть и видит существующие проблемы.

В данной рецензии невозможно остановиться на всех аспектах данной книги, поэтому мы коснемся только наиболее принципиальных моментов темы.

Целый ряд страниц исследования посвящён проблемам роста социальной архаики, этнокланократии, демодернизации, дерусификации Северного Кавказа, массовой безработицы, миграции его населения в Большую Россию, несостоятельности ряда действий местного (и фактически – центрального) руководства по обеспечению перспективного решения социальных проблем региона за счёт его внутренних ресурсов, роста экстремизма и терроризма, радикальных настроений и учений (салафизм, ваххабизм), идеализации прошлого в части героизации сопротивления усилиям России (в разном обличье) по интегрированию горцев в свои структуры и т.п. Исследователь, разумеется, в курсе той реакции, которую «выдаёт» общественность и некоторые научные круги Большой России в ответ на проявления динамики активности кавказцев, которая рядом исследователей уже была оценена как своеобразное продолжение «набеговой системы» XIX в., с учётом, разумеется, современных социополитических и экономических реалий. Соглашаясь с автором в части

тех или иных прозвучавших оценок и нюансов анализа, заметим, что они в целом согласуются с современным научным «мейнстримом» (см. библиографию книги, а также прим.2), т.е. вписываются в общий историографический контекст темы.

Ю. Ю. Клычников стремится вникнуть в личностные аспекты региональных проблем, в том числе связанных с ролью в современных событиях на Северном Кавказе и в России в целом Р. А. Кадырова. Он верно отмечает тенденцию к росту личной власти региональных лидеров, выстраиванию властной вертикали, в основе которой, в частности, лежит принцип личной преданности, служащий критерием для кадрового отбора. Ставка на «лояльных управленцев» – один из современных политических трендов России. В этом специалистам видится одна из черт «новой феодализации» в современной России. То же самое мы наблюдаем и в высших эшелонах власти. В целом российская властная вертикаль сегодня выстроена в виде пирамиды, краеугольным камнем которой является Президент РФ. Любая дестабилизация статуса этой персоны, которая является внутриэлитным арбитром, приведет к обрушению всей системы власти. Именно в этой связи ныне мы видим укрепление силовых инструментов центральной власти, главным из которых является Нац. (или Рос.) гвардия, которая призвана быть силовым инструментом как при урегулировании возможных внутрисоциальных конфликтов, так и противовесом т.н. ЧОПам (=частным армиям), численность которых в два раза превышает регулярную российскую армию. Иное дело, что в сложившейся ситуации на Северном Кавказе ставка Центра на конкретную фигуру обусловлена отсутствием других эффективных рычагов влияния и поэтому может быть признана временно оправданной.

Не обойдена Ю. Ю. Клычковым и проблема т.н. «Кавказской войны». Стойкое внимание к ней, имеет, безусловно, политическую подоплеку, о чём верно пишет автор. Вопрос, однако, и в том, что тема сопротивления российскому оружию имеет и тесную связь с национальным самосознанием, как один из главных «строительных кирпичей» в его фундаменте. Ответ на вопрос о том, почему же «комплекс джиги-

та» по-прежнему нерушим, лежит в плоскости того, что горцы не лишились своего «цивилизационного кода» в процессе огосударствления. «Российскость» как особая социокультурная сфера, представленная в дискурсе тех ученых, которые видят, прежде всего, позитивные стороны взаимодействия Северного Кавказа и Большой России (Школа В. Б. Виноградова и идейно близкие к ней специалисты), позволила горцам вписаться в государственные структуры Большой России, интегрироваться в них. Но при всём том мировосприятие горских народов, их система ценностей во многом основаны на кавказской маскулинности. Её важной составной частью и является героика борьбы с российскими войсками в первой половине XIX в. Она неотъемлема от имиджа настоящего мужчины, джигита, того, кого, например, в чеченской традиции называют «ях йолу клант» — честь имеющий молодец. И в этом нет ничего противоестественного, поскольку данная борьба была связана с отстаиванием свободы в старинном её понимании (неподчинении любой власти, кроме власти традиций, старейшин, ношении оружия, совершении набегов на ближних и дальних соседей, кровной мести и т.п.). Но такая свобода, как оказалось, была несовместима не только с российскими имперскими порядками, но и с установлениями имамата Шамиля. При этом традиции, заложенные имамом, при всей неприемлемости ряда из них для многих жителей этого государственного образования, не имевшего корней в горской историко-культурной и социальной традиции, и, казалось бы, искусственно надстроено над ней (как затем российские и советские порядки), тем не менее, как убеждены ныне в Дагестане, повлияли на оформление современной дагестанской идентичности. Вряд ли это случайно. Еще такие российские авторы XIX в. как барон К. Ф. Сталь и генерал Р. А. Фадеев писали о выдающейся роли мюридизма и имамата Шамиля для огосударствления горцев, уничтожавших у них «хищничество», междоусобицы и независимость горских обществ, подчинивших их верховной власти. Важно заключение К. Ф. Сталя о том, что мюридизм «со временем облегчает нам усмирение гор».

Возвращаясь же к «российскости», укажем на то, что она не разрушила «самости» и «иммунности» основ горского уклада, базирующегося на исламе, явившемся тем цементом, который прочно скрепил социальные и культурные основы горских социумов и выражает их главные чаяния. А эта религия в её традиционном суннитском оформлении, терпящем кри-

зис в России, сейчас испытывает сильнейшее давление со стороны фундаментализма. И виноваты в этом не только внешние факторы, но, прежде всего, внутрисоциальная ситуация в стране, находящаяся на критической грани.

Нам импонирует мысль Ю. Ю. Клычникова о том, что «Кавказская война» была сложнейшим и многовариантным модернизационным процессом, приведшим к вхождению в состав России, которая олицетворяет попытку уйти от тупиковой ситуации «Кавказской войны историографий». Тем не менее, нужно указать на то, что события XIX в. были, скорее, началом поворота к модернизации, нелегкого приспособления к российской «гражданственности». Модернизация же свершилась уже в советскую эпоху и выразилась в распространении поголовной грамотности, усвоении русской письменности и национального алфавита, основанного на кириллице (хотя были и попытки его латинизации), совместном обучении мальчиков и девочек, формировании национальной интеллигенции, пролетариата (с известной спецификой и оговорками), развитии промышленности, сельского хозяйства, основанных на современной индустриальной базе, и т.п. В дореволюционный период ко всему этому были сделаны только первые шаги. Впрочем, выше уже фактически говорилось о том, что данная модернизация не имела необратимо прочных корней в местных обществах, и сегодня мы наблюдаем лавинообразный рост архаики. Возможно, что нынешнее внутреннее положение северокавказских республик является своеобразным вариантом того, что мы видим на Ближнем Востоке, где хайтек (в нашем регионе можно говорить только о его отдельных элементах) сочетается со средневековыми порядками, в том числе, самыми мрачными.

Важен и затронутый Ю. Ю. Клычковым вопрос о персонификации событий «Кавказской войны». Фигуры её знаковых участников с обеих сторон весьма популярны в регионе. Закономерно, и об этом пишет автор, что имам Шамиль и его сподвижники остаются героями, противостоявшими России (см. выше). Но столь же понятно и стремление русской части северокавказской аудитории возвысить роль А. П. Ермолова и др. И дело не в том, что ей-де владеют шовинистические настроения. Если одна часть общества Северного Кавказа имеет кумиров, то другая также должна ими располагать. Ибо если заклеить А. П. Ермолова, А. А. Вельяминова, Г. Х. Засса, Н. И. Евдокимова и мн. др. в качестве «кровавых палачей» и т.п., то получится, что российский Северный

Кавказ – это творение поработителей горских народов (которые, тем не менее, получили от России новые науку, просвещение, культуру, позволившие подняться на новый исторический уровень). Как в таком регионе жить русским? Бесконечно каяться за «преступления» своих предков? Но это значит поставить себя в положение «вечно виноватых». На такой основе Российского Северного Кавказа XXI в. не построить. Мудро поступили в г. Мехико, где на одной из площадей установлена мемориальная доска, надпись на которой гласит, что приход завоевателей с Иберийского полуострова в Америку не должен считаться ни победой, ни поражением, а мучительным рождением сегодняшней Мексики.

Одним из ключевых блоков проблематики т.н. «Кавказской войны» является тема мухаджирства и «геноцида» адыгов как интегральная для черкесского вопроса. Вина за эти события, как отмечает автор, возлагается теми или иными кавказоведами, а также адыгской общественностью «преимущественно на царскую (русскую) власть». Данная тема многократно затрагивалась в печати и в сети Интернет, особенно в связи с Сочинской Олимпиадой. Нет нужды в том, чтобы вновь подробно касаться этого вопроса. Мы убеждены, что причины мухаджирства были связаны с целым рядом причин как внутриадыгского, так и внешнеполитического (по отношению к их сообществам) характера, которые хорошо известны. К внутренним причинам мы недавно отнесли и такое парадоксальное обстоятельство, как слабый уровень исламизации адыгского общества. Сыграли также свою трагическую роль форсмажорные обстоятельства, над которыми была не властна ни одна сторона (лавинобразное движение масс горцев в Османскую империю). Они удивительно напоминают нам самопроизвольное возвращение чеченцев и ингушей на историческую родину после восстановления государственности этих народов. Совершенно правомерное стремление вайнахов на родную землю было стихийным, обвальным, не подготовленным властями и никакими не контролируемым. В результате жестоко пострадали те, кто жил на землях чеченцев и

ингушей в 1944–1957 гг., будучи неповинными в антигуманных деяниях сталинизма.

Автор абсолютно прав в том, что в таком деле, как изучение и пропаганда конструктивного взгляда на историю, огромную роль играют НИИ, существующие в национальных республиках, но отсутствующие в Ставропольском и Краснодарском краях. Пренебрежение интеллектуальными ресурсами этих субъектов для решения острейших вопросов идеологической, воспитательной работы с населением Северного Кавказа – это огромное упущение местных властей, которые не осознают роли воспитания историей в обществе. Между тем, в современном европейском сообществе убеждены (и это подтверждено на практике), что через преподавание истории и других гуманитарных наук (другими словами, через смену культурных кодов) прививаются ценности и поведенческие установки, которые влияют на социально-экономическое и т.д. развитие.

В русле сказанного примечательно, что книга Ю. Ю. Клычникова открывает новый научный сериал, именуемый «Известия Кавказоведческой научно-педагогической Школы В. Б. Виноградова», как продолжение деятельности известного на Северном Кавказе и в России сообщества ученых, немало сделавшего для пропаганды идей русско-северокавказского историко-культурного и политического единства.

Работа Ю. Ю. Клычникова завершается конкретными предложениями руководству СКФО, руководителям его краёв и областей о развитии исторической науки на Северном Кавказе как эффективного инструмента воздействия на сознание наших современников.

Высоко оценивая в целом книгу данного автора полагаем, что она внесет свой вклад в дело укрепления российской государственности в регионе. Кому-то, возможно, покажется, что Ю. Ю. Клычников высказался о болевых точках данной проблемы излишне резко. Но уже давно настала пора называть вещи, имеющие место в регионе, своими именами, для того чтобы обнажить всю подноготную накопившихся проблем. Уместно напомнить читателям высказывание П. Я. Чаадаева: «Я не умею любить свою Родину с закрытыми глазами и закрытыми ушами».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аликова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / koraeva1979@yandex.ru.

Атарщикова Елена Николаевна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / kafedra-04@yandex.ru.

Атмачёв Сергей Игоревич – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России (Ставрополь) / colonel-asi@yandex.ru.

Бабаянц Владимир Аванесович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / TUvlad@yandex.ru.

Бабаянц Владислав Владимирович – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / r.rabotnik2012@yandex.ru.

Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик) / bfo-pdo@mail.ru.

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bredichinsergey@yandex.ru.

Бублик Евгения Викторовна – аспирант кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Shpak-ev@rambler.ru.

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bul.tamara2011@yandex.ru.

Бычко Марина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / marina.bichko@yandex.ru.

Вагабова Эсмירה Рагим Гызы – доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан) / esmira.vahabova@mail.ru.

Великая Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / velikaya55@mail.ru.

Галкина Елена Вячеславовна – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / galkina_e@mail.ru.

Гойбасханов Абдулхалим Абдурашидович – аспирант Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / aspirantura@pglu.ru.

Головко Вячеслав Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vmgolovko@mail.ru.

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / violetta-sgy@mail.ru.

Гущян Лусинэ Степановна – научный сотрудник высшей категории Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) / medievist@yahoo.com.

Демьянов Евгений Викторович – председатель избирательной комиссии Ставропольского края, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / demyanov75@rambler.ru.

Дзуцева Диана Муссаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (Владикавказ) / kacdiana@yandex.ru.

Дмитриев Владимир Александрович – доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея, доцент кафедры этнографии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург) / Dmitriev_home@mail.ru.

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / dudarev51@mail.ru.

Елдинов Олег Александрович – аспирант института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / olegeldinov@yandex.ru.

Ермоленко Людмила Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / gutik77@bk.ru.

Заборовский Виктор Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Ужгородского национального университета (Ужгород, Украина) / zaborovskyvictor@rambler.ru.

Задорожнюк Элла Григорьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (Москва) / elzador46@mail.ru.

Зверева Елена Александровна – начальник отдела надзора и контроля в сфере образования министерства образования и молодежной политики Ставропольского края (Ставрополь) / zvereva@stavminobr.ru.

Кабалоева Анжела Таймуразовна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (Владикавказ) / akabaloeva@yandex.ru.

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kolesnikovam@rambler.ru.

Краснова Ирина Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / gorward_@mail.ru.

Кудрявцев Александр Абакарович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / vshistory@mail.ru.

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт) (Орехово-Зуево) / sergei.malovichko@gmail.com.

Маркосян Гаянэ Эмилбаровна – доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / galia22@mail.ru.

Мельникова Марина Петровна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / mp.melnikova2012@yandex.ru.

Мустапаева Аминат Дукваховна – преподаватель Гудермесского педагогического колледжа (Гудермес) / gannat_81@mail.ru.

Мухачев Игорь Владимирович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и международного права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bkmz@atrus.ru.

Оборский Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / oborskye@gmail.com.

Пономарев Евгений Георгиевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой истории и права Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / PonomarevE@yandex.ru.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ptiandr@gmail.com.

Савелло Елена Викторовна – доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / elena.savello@mail.ru.

Свивальнев Роман Алексеевич – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bigrezen@mail.ru.

Серебрякова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / svetla.na@mail.ru.

Скиррипа Пино – профессор Отделения Истории, Культур, Религий (Dipartimento di Storia, Culture, Religioni) Университета La Sapienza (Рим, Италия), директор Представительства итальянской этнологии в Тиграи – Эфиопии, директор Представительства итальянской этнологии в Гане / pino.schirripa@uniroma1.it.

Суряев Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь) / sverbihin7@mail.ru.

Тельменко Елена Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / teilman@mail.ru.

Тер-Гевондян Ваан Арамович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник института Истории НАН Армении (Ереван, Армения) / vterghevon@gmail.com.

Шандулин Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / shandulin@yandex.ru.

Шибкова Оксана Сергеевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей (Ставрополь) / r-inyaz-nat@mail.ru.

Яковлева Евгения Викторовна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / evgeniyaviktorovnast@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Alikova S.** – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Languages for Humanitarian and Natural Science Specialities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kopaeva1979@yandex.ru.
- Atarschikova E.** – Doctor of Law, Head of Chair of Theory and Methods of Teaching Historical and Philological Disciplines, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / kafedra-04@yandex.ru.
- Atmachiov S.** – PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Chair of State and Civil Law Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch) / colonel-asi@yandex.ru.
- Babayants V.** – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Foreign Languages for Humanitarian and Natural Science Specialities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / TUvlad@yandex.ru.
- Babayants V.** – Senior Lecturer, Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting, North Caucasus Federal University (Stavropol) / r.rabotnik2012@yandex.ru.
- Bashieva S.** – Dr. of Philology Sciences, Head Chair of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkar State University (Nalchik) / bfo-pdo@mail.ru.
- Bredikhin S.** – Dr. of Philology Sciences, Associate Professor, Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting, North Caucasus Federal University (Stavropol) / bredichinsergey@yandex.ru.
- Bublik E.** – Post Graduate, Chair of National and World Literature of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / Shpak-ev@rambler.ru.
- Bulygina T.** – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Russian History, North Caucasus Federal University (Stavropol) / bul.tamara2011@yandex.ru.
- Bychko M.** – PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Chair of Civil Law and Processes, North Caucasus Federal University (Stavropol) / marina.bichko@yandex.ru.
- Demyanov E.** – Chairman of Stavropol Election Commission, Senior Lecturer, Chair of Constitutional and International Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / demyanov75@rambler.ru.
- Dmitriev V.** – Dr. of Historical sciences, Research associate, Department of the Caucasus and Central Asia, Russian Ethnographic Museum, associate professor, Ethnography department, Institute of History (St. Petersburg) / Dmitriev_home@mail.ru.
- Dudarev S.** – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / dudarev51@mail.ru.
- Dzutseva D.** – PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Chair of Civil Law and Processes, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University) (Vladikavkaz) / kacdiana@yandex.ru.
- Eldinov O.** – Post Graduate, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / olegeldinov@yandex.ru.
- Ermolenko L.** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / gutik77@bk.ru.
- Galkina E.** – Dr. of Political Science, Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / galkina_e@rambler.ru.
- Golovko V.** – Dr. of Philology Sciences, Professor, Chair of National and World Literature, North Caucasus Federal University (Stavropol) / vmgolovko@mail.ru.
- Goybaskhanov A.** – Post Graduate, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / aspirantura@pglu.ru
- Gryaznova V.** – Dr. of Philology, Professor, Chair of Russian language, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / violetta-sgy@mail.ru.
- Gushchian L.** – Scientific associate, Russian ethnographic museum (St. Petersburg) / medievist@yahoo.com.
- Kabaloeva A.** – Senior lecturer, Chair of Civil Law and Processes, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University) (Vladikavkaz) / akabaloeva@yandex.ru.
- Kolesnikova M.** – Dr. of Historical Sciences, Head of Russian history Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam@rambler.ru.
- Krasnova I. A.** – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / gorward_@mail.ru
- Kudryavtsev A.** – Dr. of Historical Sciences, Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / kaa0210@yandex.ru.

Malovichko S. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of History, State Humanitarian Technological University (Moscow Region State Institute of Humanities) / sergei.malovichko@gmail.com.

Markosyan G. – Associate Professor, Chair of Foreign Languages for Technical Specialties, North Caucasus Federal University (Stavropol) / galia22@mail.ru.

Melnikova M. – PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Chair of Civil Law and Processes, North Caucasus Federal University (Stavropol) / marina.bichko@yandex.ru.

Mukhachov I. – Doctor of Law, Head of Chair of Constitutional and International Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / bkmz@atrus.ru.

Mustapaeva A. – teacher, Gudermes Teachers College (Chechen Republic) / gannat_81@mail.ru.

Oborskii E. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / oborskye@gmail.com.

Ostankovich A. – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of National and World Literature, North Caucasus Federal University (Stavropol) / ost_av@mail.ru.

Ponomarev E. – Dr. of Legal sciences, Head of Chair of History and Law Department, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / PonomarevE@yandex.ru.

Ptitsyn A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University (Stavropol) / ptiandr@gmail.com

Savello E. – Associate Professor, Chair of Foreign Languages for Technical Specialties, North Caucasus Federal University (Stavropol) / elena.savello@mail.ru.

Serebriakova S. – Dr. of Philology Sciences, Head of Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting, North Caucasus Federal University (Stavropol) / svetla.na@mail.ru

Shandulin E. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Special Historical Disciplines and Documentation of Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / shandulin@yandex.ru.

Shibkora O. – Dr. of Philology Sciences, Head of Chair of Foreign Languages for Humanitarian and Natural Science Specialties, North Caucasus Federal University (Stavropol) / r-inyaz-nat@mail.ru.

Skirripa P. – Professor of History, Culture and Religion Department of La Sapienza University (Rome, Italy), Director of Italian office of Ethnology in Tigray – Ethiopia of Italian office of Ethnology in Ghana / pino.schirripa@uniroma1.it.

Suryaev V. – PhD in Historical Sciences, Leading Researcher, Research Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus) / sverbihin7@mail.ru.

Svival'nev R. – Post Graduate, Foreign History, Political Science and International Relations Department, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / bigrezen@mail.ru.

Telmenko E. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University (Stavropol) / teilman@mail.ru.

Ter-Ghevondian V. – PhD in Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Armenian National Academy of Sciences (Yerevan, Armenia) / vterghevon@gmail.com.

Vagabova E. – Dr. of Historical sciences, Leading researcher, Institute of History named after A. A. Bakikhanov, Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan) / esmira.vahabova@mail.ru.

Velikaya N. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / velikaya55@mail.ru.

Yakovleva E. – Senior Lecturer of Chair of the theory and practice of translation of North Caucasus Federal University (Stavropol) / evgeniyaviktorovnst@mail.ru.

Zaborovsky V. – PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Chair of Civil Law Department, Uzhgorod National University (Uzhgorod, Ukraine) / zaborovskyvikt@rambler.ru.

Zadorozhnyuk E. – Dr. of Historical sciences, Leading Researcher, Head of department of modern history of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow) / elzador46@mail.ru.

Zvereva E. – Head of the Department of Supervision and Control in Education, Ministry of Education and Youth Policy of the Stavropol Territory (Stavropol) / zvereva@stavminobr.ru.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2017. № 1

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка Н. П. Неговора
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 27.03.2017

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 27,20

Уч.-изд. л. 26,82

Бумага офсетная

Заказ 63

Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.